

Коваленко Марья
современный любовный роман

Хоккей — это целый мир со своими правилами и железной дисциплиной. И женщинам здесь не место, или всё-таки?.. А если в жизнь вмешивается случай или причуда спонсора. Неожиданно, против воли сталкивает вместе совершенно разных, казалось бы, личностей: уверенную в себе женщину и отчаянного, волевого капитана команды. Что стоит за женской самостоятельностью и сколько стоит мечта, какой привкус у настоящего наслаждения и для чего нужны слова — лишь часть вопросов, на которые предстоит ответить героям.

Коваленко Марья

Овертайм

*"Настоящий хоккеист должен видеть своих, чужих и блондинку в третьем ряду".
к/ф "Легенда N17"*

"1. Врезайся во все, что движется.

2. Врезайся во все, что не движется, пока оно не начало двигаться".

Правила хоккейной защиты

Глава 1. Пресс-секретарь

Шли последние минуты третьего периода матча. Одна из лучших команд лиги, любимчики публики и хозяева площадки, бездарно проигрывала признанному аутсайдеру всего чемпионата. Главный тренер, истратив весь свой запас ругательств, молча досматривал матч. Он уже знал, что с разницей в два очка команду не дотянет до овертайма даже упрямый, нахрапистый капитан. Начало сезона положено, и пусть бы это был тот самый "первый блин", который всегда комом. В противном случае, еще два-три таких поражения, и спонсоры помашут им ручкой. Без их поддержки клуб не осилит баснословные гонорары звездных игроков.

— Сколько у нас времени сегодня до пресс-конференции? — тренер обернулся к своему помощнику, пожилому грузному мужчине.

— Не больше часа. Вечером здесь какой-то концерт, организаторы просили поторопиться.

— Черт... Да за час, после такой игры, парни даже человеческую речь не вспомнят!

— Эдуард Станиславович, ко мне-то какие претензии? — помощник тренера развел руками. — Все вопросы к главному менеджеру и пресс-секретарю.

— Дим, так секретаря ж уволили!

— Одного уволили, другого наняли, — хмыкнул тот. — Наш Скрудж Макдак кого-то нашел, вроде как сегодня даже посчастливиться лицезреть.

— Если сам Скрудж... Ничего хорошего не жди.

— Вот-вот!

Оба мужчины, не сговариваясь, поплевали через левое плечо. Замены, даже обслуживающего персонала, в самом начале сезона — примета хуже и не придумаешь.

Табло показывало, что остались последние секунды матча. Призрачный шанс отыграться таял на глазах. Не надеясь ни на кого, капитан нещадно лупил по воротам противника. Он отчаянно пытался нащупать хоть какую-нибудь брешь в защите везучего голкипера и вколотить проклятую шайбу. Рядом без особого толка суетился огромный защитник Борис Конев. Сегодня он только мешал, заслоняя капитану обзор.

Перекрывая оглушающий шум трибун, раздалась сирена. Игроки все еще неслись по льду, словно не верили, что игра окончена. Капитан остановился последним. Зло сорвал с головы шлем и вытер рукавом пот с лица. На большее сил не осталось.

Счет один три — самое кошмарное начало сезона, которое только было в его карьере.

— Ребята, не задерживаемся, проходим в раздевалку, — помощник тренера Дмитрий Иванович Конев сочувственно похлопал каждого по плечу. — Проигрывать тоже надо уметь с достоинством.

— Иваныч, это вы своему сыну скажите! — из глубины раздевалки послышался голос капитана. — По его милости мы почти весь последний период в меньшинстве играли. Медом ему на скамейке штрафников, что ли, намазано?

— Заткнись, Таранов! — тут же огрызнулся Борис. — Сам не лучше! Или думаешь, что раз одну шайбу закатил, то уже герой?

— В отличие от некоторых, я работал не только кулаками... — капитан хищно осклабился, — но и головой.

Защитник чуть не взорвался от гнева. Вся злость, которую не удалось выпустить на противников, готова была обрушиться на сотоварища по команде. Если бы вратарь вовремя не остановил его, к пресс-конференции синяков на лицах спортсменов значительно прибавилось бы.

— Таранов, на этот раз живи. Скажи спасибо своему дружку Гагарину, — сквозь зубы процедил Борис. — Лучше бы он на площадке был таким шустрым. Тогда цены б ему не было.

Голкипер Иван Гагарин оскорбление пропустил мимо ушей. С задирой Коневым он играл не первый год, да и доля правды в словах Бориса была. Пропустить три шайбы в первой же игре — это уже чересчур. Хорошо еще, что Андрею удалось хоть как-то улучшить счет и смягчить их позор.

— Ну, как, полегчало, соколики? — помощник тренера все это время терпеливо ждал, когда общее напряжение пойдет на спад. Сам в прошлом хоккеист, он хорошо знал, что сейчас чувствует команда. — Гагарин, Таранов, Клюев, через час жду вас в зале для пресс-конференций. Не опаздывать!

— Я пас! — сухо ответил капитан. — У меня сил нет, вон Борька кулаками не намахался, он пусть и идет.

— Андрей! — Дмитрий Иванович тяжело вздохнул.

— Что, Андрей? Я уже тридцать лет Андрей, — мужчина накинул на широкие плечи полотенце. — До недавнего времени именно ваш сын был капитаном этой команды, ему с журналистами не впервой общаться, справится. А я действительно устал.

Капитан больше ничего не стал пояснять. Все мысли были о контрастном душе да о тридцати минутах хорошего массажа. Мышцы от напряжения так забились, что каждый шаг давался с трудом. Это там, на ледовой арене, в разгар схватки не чувствуешь ничего. Играешь, выкладываясь по полной, словно по венам вместо крови течет нитрометан, и вместо живой плоти — металл. Но потом за все приходит черед платить. Каждый удар о бортик, каждый болевой прием соперника, напряжение и постоянный контроль ситуации — ничто не проходило бесследно.

Он провел рукой по короткому ежику на голове и закрыл глаза. Голова гудела. То ли зрители сегодня кричали громче, чем обычно, то ли он на самом деле переутомился.

Помощник тренера снова вздохнул. Капитана он понимал, Андрей сегодня почти всю игру тянул на себе, но и характер сына мужчина знал отлично. Борис — неплохой защитник, молодой, перспективный, но общаться с репортерами не умел совсем. Куда ему до Таранова? Тот, небось, и на свет появился с буквой "К" на груди. Прирожденный лидер, когда надо, расчетливый, когда надо, сумасшедший. Скруджд наверняка до сих пор раздувается от гордости за то, что сумел увести Андрея из-под носа американцев. И вот теперь, на первой пресс-конференции сезона, без него...

— Борька, явишься вместе с Клевым и Гагариным, — помощник тренера решил на капитана не напирать. — Где зал, знаете. И это... Постарайтесь не распугать репортеров своими хмурыми рожами.

Дмитрий Иванович осмотрел суровым взглядом троих названных хоккеистов и вышел. Нужно было еще успеть поставить обо всем в известность тренера и встретить нового пресс-секретаря. Не повезло парню с первым рабочим днем, вот уж, как говорится, с корабля на бал.

Главный менеджер "Северных волков" Юрий Репин, нацепив на лицо профессиональную слащавую улыбку, приветствовал собравшихся журналистов. В глубине души он лично придушил бы добрую половину из них за скабрёзные, жиденькие тексты о команде, но непробиваемая маска радушия и благодарности прочно скрывала тайные желания молодого мужчины.

Рядом с каменными лицами сидели трое игроков и тренер Эдуард Станиславович Градский. Все ожидали начала экзекуции. Противно, досадно, но такова была жизнь. Спонсоры предпочитали публичность, а болельщики — своих кумиров. Особенно их унижение.

Пресс-секретарь задерживался. Репин поправил безукоризненный узел на галстук и лично подал сигнал к началу интервью. "Ожидание смерти — хуже самой смерти" — вспомнилась ему фраза.

Акулы пера, почуяв кровь, всей стаей набросились на своих жертв. Вопросы один противнее другого посыпались на игроков и тренера как из рога изобилия.

Щадить проигравших, какими бы они ни были чемпионами в прошлом, никто не собирался.

После седьмого вопроса даже хладнокровный и сдержанный тренер начал закипать. Похоже, репортеров ничего, кроме позора команды, не интересовало.

— Чувствую себя гладиатором на арене, — прошептал себе под нос Гагарин. Голкиперу сегодня доставалось особенно крепко.

— Нет, это не арена, это мясобойня, — проворчал бывший капитан Борис Конев.

Неожиданно дверь в конференц-зал приоткрылась. Лучезарно улыбаясь журналистам, между рядами кресел продефилировала молодая женщина. Все три игрока громко присвистнули, а главный менеджер шустро приподнялся со своего места.

— Уважаемые господа, — начал он. — Позвольте вам представить нового пресс-секретаря "Северных волков" очаровательную Анастасию Игоревну Барскую.

По залу прошел шепоток. В отличие от журналистов, игроки и тренер не проронили ни слова. Так и сидели с открытыми ртами, наблюдая, как новоявленный официальный представитель команды, поправив юбочку, заняла место у микрофона. Женщина пресс-секретарь! Впору всей команде вешать коньки на гвоздь.

— Спасибо, что хоть какого гомосека не наняли... — еле слышно успокоил коллег Гагарин.

— Её бы в помощницы к нашему массажисту, — цокнул языком сидящий рядом Конев. — И Карену работать веселей, и нам приятней.

Парни дружно прошлись оценивающими взглядами по своей новой коллеге. Длинные белокурые волосы собраны в строгий пучок, на губах алела помада кроваво-красного цвета. Простенькая на вид белая рубашка, юбка до колена да туфельки на шпильке — вроде ничего особенного, а взгляды дамочка притягивала к себе, как магнитом.

Репортеры готовы были есть из ее рук. Не прошло и десяти минут с появления этой Анастасии, как тема последнего поражения была забыта, и разговор пошел о планах на будущее и нераскрытом потенциале новых игроков.

Хоккеисты с неподдельным интересом вслушивались в грамотные и четкие комментарии красотки и поедали ее глазами. Та ничего не замечала, погрузившись с головой в интервью.

Глава 2. Первые вопросы

Остаток пресс-конференции Эдуард Станиславович Градский провел отмалчиваясь. Он уже изложил свою точку зрения на все, от проигрыша до перспектив. Сейчас тренер внимательно слушал менеджера и нового неожиданного пресс-секретаря.

Что бы кто не говорил, а главный спонсор клуба умел удивлять. Чаше неприятно. Еще немного помучившись от любопытства, Градский незаметно пнул Репина. Кое-что стоило узнать сразу. Тот, не прекращая улыбаться, обернулся и сквозь зубы произнес.

— Что такое?

— Юра, фамилия у нашей Анастасии уж больно знакомая... Ты мне по этому поводу ничего не хочешь сказать?

— Эдуард Станиславович, вы все правильно поняли, — кивнул Репин. — Племянница. Единственная.

— Так значит, она у нас Скруджмакдаковна? — протянул тренер.

— Она самая, — глаза главного менеджера загадочно блеснули.

— Эх, Юра...

— Все будет хорошо. Барский в ней уверен. Да и я кое-какие справки навел. Она таких, как твои ребята, на завтрак ест, не запивая.

— Значит все еще хуже, чем я думал...

Тренер снова глянул на худенькую блондинку и недовольно скривился. Вот только стервозной бабы им до кучи не хватало. И так игроки как с цепи сорвались, только и смотрят, как бы подставить друг дружку. А тут еще и спонсор удружил...

Сердце тренера чужло неприятности.

Андрей захлопнул дверь очередной своей временной квартиры и бросил на пол тяжелую сумку с амуницией. В плане на этот вечер было только два пункта: еда и сон. И горе тому, кто попытался бы нарушить этот план!

Разувшись, он предусмотрительно достал из кармана куртки мобильный телефон. Его стоило отключить как можно скорее. Современное средство коммуникации, может, и было придумано для облегчения жизни, но в реальности — безжалостно сжигало уйму времени и лишало покоя.

На экране высветилось уведомление о двух пропущенных звонках. Одно принадлежало вратарю Ивану, а второе...

"Вот уже где наглая девица, все ей нейдет!" — гневно подумал Андрей.

Мудро рассудив, он не стал никому перезванивать. Отключенный телефон полетел на широкое кожаное кресло, а его владелец босиком протопал в кухню. В животе уже урчало.

Пока на сковородке, потрескивая, жарилось мясо, Андрей нарезал овощи, щедро полил их оливковым маслом, поперчил, посолил, руками выдавил сок половинки лимона и перемешал. Еще бы пива, но нельзя. Он не Конев, ему ни одышка, ни замедленная реакция были ни к чему.

Спустя считанные минуты еда была готова. Таранов спокойно уничтожил свой ужин, даже не догадываясь, что лучший друг и соратник по клубу Иван Гагарин уже в десятый раз пытается ему дозвониться, чтобы рассказать ошеломительную новость о новом пресс-секретаре. Вратарь все набирал и набирал знакомый номер, а капитан щурился от

удовольствия, доедая последний кусочек сочной телятины. Мясо сегодня особенно удалось, даже без свежего тимьяна, который закончился накануне.

Вкусный ужин заберет последние силы. После него пройдет еще пару минут, капитан сгрузит посуду в посудомоечную машину и забудет о ней до утра. Потом включит телевизор, усядется на удобный мягкий диван и уснет. Мгновенно, сидя, до утра.

Ни обнаженных, готовых на все красоток, ни веселых возлияний с друзьями, ни утомительных разговоров по скайпу с родными. Только покой и сон — о большем после игры и мечтать не приходилось. И пусть в журналах и блогах писали о разгульной жизни профессионалов, отрицать это не никто не собирался, а вот осуществлять... Когда?

Вечер Анастасии Игоревны Барской мало чем отличался от вечера капитана ее команды. Отключенный телефон, легкий салат и фоновый шум телевизора — обычное окончание дня одинокой молодой женщины. Хорошая дюжина приглашений "хорошо и интересно провести вечер" так и осталась среди непрочитанной почты на ноутбуке. Безликие рекламные предложения — они приходили каждый день, в будни и выходные, днем и ночью. Банальный спам, от которого не спасала ни одна почтовая программа. Анастасия Игоревна, пресс-секретарь хоккейной команды и опытный специалист по связям с общественностью, относилась внимательно даже к спаму, нещадно удаляя оный после беглого ознакомления.

Личных писем на почту не приходило. Давно. Она и здесь все решила сама, хладнокровно и расчетливо. Прошел год после скандального развода с мужем и полтора года с момента последней близости с мужчиной. Но некоторые секреты холеная блондинка держала в строжайшей тайне. Никто не должен был знать ее слабостей, никто больше не сможет ударить так больно, как...

Отвлекаясь от дурных мыслей, Настя включила ноутбук. Кое-что следовало перепроверить как можно скорее, иначе не уснуть. Игнорируя навязчивый оутлук, женщина открыла поисковую программу и ввела запрос. Вроде бы вся информация о команде была изучена вдоль и поперек, но мало ли?

Юра мог лгать сколько угодно, он менеджер и цепной пес дяди. Выражение лица тренера оказалось красноречивее тысячи слов. Она не понравилась. Эти неотесанные, грубые спортсмены до кучи оказались еще и долбанными шовинистами-женоненавистниками.

Информации о тренере было хоть отбавляй: заслуги, личная жизнь, статистика, фото. Эдуард Станиславович был заядлым рыбаком и дедушкой двоих внуков. "Внуков, не внучек!" — обратила внимание Настя. Все свободное время тренер проводил с семьей или на рыбалке. Жена его боготворила и поддерживала во всех начинаниях. "Но это официально!" — подсказало женское чутье.

Его помощник Дмитрий, данных о котором было, как говорится, кот наплакал, внуков не имел. Зато его сын Борис, хоккеист той же команды, умудрялся отличиться везде, где только можно. Дебошир и бабник, выпивоха и мот, он, тем не менее, часто выручал товарищей в самых безвыходных ситуациях. Командный игрок и гроза соперников, вот уж кто выбивал зубы противнику с завидным постоянством — первый разряд по боксу и четвертый дан в айкидо себя оправдывали. Форвард, находящийся под его опекой, мог по праву ощущать себя, как за каменной стеной. А еще он был ее экс-капитаном!

— До капитана я еще доберусь, — барабаня пальцами по столу, проговорила Барская.

Его отсутствие на сегодняшней пресс-конференции не прошло для нее незамеченным. Капитаны так не поступают, особенно после позорного проигрыша.

Следующим в череде запросов поисковику стал вратарь. В свои тридцать пять Иван Гагарин был женат, и растил двух очаровательных рыжих дочерей, семи и четырех лет от роду. В настоящий момент супруга Машенька снова была в "интересном положении", и к финалу чемпионата у голкипера ожидался собственный повод для праздника. Вопреки стереотипу, Гагарин хотел еще одну дочь.

— Уникальный мужик! — вырвалось у Насти.

Бегло просмотрев информацию об остальных игроках и обслуживающем персонале, она подошла к двум последним фигурам, с которыми по разным причинам, скорее всего, могли возникнуть трудности: капитан и главный менеджер. Здесь ее поджидал сюрприз. Оба мужчины знали друг друга чуть ли не с рождения и всегда враждовали. Даже приглашение Таранова в клуб прошло в обход менеджера. Контрактом занимались крючкотворы дядюшки и помощник тренера. Очень странно!

Недолго думая, Настя набрала "Юрий Репин личная жизнь". Этим самцам нечего было делить на льду, а значит, *Cherchez la femme*. Как выяснилось, менеджер оказался "женат, давно и счастливо". С экрана монитора на Настю смотрела настоящая секс-бомба. Невысокая жгучая брюнетка обладала именно теми формами, при виде которых мужские руки самопроизвольно тянутся к ширинке. Алла, так звали супругу, вела светский образ жизни, но при этом ни в каких скандальных ситуациях замечена не была. Верная жена и роковая красotka — даже для Красной книги особь чересчур редкая.

За свою долгую журналистскую карьеру подобных чудес Настя уже навиделась. Подчищать информацию — дело неблагодарное, дорогостоящее, но вполне осуществимое.

— Надо бы посмотреть на эту Аллу живую, а лучше — столкнуть лоб в лоб с Тарановым. От этой идеи на сердце потеплело. Хищник в глубине души вострепнулся, учуяв добычу. Не мешкая, Барская принялась за капитана.

Фотография сурового мужчины атлетического телосложения заняла почти весь экран. Высокий лоб, пронзительные серые глаза, высокие, четко очерченные скулы и прямой ровный нос. "Неужели ни разу не ломан? И это у хоккеиста!" — тут же возник вопрос. Губы рассмотреть не удалось, почти на всех портретах лицо капитана украшала густая борода и усы. Они хоть и прибавляли спортсмену добрый десяток лет, но общий облик, на удивление, не портили. Грозный викинг оставался грозным викингом.

Что-что, а впечатление капитан производил! Неожиданное для Насти впечатление, дикая смесь заинтересованности и неприязни. От таких особей она всегда старалась держаться подальше, на расстоянии, но тут уж ничего не поделаешь, работа. С облегчением свернув фото, Барская открыла файл с общими данными.

"Андрей Таранов. Возраст — тридцать лет, рост — метр и восемьдесят два сантиметра, вес — восемьдесят восемь килограмм, брюнет, вредных привычек нет. По зодиаку — "Лев", хоккейное прозвище — "Тор".

— Значит, лев, — цокнула языком Настя. — Да еще и Тор. И гривой потрясет, и молотом помашет.

С такими легко не бывает — это она хорошо знала по опыту. Один дядюшка-"лев" чего стоил! Последующая информация заставила еще больше задуматься. И как только раньше не обратила внимание! В юности местный Тор уже успел неплохо поиграть в заокеанской лиге. Если бы не череда травм и неудач, он и по сей день выступал бы в НХЛ. Возвращение домой

наверняка было сильным ударом по самолюбию молодого парня.

Личная жизнь капитана, в отличие от профессиональной, особой яркостью не впечатляла. Холост, детей или постоянных связей нет. На фотографиях чаще один или с ключкой. Впрочем, иногда попадались и фото с красотками. Брюнетки, блондинки, рыжие — полный ассортимент, лишь фигурой девушки были похожи. Все, как одна, пышки, "кровь с молоком".

Барская оттянула ворот собственной домашней майки и заглянула в декольте. Да, ничего общего, грудь без пуш-апа даже до второго размера не дотягивала, кожа аристократически бледная, живот плоский, спасибо тренажерному залу.

По идее, все это должно было успокоить. На ее прелести красавчик-капитан не покусится. Но вместо спокойствия непонятная досада занозой засела на душе.

Чтобы вконец не скатиться в тоску, женщина закрыла ноутбук и вернулась в кухню. Бутылка красного сухого вина миглом перекочевала из холодильника на стол. Старый запас наконец-то пригодился. Уже через минуту штопор как по маслу вворачивался в пробку, а на столе красовалась тарелка с сырной нарезкой. В получении от жизни маленьких радостей Анастасия Игоревна Барская была истинным мастером.

Тонкий, терпкий аромат напитка околдовывал. Ей хватит одного бокала. Перед сном он лишним не будет, да и сегодня она заслужила. Первое интервью прошло без сучка, без задоринки — будь живы родители, они бы ею гордились.

Глава 3. Первые столкновения

Наутро первым человеком, появившимся у офиса администрации клуба, была Анастасия Барская. Немолодая ворчливая уборщица уже заканчивала с мытьем полов, но впускать в кабинет "чужого человека" отказалась наотрез. В результате, подпирая стену в коридоре, Настя провела добрых полчаса. Она уже сто раз пожалела, что в первый полноценный рабочий день решила произвести на коллег впечатление и надела красивые, но совершенно неудобные сапожки на шпильке.

Ноги начали болеть через пятнадцать минут вынужденного караула. Она готова была убить за любой маломальский стул или просто убила бы и уселась на тепленький труп. Как назло, спешащих на тот свет не оказалось. Не было никого: ни тренера, ни его помощника, ни единого хоккеиста. Как вымерли.

Когда хлопнула металлическая дверь в коридоре, Барская так настрадалась, что чуть не захныкала от счастья. Избавление, казалось, уже близко. К сожалению, вместо уверенных мужских шагов из-за угла послышался цокот каблучков. Первой в поле зрения появилась грудь, затем стройная ножка в не более "удобных", чем у нее, сапожках. Сузив глаза, Настя наблюдала за коротким, явно показательным дефиле госпожи Репиной. Все же не зря она вчера провела столько времени, рыская по просторам интернета.

Девушка, игнорируя ее присутствие, доцокала до кабинета, дернула ручку двери. Закрыто.

— Черт... Где они все подевались? — голос у местной красотки был под стать внешности: грудной, низкий, словно она постоянно была наготове соблазнять и развращать.

— Это вы сейчас у меня спросили? — красноречиво осмотрев пустой коридор, уточнила Барская. Ситуация ее забавляла.

— Нет, у домового! — огрызнулась "миссис грудь".

Настя не проронила ни слова. Казалось, дамочке срочно требовались уроки хорошего тона. Даже странно, не вязалась она с образом супруги Репина. Всегда вежливый и интеллигентный, Юра был полной противоположностью хамоватой девице. Тут или Репин хорошо скрывал свою истинную сущность, или его жена была наделена весьма ценными талантами в определенной сфере. Возможно, одно не исключало другого.

— Вы вообще кто? — наконец-то решила поинтересоваться незнакомкой Алла.

— Мы пресс-секретарь команды, — Барская уже уселась на своего конька.

Судя по тому, как дамочка округлила глаза, подобного она не ожидала.

"Ах ты, несчастная курочка, небось, думала, что я очередная фанатка?" — старательно скрывая улыбку, подумала Настя. Вряд ли муженек не рассказал ей о том, кого назначили на новую должность. Что-что, а свои прелести в фамилии "Барская" были. Давить интеллектом на таких, как эта Алла, являлось делом неблагодарным и трудоемким. Что им до чужого интеллекта — свой бы не растрясти... в декольте.

"Декольте" уже готовилось дать отпор, как из-за угла показалась фигура главного менеджера. Судя по взволнованному выражению лица, Репин почувал, что запахло жареным. Поздоровавшись с Барской, он быстро открыл дверь офиса и впустил дам. Алла первой впорхнула в кабинет, Настя нарочито медленно вошла следом. Соревноваться в беге на короткие дистанции она не планировала. Не барское это дело.

Репин, как радушный хозяин, показал новому пресс-секретарю ее рабочее место и

предложил кофе. Настя отказалась. Уж очень хотелось поскорее усесться на свой стул, вытянуть ноги и ощутить блаженство. Она бы и глаза закатила от удовольствия, да прозрачная перегородка, отделяющая ее кабинет от остальной части офиса, к особой вольности не располагала. Пришлось радоваться так, скромно, молча и... недолго.

Вслед за Юрой на пороге офиса появился тренер. Эдуард Станиславович был уже в спортивном костюме. Бегло осмотрев помещение, он молча кивнул Барской, бросил презрительный взгляд на Репину и чуть ли ни за шиворот вытащил в коридор Юру. О чем они там разговаривали, можно было только догадываться.

Главного менеджера не было долго. Настя успела разложить свои вещи, включить компьютер и даже выпить стакан воды. Растворимый кофе, единственный, что был в наличии, пить побрезговала, считая, что, если уж и накачивать свой организм кофеином, так хотя бы качественным и с удовольствием.

Алла, раскинувшись в кресле, чинно попивала кофейную бурду и без всякого смущения копалась в компьютере мужа. Барская не стала заглядывать в монитор, чтобы не расстраивать себя еще больше. Она бросила короткий взгляд на Репину и прямо спросила:

— Подскажите, пожалуйста, где я могу найти остальных игроков и тренера?

— В курилке они, — не отвлекаясь от своего занятия, проворчала миссис "грудь". — Они там каждое утро.

— В курилке? Спортсмены? — это несколько удивило. — Вся хоккейная команда?

Ответа не последовало. Запас приветливости Аллы исчерпался за короткий срок. Настя же, резонно решив, что уж вонючую курилку она, некурящая, всегда найдет по запаху, напирать не стала. Прихватив с собой мобильный телефон, пресс-секретарь вышла из офиса.

Полупустая парковка встретила ее противным, холодным ветром и тишиной. Ее серебристый "колобок"* тускло поблескивал среди пары десятков других автомобилей. В сторожке, облокотившись о подоконник, дремал усатый сторож, и больше в округе не было ни одной живой души.

— Хм... Они что, в здании курят? — сама у себя спросила Барская.

Не желая дальше мерзнуть на промозгом осеннем ветру, женщина развернулась и пошла обратно. Раз машин прибавилось — значит, где-то должны быть и их владельцы. Проклиная все те же неудобные сапожки и архитекторов ледового дворца, додумавшихся выложить пол скользкой плиткой, Барская исследовала коридоры здания.

Пару раз, чтобы не поскользнуться, приходилось хвататься за стены и ручки дверей. Местные уборщицы, видимо, мыли полы древним, палубным способом. Хоккеистам это, конечно, было неважно, они полжизни скользили и падали, а вот ей... Шаг за шагом женская эмоционально нестабильная психика приближалась к точке кипения.

Настя бы уже плюнула на свою затею и возвратилась в кабинет, как совсем рядом послышались веселые мужские голоса. Голосов было много.

— Курилка... — воспрянув духом, Барская ускорила шаг.

Хохот и шум были все ближе. Спустя метров двадцать показалась дверь с табличкой "массажист". Каким образом массажный кабинет мог быть связан с курилкой, Настя слабо себе представляла, но разговоры раздавались именно из-за нее.

Опровергая все возможные понятия о комфорте, перед тренировками массажный кабинет всегда был забит битком. Как в небольшое по площади помещение могло вместиться около двадцати здоровых лбов — сложный вопрос, и массажист Карен Григорян

задавался этим вопросом каждое утро. Побросав свои вещи в раздевалке, спортсмены дружно подтягивались на его вотчину. Массаж с утра мало кого интересовал, а вот пообщаться и обсудить все последние новости — это обязательно.

Поначалу тренер с помощником пытались с этим бороться, а потом махнули на все рукой. В конце концов, так даже лучше, не нужно никого искать, все всегда в сборе.

Открыв дверь, Барская опешила. Такого она не ожидала. Повсюду, на стульях и на лавках, подпирая стены и массажный стол, сидели и стояли хоккеисты. Спертый запах парфюма и мужского пота наполнил легкие, и тут же от удущья голова пошла кругом.

Заметив вошедшую, спортсмены дружно обернулись и притихли.

— Кто заказывал блондинку? — нашелся один из них.

— Заткнись! — послышался бас защитника Конева.

— Здравствуйте, Анастасия Игоревна, — голос голкипера Гагарина она узнала сразу.

— Здравствуйте все! — Настя, наконец, пришла в себя.

Дабы не позволить парням наговорить пошлостей, вратарь сам вышел вперед и представил остальным нового работника клуба.

— Так, все захлопнули варежки! — Иван помахал кулаком в сторону самых веселых. — Анастасия Игоревна — наш пресс-секретарь. Рекомендую вести себя прилично.

— Так неприлично приятнее! — хохотнул заметивший ее первым весельчак.

Настя осмотрела контингент. Да, с такими за пять минут не покажешь, кто есть кто, оставалось использовать быстрый и жесткий план "Б".

— Анастасия Игоревна Барская, — снова, на этот раз полно, представилась она.

Фамилия мгновенно сделала свое дело, и улыбки на лицах игроков сменились настороженным удивлением.

Гагарин и Конев усмехнулись, вспоминая собственную вчерашнюю реакцию на эту новость. Каким бы ведомственным клуб ни был, а львиную долю зарплаты хоккеистам платил Скрудж. За глаза властного и корыстного банкира каждый поносил, как мог, но лично старались не сталкиваться.

— Рады познакомиться! — послышалось с разных сторон комнаты.

— Я тоже... рада, — Барская постаралась улыбнуться как можно искренней. — Уверена, мы сработаемся, и уже скоро вы дадите мне возможность порадовать наших болельщиков хорошими новостями.

Парни немного расслабились и заулыбались. Родственница спонсора уже не казалась такой опасной.

Настя внимательно обшарила взглядом все закоулки комнаты и, не найдя Таранова, спросила.

— А капитан где? Он что, опаздывает?

— У него, наверное, троллейбус сломался, — отшутился кто-то из парней.

Сразу после этих слов комнату сотряс дружный взрыв хохота. Смеялись все, от массажиста Карена до голкипера Гагарина.

— Он сказал что-то смешное? — пресс-секретарь указала на одного из игроков.

— Наш капитан ездит на тренировки на общественном транспорте, — Конев просто не мог не поделиться такой информацией. — У него машины нет.

— Как? — Настя опешила. Сколько платили самому дорогостоящему игроку, она знала хорошо.

Но ответить на этот раз никто не успел. В комнату с грохотом и матом ввалился

предмет обсуждения.

Андрей проклинал все подряд от светофоров до медлительных пассажиров маршруток, при этом сам "жертва общественного транспорта" выглядел так, что только могучая фигура выдавала в нем спортсмена. Нелепая зеленая шапка, натянутая по самые брови, оранжевый шарф и красная спортивная сумка — все это никак не вязалось с образом сурового, бравого капитана.

Поздоровавшись, первым делом, с парнями, он удостоил Барскую лишь коротким взглядом.

"Снизозшел!" — подумала Настя.

— Господин Таранов, а со мной Вы поздороваться не желаете? — женщина сложила на груди руки, ожидая бурной реакции капитана.

Та последовала немедленно. Андрей обернулся, стянул с голову шапку и уперся в нее таким взглядом, что Насте впервые в жизни захотелось надеть бронежилет. Серые стальные глаза, как сканером, прошли по ней от головы до ног, ни на чем не задержавшись. Волна пронизывающего холода, а за ней еще одна, обжигающе-горячая, казалось, стремительно прокатились по телу.

Разгоняя наваждение, она постучала острым каблучком о пол.

— Здравствуйте! — в отличие от взгляда, голос у Таранова был приятный, низкий и бархатный.

Только Настя собралась ответить на односложное приветствие, как капитан развернулся к ней спиной и, как ни в чем не бывало, продолжил раздеваться.

— Андрей, дорогой, — массажист Карен развел руками. — Ты опять путаешь мой кабинет и раздевалку. Ну, сколько можно, друг. Я же тебя уже сто раз просил...

— Карен, у меня шея с трудом поворачивается, — простонал капитан. — Спасай!

— Что ты за человек? — пробубнил массажист, накидывая свежую накрахмаленную простынь на кушетку. — Совсем себя не бережешь...

Андрей быстро разделся до пояса и плюхнулся на стол. Охваченная яростью, Барская даже не обратила внимания на короткий стриптиз. Ее до глубины души возмутил и тон, и игнорирование, и наглость капитана.

— Таранов, а не слишком ли много Вы себе позволяете, — Барскую безоглядно несло. — Вы не явились вчера на пресс-конференцию, ведете себя по-скотски со мной, да еще и опоздали на тренировку.

У Таранова глаза на лоб полезли. Какая-то фифа пробралась к ним в массажный кабинет и смеет его отчитывать!

— Детка, знаешь, что... — он уже собирался ей высказать все, что думает об обнаглевших фанатках, но друг Иван неожиданно прервал отповедь.

— Андрюха, не горячись! Тише! — он положил сваю лапищу на плечо Таранова. — Это Анастасия Игоревна, наш новый пресс-секретарь.

Капитан непонимающе уставился на друга, а затем на Настю.

— Анастасия Барская! — злобно прошипела женщина. Она уже ненавидела свою фамилию, но, похоже, сегодня только ею можно поставить на место этих зарвавшихся наглецов.

— Ах, Барская! — капитан осклабился и рывком поднялся с кушетки. — Очень приятно!

— Так чего Вы опоздали на тренировку? — на самом деле Настю это уже не

интересовало. Испугал тон, с которым капитан произнес ее фамилию.

— Транспорт плохо ходит, — сквозь зубы ответил Андрей.

— А машины на что? Своей нет, так у нас две клубные неделями простаивают.

Таранов не ответил. Вместо него с галерки подал голос Конев.

— А капитан у нас машину не водит, ему права не дают.

— Не поняла... — Барская нахмурилась

— Я дальтоник! — ровно и четко ответил сам Таранов. — Такой ответ устраивает?

От неожиданности Настя готова была сквозь землю провалиться. Щеки мгновенно покраснели, а руки вспотели.

— Ясно, — глухо ответила она. — Ладно, не буду Вам мешать. Мне надо поработать.

Никто не проронил ни слова. Лишь Борис Конев показал капитану большой палец и двинулся за "фифой". Уж очень хотелось познакомиться поближе.

Барская, не обращая на попутчика внимания, чуть ли не бегом неслась в кабинет. Хотелось поскорей оказаться подальше от проклятущей "курилки".

Коридоры, лестницы и двери незаметно пронеслись мимо. Лишь у входа в блок администрации Настя замедлила шаги. Борис прямо перед самой дверью опередил ее и с улыбкой вежливо открыл дверь. Жест вышел забавным, учитывая огромные габариты защитника и его дурашливую физиономию. Настоящий Шрэк, такой же лысоватый, щекастый и смешной.

В офисе никого не оказалось, и Настя, как единственная хозяйка, так и разрешила гостю войти. Конев, не мешкая, ввалился внутрь и опустился на удобный диванчик. Здесь, похоже, он был частым гостем. "Сын помощника тренера!" — напомнила себе женщина.

Спустя пять минут они уже мило болтали обо всем и ни о чем. Борис щедро делился информацией об игроках, а Барская улыбалась и мотала на ус. Невзначай разговор пошел о капитане.

— Кстати, хотела спросить, а почему Тор? — в интернете Настя так и не нашла нормального объяснения. — Он ведь Таранов... Тут уж скорее Таран должен быть.

— Жenuшка нашего менеджера тоже как-то интересовалась, — заржал Борис. — А потом лично познакомилась с "молотом" Тора.

— Капитан... С Аллой Репиной? — Барская брезгливо передернула плечиками. Ее женское чутье и здесь не подвело. Теперь хоть немного стало ясно, почему Юра так не любит Таранова.

— Так как, красавица... — Конев подошел к ней поближе и с невероятной грацией для его комплекции уселся на соседний стул. — Еще интересно про "молот" или предоставишь возможность настоящим мужчинам позаботиться о себе? Сходим куда-нибудь вечером?

Прямота и беспардонность экс-капитана разили наповал. Благо, свое богатство он не расчехлил и не предложил полюбоваться.

— Спасибо, обо мне заботиться не надо, — она убрала огромную лапищу защитника со своего колена. — Ступайте, лучше, на лед. Там помощник тренера уже пятнадцать минут свистит, как паровоз. Наверняка, по вашу душу.

Конев театрально вздохнул, но с кресла поднялся.

— Зря Вы так, Анастасия Игоревна. Я, между прочим, к Вам со всей душой.

— Борис, мы ведь с вами взрослые люди, — Настя улыбнулась одними губами. — В вашем предложении было больше о... хозяйстве, чем о душе.

— Хорошее хозяйство еще никогда не мешало хорошему общению, — мгновенно нашелся тот.

Поражаясь самой себе: с чего бы она сегодня такая разговорчивая, Барская все же ответила.

— Сожалею, но Вы явно обратились не по адресу. Если зудит и нейметя, лучше обратиться к кому-нибудь иному. К Алле, например. Возможно Вам, как бывшему капитану, она не откажет.

Конев растянул губы в улыбке, обнажив зубы. Парочки передних не хватало. Скорее всего, встретились с чьим-то крепким кулаком.

— Эх, красавица... Разбила ты мое сердце. Пойду на тренировку. Может, удастся капитана разок о бортик припечатать, гляди, и полегчает.

— Удачи! — бросила Настя, тут же забывая о спортсмене.

На мониторе уже мелькали заголовки последних спортивных новостей и колонки со статистикой.

Начало сезона оказалось богатым на сюрпризы.

Андрей натянул на себя старый, удобный свитер и перчатки. Градский, скорее всего, загоняет их сейчас, перед тренировкой, как бешеных собак, но это и правильно. Вчера по площадке все передвигались, как сонные мухи, а хоккей не "Лебединое озеро", здесь нужно двигаться быстро, четко и слаженно. Мордобоем шайбу не закатаешь, хотя некоторые морды он сейчас и сам был бы не против подправить.

— Андрюха, забей ты на Коня, — словно прочитав его мысли, сказал Гагарин. — Он у нас парень горячий, вот и ляпает своим языком без контроля.

— В его годы пора бы уже научиться держать язык за зубами, — капитан был непреклонен.

— Так зубы то у него тю-тю, выбиты! — заржал Иван. — Вот и несет парня.

— Там, похоже, одними зубами не обошлось...

— Андрюха, — Гагарин хитро сощурился. — А может не в Коня дело? Ты на девку обиделся?

Таранов резко обернулся к другу. Губы сжаты в тонкую линию, на скулах играли желваки.

— Ууу... — протянул вратарь. — Так я угадал. Все дело в Барской.

— Иван, будь другом, даже фамилию эту при мне не упоминай. Никогда. Мне и дядюшки ее хватило.

— И как, простите, ты собираешься с ней работать? Вам ведь перед журналистами вместе за все отдуваться. В горе и в радости...

— Долго она здесь не задержится. Помяни мое слово.

— Так ты собираешься выжить ее?

— Больно надо, — Андрей скривился, словно сама мысль о подобном была ему противна. — Сама уйдет: или ляжет под кого из ребят, или опозорится, или еще что. Я не пророк, но хоккей не бабское дело. Какой из нее пресс-секретарь?

— Симпатичный...

— Не заметил, а вот скверный характер прочувствовал. Надо бы узнать, зачем ей это...

— А может, она на самом деле неплохой спец?

— Ваня, я в жизни не поверю в подобную чушь!

О том, как вчера эта "баба" умыла всех журналистов своими познаниями, Иван решил не рассказывать. Если друг хочет верить в свою идею — пусть верит. Лично ему Барская даже понравилось. Было в ней что-то. Характер... Она, конечно, не такая хорошая, как его Машка, но и не Алла. Скруджд, бесспорно, сволочь еще та, но порода у него бойцовская, если племяшка того же племени — Таранову придется несладко.

— Знаешь что, Андрей, — Гагарин на секунду задумался. — Ты только не пори горячку, очень тебя прошу.

Тот пропустил предупреждение друга мимо ушей и продолжил одеваться.

Тренировка началась с бега. После поражения тренер решил сменить обычную тактику тренировок и увеличил время разминки. Эдуард Станиславович нещадно гонял парней по площадке, будто готовил конькобежцев.

— Давайте же, ленивые задницы! — даже Настя в кабинете администрации услышала его рев. — Быстрее! Еще быстрее! Да вас даже стоячий обгонит! Что это за скорость?

Любопытство Барской взяло верх. Пропустить качественное издевательство над тремя десятками здоровых лбов она никак не могла. А вдруг что-то из напутствий тренера пригодится в жизни? Всякое бывает. Так, с мыслями о том, что просмотр тренировок для пресс-секретаря также важен, как и изучение статистики матчей, Анастасия Игоревна прошествовала в сторону ледовой арены.

Каблучки звонко цокали по плитке, привлекая внимание к неожиданной гостье. Половина хоккеистов повернула головы в ее сторону, но бдительный тренер, не щадя нежных ушей дамочки, грубо урезонил парней. Следующий матч уже послезавтра, расслабляться не позволено никому.

После бега пришел черед растяжки. Даже без амуниции, в обычных спортивных костюмах, хоккеисты казались гигантами. Накачанные красавцы из ее тренажерного зала могли нервно курить в сторонке рядом с этими. А фантастический поперечный шпагат голкипера Гагарина даже Барскую не оставил равнодушной. Казалось, словно гора стояла-стояла, ворочаясь из стороны в сторону, и вдруг рухнула. Иван неспешно потянулся, потом встал и повторил падение. Настя чуть не захлопала в ладоши, как девочка. Спустя минуту рядом на продольный шпагат спокойно сел и запасной вратарь.

Игроки активно разминались.

— Анастасия Игоревна, почешите спинку! — капитан незаметно подкатился к бортику и с самым невинным видом заглянул Насте в глаза. — Дико чешется, а мне в перчатках неудобно.

Она чуть рот не открыла от удивления, а мужчина, тем временем, повернулся к ней задом и выгнул спину. Даже сквозь плотный свитер и майку проступил красивый рельеф. Широкая, сильная спина так и манила прикоснуться, ощутить пальцами мощь. Настя прокляла себя за глупость в тот момент, но рука уже забралась под просторный свитер и начала чесать. Острые ногти прошлись от лопаток до поясницы. Капитан чуть не заурчал, как довольный кот.

— Ух, да у Вас просто призвание к этому делу, — хрипловато произнес он. — Еще минута, и я кончу от удовольствия.

— Минута... Да ты скорострел, — надменно хмыкнула Барская. Все обернулось так, как она и ожидала: молодому льву захотелось поиграться. Вот только с игрушкой на этот раз киса ошибся.

— А, так у Вас и язычок горячий? Мне нравится, когда язык горячий, — Андрей не сдавал позиций. — Еще бы зубы не были такими острыми, цены бы Вам не было.

В этот момент Настя отчаянно позавидовала известному киношному герою, ногти которого легко превращались в огромные ножи. Разум истошно вопил о потребности порвать наглеца на британский флаг. Андрей, словно почувствовав эти недобрые мысли, лукаво ухмыльнулся.

— У кого-то от злости уши дымятся...

— Примитивно и неостроумно!

— Всегда к вашим услугам, госпожа Барская, — любезно расшаркался по льду капитан.

Она только собралась вернуть еще какую-нибудь колкость, как мужчина оттолкнулся от бортика и, мгновенно набирая скорость, откатился в сторону ворот. Ушел по-английски. Оставалось лишь злиться на себя за то, что так легко заглотнула наживку.

Как вообще можно было надеяться на здравомыслие Таранова? Сколько там в нем весу, восемьдесят восемь? И все они одна чистая, неразбавленная мужская глупость и самонадеянность. Она еще немного позлилась, пообижалась, но, в конце концов, эмоции отошли на второй план, и благоразумие взяло верх. Дураком Таранов не был — это факт. "Неужели его так задела фраза, брошенная в "курилке"? — уцепилась за мысль Барская. — Или было что-то еще?"

Твердо решив повременить с получением ответов на свои вопросы, Настя уселась на сиденье и открыла очередную газету. Заголовок уже пестрел фотографиями со вчерашнего матча и интервью. В конце статьи расположилось и ее фото с комментарием: "Женщина в волчьей команде". Фраза у журналиста получилась ёмкая, даже сама Барская лучше не сказала бы. Сейчас, когда отношение игроков к новому пресс-секретарю свелось к двум стратегиям, сексуальной и презрительной, она в полной мере прочувствовала всю прелесть своего положения.

На симпатию тренера и капитана можно было не рассчитывать, защитник Конев и еще добрая половина игроков только и мечтают залезть к ней под юбку, главный менеджер Юра, в силу коммерческой заинтересованности, будет всячески угождать. Нейтрального отношения пока придерживаются только странный вратарь Гагарин да массажист Карен. Но одним вратарем все официальные мероприятия не заткнешь, а массажист в ее работе вообще не помощник. Хочешь — не хочешь, а налаживать контакт с капитаном придется.

К окончанию разминки его светлость вновь явил свой лик около скамейки запасных. Не понятно было: то ли он пришел мириться, то ли втянулся в обмен любезностями.

— Красавица, почешешь спинку? — услышала Настя уже хорошо знакомый бархатный голос. Перевесившись через бортик, на нее смотрел Таранов. Глаза капитана загадочно горели.

— Попроси Конева, — снова уткнувшись в газету, ответила женщина. — Он с удовольствием почешет... Ключкой или о бортик — думаю, для тебя Борис проявит изобретательность.

— А ты умеешь держать ответ! — не мог не восхититься Андрей. — Вот только зачем тебе все это? Очередная причуда господ Барских? В Белоснежку и тридцать гномов поиграть захотелось?

— Боюсь, один из гномов оказался Синей бородой, — Настя цокнула языком.

Смех капитана был слышен даже на другом конце площадки. Голкипер Иван Гагарин,

не веря своим ушам и глазам, приподнял маску. Всегда собранный на поле и хмурый капитан ржет, как лошадь! Это что-то новенькое.

Новый пресс-секретарь нравился ему все больше.

*"колобком" называют автомобиль Fiat 500

Глава 4. Короткая передышка

К концу трудового дня Настя заработала головную боль, парочку комплиментов от главного менеджера и изжогу. Причем причину последней она не понимала сама. Вроде бы и суп в местном кафе был вполне съедобным, и салат радовал свежей зеленью и отсутствием майонеза.

Что-то было не так, и с этим "что-то" разобраться стоило как можно скорее, пока не обострился гастрит. В свои тридцать три Настя уже хорошо успела познакомиться с этой болячкой, верной спутницей стрессов. Прошел год после последнего обострения, и снова глотать лекарства и ненавистную овсяную кашу не было никакого желания.

Чтобы там врачи ни утверждали о сезонности заболевания, в ее случае пора года значения не имела. Спусковой крючок проблемы находился не в желудке. Посему, решив бороться с причиной, а не с последствиями, она набрала номер дядюшки.

Тот ответил после третьего гудка. "Хороший признак" — заметила Барская. Александр Михайлович был крайне занятым человеком, без семьи и детей, только работа двадцать четыре часа в сутки, триста шестьдесят пять дней в году. Подчас не приходилось даже рассчитывать услышать его, но в этот раз Насте неслыханно повезло. Недолгий обмен любезностями закончился приглашением в гости к магнату. Довольно улыбнувшись своему мобильному телефону, Барская приглашение приняла.

На радостях даже изжога несколько притихла. Тело не умеет лгать, а значит, направление было выбрано правильно.

Ругая на чем свет стоит работников лифтовой службы, два уставших хоккеиста поднимались на одиннадцатый этаж. Тяжелые сумки на плечах, пакеты с продуктами в руках и усталость от напряженного дня превратили подъем в изматывающее испытание.

Не дойдя всего пару этажей, оба, не сговариваясь, остановились.

— Андрюха, подай водичку, она у тебя в пакете, — попросил мужчина, шедший вторым.

— Слушай, да тут идти всего ничего!

— Таранов, это ты у нас любитель бегать, прыгать и заниматься прочими непотребствами, а я человек немолодой, мне и у ворот фитнеса хватает. Так что, гони воду!

— Это с каких пор ты, Иван, стал немолодым?

— А вот, как вторая дочка родилась, так и почувствовал, — засмеялся тот.

О том, что же будет с другом после рождения у жены третьего ребенка, Андрей решил не спрашивать. Гагарин еще пару лет назад намекал, что подумывает уходить. В тридцать пять лет он уже пережил пик своей карьеры, поиграл за океаном, а сейчас все свободное время предпочитал посвящать семье.

— Когда-нибудь ты меня поймешь... — осушив залпом полбутылки воды, уверенно сказал Иван.

— Да, чудеса в жизни бывают. Во всяком случае, плохие — точно.

Закончив с водопоем, мужчины снова взяли сумки и двинулись выше. Два лестничных пролета после передышки дались легко. У открытых дверей их уже поджидала невысокая симпатичная женщина. Ее рыжие курчавые волосы были собраны в хвост, а на щеках и курносом носу золотилась россыпь веснушек. Очередная беременность сделала их еще ярче, придавая женщине неповторимое очарование.

— Таранов! — радостно воскликнула она. — Да неужели Иван соблазнил тебя зайти на мои голубцы с плюшками?

— Привет, Машуня, — и Андрей, опережая друга, обнял встречающую. — Ты выглядишь потрясающе! Хорошеешь с каждым днем. А где моя невеста?

Мария рассмеялась, указывая себе за спину.

— Уже час у зеркала крутится, красоту наводит, хорошо хоть старшая у бабушки, иначе поругались бы из-за зеркала.

— Попал ты, друг, — Иван похлопал Таранова по плечу. — На этой точно придется жениться, она от тебя так просто не отстанет.

Все дружно рассмеялись, не заметив, как на пороге квартиры застыла с восторженным выражением лица маленькая рыжеволосая девочка. Вся в мать. Она робко улыбалась и теребила подол нарядного желтого платья.

— Привет, Варвара Ивановна! — Андрей скинул сумку и в два шага добрался до девочки. Та протянула к нему ручки и, весело хихикая, позволила усадить себя на шею. — А ты потяжелела, мама тебя, видимо, вкусно кормит!

— Мама всех вкусно накормит, — Мария хмуро осмотрела всю компанию. — Но давайте уже зайдём в квартиру.

— Все за мной! — Иван первым вошел в дверь.

Трехкомнатная квартира Гагариных, сколько Андрей ее помнил, всегда представляла собой шумный проходной двор. Друзья Андрея, подруги Маши и дочерей, многочисленные соседи и родственники — кого он здесь только ни встречал! Гагарины привечали всех, радушно, весело и шумно. Мария, даже будучи на последних месяцах беременности, неустанно суежилась по дому, убирая и выгоставливая на всю семью и "прохожих". Она даже в роддом оба раза умудрилась попасть в поварском переднике.

Вот и сегодня хозяйка расстаралась больше, чем следовало. Вымотанные долгой тренировкой мужчины на добавку смотрели с тоской.

— Машенька, да присядь ты уже, — не выдержал Иван. — Мы скорее лопнем, чем съедим такую гору еды.

— Да, Машуль, мы как колобки, — Андрей аккуратно пересадил егозу-Варю с одной своей ноги на другую. Девчонка здорово помогла ему расправиться с добавкой, куда ж теперь без нее.

— Таранов, молчи уже, — усмехнулась женщина. — Тебе до колобка еще есть и есть. Так что, взял вилку и вперед. Знаю я, как вы, одинокие мужики, питаетесь...

— Золотая у тебя Машка, друг, — Андрей задорно улыбнулся. — Если бы мне такая попалась, сразу бы женился.

— Андрей, тебе такая, как я, не подойдет, — хитро сощурилась Мария. — Ты ж тиран и деспот. Тебе святая нужна. Та, что боготворить будет и потакать всем капризам.

— Да ладно! Не такой я и страшный.

— Дружище, — уплетая очередной голубец, вмешался отец семейства. — Если Машка сказала, что тиран, значит так и есть. Она у меня ходячий сканер. Начинай искать святую.

— Да где ж я ее найду? — он заботливо потрепал Варвару за косы. — Эта невеста еще слишком молода, а с матерью Терезой я уже опоздал. Но вот сканер... Кое-кого я бы просканировал.

— Это ты все Барскую забыть не можешь? — друг поднял глаза от тарелки. — Запал,

что ли?

— Тьфу на тебя! — Андрей скривился. — Мне другое покоя не дает — зачем она у нас? Не очередная ли грязная афера Скруджа?

— Паранойя у тебя, Андрюха, — хмыкнул Гагарин. — В запущенной форме. Нормальная она девка, и не дура.

— Ну, это и я понял.

— Угу. Аж два раза к ней катался выяснять уровень айкью, — Иван отложил вилку. — Ты меня, конечно, сегодня удивил! Вся команда теперь уверена, что ты к ней клеился. Какой черт тебя дернул?

— Она не в моем вкусе. Ты прекрасно это знаешь. К тому же слишком наглая и самовлюбленная.

— То есть от прежних твоих клуш отличается и цену себе знает?

Вместо ответа Андрей налил Варе сок и сам не заметил, как тут же выпил весь стакан. Ничего непонимающая девочка удивленно смотрела на своего кумира.

Мария с Иваном переглянулись.

На другом конце города, в новом престижном районе в этот вечер тоже было нескучно. После изысканного легкого ужина Александр Михайлович Барский отпустил прислугу домой, оставшись наедине со своей гостьей. Любимая племянница в последние годы бывала здесь нечасто, да и то в основном по делу, то информацию о ком выведать, то совет испросить. Он сам приучил ее ценить собственное время, потому не обижался.

— Настюша, — Барский хитро сощурился, отчего на высоком лбу проступили неглубокие морщины. Мимикой он пользовался редко, только когда хотел показать свою благодушную расположенность к собеседнику. — Судя по тому, что за ужином ты не проронила ни слова, сейчас начнется форменный допрос. Я угадал?

Молодая женщина напротив весело улыбнулась. В пронизательности дяде не откажешь, свои миллиарды он заработал не в лотерею.

— Дядя Саша, я, может, просто соскучилась.

— Со мной, уважаемый пресс-секретарь, можешь не юлить, — улыбнулся тот. — Кстати, поздравляю с началом работы. Парни уже устроили тебе боевое крещение?

— Почти, — почему-то сразу всплыл в памяти пронзительный взгляд капитана. — Я им не понравилась.

— Кому конкретно?

— Хм... Тренеру и капитану.

— Я догадывался, что так будет, — мужчина цокнул языком.

— Дядя, так значит, причина есть?

— Не бери в голову! — Барский отмахнулся, как от докучливой мухи. — Ничего они тебе не сделают, я ручаюсь. Этот Градский просто старый маразматик. Если бы не блестящие результаты в прошлом году, я бы давно настоял на смене тренера. А Таранов...

— Что Таранов? — Настя вся подобралась. На правду и надеяться не приходилось, но в чем именно солжет дядя — вот это важно.

— Андрей неблагодарный, зарвавшийся выскочка. Я дал ему шанс показать себя в лучшей команде Лиги, я дал ему баснословный гонорар и статус капитана, а он... Щенок.

Водянистые глаза дяди злобно сверкнули, а руки собрались в кулаки.

"Слишком много эмоций..." — с удивлением заметила Барская.

— Настя, — мужчина наклонился вперед и произнес наставительным тоном: — Держись от него подальше! За привлекательным фасадом там нет ничего хорошего.

— Да я как-то и не рассматривала его... в этом смысле.

— Ты умница, я всегда это знал. А капитан пусть гоняет шайбу и машет клюшкой. Ему заплачено.

— Но все-таки, в чем причина вашей с ним неприязни? — Насте отчаянно хотелось докопаться до правды, хотя бы полуправды или нескладной лжи. Дальше нюх опытного журналиста сам возьмет след. Знать бы направление...

— Милая, мы так редко с тобою видимся. Давай не будем портить друг другу прекрасный вечер, — Александр Михайлович был сама любезность. — Ни один игрок команды или тренер не посмеет мешать твоей работе. Я об этом позабочусь, клянусь. Скоро все наладится. В конце концов, это была моя идея пригласить тебя на должность пресс-секретаря, а мои идеи всегда реализуются успешно.

— Я верю, — гостья нацепила на лицо фальшивую улыбку. На большее, похоже, от дядюшки не стоило рассчитывать. Он слишком хорошо умел держать глухую оборону.

Домой она вернулась поздно, уставшая и недовольная. После общения с дядей вопросов стало еще больше, хотя, казалось бы, куда уж больше. Александр Михайлович в своей стихии был настоящей акулой, и хоккеем его хищного подхода не миновал. Не доверять собственному тренеру и капитану команды — это даже не паранойя... Что-то он утаивал, и судя по тому, что не признался даже ей, дело было нечисто.

В подобных случаях лучше включить "благоразумие" на максимум, и убрать ручки прочь от чужих тайн. Какой бы любимой и единственной родственницей Настя ни была, а работа для дядюшки всегда была дороже.

Оставалось делать ставку на капитана. Тот молод, эмоционален, взрывоопасен и фамилию ее на дух не переносит. Значит, и причину вражды в секрете держать не будет. Еще одна-две стычки, и все раскроется. Нужно только запастись терпением, а уж ждать и терпеть она умеет, как никто другой.

Дядя, видимо, сам до сих пор не осознал, что, воспитывая ее с семилетнего возраста, вольно или невольно передал некоторые из своих качеств. Даже его манера лгать была ей знакома и понятна. Он сколько угодно мог рассказывать, как помог нынешнему "неблагодарному" капитану и как его озолотил. Но что-то, а в игре местного Тора она уже видела. Он клюшкой всегда намажет себе на хлебушек с икорочкой.

Лишь предупреждения дяди касательно личной жизни Андрея Барскую позабавили. Подумать только, ее прозорливый дядя боится, чтобы она ни завела с Тарановым роман! Она роман с Тором!

Настя и сейчас, вспоминая напутствие Александра Михайловича, еле удержалась от смеха. Этот отечественный вариант скандинавского бога грома и молнии, может, и производил на дамочек неизгладимое впечатление, но не на нее. Здесь чары Тора бессильны, как бы ни манил пронзительный взгляд, как бы ни хотелось снова прикоснуться к сильной спине. Пусть большой кот охотится за другой дичью, с ней это фокус не пройдет.

Нет, ни с кем и никогда. Хватит.

Настя закончила с приготовлением ко сну, натянула на голое тело просторную майку и

легла спать. Денек выдался насыщенным, и никто не даст гарантии, что завтрашний будет лучше. Гарантии в реальной жизни — самая обманчивая штука. Уж лучше отоспаться и быть готовой ко всему. Апокалипсис так апокалипсис, инопланетяне так инопланетяне, а понадобится, так и на грудастую супругу Репина управу найдет. Ей сейчас все по плечу.

Стакан теплого молока с медом постепенно начал действовать, и Настя медленно, незаметно перешла границу между явью и сном. В квартире царила полная тишина: ни тиканья часов, ни грохота соседей, ни шума машин под окном. Тихо. Пронзительно тихо, как в фильме ужасов или в жутком кошмаре.

Это было словно в прежней жизни. Тени взмывали то вверх, то вниз, завывая жуткую песнь и хихикая, а затем резко, стремительно расступились, выбросив ее в далекую декабрьскую ночь.

На небе не было ни луны, ни звезд, лишь тусклый, блеклый свет от фонарей у дороги, но толку от него было мало. Желтые лучи немилостиво тонули в толще снегопада. Снег все не останавливался. Он крупными, хлесткими хлопьями летел ей навстречу, бил по щекам, ослеплял глаза. Студеный, шквалистый ветер пронизывал насквозь и сбивал с ног. Короткий полущубок ни от чего не спасал. Она замерзала. Каждый шаг давался с трудом. А ведь пройти было всего ничего, от стоянки до подъезда. Двести метров по прямой — какая, в сущности, мелочь! Но не сегодня.

Ноги неумолимо вязли в сугробах, проваливались до колена. Холод. Жуткий холод тут же опутывал их до боли, до потери чувствительности. Словно и не ноги это вовсе, а деревяшки, привязанные к телу. Еще нет и половины пути, а они уже не слушаются, они чужие.

Растирая по щекам слезы, косметику и проклятый снег, она напрягала все силы, но двигалась вперед. Как угодно, хоть на четвереньках, хоть ползком, но выберется. Иного выхода нет, только смерть.

Впереди непроглядная стена и надежда, позади — все та же стена, да замеченная снегом машина. Плачь и иди.

Настя резко подскочила в кровати. Спустя пару секунд рука нашарила выключатель ночника, и спальню залил мягкий теплый свет.

— Сон... Это только сон... — прошептала она сама себе. — Все прошло, закончилось...

Эти слова Анастасия Игоревна Барская повторяла далеко не первый раз. Страшный сон, кусочек из мозаики далекого прошлого, возвращался слишком часто. Тогда в одночасье переменилась вся ее жизнь, но платить за быстрые изменения приходилось до сих пор, во снах и наяву. День за днем, смиренно принимая свою ношу и не надеясь на иной итог. Лучше так, чем постоянно притворяясь и боясь разочаровать.

Глава 5. Заблуждения

Он был уже почти одет. Оставалось надеть кроссовки, натянуть шапку и выйти. Бросив короткий взгляд на верхнюю полку, пару секунд подумал и закрыл шкаф. Плевать, не замерзнет и с голой головой.

Красная спортивная сумка привычно оттягивала плечо. Лицо холодило осенний противный ветер. Мужчина поднял ворот куртки, проклиная себя за глупое ребячество. Сейчас он бы согласился на шапку любого цвета, и пусть она как угодно не сочетается с остальной одеждой. Ему без разницы, а "эстеты" могут идти куда подальше со своими удивленными взглядами.

Маршрутка, как назло, ушла перед носом, а значит, сегодня снова опаздывать и спешить... Он вытянул из кармана телефон и стал набирать службу такси. При его доходе можно было даже в магазин у дома кататься на авто, но врожденная принципиальность и нелюбовь к болтливым таксистам давно отбили уважение к этому виду транспорта.

Девушка-оператор ответила только после седьмого гудка, в непогоду к ним всегда сложно дозвониться. Только звонивший открыл рот, чтобы сообщить свой адрес, как незнакомая маленькая машинка, сдав назад, резко остановилась возле него. Неожиданно. Скрывая улыбку, он взялся за ручку пассажирской двери.

Этой ночью Настя больше не уснула. В три часа пить снотворное было уже поздно, а волшебная сила теплого молока с медом оказалась бессильной против досадной бессонницы. Оставалось считать овец и надеяться на чудо. Постепенно овцы в ее воображении стали все больше и больше видоизменяться. И к пяти утра уже не милые курчавые животные скакали через ограду, а дюжие хоккеисты с лицами капитана и Конева. Дальше даже надеяться уснуть было глупо.

Она поднялась, приняла душ и долго, растягивая удовольствие, пила кофе. От первого же глотка густого, терпкого напитка желудок болезненно сжался, но кто будет слушать его после бессонной ночи? Хорошая доза кофеина сейчас была дороже золота.

Радуюсь на то, что вчера припарковала свой Фиат у самого входа, Барская в несколько шагов добралась до авто. Топать до парковки в такую холодную и гадкую погоду, как сегодня, было бы настоящим наказанием. Не по-осеннему пронизывающий ветер срывал с деревьев листья, поднимал с земли мусор и кружил все в только ему понятном танце.

Двигатель машины откликнулся приятным урчанием на поворот ключа в замке зажигания. "Полчаса, и я буду на месте" — подбадривала себя женщина, выезжая со двора.

Впрочем, не одна она так думала. Пассажиры общественного транспорта, маршрутки и другие водители, спешили по своим делам ничуть не меньше, но ненастье нахально спутало всем карты. Досадные столкновения, обрывы троллейбусных линий и пробки растянули полчаса на час. Настя стонала от отчаяния, когда очередная попытка выбраться из одного затора приводила ко второму.

С горем пополам проехав половину пути, она вырулила на один из проспектов. Здесь потоку автомобилей ничего не мешало. На радостях хотелось вдавить в пол педаль газа и лететь вперед безоглядно. Она уже почти реализовала задуманное, как на одной из автобусных остановок мелькнуло знакомое хмурое лицо.

— Я никого не видела, я никого не видела... — пробовала уговорить саму себя, но

безуспешно. Образ замерзшего, ютящегося в воротник Таранова навязчиво застрял перед глазами.

Списав свои действия на острый, неконтролируемый приступ великодушия, она сдала назад.

Таранов сразу понял, чья именно машина затормозила у его ног. Подобного он не ожидал. Похоже, судьба сегодня решила подшутить над ним, предложив вместо говорливого таксиста напыщенную дамочку — пресс-секретаря.

Буркнув не то "здрате", не то "чего стоим", Андрей вполне комфортно поместился на переднем сиденье крошечного авто. Настя сразу же ощутила, как на голову опустился тяжелый, жгучий нимб.

— Андрей, а где ваша чудесная шапочка? — развенчивая образ святой, спросила она. — Сегодня не жарко.

Вместо ответа Таранов окинул ее таким взглядом, что Барская чуть не газанула на красный.

— Анастасия Игоревна... — на губах собеседника играла хищная улыбка. — А вас больше никакие элементы моего гардероба не интересуют? Ну, скажем, белье, нижнее... Могу продемонстрировать.

— Вряд ли ваши портки смогут меня заинтересовать. Или вы ими, как знаменем, перед всеми размахиваете?

— Обычно я размахиваю кое-чем другим, но вам это предлагать не буду.

— Да у вас одни пошлости на уме! — краснея, возмутилась Настя. Ее так и подстегивало остановить машину и избавиться от нахального пассажира.

— Анастасия Игоревна, — Таранов улыбался, как чеширский кот, даже усы, казалось, стали длиннее. — Не знаю, какие пошлости вы там себе нафантазировали, а я имел в виду свою клюшку. Знаете, есть такая штука у хоккеистов?

— Свою клюшку тоже придержите при себе! — ничего более путного на ум, как назло, не приходило.

— Да я ею, собственно, перед всеми подряд не машу...

— Очень...

— Целомудренно! — закончил он фразу.

Неизвестно, до чего довела бы их эта словесная перепалка, если бы у Насти не зазвонил телефон. Даже не глянув на экран, она ответила.

— Слушаю, Барская.

Мужчина рядом театрально закатил глаза и отвернулся к окну.

Спустя несколько секунд Настя поняла, что крепко влипла. Звонивший оказался главным редактором крупнейшего в регионе спортивного издания. Она сама больше недели охотилась за ним, надеясь организовать для команды хорошее интервью. В конце концов, немолодой мужчина купился на проникновенную просьбу и даже распустил хвост, надеясь на нечто большее, чем благодарность.

И вот сейчас, когда рядом сидит, напрягая слух, Таранов, придется флиртовать и заискивать перед старым маразматиком.

— Да, Карл, я очень рада Вас слышать, — голос женщины звучал сладко, словно мед. — Вы соскучились? Я тоже...

Редактор упрямо намекал на встречу. Бросив мимолетный взгляд вправо, на капитана,

Настя решила не сдерживаться. В конце концов, не только ему позволено трепаться о своем белье. На кону стояло архиважное интервью.

— Карл, ну разве я могу отказать такому мужчине? Конечно же, мы встретимся, и чем скорее, тем лучше, — абонент радостно раскудахтался. — Ресторан?.. Право не знаю, в последнее время я так устала от них.

Андрей плотно сжал губы, словно его коробило от невольного услышанного. А Барская, поздравив себя с маленькой победой, продолжила отчаянно кокетничать. Постепенно она вошла во вкус.

— Знаете, Карл, мне кажется, мы могли бы встретиться и у Вас в офисе. Там мило, и нам будет удобно, — у мужчины от радости даже голос стал дрожать. Интервью, можно считать, было в кармане. — Да, ужин закажем прямо туда. Китайская кухня? Отлично! И с вином Вы угадали. Божоле — мое любимое.

Андрей скривился, словно это ему сейчас предложили кислое французское божоле. Пошло для мнительных эстетов или позеров. Он готов был даже посочувствовать Барской, которая в компании со своим "искушенным в винах" кавалером собирается хлебать подобную дрянь. Да еще и с едой из китайского ресторана... Стараясь абстрагироваться от чужого разговора, он вспоминал последние указания тренера и особенности техники игроков из своей "тройки".

Настя напропалую флиртовала, а рядом, не понять, из-за чего, закипал от злости капитан ее команды. Ни технику, ни тренерские рекомендации отечественный бог грома и молний так и не вспомнил, а добравшись до ледового дворца, как ошпаренный выскочил из машины. Насте досталось лишь короткое "спасибо".

Она удивленно посмотрела вслед удаляющемуся мужчине и наконец убрала от уха мобильный. Разговор с редактором на самом деле был закончен еще пять минут назад.

Команда напряженно готовилась к завтрашней игре. Соперник обещал быть сильным, не чета прежнему. Для "Северных волков" выигрыш становился делом принципиальным, второго поражения подряд не простят ни болельщики, ни спонсоры.

Тренер нещадно гонял парней, отрабатывая все возможные ситуации, от буллитов до замены вратаря шестым полевым игроком. Следовало предусмотреть любой вариант развития событий. Он до седьмого пота изматывал защитников и тасовал звенья нападающих, экспериментируя с новыми вариантами "двоек" и "троек". Главная надежда и звезда команды — центрфорвард Таранов к концу дня уже на интуитивном уровне чувствовал крайних нападающих из своего звена. Никому даже не верилось, что он новый игрок в этой команде.

Втроем они легко проходили любую защиту, и вратарю Гагарину приходилось туго. Игроки отчаянно сражались с защитой у ворот и за ними. И лишь один Борис Конев готов был выть от злости — даже на тренировках хитрый тренер ставил его в оборону воображаемой команды Таранова.

В то время, как у других защитников была не одна блестящая возможность припечатать дерзкого капитана к бортику, он обязан был его оберегать. Градский не шел ни на какие уговоры раздосадованного экс-капитана, ссылаясь на то, что он, Конев, лучший защитник команды, гроза обороны и нападения соперника, уж кому, как не ему, опекать Таранова, пока тот лупит по воротам. Андрей, с головой поглощенный игрой, в дебатах участия не принимал.

Шайбы одна за другой летели в ворота и ловушку вратаря. К концу тренировки капитан так вымотался, что чуть не споткнулся о собственную клюшку. Стоявший рядом, такой же уставший Борис только глянул с насмешкой, но смолчал. На большее у могучего защитника в этот раз не хватило сил.

С площадки капитан уходил последним.

Постепенно в раздевалке стали стихать голоса. По-богатырски хлопая дверью, игроки расходились по домам. Даже к массажисту Карену никто не заглянул, словно и спины не болели, и мышцы не сводило от напряжения. Усталость брала свое, а завтра предстояла новая трудная игра.

Андрей поднял на максимум ручку смесителя и, подставляя плечи под мощный напор воды, пытался расслабиться. Хоть какое-то преимущество в принятии душа последним.

Не хотелось думать ни о хоккее, ни о дороге домой и ни об ужине. К сожалению, даже сейчас, в двадцать первом веке, сервис был еще далек до идеала. Можно вызвать такси, и водитель довезет до дома, но вот нанять на часик кухарку, которая приготовит ужин так, как надо — это уже фантастика. Да, существовали рестораны и еда на вынос, но где гарантия, что вместо телятины не подсунут свинину, а стейк будет приготовлен именно так, как любит он, легкой прожарки и с кровью.

Теоретически был еще один вариант — завести домовитую подружку, вот только женщин этого типа Таранов остерегался больше всего. Накормив пару раз досыта, они садились на шею, ожидая от разомлевшего мужчины предложения руки и сердца. В последний раз он чуть не совершил подобную роковую ошибку. Спас неожиданный переход в другой клуб. Как говорится, нет худа без добра.

"Но еда едой, а с подружкой надо что-то решать и поскорее" — выходя из душа, невесело подумал Андрей. Месяц воздержания, а нервы уже были ни к черту. Еще чуть-чуть, и он с интересом начнет рассматривать костлявого пресс-секретаря.

Словно в ответ на его мысли, дверь в раздевалку открылась.

— Вау! Какое зрелище! — послышался знакомый низкий голос. Грациозно переступив через порог, в комнату вошла красивая молодая женщина. — Андрюша, да от тебя глаз невозможно отвести. Особенно в этом полотенце.

— Алла, — мужчина сложил руки на груди. — Неужели я в прошлый раз что-то непонятно объяснил?

— В прошлый раз нам помешали, — она нарочито медленно приблизилась к мужчине. — Сегодня Юра занят.

— И ты решила воспользоваться возможностью и пополнить свою коллекцию хоккеистов. Bravo!

— А ты гордый, да... Мне нравится, — прошептала на ушко соблазнительница.

— Я буду каким, двадцатым, тридцатым?

— Лучшим... — узкая горячая ладошка прошлась по широкой мужской спине и плечам. Пальцы, казалось, повторяют причудливый узор татуировки. — Никогда не видела такой красоты, что означают все эти символы?

— Так тебя символы интересуют? — Таранов хмыкнул.

— Меня интересуешь ты весь, — острые женские ноготки, слегка царапая кожу, спустились к полотенцу на бедрах. — Ты ведь большой мальчик. О да, большой, я уже вижу. Настоящий Тор...

Чертыхнувшись, Андрей убрал ее руки подальше и закрепил полотенце поплотнее. Скрыть возбуждение это не помогло. Тело уже жило своей жизнью, требуя немедленного удовлетворения.

— Алла, мне жаль тебя огорчать, — голос предательски охрип. — Но я не коллекционное издание. Тебе лучше уйти.

— Конечно, — не отрываясь от его затуманенных глаз, она развязала пояс собственного платья. — Только после этого.

Полы платья распахнулись, обнажая скрытое под ним богатство. То ли пластические хирурги, то ли матушка-природа, но кто-то талантливо потрудились над этим телом. Андрей нервно сглотнул, не в силах вымолвить и слова. Взгляд жадно блуждал по пикантным изгибам, прикрытым лишь тонким, кружевным бельем.

— Нравится? — женщина провела ладонью по своей округлой груди, остановившись на соске. Легонько сжала. Маленький холмик бесстыдно отозвался на ласку, отчего мужчина напротив напрягся еще больше. Руки крепко сжали край полотенца, словно боялись, что оно испарится.

— Эффектно, — прокомментировал он все тем же хриплым голосом. — И куда только смотрит твой рогоносец...

— Мне больше нравится твой взгляд, — Алла откровенно облизала губы. — Твое тело, твой запах, твоя эрекция. Впечатляет... Давай не будем впустую тратить время...

В воздухе повисло напряженное молчание. Оба не сводили друг с друга заинтересованного взгляда.

— Красавица, я, наверное, последний идиот... — пришедший в себя Таранов громко прокашлялся. — Но я не люблю есть из общей посуды, даже если она расписана под хохлому.

Удар мгновенно попал в цель. Алла готова была броситься на него с кулаками, но в дверь раздевалки неожиданно постучали.

— Извините... — Анастасия Игоревна Барская удивленно замерла на пороге.

— А я сегодня популярен... — сквозь зубы пробурчал капитан, отворачиваясь к шкафчику с одеждой. И, хоть его полотенце так и осталось на бедрах, но от взгляда вошедшей некоторые особенности скрыть не удалось.

Окончание дня вышло не менее ярким, чем его начало.

Глава 6. Пятница тринадцатого

Второй матч сезона был назначен на вечернее время. Тренер "Северных волков" дал игрокам возможность отоспаться на час дольше положенного и тренировку проводил в щадящем режиме. Сегодня команда обязана была выиграть: и матч на своей площадке, и две предварительные тренировки существенно поменяли стратегию. Лишь помощник тренера Дмитрий Иванович Конев невесело поглядывал на календарь и вздыхал. Как всякий профессиональный спортсмен, он верил в приметы, и в пятницу тринадцатого тоже верил. И пусть не мог объяснить, почему именно для его команды примета была нехорошая, но сердце опытного хоккеиста неприятно покалывало с самого утра.

Однако же Градскому о предчувствиях помощник ничего рассказывать не стал. Эдуарду Станиславовичу хватило и своих хлопот, один только разговор со Скруджем чего стоил. После него тренер надолго закрылся у себя в кабинете, не желая никого видеть. Даже Юра, опытный специалист по переговорам, предпочел не соваться туда со своими срочными вопросами.

Пятница и для Анастасии Игоревны Барской оказалась богата на неприятные сюрпризы. Мало того, что целый час с утра пришлось провести в пробке, объезжая кругами проклятый проспект со всеми его остановками и случайными попутчиками, так еще ночью кто-то порывлся в ее рабочий стол. Что могли искать, Настя не знала, но простенький замок от двери кабинета твердо решила сменить.

Ближе к обеду, когда она уже собралась наведаться в местное кафе, в дверь постучал гость. Поначалу Барская думала проигнорировать нежданного визитера. Хватило и того, что после вчерашней встречи в раздевалке уснуть получилось не сразу. Однако мрачное лицо капитана сквозь прозрачную перегородку красноречиво говорило о его серьезных намерениях.

— Чем обязана? — сходу перехватывая инициативу в свои руки, бросила Барская.

Андрей, казалось, вопрос проигнорировал. С видом полного безразличия мужчина прошелся по кабинету и развалился на гостевом стуле. Насте оставалось лишь диву даваться, как у него это выходит. Что здесь, что в ее маленькой машинке, он казался хозяином положения, спокойным и расслабленным, точно большой кот.

— Вообще, этот вопрос должен был задать я, — Таранов закинул руки за голову и вытянул длинные ноги. — Еще вчера! Но Вы так быстро убежали из раздевалки, словно увидели там что-то страшное.

— Не страшное, а, скорее, неприятное, — презрительно сощурила глаза Настя. И ведь хватает у некоторых наглости вспоминать случившееся. — У вас, Таранов, ни стыда, ни совести. Если уж так приперло, могли бы ради приличия хоть дверь на замок закрыть.

— Мне, как Вы сказали, приперло. Не до замков было, — Андрей наслаждался яростью своей собеседницы. Холодная дамочка пресс-секретарь оказалась еще и моралисткой.

— Я заметила, — фыркнула женщина.

— И все-таки, вам-то что нужно было? — он приблизил к ней лицо и хитро улыбнулся. — Или тоже захотелось приключений на свою очаровательную задницу?

Перчатка была брошена слишком красноречиво, оставалось достать дуэльные пистолеты и пристрелить мерзавца.

— О, да! — с придыханием ответила Барская, подавшись вперед. Их разделяли всего каких-то десять сантиметров. Глаза в глаза, как хищники, изготовившиеся к прыжку. — Всю жизнь мечтала развлечься с каким-нибудь смазливym хоккеистом в вонючей раздевалке. Поставить галочку в графе "спортивных достижений".

— Что ж тогда не остались? — глаза капитана лихорадочно блестели. Всего пара фраз, а он уже был готов рвать и метать. — Где одна, там и две. Я бы как-нибудь управился.

— Спасибо за предложение, но "как-нибудь" — это не для меня, — напоследок одарив капитана презрительным взглядом, Настя откинулась на спинку стула. Судя по его побелевшим кулакам, этот раунд она выиграла.

— А не для меня — гоняться голышом за напыщенными дамочками по ледовому дворцу, — улыбка Андрея превратилась в оскал. Руки сами тянулись схватить нахалку за горло и удушить.

— Хм... Напыщенная дамочка вообще-то собиралась предупредить вас об эксклюзивном интервью, которое предстоит нам обоим завтра.

— Интервью? Нам?

— Да, мне и капитану команды. Как это ни прискорбно, но капитан пока Вы.

— Анастасия Игоревна, а кто Вам сказал, что я кому-то собираюсь давать интервью? Очень самонадеянно...

— Во-первых, это предусмотрено вашим контрактом, а во-вторых... Андрей, неужели Вы упустите возможность лишней раз засветиться на главной странице самого популярного издания? — Настя вопросительно изогнула бровь. — Поклонницы, Таранов! Да они потом табуном повалят, не нужно будет ютиться по закоулкам с чужими женами.

— Черт! И как я об этом не подумал? — хоккеист хлопнул себя по лбу. Вот уж действительно "решение" всех его проблем! К неугомонной Репиной подключатся еще и фанатки. Счастье привалило, откуда не ждали. Хотелось послать госпожу пресс-секретаря куда подальше, вместе с ее хитрющим дядюшкой и еще парой-тройкой "наиприятнейших" личностей из нынешнего руководства.

— Я знала, что вам понравится идея, — хозяйка кабинета выключила компьютер и прихватила сумочку. — Вот и договорились. Завтра после тренировки жду в конференц-зале.

— Постараюсь сегодня на игре сберечь все зубы и не позволить противнику разукрасить мое лицо. Не хотелось бы на таком "нужном" фото выглядеть непрезентабельно.

— Только выиграть не забудьте! — Барская распахнула дверь, намекая собеседнику, что "аудиенция" закончена.

Андрей медленно поднялся со своего места, потянулся. Майка на мужчине задралась, обнажая полоску кожи над брюками. Специально это было сделано или нет, но сердце Насти пару ударов пропустило. И как только он умудряется проворачивать с ней подобное? Мало того, что вчерашняя картинка с полотенцем накрепко засела в памяти, так сейчас ей в коллекцию добавился еще один фрагмент голого тела молодого льва. Впору молить Бога о частичной амнезии.

Не обращая никакого внимания на ее короткое замешательство, Таранов подошел к двери и замер напротив женщины, едва касаясь ее своей широкой грудью. Даже на каблуках Барская была ниже его на голову.

Стальные глаза оценивающе прошлись по точеной фигурке с макушки до ног и обратно. Насте стало жарко.

— Анастасия Игоревна, мне вот интересно: Вы со всеми такая стерва или только мне

одному посчастливилось?

— А Вы рассчитывали, что я, как Алла, брошусь к Вам на шею?

— О нет! Обниматься со снежной королевой мне что-то не хочется, остерегаюсь замерзнуть.

Удар попал в цель, прошив насквозь всю броню женщины. Пришлось собрать волю в кулак и держаться, не показывать слабость, не выдавать себя. Внутри все клокотало, но она не проронила ни слова. Дождалась, пока гость покинет кабинет, и только потом выдохнула с глухим стоном.

Похоже, капитан умел поражать не только ворота противника. Такой реванш она запомнит надолго.

Для обеих команд это была уже вторая игра сезона. К исходу первого периода "Северные волки" опережали противника не только по количеству бросков, но и по результативности. На табло красовался счет один-ноль в пользу хозяев площадки. Казалось, что "тройку" Таранова ничто не сможет остановить. Градский придумывал все новые и новые схемы атак, а нападающие быстро приводили задумки в исполнение. В надежде на заветные очки их соперники сражались изо всех сил.

Гагарин не расслабляясь ни на секунду, следил за игрой. Его сегодня редко заставляли поволноваться. Защитники четко и жестко останавливали атаки, не давая сопернику подобраться к линии ворот. Они, похоже, решили оправдаться за ошибки прошлого матча.

Настя смотрела игру из вип-ложи. Рядом, обложившись мобильными устройствами, сидел сосредоточенный Репин. Красавица-жена на матче отсутствовала, оставив супруга и всю хоккейную команду без присмотра. После увиденного вчера у Насти только усилилось отвращение к знойной красотке, и ведь Таранов, подлец, ничего не отрицал.

— Юра, а где ваша очаровательная супруга? — Барскую так и подмывало спросить не "где", а "с кем", но из уважения к Репину сдержалась.

— Алла? — белозубая улыбка заиграла на лице главного менеджера. — О, она не любит хоккей и совершенно не разбирается в правилах.

— Юра, мы сейчас точно об одной и той же женщине говорим? — Настя недоумевала. Как это "миссис грудь" не любит хоккей? А зачем она тогда целыми днями сидит с Репиным в офисе? Вопросов возникало слишком много.

— Алла и хоккей — совершенно не сочетаемые понятия, — улыбка мужчины стала еще шире, а в глазах заплясали озорные огоньки. — Да она "своих" от "чужих" не отличит. В лучшем случае, высмотрит хоккеиста посимпатичнее и будет за него болеть. Такой подход не лишен определенного смысла, вот только болельщики нашего сектора сильно удивляются, когда слышат радостные крики на заброшенную в ворота Гагарина шайбу.

— И что, подобное уже было?

— И не раз! — Репин пододвинулся поближе. — Она не такая, как Вы. Яркая, веселая, но не такая...

— Я не совсем понимаю, что Вы хотите этим сказать? — последние слова Репина заставили Барскую напрячься. Женское чутье за милую чуяло подвох.

— Настя, у нас с вами раньше не было возможности нормально пообщаться, да и сейчас... Этот матч, — он взял в свои ладони изящную женскую ручку и тоном ниже продолжил: — Вы фантастическая женщина. Думаю, большая удача, что в нашей команде появился такой профессионал, к тому же настоящая красавица.

— Юра, Вы мне льстите!

— Ничуть! Все — правда.

— Тогда спасибо. Постараюсь оправдать ваши ожидания... в профессиональном плане, хоть это и нелегко, — Настя вздохнула, вспоминая сегодняшний разговор с капитаном.

— Я наслышан о "теплом" приеме.

Осведомленность главного менеджера потрясала. "Вот уж действительно, в чужом глазу и соринку заметит, а в своем не увидит и бревна" — с усмешкой подумала Настя.

— Они в своем большинстве тупые спортсмены, — продолжил Юра. — Только и умеют, что играть. Особенно капитан. Не стоит принимать их слова близко к сердцу, мой Вам совет.

Барская постаралась не выдать своего удивления. "Тупые спортсмены" — это, пожалуй, уже перегиб, и если с капитаном понятно, тут явно без жены не обошлось, то к другим откуда у Репина такое отношение?

— Спасибо за заботу, Юра. Трудностей я не боюсь.

— Вот и хорошо, но в случае необходимости смело обращайтесь ко мне. Уж я на них управу найду.

За этими словами явно что-то скрывалось, Настя подкоркой чувствовала исходящую от мужчины агрессию и власть. Он был похож на пса, готового по первому же сигналу вгрызться в горло противнику. Идеальный исполнитель, именно таких больше всего ценит ее дядюшка. В ее воображении за спиной менеджера уже мелькал призрак дражайшего Александра Михайловича. Оставалось надеяться, что власть беспринципного спонсора не простирается так далеко.

Тройка капитана уверенно шла в нападение. Публика на трибунах скандировала "Шайбу!", а под куполом ледового дворца раздавались веселые ритмы "Калинки-малинки". Разницу в одно очко нужно было увеличивать как можно скорее, пока противник не придумал какую-нибудь хитрую комбинацию или не развязал более жесткую игру.

Впрочем, против одного из игроков, самого быстрого и опасного, соперник уже неоднократно пускал в ход опасные, силовые приемы. Две минуты штрафа — не такая уж высокая цена за риск.

Умело орудуя клюшкой, маневрируя и вертясь, капитан "Северных волков" неуловимо уходил от столкновений и подножек. С каждым разом это давалось все трудней, оборона с ним не церемонилась. Видя, что Таранову приходится нелегко, тренер пустил в ход тяжелую артиллерию.

Под гудение трибун на площадку вышел Борис Конев. Беззубая улыбка бывшего капитана, задиры и любимца публики, тут же появилась на всех экранах арены. Занятый подготовкой к вбрасыванию, Андрей не заметил смену защитника. Борис же, наоборот, в мгновение определил местонахождение своего "подопечного" и двинулся в его сторону.

"Что ж, — решил он. — Уж я тебя, Андрюша, сейчас хорошо позащитаю!"

После свистка игра продолжилась. Клюев, выиграв вбрасывание, точно передал шайбу капитану, и тот ринулся в атаку. Скорости возрастали с каждой долей секунды, зрители замерли в ожидании. Не без сложностей пройдя синюю линию, Андрей был уже в нескольких шагах от ворот. За его спиной мелькала широкая грудь защитника "Северных волков". Не беспокоясь о нападении с тыла, Таранов сдал пас назад Клюеву, а сам выкатился ближе к вратарю — многократно разыгранная комбинация. Пара секунд и шайба вернется к

нему, чтобы влететь в ворота.

Счет два-ноль был так близок.

Он сделал всего один шаг, изготовившись принять пас, когда сзади на сумасшедшей скорости на него налетел защитник соперника. Как кадры на замедленной съемке перед глазами проносились события: звериный оскал двухметрового игрока, бортик, лед, кровь, и рядом, в метре от него, кто-то третий, знакомый. Он сдержанно улыбается и безвольно разводит руками.

Конев, опустив глаза, молча, слушал тренера. Он только сейчас в полной мере осознал цену произошедшего.

— Есть, Боря, хоккеисты, в которых живет Бог, есть хоккеисты, в которых живет дьявол, а есть такие хоккеюги, как ты, в которых живут только глисты!

— Эдуард... — помощник тренера нервно провел рукой по жиденьким волосам. — Давай я ему сам, дома задницу надеру? Не при парнях...

— Дима! У нас не институт благородных девиц! Твой Бориска только что лучшего форварда команды под удар подставил! — мужчина зло сплюнул. — Если Андрей к завтрашней тренировке не придет в норму, Борис может вешать коньки на гвоздик! Пусть дома сидит и куличики лепит, нефиг ему во взрослые игры играть.

Боясь вызвать еще большую ярость Градского, Дмитрий Иванович смолчал.

Настя за минуту добралась из вип-ложи до скамейки игроков и сейчас с замиранием сердца смотрела, как со льда под руки уводят капитана. Тому явно было несладко, на побелевшем от боли лице застыла маска злости, а из разбитой губы все еще текла кровь. Не решаясь помочь, Барская нервно мяла в руках свежий платок. Как вытащила его из сумочки, даже не заметила.

Уже у выхода из зала, не дойдя до нее пару метров, Таранов сам заставил медиков остановиться.

— Надеюсь, зрелище понравилось, — голос мужчины звучал глухо. В голове шумело, словно поблизости раскручивал лопасти вертолет. — Вот только лицо не уберег, придется Вам завтра самой как-то разбираться с интервью.

— Таранов, ты точно псих! — Барская не выдержала и шагнула навстречу.

Пальцы нежно приложили платок к разбитой губе, промокнули кровь. Андрей скривился от боли, но лицо не отвернул. Не хотелось. Смотрел в перепуганные глаза напротив и сам себе поражался. Откуда только взялась эта странная потребность в ее участии? Анастасия Барская, снежная королева и безжалостная стерва... А тут чуть ли не плачет. Неужели из-за него?

Вокруг словно все исчезло, лишь короткие неловкие взгляды и легкие прикосновения. Кровь уже не текла, но Настя все не решалась убрать платок. Они так и стояли вдвоем, окруженные медиками, пока не подбежал запыхавшийся Репин.

— Андрей, скорая тебя уже ждет, бригада врачей в больнице предупреждена, примут по высшему разряду, — он махнул капитану. — Давай быстрее!

Настя стряхнула с себя оцепенение и убрала руку. Прямо на глазах капитана она снова возвращалась в привычный образ Анастасии Игоревны Барской. Горящий взгляд потух, а губы сжались в тонкую линию.

Андрей лишь удивленно моргнул, не в силах сейчас что-либо понять. Боль и шум вновь заслонили все мысли.

Опираясь на руки санитаров, он направился к выходу.

Третий период матча закончился ничьей. Никакие стратегические ухищрения тренера, так же, как и грубая словесная встряска, не принесли плодов. Отсутствие нынешнего капитана и оплошность бывшего безнадежно подорвали командный дух. Воспользовавшись этим, соперник усилил атаку. Гагарин держался молодцом, но в середине периода, оставшись в меньшинстве из-за досадного фола, "Северные волки" совершили ошибку. Защита провалилась, а вратарь не успел спасти ситуацию.

Настя досматривала игру в одиночестве. Она и сама была этому рада, никого не хотелось видеть. Сегодня и без того слишком много эмоций, а это плохо. Сейчас нужно быть собранной и серьезной, впереди много работы, команда в самом низу турнирной таблицы, а завтра ответственное интервью. Скорее всего на нем придется отдуваться самой, без капитана.

На трибунах людей становилось все меньше, все спешили по домам. Вечер пятницы накладывал свой утомительный отпечаток на все. Даже если это пятница тринадцатого.

— Псих... Настоящий псих... — с загадочной улыбкой неслышно прошептала женщина, бросая в урну окровавленный платок.

Глава 7. Предложения, приглашение и прочие неожиданности

Александр Михайлович Барский по своему обыкновению всегда начинал день с чтения прессы. Его интересовала масса вещей, от биржевых котировок до публичных разоблачений политиков и бизнесменов. В свои шестьдесят пять он уже научился предугадывать первое и не беспокоиться о втором. Жизненное кредо банкира лишь укрепляло эту позицию: "Только легальные сделки, только надежные исполнители!"

Исполнителей на все ключевые посты Александр Михайлович отбирал сам, заинтересовывая морально и материально. Все они безоговорочно исполняли поручения щедрого руководителя, какими бы те ни были. Без возражений и осечек, как один цельный, хорошо отлаженный механизм. И мало кто догадывался, что он не одинок. Всегда рядом находился кто-то еще, дублер, способный в любой момент перехватить на себя ведущую функцию и выполнить задачу.

Дела шли в гору, бизнес процветал, и свежая информация поступала оперативно. Утренний звонок из ледового дворца лишь подкрепил уверенность — все идет так, как надо. Он не ошибся в выборе и на этот раз.

Телефонный звонок застал Андрея в машине. Такси уже вырулило на центральный проспект, и скоро пассажир должен был прибыть на место.

— Таранов, мать твою... — голос Ивана звучал грозно. — Какого черта ты смылся из больницы? Ты вчера последние мозги на льду оставил?

— Вань, а что случилось-то? — спортсмен почесал гладко выбритый подбородок и скривился. Вот зачем, спрашивается, он удумал побриться? Полгода бегал себе бородатый и усатый, а тут на тебе — послушал ворчливую врачиху. Рану ей, видите ли, обрабатывать неудобно. Барская сейчас сто процентов уцепится за это и, пока не доведет его до бешенства, в покое не оставит.

— Случилось? — вратарь не унимался. — Ну, ты... Я половину больницы на уши поставил, тут все в панике, пациента потеряли!

— Мне там делать нечего. Сотрясения нет, кости на месте, а баланду больничную я ни под каким предлогом есть не буду.

— Так ты из-за еды сбежал? — Гагарин в трубке прыснул со смеху. — Таранов, твои гастрономические причуды — это что-то! Смыться втихаря из больницы из-за гречневой каши... На такое способен только ты!

— Я себе не враг. Мне форму терять нельзя, а у них диетпитание!

— Таранов, Таранов... А Машка, между прочим, курицу тебе потушила. Аромат потрясающий, а нам даже кусочка попробовать не дала.

— Мясо... — желудок голодного мужчины тут же заурчал. — Машка у тебя — сокровище!

— Это я и так знаю, а с курицей как быть? Куда я ее сейчас дену?

— Вези в ледовый дворец, я как раз туда направляюсь.

В трубке повисла минутная пауза. То ли Гагарин придумывал какими еще лестными эпитетами наградить друга, то ли соображал, что тому может понадобиться во дворце. Тренировка уже закончилась.

— Вань, интервью у меня там, — Таранов беспокожно глянул на часы. Не успеваает.

— А пресс-секретарь на что?

— Барская? — Андрей снова потер бритый подбородок. — Да что она расскажет? Она ж баба! Ляпнет еще что-нибудь, а нам с Эдуардом Станиславовичем опровергай потом.

— А, так в этом причина? — протянул друг. — Я уж было подумал, что она тебе понравилась.

— Барская? Мне? Да никогда в жизни! — Андрей аж закашлялся. — Такую стерву, как она, еще походи-найди! Не, я еще не совсем умом тронулся.

— Ну-ну, — многозначительно хмыкнул Гагарин.

— Не нукай! У меня на одну ее фамилию иммунитет, про остальное и говорить нечего, — такси уже притормаживало у парковки ледового дворца. — Ладно, Иван, мне идти надо. Жду тебя здесь. Курицу не забудь!

— Не забуду, не байсь! Беги уже, спасай принцессу, пока ее кто-нибудь другой не спас.

— Дурацкие у тебя шутки, Гагарин.

— Друзья у меня такие же.

За пятнадцать минут интервью Настя уже многократно пожалела, что отказалась от помощи Репина. Вместо того, чтобы прислать какого-нибудь толкового журналиста, редактор явился сам, расфуфыренный и вальяжный. Глаза-пуговицы хитро поблескивали, осматривая будто сканером молодую женщину, а потные пухлые ручонки так и норовили прикоснуться, взять за руку. Барская, с трудом сдерживая желание послать подальше досужего ухажера, мило улыбалась и выдавала нужную информацию. Заранее продуманные факты, радужные перспективы и достижения — лишь "плюсы", о которых так важно было напомнить сейчас читателям.

Многократные попытки редактора вывести причины последних неудач неумолимо завершались пустой болтовней о тяготах спортивной журналистики и обсуждением предстоящего свидания в кабинете distinguished Карла Францевича.

Во время одного из таких задушевных разговоров служебная дверь конференц-зала приоткрылась, и бесшумно вошел капитан. Собеседники не сразу заметили хмурого, широкоплечего мужчину, а когда заметили, удивленно замерли оба.

— Здравствуйте, господа. Я так понимаю, интервью продвигается успешно и без меня? — Таранов, игнорируя присутствие незнакомца, повернулся к Барской.

Настя поплотнее запахнула на груди элегантную кофточку и подняла глаза на вошедшего.

— Андрей, здравствуйте, — она постаралась не выдать своего удивления. — Вас так быстро выписали?

— А у меня, как у кота, девять жизней! — ответил он, пожимая протянутую руку редактора.

— Карл Францевич, — представился тот. — Лучше просто Карл.

— Ах, Карл... — капитан загадочно улыбнулся пресс-секретарю.

Настя напряглась еще больше. В голове уже стучали тревожные молоточки, а память прокручивала воспоминания о телефонном разговоре с редактором в машине. Жалеть о содеянном было поздно.

— Андрей, замечательно, что Вам удалось придти, — редактор схватился за свой блокнот. — У меня как раз было несколько вопросов для Вас.

— Тогда не будем трагить мое и Ваше время, — тот снял куртку и небрежно бросил ее на соседний стул.

Сейчас, рядом с низким и обрюзгшим Карлом, он еще больше казался похожим на древнего скандинавского бога. И пусть без бороды и усов, пусть с разбитой губой и ссадиной на щеке. Манеры и взгляд остались прежними, все так же уверен в себе, все такой же игривый лев.

Из-под рукава майки выглядывал фрагмент сложной татуировки, привлекая к себе внимание, сильные руки скрещены на груди, глаза горят — Тор во всей красе. Настя невольно им залюбовалась.

— Скажите, Андрей, — на диктофоне щелкнула кнопка записи, — Вы на сегодня один из самых ценных игроков "Северных волков", к тому же капитан, а легко ли команда восприняла смену лидера и появление нового форварда?

Боясь, что Андрей может обнародовать свой конфликт с Коневым, Настя готова была ответить за него. Только она открыла рот, как горячая сильная ладонь незаметно легла ей на колено и тихонько сжала. Слова застряли в горле.

— Главным лидером любой команды является, в первую очередь, тренер, — Таранов говорил четко и уверенно, одним своим тоном развеивая любые опасения Барской. — В нашем случае эта должность не претерпела никаких изменений. Я, кстати, очень рад играть под руководством Эдуарда Станиславовича, а капитан... Мы ведь профессионалы, каждый делает свое дело.

— Но ходят слухи, что у вас с прежним капитаном...

— Карл...

— Францевич, — подсказала Настя.

— Да, Карл Францевич, я не знаю, кто и для чего распускает подобные слухи, но с Борисом у нас сложились хорошие отношения. Думаю, в предстоящей игре мы еще удивим своих болельщиков слаженной игрой в защите и нападении.

— Будем надеяться, — редактор снова уткнулся в свой блокнот. — Как Вы оцениваете шансы команды на выход в плей-офф?

— Оптимистично, — Андрей бросил хитрый взгляд на пресс-секретаря и добавил. — В последнее время я вообще стараюсь на все смотреть оптимистично.

Барскую так и подмывало воткнуть ему в ногу острый каблучок. Вот уж где не мужчина, а неиссякаемый источник сарказма. С трудом сдержав свой пламенный порыв, она направила Таранову самый убийственный из своих взглядов. Тот лукаво ухмыльнулся в ответ.

— Приятно слышать о вашем, таком оптимистичном, настрое, учитывая, чем вам пришлось пожертвовать из-за контракта с "Северными волками".

— Может не будем об этом? — в голосе Таранова послышались холодные нотки.

— Андрей, — Карл Францевич отложил блокнот и снял очки. — Вы ведь понимаете, что все болельщики, которые следят за вашей карьерой, очень сильно удивились, узнав, что ради нынешнего контракта, Вы отказались от иного, гораздо более интересного предложения.

— В жизни бывает всякое. Спишите это на патриотизм и забудем.

— Андрей! — журналистское чутье редактора за милю чуюло ложь. — Отказаться от возможности вновь играть за океаном, в НХЛ... Подобное редко встречается. Ну, хоть немного приоткройте нам завесу тайны? В чем на самом деле причина?

Настя не мигая смотрела на Таранова. На лице капитана читались раздражение и ярость, а тело напряглось так, что даже вены на руках вздулись. Похоже, вопрос Карла Францевича вызвал у него настоящую бурю эмоций. Это было очень странно.

Еще два дня назад Барская и сама задавалась вопросом "Почему он остался?", но копия контракта, полученная по электронной почте от Юры, мигом расставила все на свои места. За такой баснословный гонорар, который обещал ему клуб, можно было позволить себе роскошь в виде патриотизма.

И что она видит сейчас? Неужели ошиблась?

— Андрей... — редактор еще раз позвал его. — Ответьте.

Таранов еще минуту помолчал, будто взвешивал все за и против, а потом повернулся к Насте.

— Может на этот вопрос ответит наш пресс-секретарь? Анастасия Игоревна... Барская.

Последнее слово он произнес нарочито медленно, важно, будто именно в нем была сокрыта та самая загадочная причина отказа от перехода в НХЛ.

Настя недоуменно смотрела на спортсмена.

— Карл Францевич, — ответ ей приходилось сочинять на ходу. — Мне видится, клуб смог предложить господину Таранову достойные условия и реальный шанс завоевать кубок. "Северные волки" в прошлом сезоне показали прекрасную игру, и будь на тот момент в нашем составе нападающий такого уровня, как Андрей, вместо третьего места, мы были бы на первом.

Сам капитан слушал ответ пресс-секретаря, отвернувшись к окну. Ему было глубоко безразлично, какую именно правду скормит журналисту официальный представитель команды. В его случае надеяться даже на приоткрытие тайны не стоило. Шайка Барских подстраховалась со всех сторон. И пусть Анастасия Игоревна сколько угодно разыгрывает из себя неосведомленность. Его ответ "Не верю!"

Оставшаяся часть интервью прошла незаметно. Настя искусно дополняла односложные ответы капитана, а редактор, не получив нужной ему скандальной информации, несколько растратил свой пыл. Попрощавшись с гостем, Барская вернулась в конференц-зал. Таранов был уже почти одет.

— Андрей, — окликнула его женщина. — Большое спасибо, что смогли придти, и спасибо за ответы. Догадываюсь, как сложно было забыть вчерашнее и выгораживать Конева.

— Конева? — красивые мужские губы сложились в саркастическую улыбку. — Борис дурак, но с ним работать можно, а вот забыть кое-что другое...

— Не понимаю, о чем Вы?

— Bravo! — он захлопал в ладоши. — Да Вы актриса! Не знай я, кто передо мной наверняка купился бы.

— Андрей, если Вы о контракте с "Волками" и отказе от игры в НХЛ... — она подошла к нему вплотную и уперла указательный палец в широкую мужскую грудь. — Я не осведомлена ни о каких иных причинах, кроме тех, что сказала редактору.

— Ой, ли? — он хитро сощурился.

— Это чистая правда, но судя по Вашей реакции, кое-что было не так, — тяжелый вздох. — Я неплохо знаю своего дядю и представляю, на что он способен. Александр Михайлович — довольно циничный человек, но это не значит, что я нахожусь с ним в

сговоре или разделяю убеждения.

Таранов молчал. Нелегко было поверить в то, что стержневая, самоуверенная дамочка пресс-секретарь не замешана в грязных делишках Скруджа.

— Не верите... Что ж, Ваше право.

Убеждать в своей непричастности Барская никого не собиралась. Под пристальным, задумчивым взглядом мужчины она собрала со стола все свои документы и сложила компактный нетбук. На сегодня рабочий день можно было считать завершённым. Задерживаться не хотелось ни на минуту. День и так выдался непростой, а после общения с навязчивым редактором отчаянно хотелось помыть руки или даже полностью залезть в душ.

Таранов, похоже, разделял ее стремление. Снова без шапки, но все в том же нелепом оранжевом шарфе он был уже одет и собирался уходить.

— Вы в больницу или домой? — решив расстаться на хорошей ноте, спросила Настя.

— Домой. В больницу меня ничто не заставит вернуться.

— А как же молодые симпатичные медсестрички? — без злобы пошутила Настя.

— А чего мелочиться? Вы мне лично толпы фанаток после этого интервью обещали, — Таранов весело улыбался, словно это не он минуту назад обвинял Настю в грязных делишках дядюшки.

— Вы неисправимы!

— Это нелегко, но я стараюсь, — Андрей игриво поклонился.

— Я наверняка об этом пожалею, но... — пришедшая в голову идея хоть и была безумна, но попробовать стоило, вдруг капитан разговорится. — Вас подбросить до дома?

Во взгляде потенциального пассажира читалось неприкрытое удивление и что-то еще. Барская так и не разобрала что именно. Мало ли какая коварная мысль могла посетить неугомонного скандинавского бога.

— Боюсь, мне с Вами не рассчитаться за такую услугу. Душа уже продана в вечное рабство Вашему глубокоуважаемому родственнику, а это тело... — он приложил руку к груди, — Вряд ли оно заинтересует столь искушенного эстета, как Вы. Куда мне до несравненного Карла Францевича?

Настя залилась смехом. Да, в компании с отважным капитаном умереть со скуки ей не грозит.

— Жду Вас через пять минут на стоянке, — махнув рукой на здравый смысл, она вынула из сумочки ключи от машины. — Так и быть, побуду сегодня матерью Терезой.

— Вряд ли получится, но стремление похвальное.

— Лишь ради Вас, — уходя, бросила Барская.

Маленький серебристый Фиат лихо маневрировал в быстром потоке автомобилей. Настя внимательно следила за дорогой, не отвлекаясь ни на что. Рядом, уткнувшись в мобильный телефон, сидел мужчина. Его, казалось, тоже ничто не интересовало кроме информации на экранчике, а редкие, косые взгляды на женские коленки были не в счет. Да и как не смотреть на них, если постоянно мельтешат перед глазами и сбивают с важных мыслей?

Они проехали уже большую часть пути, как вдруг на светофоре случилось непредвиденное. Дождавшись зеленого света, Настя включила первую передачу и медленно начала движение. Чем был в это время занят водитель громоздкого, тонированного джипа перед ней, угадать сложно. Не обременяя себя заботой свериться с зеркалом заднего вида, он

легким движением руки переключил передачу. Тяжелая машина тут же немного откатилась назад. К Настиному несчастью этого "немного" оказалось достаточно. От удара встрепенулся даже Таранов.

Осыпая проклятиями все блондинок и их машины, к Фиату направлялся крепко сбитый мужичок — владелец джипа. Настя замерла на месте, на секунду растеряв всю свою смелость.

— Дамочка! — крепыш громко постучал в окошко авто. — Ты, твою мать, у меня сейчас получишь!

Андрей положил телефон в карман и нахмурился.

— Открывай давай! — мужичок нервно сплюнул прямо на колесо Фиата. — Вот курица...

— Так, ладно, — резко отстегнув ремень безопасности, Таранов первым вышел из машины.

Насте досталось лишь короткое "Жди!" и, судя по тону, которым оно было сказано, настроен капитан был весьма серьезно.

Владелец джипа удивленно взглянул на нового неожиданного участника разбирательства, но от Насти отвязался. Уже скоро оба мужчины скрылись в салоне тонированного чудовища. Что происходило там, осталось для женщины неразрешимой загадкой. Приводил ли Андрей какие-либо доводы, платил или угрожал, но когда по прошествии пяти минут владелец джипа снова постучал в окошко Фиата, на лице его читалось такое искреннее сожаление, что Барской стало не по себе.

Сунув женщине визитку и кругленькую сумму денег, тот невнятно попросил прощения и быстренько удалился в машину. Конфликт был исчерпан, и джип в считанные секунды исчез за поворотом.

Таранов плюхнулся на пассажирское сиденье и, как ни в чем и не бывало, снова уткнулся в мобильный телефон.

— Мавр сделал свое дело? — Настя бросила лукавый взгляд на соседа.

— Угу! Терпеть не могу хамов.

— И как Вы его "перевоспитали"?

— Мой способ Вам вряд ли пригодится, так что не забивайте свою хорошенькую голову ненужными вопросами.

— Андрей, — благо очередной светофор зажегся красным, и она смогла спокойно повернуться к собеседнику. — Вы мне сейчас комплимент сказали?

— И этим тоже не забивайте, — Таранов оторвал взгляд от телефона и обернулся к Насте. — Мне бы домой поскорее. Хочется поесть нормальной еды и выпить кофе.

— Кофе... — мечтательным голосом повторила женщина.

— Могу угостить, — предложение вырвалось само.

— Да нет... Вам отдыхать надо.

— Услуга за услугу — Вы меня отвозите, я вас угощаю, — пожал плечами капитан.

— Хм... Как Вам сказать. Я пью не всякий кофе, — получилось многозначительно, но слово не воробей.

— Представьте себе, я тоже, — не менее загадочно ответил Таранов.

Если бы Анастасия Игоревна Барская имела дурную привычку грызть ногти, в этот момент она сгрызла бы их до основания. Прямо перед ее глазами, грохоча ключами в замке и

загородив входную дверь своей широкой спиной, стоял капитан "Северных волков". Давно забытые ощущения всколыхнулись на душе. Когда же это было в последний раз? Она, мужчина, незнакомая квартира, волнующее приглашение — еще до свадьбы. Не меньше пяти лет назад.

Много это или мало — Настя не знала, но чувствовала себя неловко, жалея, что согласилась.

В замке последний раз повернулся ключ, и дверь распахнулась.

— Милости прошу, — Таранов вошел первым и включил свет. — Квартира съемная, и обжиться я еще не успел.

Настя сделала всего один шаг в коридор, как вся ее тревога развеялась.

— Я так понимаю, свидания с дамами Вы устраиваете в какой-то другой квартире, — хохотнула она, оглядывая "настоящее мужское жилище".

Хоккейная амуниция, разложенная в невообразимом порядке, занимала добрую половину свободного пространства небольшой гостиной. На межкомнатных дверях, как флаги, висели банные полотенца, а ноутбук вместе с блоком питания примостился прямо на напольных весах у окна.

Лишь огромный кожаный диван и кресло оказались ничем не заняты.

— Я иногда до кровати не доползаю, тут на диванчике и сплю, — ответил Андрей на незаданный вопрос своей гостьи.

— Бурная у вас жизнь...

— Очень. — Подбородок снова зачесался. — Пойдемте в кухню, там получше.

Стараясь ни на что важное не наступить, Настя последовала за хозяином. В кухне, и вправду, царил порядок, а уж то, с какой легкостью Таранов на ней ориентировался — поражало.

На время забыв о своей гостье, Андрей принялся за дело. Округлив глаза, Барская с восторгом наблюдала за эффектным представлением. Запахи кофе, имбиря и перца из открытых упаковок разлетелись по комнате, но Андрей не спешил.

Открыв на максимум огонь, он старательно прогрел снаружи и внутри маленькую медную турку, и лишь когда та раскалилась, насыпал кофе. Туда же, к пущему Настиному восторгу, бросил щепотку соли, затем подумал и все же добавил перец и имбирь.

— Вам сахар нужен? — не отвлекаясь, бросил через плечо капитан.

— Нет... — будто в трансе, пробормотала Барская.

— Везет... — вздохнул собеседник. — Я без сахара не могу.

Когда кофе в турке начал чуть-чуть дымиться, Андрей снял его с огня и залил горячей водой из чайника.

— Еще немного, и будет готов.

Турка снова вернулась на плиту.

Настя, чуть не жмурясь от наслаждения, допивала свой напиток. На вкус он оказался еще лучше, чем она могла надеяться, терпкий, густой и пряный. Андрей, отправив разогреваться в микроволновку какую-то еду, уселся на соседний стул.

Оба молча поглядывали друг на друга, словно боялись нарушить хрупкое перемирие. Впервые за три дня знакомства ни у одного, ни у другого не возникло желания съязвить. Только аромат кофе с еле заметными нотками имбиря и перца да удивительное ощущение покоя. Десять минут блаженства, доступного лишь искусственным эстетам.

— Мне пора... — Настя отставила чашечку. — Знаете, Андрей, Вы меня здорово удивили.

Таранов приподнял бровь, дескать, с чего бы.

— Кофе получился отменный. Я рада, что не отказалась от вашего предложения.

— Услуга за услугу, Анастасия Игоревна.

Барская немного подумала, а затем, решив, что хуже точно не будет, ответила:

— Можно просто Настя.

— Настя, — капитан повторил за ней.

То ли из-за кофе, то ли фантазия разбушевалась, но Барской показалось, что даже ее имя у него на губах прозвучало вкусно.

— Я пойду... — она обернулась к выходу.

— Я провожу.

После просторной кухни коридорчик казался узким и тусклым. Пока Настя обувала сапоги, Андрей снял с вешалки ее плащ. Позволить надеть его самостоятельно Таранов не дал.

— Еще чего! — недовольно поцокал он.

Барской ничего не оставалось, как смиренно просунуть руки в рукава и ожидать.

Мужские руки медленно натянули плащ дальше и расправили на плечах. От случайных прикосновений его пальцев к шее Насте стало душно. Старательно пряча глаза, она схватила с тумбочки свою сумку.

— Еще раз спасибо, — слова прозвучали невнятно.

Андрей сделал шаг вперед и заглянул ей в глаза.

"Он сейчас меня поцелует!" — в панике сообразила Настя. Ноги чуть не подкосились, а дыхание замерло. Все слишком опасно, слишком неожиданно и его самого было слишком...

Не раздумывая больше ни секунды, она рванула на себя ручку двери и выскочила в тамбур.

Сбежала, как и два дня назад.

Таранов удивленно почесал затылок, но предпринимать ничего не стал. Кто поймет этих женщин? Опять убегает, но в этот раз чего?

Успокаивая себя мыслью, что, в конце концов, она не в его вкусе, да еще и Барская, Андрей направился в кухню. Курица уже давно дожидалась, когда ее съедят, а желудок требовательно урчал.

На столе одиноко стояла маленькая кофейная чашечка.

— Черт бы побрал эту женщину... — проворчал мужчина, задумчиво оглянувшись назад. — Свалилась на мою голову...

Настя со всех ног бежала к машине. Поскорей бы очутиться дома, в ее уютной маленькой крепости — важнее, казалось, не было ничего на свете.

А Таранов... Даже думать о нем нельзя. Всё это пляска гормонов и божественного кофе. Андрей ей не нужен, как не нужен и никто другой. Все равно, как бы она ни старалась, ничего путного из отношений никогда не выходило, только осознание собственной ущербности и ожидание конца.

Хватит.

Зарисовка 1. Чувственная

Горячая ванна была именно тем, что требовалось ей больше всего.

Очередной сложный день подошел к концу, а вместе с ним и вторая неделя в новой должности. Команда наконец-то начала выигрывать, количество восторженных комментариев росло, и пресс-секретарь уже не беспокоилась об отношении к ней в коллективе. Похоже, все, наконец, поняли, что работа ей по силам, или смирились. Хотелось бы, конечно, первого, но и против второго Настя ничего не имела.

Пара капель эфирного масла ванили упали в кувшинчик с молоком. Женщина легонько взболтнула белоснежную жидкость и тонкой струйкой влила в ванну. Любимый, нежный запах мгновенно заполнил комнату. Ваниль и молоко — непритязательный, но любимый эликсир нежности.

Мелькая огоньками, у зеркала обосновались две большие квадратные свечи. Единственное освещение, а больше и не нужно.

Осталось сбросить халат и окунуться в воду целиком.

Вначале одна нога, затем вторая. Горячо, как она любит. Немножко потерпеть, привыкнуть и, задохнувшись на миг от восторга, опуститься полностью.

Вода укроет все тело от пяток до шеи, окутает бархатной лаской и заботой. Заботой, которой так отчаянно не хватает в жизни. Подарит удовольствие каждому миллиметру кожи. Плечи, шея, грудь, бедра — за столько лет она научилась ощущать наслаждение так, как не ощутит никто иной, пронзительно и остро.

Ее собственный экстаз, только для нее.

Разве есть в мире что-то лучше, чем горячая ванна, десять минут блаженства, наполненного приятными ароматами и ощущениями?

Для кого-то есть. Для нее — нет.

К сожалению? К счастью? К одиночеству? Нет ответа.

Грубая сизалевая мочалка прошлась по широким плечам и шее. Наверное, стоило сегодня немного задержаться и попросить Карена хорошенько его размять. Две последние игры прошли в таком темпе, что даже передохнуть времени не нашлось. А ведь они играли со слабейшими командами Лиги. Завтрашняя схватка будет сложнее в разы.

Мужчина сделал напор сильнее и попытался сконцентрироваться на чем-нибудь приятном. Кубок победителя два года назад, заокеанские сумасшедшие матчи, бесшабашное катание на лыжах по заснеженным Альпам, отчаянная пирушка на его тридцатилетие, череда женских лиц, а иногда и не только лиц. Некоторые, особенно выдающиеся и упругие части тел вспоминались намного скорее, чем имена их обладательниц.

С именами была беда. Помнилось лишь последнее, да и как не упомянуть? Полгода вместе, настоящие отношения, почти семья... Мужчина устало тряхнул головой. Вспоминать события месячной давности не хотелось, до сих пор чувствовал себя идиотом.

Последние недели так же не баловали приятными, симпатичными сюрпризами. Настырная Репина, что словно гиена все ждала, когда он сдастся и падет к ее ногам, парочка глупых девиц-фанаток из категории любительниц приключений на свою задницу, ну и, конечно же, глубокоуважаемая пресс-секретарь.

Подумав о Барской, мужчина криво усмехнулся и сделал воду прохладнее. Этот

глубокоуважаемый секретарь добегается когда-нибудь в своих облегающих платьях. Вот уж кто, будь она неладна, прямо напрашивается на глубокое и основательное "уважение". Половина команды головы сворачивает, плясь на ее зад, а той все пофиг!

Из железа, что ль, таких отливают?

Уже совсем холодная вода стекала по телу, но справиться с внезапным возбуждением не помогала. Перед глазами вновь возникло удивленное лицо молодой женщины и узкая, изящная ладошка на чашечке с кофе. Она сама, небось, не заметила, как игриво поглаживала пальцами матовую, теплую поверхность, сжимала в ладони его любимую чашку, подносила к раскрасневшимся губам.

Правая рука спустилась вниз вдоль талии, на секунду замерла, словно не решаясь. Затем еще ниже и крепко сжала возбужденный член. Противостоять невозможно, в голове до боли пульсировало желание, сводя с ума. Мужчина с шумом втянул воздух, ускоряя темп. Холодный кафель за спиной и жар внутри. Рука не останавливалась. Еще и еще, быстрее и медленнее, сильнее и слабее, до дрожи, до глухого, опустошительного стога.

Завтра, после игры, он обязательно займется личной жизнью. Это завтра, а сейчас пусть будет Барская. Красная помада, надменный взгляд и аккуратные, идеальные коленки. Такие мелочи, но ему хватило.

Глава 8. Схватки и открытия

К выходу на лед готовились, как к сражению гладиаторов. Оба вратаря, основной и запасной, в очередной раз напоминали друг другу о фирменных приемах форвардов противника, хотя и без того знали их наизусть. Тренер распечатывал новую пачку жевательной резинки, а его помощник по пятому кругу распекал нерадивого младшего ассистента за теплую питьевую воду.

Капитан внимательно смотрел на скамейку с игроками соперника и прикидывал, каких сюрпризов стоило ожидать именно ему, сюрпризов от его же бывшей команды. Вот ведь ирония судьбы! Он ушел от них ради светлого будущего за рубежом, весело отпраздновав это событие, а сейчас...

— Будь ты проклят, господин Барский! — процедил он сквозь зубы.

— Острый приступ любви к спонсору? — послышался за спиной знакомый грубый голос. — Да, Скруджик — скотина еще та...

Борис Конев оперся о бортик и гневно сплюнул.

— Тебе чего? — Андрей не церемонился. Обе прошлые игры они провели порознь. Тренер умышленно выпускал могучего защитника только тогда, когда капитан уходил на скамейку запасных.

— Сегодня будет трудная игра, — Борис глянул в сторону. — Этих ребят, даже с учетом обновленного состава, обыграть будет нелегко.

— Открыл Америку!

— Таранов, я по-прежнему считаю, что не такой уж ты бесценный, но сегодня... — он поворочал головой до хруста и добавил. — Ради того, чтобы надрать задницу твоей же прежней команде, я готов на все. Даже понянчиться с тобой.

Андрей бросил на него хмурый взгляд. На лице Конева играла такая довольная ухмылка, что не поверить было сложно. Этот, пожалуй, и вправду сегодня все кулаки собьет за него, если понадобится. Лишь бы Андрей точно лупил по воротам, и что самое главное — по воротам своей бывшей команды.

— Нам с этими задаваками всегда было тяжело, — Борис зло хлопнул ладонью о бортик. — Играют жестко, бьют метко, защищаются тоже на уровне. Статистика встреч не в нашу пользу. Пора ее менять.

Рядом со скамейки на капитанов заинтересованно поглядывали другие игроки "Волков". Таранов чувствовал их волнение и адреналин. За месяц они уже превратились с ним в одно целое, не раз прикрывали спины друг другу, рисковали и выкладывались по-полной, протаскивая шайбу через всю площадку. Часто только для того, чтобы отдать ему пас, а с ним и драгоценные очки личного зачета. Его команда, и он ее капитан, что бы там ни было в прошлом.

— Проигрывать я не намерен! — Андрей коротко кивнул бывшему капитану.

— Вот и ладушки, — довольно хмыкнул защитник. — И это... Я прикрою. По-настоящему прикрою.

Отвечать Андрей не стал, пока это только слова. Игра сама расставит все по местам, и сегодня у могучего тафгая будет множество возможностей доказать, из какого теста он слеплен.

Их соперники — чемпионы позапрошлого года, и кубок они получили не за красивые

глаза. Он знал это лучше всех.

Семейство Репиных присутствовало на матче в полном составе. Юра постоянно хмурился, недовольно посматривая на благоверную, а та, в свою очередь, уже высматривала того самого, "красивого и горячего", за которого будет болеть сегодня.

Уткнувшись в раскрытый нетбук, Настя пыталась не обращать на парочку внимания. Чужая личная жизнь ее не касается, лишь бы в ее жизнь не лезли.

Спустя пару минут от начала матча миссис "грудь" наконец-то определилась с жертвой. Огромный, стремительный защитник противников особой красотой не отличался, но вот силен он был, как бык.

— Ну, держись, капитан, — зло прошептала Алла. — Сегодня тебя помнут по-настоящему.

Настя непонимающе посмотрела на женщину, а затем снова на площадку. Фаворит Репиной вел отчаянную схватку с одним из игроков "Северных волков". Защитник грубо блокировал все попытки "волка" ворваться в зону нападения. Атакующему форварду приходилось несладко, даже без шайбы он оставался целью кровожадного гиганта, словно тот вел на него охоту.

Надев очки, Барская присмотрелась внимательнее. Конечно же! Этого форварда было сложно спутать с другими. Нечеловеческая реакция, молниеносный удар и скорость. Не многие на площадке могли угнаться за капитаном "Северных волков", а уж если он несся с шайбой, защитникам оставалось лишь ставить автобус у своих ворот* и готовиться к худшему.

— Кажется, бывшая команда Таранова всем составом жаждет проредить ему зубы, — злорадно прокомментировал Репин. — Нашему Тору не позавидуешь.

— О, да! — восторженно поддержала женушка.

Только обещание не дергаться, данное самой себе после второго матча, удержало Барскую от ухода из вип-ложи к игрокам. Однако, сдержаться было нелегко, уж очень "благожелательно" были настроены ее соседи. И Юра, знавший Таранова с детства, и Алла, любовница. Сомневаться в последнем не приходилось, видела в раздевалке все своими глазами. Даже странно, что сейчас сексапильная красотка так жаждет капитанской крови. Может, в любовных играх он такой же быстрый, как и на площадке?

"Настя, стоп! — остановила она себя. — Тебя это не касается!".

В первый период матча "тройке" Таранова показать себя не удалось, впрочем, у других форвардов получилось не лучше. Все атаки неизменно вязли в непробиваемой защите, а затем и вовсе переходили в контратаки, и жестокая битва разворачивалась уже у ворот Гагарина.

"Северным волкам" отчаянно требовался какой-то стимул, прорыв, который докажет, что они могут одолеть этого сильнейшего в их подгруппе соперника.

Когда вначале второго периода одновременно с "тройкой" Таранова на площадку вышел Борис Конев, Настя позабыла обо всем.

— Ну все, Андрюша, прощайся с жизнью, — уже не сдерживаясь, ядовито воскликнула Репина. — Теперь тебя, как тост, поджарят с двух сторон.

— Алла! — цыкнул на нее муж. Получилось не очень правдоподобно. Горящий взгляд и ухмылка выдали главного менеджера с потрохами.

Насте сразу вспомнились события второго матча, от волнения внутри все сжалось.

Неужели Репины окажутся правы?

Нет, она не верила, что тренер мог так ошибиться. Ни Градский, ни сам Андрей дураками не были. Конев — очень опасный и агрессивный хоккеист, и, если он на площадке, значит, драки не избежать. Однако, по катанию капитана не было заметно, чтобы тот остерегался защитника. Что это: небрежность или доверие?

Скорости возрастали, и противостояние перешло на более сложный уровень. Не реализовав момент неожиданности в начале периода, звенья команд сменились. Пока вторая "тройка" нападающих упорно сражалась за шайбу, Градский собрал вокруг себя звено Таранова, двоих защитников и коротко обрисовал новый смелый план.

Уже через минуту хоккеисты принялись за его реализацию.

Стараясь не видеть и не слышать своих соседей, Барская внимательно следила за каждым перемещением на площадке. На сердце у нее было тревожно. Тот самый "бык", на которого Алла возлагала свои надежды, как пушечное ядро неся в сторону капитана "волков". Андрей только-только вышел на лед, но уже завладел шайбой. Захваченный игрой, он лишь краем глаза уловил надвигающуюся опасность, но останавливаться не стал. Каждая секунда на счету.

"Тройка" работала слаженно, короткий пас партнеру, и вот уже Ключев испытывает на прочность вратаря соперников. Тот каким-то чудом пока держался. Увернувшись от защитника, Андрей, бросился на добивание. Сейчас, пока не подоспела "помощь", нужно было срочно закатывать шайбу.

Настя, казалось, слышала своими ушами скрежет коньков о лед и шумное дыхание игроков. Обстановка в миг накалилась до предела. Трибуны оглушительно гудели и требовали "Шайбу".

Все произошло неожиданно. Атакующая "тройка" в полном составе вела ожесточенный бой на пяточке. Вратарь выкатился слишком далеко, шанс на миллион. Доля секунды, один удар сердца, и шайба обязана была влететь в ворота.

Андрей уже сделал замах клюшкой, прицелившись со снайперской точностью. Оставалось совсем чуть-чуть.

Могучий защитник в общей суматохе никак не успевал остановить бросок. Вместо этого он решил остановить нападающего. Мощный удар пришелся прямо в корпус капитана. Андрей чуть не сложился пополам, но "бык" прекращать не собирался.

— Давай же! — кричала Репина. — Еще!

Ее слова и свист арбитра потонули в общем гвалте. Все поняли — будет кровь. Задача вывести из строя капитана красноречиво читалась в действиях игрока. Он отшвырнул подальше свою клюшку, сбросил перчатки и подготовился к драке. Охота на Таранова подошла к ключевой фазе.

К радости болельщиков, Андрей быстро пришел в себя. Адреналин зашкаливал, а кулаки так и чесались проучить соперника. И плевать на то, что тот на голову выше и мощнее. Пасовать перед опасностью он не собирался. Таранов уже собрался ударить в ответ, как его грубо отодвинули. Из-за спины неожиданно выдвинулся сильнейший защитник "волков".

— Погуляй пока, капитан, — Конев был уже без перчаток. — Каждый должен делать свою работу.

Даже не глянув на разъяренного капитана, Борис бросился в бой.

Когда по прошествии нескольких долгих минут драчунов удалось разнять, Андрей отчетливо понял, как сильно ему повезло. Выйти из той мясорубки, что устроили

защитники, целым и невредимым ему вряд ли светило, а на продолжение игры не стоило и рассчитывать.

Инициатора драки уводили с площадки под руки. Сам он уже ни соображать, ни идти не мог. Стальные кулаки Конева охладили в нем пыл на несколько ближайших матчей. Сам Борис, отделавшись парой синяков, прихрамывая, направился к скамейке штрафников, там его ждали врачи и ледяной компресс. Уходя, он моргнул капитану подбитым глазом и довольно усмехнулся.

— Теперь твоя очередь, — бросил он напоследок.

Напряженная и жесткая игра закончилась со счетом два — ноль в пользу "Северных волков". После разгромного поражения на льду своего защитника, противники так и не смогли окончательно придти в себя. Зато Борис еще не раз выходил на площадку, одним своим видом отбивая любое желание подраться.

На послематчевой пресс-конференции журналистов было не унять. Согласованная игра нынешнего и бывшего капитана произвела неизгладимое впечатление на всех. Андрея и Бориса буквально забрасывали вопросами. Внимательно следя за ответами, Настя не вмешивалась в процесс. Похоже, сегодня этим двоим все было по силам.

Лишь когда в самом конце пришло время поблагодарить спонсоров и уйти, Таранов принципиально смолчал. Журналисты тут же обратили на это внимание, и Барской пришлось на ходу выкручиваться за капитана. Тот, подливая масло в огонь, гневно насупился рядом.

— Андрей, не усложняйте нам всем жизнь, — шикнула она на него. — Скажите хотя бы "спасибо". С Вас не убудет.

— И не подумаю. Ничего подобного ваш дядюшка от меня не дождется.

— Вот... — так и хотелось сказать "идиот".

Сдержалась Настя с трудом. Все эти тайны и пренебрежение ее уже порядком достали. Пообещав себе разобраться во всем как можно скорей, она продолжила пламенную речь о спонсорской поддержке.

В раздевалке игроков по-прежнему было шумно. Даже напряженный матч не смог справиться с бушующей энергией молодых мужчин. Казалось, победа вернула им все силы. Не желая повторять прежних ошибок, Анастасия Игоревна Барская смиренно дожидалась капитана команды в узком коридоре.

Андрей спешил. На сегодня у него были грандиозные планы. Нужно было ненадолго заехать домой и переодеться. Клюев и компания уже забронировали места в хорошем ресторане, и отказываться на этот раз он не собирался. Пришла пора расслабиться и завязать с затворничеством.

Увидев в коридоре Барскую, он с трудом заставил себя остановиться. Тратить время на разговоры с пресс-секретарем не входило в его планы. Особенно после фантазий вчерашнего вечера.

— Что Вам? — коротко кинул он.

— Андрей, — Настя скрестила руки на груди. — Ваше пренебрежение к Александру Михайловичу сегодня перешло уже все границы. Может, поясните мне, в чем дело?

— Надо же...

— Да. Именно его помощь позволяет клубу держаться на плаву и выплачивать

немаленькие гонорары своим игрокам.

— Это был намек на меня? — Таранов поудобнее перехватил сумку. Пальцы изо всей силы сжали ремень. — Ваш дядюшка сукин сын, каких поискать, и никогда в жизни я не скажу о нем ни одного хорошего слова.

— Андрей, я не понимаю... В чем причина? Я лично не раз пересматривала ваш контракт. Там все чисто и легально, а условия, на которых Вы его подписали... Такие условия остальным игрокам и не снились: высокий гонорар, свободный выход из команды через год, никаких ограничений...

— Красивый контракт, это да! Мечта хоккеиста, — горько хмыкнул капитан. — Вот только больше всего на свете я мечтал бы взять этот контракт и засунуть в глотку дорогому нашему добродетелю, чтобы он подавился своей щедростью.

— Черт... Таранов!

— Я уже не Андрей?

— А как с Вами иначе? — Настя от отчаяния хлопнула ладошкой о стену. Получилось больно, но она и виду не подала.

— Со мной, Анастасия Игоревна, лучше нежно и ласково.

— Да идите Вы! — так и хотелось его поколотить. — Упрямый осел!

— О, как Вы заговорили. Узнаю породу!

— Таранов, мой дядя спонсор команды, и либо Вы начинаете относиться к нему уважительно, либо говорите мне правду!

— Я к нему уважительно?

— Да, Вы! Он заслуживает уважения.

— А может мне его еще и в задницу поцеловать?

— Идиот! — дальше сдерживаться не хватило сил. Настю трясло от злости. — Самонадеянный индюк!

— Знаешь, что... — Андрей злобно оскалился. Так и хотелось высказать ей в глаза все, что он думает о прекрасном семействе Барских. А еще лучше — повернуть нахалку лицом к стене и хорошенько отыметь, чтобы не смела больше выводить его из себя. Последняя мысль мгновенно отозвалась приятным нытьем пониже талии. Проклиная собственное тело, мужчина повернулся к выходу. Пришла пора сматывать удочки. — Идиот едет домой. Приятно было пообщаться.

Бежать за ним Настя и не подумала, слишком много чести, а вот Иван Гагарин, с удивленным видом замерший на пороге раздевалки, сейчас с удовольствием вернул бы друга, и еще раз насладился бы его схваткой с симпатичным пресс-секретарем.

— Анастасия Игоревна, браво! — веселая улыбка играла на лице вратаря. — Даже мне так разозлить Андрюху не всегда удается. Хоть бы не прибил сейчас кого...

— Да я бы и сама не прочь кого-нибудь убить.

— А случилось-то что?

Настя призадумалась, стоило ли открывать постороннему предмет недавнего спора с капитаном. Женское чутье и нюх журналиста дружно подсказали "Стоит!".

— Я в очередной раз пыталась узнать причину его нелюбви к моему дяде.

— И что, не сказал? — от веселья на лице вратаря не осталось и следа.

— Нет.

— И за это Вы его так ласково обозвали?

— К сожалению, да... Я редко выхожу из себя, но с ним...

— У него на вас, похоже, такая же реакция... — мужчина задумчиво почесал затылок. — Но с Андреем Вы зря так...

— А как надо было? — со вздохом спросила Настя.

Иван посмотрел на часы, пару секунд подумал и решился.

— Пойдемте в кафе. Кажется, лучше Вам кое-что знать.

Маленький Фиат, лихо маневрируя в плотном потоке автомобилей, несся по проспекту. Женщина за рулем нервно кусала губы, ругая себя и знакомого мужчину. Она все жала и жала на газ, нарушая правила. На правила сегодня было плевать.

— Псих, идиот... Дон Кихот недоделанный... Нет, я тебе все выскажу...

Она многое могла бы ему сказать. И о глупом упрямстве, и об отчаянном благородстве, и о том, как ей стыдно за свои слова. Досадно, сгоряча, и как сильно она промахнулась с выводами.

А кто бы не промахнулся? Дядюшка не переставал удивлять. Опуститься до грязного ультиматума — это уже чересчур. В своем стремлении владеть всем, что пожелает, он дошел до абсурда. Как можно было, получив отказ Таранова, пригрозить продать лучшего друга аж на Дальний Восток, подальше от беременной жены и двух маленьких дочек? Какой цинизм! И это ее дядя.

Не удивительно, что Андрея бесит одно только упоминание его фамилии, а тут еще она...

Знай Настя обо всем раньше, ничего бы не случилось. А сейчас оставалось пенять на себя и попытаться хоть как-то исправить положение, пока капитан окончательно не приравнял ее к дядюшке.

Почему-то это было важно, и не из-за работы. Важно для нее самой.

Андрей был уже почти одет и собран. Оставалось натянуть какую-нибудь рубашку и вызвать такси. С такси было просто, а вот рубашка... С ней оказалось нелегко. Белые, все как одна, покоились в корзине для стирки, а с остальными что делать, он не знал. И откуда только взялось в его шкафу это проклятие не пойми какого цвета? Хоть вой!

Раньше с этой проблемой Таранов справлялся на раз, подружка или мать по видео в скайпе быстро находили то, что нужно, но сегодня помощи ни от кого ждать не приходилось.

— Да... Это только мне проще выиграть сложный матч, чем определиться с гребанной рубашкой.

Когда раздался звонок в дверь, выбор так и не был сделан. В чем был, в брюках и туфлях, он направился в коридор.

Настя нервно переминалась с ноги на ногу, обдумывая слова. Она прекрасно понимала, что длительное вступление капитан слушать не станет. После того, что она уже наговорила, хорошо, если вообще дверь откроет. Следовательно, извиняться и просить прощения придется сразу, считай с порога.

Послышались тяжелые шаги, поворот ключа в замке. Настя сделала глубокий вдох, выдох. Пульс участился, дыхание замерло.

Андрей даже не стал включать в коридоре свет. Мало ли кого там принесла нелегкая, сейчас быстренько выпроводит и продолжит сборы. Ребята, небось, уже в ресторане, и только он запаздывает.

Не мешкая, он широко распахнул дверь и, удивленный, замер.

"Какого черта?" — мгновенно пронеслось в сознании. На пороге стояла Барская и, судя по взволнованному виду, что-то произошло. Спросить он так и не успел.

Настя собрала волю в кулак. Откуда вообще взялось это волнение? Ей ведь всего-то надо попросить прощения, но разум отказывался подчиняться. Когда открылась дверь, она пропала. Полуголый и злой, как будто его оторвали от чего-то очень важного, Таранов возник на пороге.

— Андрей... — Настя попятилась назад. Все заготовленные слова куда-то подевались. Она готова была проклясть себя за самонадеянность. Ну, зачем было так спешить? Вечер после игры. Конечно же он не один. — Извини, я, наверное, не вовремя. Извини еще раз, не хотела тебя отвлечь...

— Стоп, стоп, стоп! — Андрей быстро перехватил ее за руку, не позволяя сбежать.

— Нет, — Настя упиралась и отводила глаза. — Давай в другой раз.

— Черт... — он окинул самого себя взглядом. — Женщина, тебе пять минут. И это... Я занят совсем не тем, о чем ты подумала.

Насте по-прежнему нестерпимо хотелось уйти, но сейчас это было бы уже глупо.

Андрей махнул рукой, приглашая гостью войти.

Снова тесный, тусклый коридорчик, снова напротив капитан, только в этот раз еще и с голым торсом. Снова ощущение беспомощности и сумасшедшее волнение. Она с трудом смогла открыть рот.

— Андрей, я хотела извиниться за то, что наговорила тебе сегодня... — вдох-выдох. — Мне Иван все рассказал...

— Какой черт тянул его за язык? — мужчина устало провел ладонью по лицу.

— Я ничего не знала, — голос прозвучал глухо, язык не слушался. — Ты можешь мне не верить, но клянусь...

— Да какая разница?

— Я бы так себя не вела с тобою.

— А как? — закрыв собою все пространство, Андрей уперся руками в стену позади нее. — Как бы ты себя вела?

— Иначе...

— Может, продемонстрируешь? — он придвинулся еще ближе.

Настя попыталась вырваться из западни его рук, но тяжелый взгляд напротив остановил.

— Ты зачем приехала? — прозвучало совсем близко и тихо. — Извиниться?

— Да... — Настя нервно сглотнула.

Эта неожиданная и такая интимная близость сводила ее с ума. Пьянящий запах, охрипший голос, бархатная загорелая кожа — сильнейшее искушение. Чтобы не застонать, она закусила губу. Так хотелось попробовать, ощутить под пальцами горячее мужское тело, губами прикоснуться к широкой груди, плечам, шее... Скандинавский бог из живой плоти был так близко, стоит только податься вперед и забыться. И он, похоже, догадывался, чего она хочет...

Андрей, как хищник, считывал ее эмоции, слушал дыхание и выжидал.

— Зачем? — повторил уже на ухо.

— Я...

Затуманенный взгляд мужчины остановился на ее раскрытых губах. Долгий, бесстыжий, он обжигал откровенным желанием. Настя, казалось, физически ощущала его на себе. Не

отрываясь, Андрей придвинулся еще ближе, вжал ее в стену. Очень тесно, очень горячо. Мысли разлетелись прочь, оставляя ее один на один с томительным, ноющим желанием.

Дрожащая женская ладошка робко легла на сильную спину, и оба сорвались.

Ее вскрик, его стон и голодное безумие поцелуя. Губы были повсюду, опаляя дыханием лицо и шею. Пальцы скользили по телу, пробирались под одежду, обжигая прикосновениями. Земля уходила из-под ног от страсти. Они не останавливались ни на секунду, отчаянно упивались друг другом, забывая дышать. Жадно ласкали, сжимали в объятиях и снова целовались, кусая губы до боли.

Тела горели, требуя большего. Где угодно, как угодно, только скорее и глубже.

— Пойдем в спальню... — словно в бреду расслышала Настя слова.

"Спальня!" — тревожно просигналило подсознание. Женщина вздрогнула, как от удара. Спальня. Все страхи в миг ожили, заставляя оцепенеть. Она перестала отвечать на поцелуй, а руки плетью повисли вдоль тела.

— Что случилось? — Андрей с тревогой заглянул в глаза.

— Не надо... — отвернула в сторону лицо и часто заморгала. Дурацкие слезы, только их сейчас не хватало. — Я не могу... Пожалуйста, отпусти.

— Настя! — он нежно взял ее за подбородок и повернул к себе. — Что не так?

— Я не могу так... Прости.

Андрей ничего не понимал. Еще секунду назад они чуть не изнасиловали друг друга прямо здесь, в тесном коридоре, а сейчас...

Настя запахнула плащ и протиснулась к выходу. Он не держал. Бессмысленно и глупо.

Через секунду с мягким щелчком закрылась дверь. Анастасия Игоревна Барская уже в который раз стремительно убегала от него без объяснений и видимой причины. Исчезла, как видение. Остался только вкус соленого, горького поцелуя на губах да проклятое возбуждение.

На кровати все так же лежали рубашки и галстуки. Андрей одним движением сгреб их в охапку и сбросил на пол. В ресторан уже не хотелось. Не хотелось никуда. Лучше — напиток дома и забыться сном, без мыслей и желаний. В одиночестве.

Давненько с ним такого не было.

Часы показывали полночь. Уснуть все никак не удавалось, несмотря на выпитое. Сквозь пелену мыслей и фантазий перед глазами мужчины, как наяву, стоял затравленный взгляд молодой женщины.

— Настя... — осипшим голосом позвал он в пустоту.

Никто не откликнулся.

* ставить автобус у ворот — устойчивое выражение, обозначающее одну из тактик, когда игроки жертвуют нападением ради полной защиты своих ворот.

Глава 9. Каждый сам по себе

За две прошедшие недели после тяжелейшего для "Северных волков" матча пресс-секретарь команды ни разу не присутствовала на игре. Онлайн-трансляции и комментарии помощника тренера стали для Анастасии Игоревны основными источниками информации. На послематчевых пресс-конференциях Барская держалась подчеркнуто официально, покидая их сразу после окончания. На работе не задерживалась, а обеденный перерыв перенесла на час раньше.

На эти изменения никто не обратил внимания. Никто, кроме капитана. Всю первую неделю он терпеливо ждал. Чего? Андрей не знал и сам. Но ничего не менялось. Настя упрямо игнорировала матчи и больше никогда не появлялась у дверей их раздевалки или в массажном кабинете Карена. Ее словно подменили.

В начале второй недели терпение Таранова лопнуло. Матчи матчами, но он не смог выкинуть из головы случившееся в собственной квартире. Следовало как можно скорее расставить все точки над "и", а потом либо забыть и вновь вернуться к вопросу обустройства личной жизни, либо закончить начатое. Как бы Андрей ни скрывал сам от себя, но второй вариант нравился ему больше. Было что-то в этой гордой дамочке: гремучая смесь надменности и хрупкой женственности, остроты и нежности. Перепалки с ней стоили полноценной схватки на льду, а уж какой податливой Настя оказалась в объятиях... Для молодого, здорового мужчины подобное и вспоминать было опасно. Того и гляди, опозоришься в самый неподходящий момент.

Но для начала стоило с ней хотя бы просто поговорить. Как оказалось, переиграть в "кошки-мышки" госпожу Барскую оказалось делом непростым. После тренировок, уставший и вымотанный, он каждый день заходил в офис, чтобы в очередной раз убедиться, что опоздал. Андрей высматривал на парковке маленький Фиат, пытался задержать Настю по окончании конференций, но и здесь безрезультатно. Барская упрямо избегала встреч, ловко обходя все его уловки. Привыкший добиваться своего, самый быстрый нападающий "Северных волков" впервые в жизни терпел одну неудачу за другой. И это от женщины!

Лишь один раз Таранову удалось привлечь внимание вечно спешащего пресс-секретаря, но ничем хорошим это не закончилось. Снежная королева окатила капитана таким морозным взглядом, что само желание поговорить вмиг испарилось. Это была совсем не та Настя, которая так жарко целовалась с ним в коридоре. С этой Настей говорить было не о чем. За официальной, вежливой маской не просматривалось и намека на интерес.

Тогда он просто развернулся и ушел, не задав ни единого вопроса, оставив недоумевающую госпожу Барскую в одиночестве.

На душе от недосказанности было тошно, но что поделаешь. "Придется смириться и с этим" — успокаивал себя Андрей.

После череды удачных матчей "Северные волки" закончили первый месяц сезона жестоким поражением. На месте команды в турнирной таблице это не отразилось, но сами игроки, выискивая виноватого, чуть не разругались. Чтобы удержать ситуацию, при этом не дать команде потерять боевой дух, Градский объявил дополнительный выходной день и рекомендовал провести его активно и с толком.

Смекалистый Клюев намек понял быстрее всех. Уже утром следующего дня треть

команды с женами и подружками бодро готовили шашлык и строгали салаты на просторной даче того самого Клюева. Капитан, на долю которого выпала нелегкая задача выбора и маринования мяса, блаженно посапывал в гамаке под раскидистыми яблонями. Он свою вахту сдал, и сейчас имел полное право расслабиться и отдохнуть.

Под дразнящий запах шашлыка и веселый женский смех жизнь снова стала казаться довольно сносной штукой.

— Так! — раскатисто прогремело над ухом. — И кто у нас здесь лынды бьет?

— Отстань, Иван, — Таранов закинул ногу за ногу, всем своим видом демонстрируя, что никакие призывы к действию не изменят его безмятежного состояния.

— Слушай, Андрюха, там сейчас без тебя все мясо в угли превратят.

— Конев не даст, — хмыкнул капитан. — Он его еще сырым порывался есть начать, так что не переживай.

— В настоящий момент Борька с парочкой шампуров наперевес уже ускакал в беседку с двумя симпатичными краями.

— Однако! Я его недооценивал!

— Защитник, что с него взять, — махнул рукой Гагарин. — У них, как у хомяков: главное — уберечь свое добро.

Из небольшой деревянной беседки в углу двора послышался зычный бас Бориса и хохот девушек.

— Ты знаешь, а я ему даже завидую... — капитан задумчиво почесал гладко выбритый подбородок. После больницы бороду отрастить так и не удалось, руки каждое утро сами тянулись за бритвенным станком, словно побриться было так же необходимо, как вычистить зубы. — Приятная женская компания, свежий воздух, вкусная еда.

— А тебе кто не дает так расслабиться? — Иван легонько пнул гамак, но Таранов покидать места своей лежки и не планировал. — Вон сколько красавиц. Или тебе именно Борькины надо?

Андрей усмехнулся, представив, что бы натворил защитник, уведи он одну из его красавиц. Адреналин наверняка выплеснули бы все, да только Градский после такой выходки выходных им больше вообще не даст.

— Или тебе так кто покоя не дает? — любопытству Ивана не было предела. — Например, блондинка одна из нашей администрации.

— Не сочиняй!

— Да чего тут сочинять, с твоим фантастическим везением на женщин было бы странно, если бы Барская не заинтересовала. Эта хотя бы точно не замужем, в отличие от твоей предыдущей.

— Я не знал! — уточнил Андрей. Этот разговор уже начал его раздражать.

— Не заводись, — осадил друг. — Лучше скажи, как с Настей. Вы помирились тогда?

— Помирились... — голос Таранова стал еще более злым. — Так помирились, что чуть до спальни ни добрались.

— Однако! — присвистнул вратарь. — Так что остановило, или ты квалификацию потерял?

— Ваня, нарываешься!

— Теперь ясно, почему ее не видно и не слышно уже две недели, — задумчиво произнес Гагарин. — Так может, стоило пойти по классическому пути "Разговоры — рестораны — цветы"?

— Я думал об этом, — нехотя сознался мужчина. — Даже уточнил у Клюева, где нормально готовят...

— Так чего же не пригласил?

— Не пойдет со мной Барская в ресторан, ни под каким предлогом, — вздохнул мужчина. — И это... Заканчивай с расспросами. Пошли что ли, на самом деле, мясо спасать, а то спалят они его, как пить дать, спалят.

Гагарину ничего не оставалось, кроме как на время завязать с вопросами. Вытягивать информацию из Таранова — дело неблагоприятное. Пока не припечет основательно, тот все равно ничего не расскажет, а если припечет, всем станет не до разговоров, а громы и молнии покажутся детскими шалостями.

В квартире было холодно. Коммунальщики, видимо, решили, что заморозки по ночам совсем не повод начинать отопительный сезон. Натянув на ноги вязанные шерстяные носки, купленные в подземном переходе у тщедушной старушки, Настя почувствовала себя немного лучше. Вот бы еще для души какие-нибудь носки или варежки. Надеть и согреться, но чудес не бывает.

Холод, поселившийся там, не разогнать вещами или горячим чаем. Только живое, искреннее общение, надежные крепкие объятия и горячие поцелуи. В последнее время целоваться хотелось до одури. Губы были уже искусаны в кровь, и никакая помада не останавливала. Настя включила в коридоре свет и глянула на свое отражение в зеркале. Лицо осунулось, щеки еще больше впали, подбородок и скулы заострились, словно от болезни. Только блестящие, будто шальные глаза, да красные, распухшие губы красноречиво намекали на причину "недуга".

Две недели понадобились на то, чтобы хоть немного забыть поцелуй с капитаном. Это было нелегко, особенно зная, что он где-то рядом, громит ворота соперника или весело шутит с журналистами, просто отдыхает в раздевалке или принимает душ. Она замечала каждый его взгляд, ловила каждое слово и боялась поддаться. Тело, стоило лишь на минуту забыться, потерять контроль, начинало гореть, вспоминая прикосновения к коже грубых мужских пальцев. Каждое его касание, каждый поцелуй словно ожоги, она помнила их все.

И как он только успел так "наследить" на ее теле?

И вот сегодня Андрей хотел поговорить. Она почуяла это нутром еще до того, как он остановился рядом. Почуяла и напряглась. По телу прокатилась дрожь, сладкая и волнующая. А за ними, гремя кандалами, вернулся страх. Он мужчина, и ясно как день, что нужно ему на самом деле — ее тело. И глупо обманывать себя, доказывая, что ей не хочется того же. Хочется, очень. И пусть все будет как угодно, лишь бы почувствовать, ощутить каково это — быть в объятиях, быть желанной...

Настя провела пальцами по губам. И больно, и сладко.

Из груди вырвался стон.

— А что потом? — спросила она у тишины. — Опять притворяться или сознаться и разочаровать?

По щеке скатилась одинокая слеза. Женщина быстро смахнула ее и опустилась на пол. Как же было легко раньше, целый год покоя. Она почти поверила, что ничем не отличается от других. Интересная работа, тысячи идей, встречи со знакомыми и собственная уютная квартира. Все наладилось, и даже редкие телефонные разговоры с бывшим мужем больше не отзывались глухой тоской. Он, наконец, смирился и зажил своей жизнью, с новой

женщиной, в новой квартире. Чужой мужчина — чужая судьба.

— Андрей... — имя со стоном сорвалось с распухших губ.

И зачем она только встретила его? Зачем позволила случиться всему, что случилось?

Настя накрыла лицо ладонями и уткнулась в колени. Холод с пола, словно что-то живое, медленно пробирался по телу, опутывая каждый сантиметр, выхолаживая ее насквозь. Женщина продолжала сидеть, медленно раскачиваясь на месте. Ни слез, ни эмоций. Наконец-то долгожданная пустота. С пустотой можно жить, она не кровоточит и не просит. Лишь проклятое время в пустоте тянется безумно долго, каждая минута подобна часу, а день — вечности. Ни скоротать, ни ускорить. И выверенный жизненный план, что так успокаивал раньше, уже видится бесконечной, нескончаемой агонией.

Ночь. В окнах соседнего дома погасли почти все огни. Город спал и видел сны, тревожные и бессмысленные, цветные и черно-белые. В небольшой квартирке Анастасии Игоревны Барской тоже царила темнота. На прикроватной тумбочке остывал недопитый чай, чуть слышно тикали на стене старые часы. Покой и безмятежность.

Хозяйка квартиры, утомившись за долгий день, наконец, уснула.

Порывистый ветер пригибал к земле молодые березы, снег валил без перерыва, а по заметенной дорожке, проваливаясь по колено в сугробы, медленно шла женщина.

Уже не было сил продолжить путь, ноги от усталости не слушались, с каждым разом всё дальше увязая в снегу. Замерзшая, обессиленная, она брела, казалось, так давно. Безнадежно давно. Разум с каждой минутой все больше отказывался верить в то, что удастся выбраться. Он сдался, оставив телу лишь жалкие остатки воли. Конец близок, и это не окончание пути, это Конец.

Женщин остановилась на минуту, перевела дыхание. Как же все это было похоже на ее обычную жизнь, путь в никуда, сквозь тысячи преград, сквозь собственные желания, насильно. И так каждый день. Престижная работа, красивый брак, зависть знакомых и раздражающее душу одиночество, которое невозможно побороть. Вот они ее ветер, снег, долгий путь и темнота. Все как в жизни.

Они всегда с ней, как бы весело она ни смеялась в шумной компании друзей. Они внутри, как бы ни лгала себе, отдаваясь мужу по ночам. Он, как и другие до него, верил, принимал и требовал еще. Ничего не менялось. Ее вынужденная ложь, их молчаливое принятие. И, вроде бы, все хорошо, красиво и горячо, но она больше не могла. Истошилась.

Ветер пронизывал полушубок. Он совсем не спасал. Изысканная, дорогая вещь, созданная для красоты и не годная ни на что иное. А ведь так хотелось тепла! Особенно сейчас, когда силы на исходе, и стихия сильнее ее. Мечты.

Шаг, один, второй, третий. Нога снова проваливается в сугроб, не вытянуть, слишком глубоко. Заледеневшие ладошки отчаянно разгребают снег, но куда там? Ее хилые трепыхания бесполезны, игра окончена.

Ослабшая женщина медленно опускается на снег. Долгожданный отдых! Какое же счастье, наконец, перестать бороться и остаться здесь, пусть в одиночестве и холоде, но в покое.

Снег опускается на лицо, засыпает голову и плечи. Растрепанные волосы мгновенно сливаются с белой пеленой снегопада. Только голубые глаза, блестя от слез, всматриваются ввысь, словно ждут чего-то.

Настя резко дернулась в кровати.

Рука, выключатель, ночник, тусклый свет — отработанный алгоритм.

По лицу стекали капли холодного пота, майка промокла насквозь.

Сколько еще прошлое будет возвращаться во снах? Сколько еще ночей ее будет мучить жгучий холод того давнего снегопада? И почему сейчас?

Вновь пытаться уснуть она не решилась, уж лучше круги под глазами да двойная доза кофе. Желудок как-нибудь справится, не впервой.

Загрузив кофеварку, Анастасия Игоревна Барская направилась в душ. Там, под горячими струями, приходит в себя лучше всего. Если бы ни назначенные встречи, она бы вообще взяла отгул, посвятив весь день шопингу и занятиям в тренажерном зале.

Но нельзя, а значит: черный кофе, горький шоколад и подробный план всего дня.

Придется держаться.

Новый день получился не менее насыщенным, чем предыдущий. За свалившимися на Настю новостями и делами забылась даже тревожная, бессонная ночь. Возвратиться домой получилось только поздно вечером. Сегодня, как никогда, ей отчаянно хотелось напиться, а еще лучше поскандалить с кем-нибудь. Ну и пусть первый раз в жизни, когда-то нужно начинать. Как назло, неприятливые продавщицы в магазине у дома сегодня были необычайно милы, а ворчливый консьерж даже пожелал ей доброго вечера. Все словно сговорились.

Все шло кувырком, но когда в девять вечера еще и дядя прислал сообщение с благодарностью, Настя готова была написать заявление об увольнении и послать всех к черту.

Сейчас для полного счастья ей только банкета в ресторане с хоккейной командой не хватало. Двадцатилетие банка — подумаешь какое событие! Так нет, Александр Михайлович решил не мелочиться: популярные актеры, политики и собственная хоккейная команда на десерт!

Кому отведена роль вишенки в этом десерте, Настя старалась даже думать. А ведь на ней ответственная миссия убедить эту самую "вишенку" явиться... Представив, как будет упрашивать Таранова пойти в ресторан, Барская вздрогнула.

— За что? — с отчаянием в голосе воскликнула женщина и со всей силы швырнула телефон в стену, будто он был в чем-то виноват. — Проклятие на мою голову.

То же самое она сказала сегодня и заму Барского. Мужчина с важным видом вручил ей официальные приглашения на прием и "отдельную просьбу драгоценного родственника": организовать присутствие хоккейной команды в полном составе. На последних словах зам сделал особое ударение. Способы и средства никого не интересовали, Таранов быть обязан.

Глава 10. Опасные игры

С самого утра на улице лил дождь. Казалось, весь город накрыло серым, влажным занавесом. Померкли и без того неяркие краски, а с проспекта исчезли разгуливающие парочки. Сама природа сегодня благоволила к покою и сну, и только одинокий мужчина, капитан одной из самых сильных хоккейных команд во всей Лиге, проклиная себя и какого-то Скруджа, уже час дотошно выглаживал каждый сантиметр белоснежной рубашки. Делал подобное он крайне редко, оттого получалось через пень-колоду.

"И ведь мог бы не мучиться, — подумал мужчина. — Послать всех подальше и остаться дома в свой законный выходной. Очень заманчивая идея!". Но утюг снова ходил по рубашке, а рядом, на вешалке, уже висел дорогой стильный костюм и галстук. Все подобрано профессионалами, ошибка в цвете исключалась. Первый и последний раз, после перехода в команду, он позволяет Скруджу использовать себя. И уж точно не ради самого банкира!

Андрей, как сейчас, помнил растерянный взгляд Анастасии Игоревны, помнил симпатичное обтягивающее платье, заставку на ее мониторе, а вот слов, что говорила женщина — нет. Не помнил ни единого. После "мне нужно, чтобы Вы были в ресторане", мозг капитана, привыкший к мгновенной обработке сложнейших комбинаций, перестал воспринимать информацию и ошарашено замер.

Так, под раскатистый хохот стоявшего рядом Гагарина, он добровольно согласился участвовать в проклятушем банкете.

Идеальный макияж, струящееся шелковое платье любимого красного цвета, чулки и туфли. Женщина любовно провела пальчиком по тонкой, десятисантиметровой шпильке, улыбнувшись самой себе. Сегодня она будет во всеоружии. Даже повседневные простенькие серьги сменил бриллиантовый комплект, стоимостью в целое состояние.

"Роскошно, дорого и изысканно, ни один спортсмен даже рядом стать не посмеет, а уж тем более какой-нибудь дальтоник!" — успокаивала себя Анастасия Игоревна Барская.

Для торжественного празднования двадцатилетия своего банка Барский не поскупился на лучший ресторан города. Все мероприятие было обставлено по высшему разряду. Между гостей ненавязчиво сновали шустрые официанты с напитками, столы ломились закусками на любой вкус, а небольшой камерный оркестр поражал виртуозным исполнением мировых хитов классической музыки.

Но, несмотря на экзальтированную публику и внешний лоск, хоккейная команда, явившаяся, как и было приказано, в полном составе, ущербной себя не ощущала. Гладиаторы ледовой арены буквально купались во внимании богатых дамочек всех возрастов и симпатичных официанток. Знаменитые певцы и актеры мгновенно отошли на второй план, будучи не в силах тягаться с могучими парнями, от которых за версту веяло тестостероном и силой. Барский знал, кого нужно приглашать!

Твердо решивший ни в чем себе не отказывать, капитан наслаждался банкетом на полную катушку. Только самые дорогие блюда и самые изысканные напитки — Андрей, как мог, компенсировал потерю единственного на этой неделе выходного. Скрудж не обеднеет, а если и обеднеет, то он будет только рад. За час гастрономических развлечений Таранов настолько втянулся в процесс, что чуть не пропустил появление госпожи Барской.

Анастасия Игоревна под руку с собственной дядюшкой гордо вплыла в просторный зал ресторана. Эту пару по праву можно было считать самой эффектной на сегодняшнем торжестве. Могущество и женственность, богатство и красота. Им даже не пришлось специально привлекать к себе внимание, гости оборачивались сами и мгновенно замолкали, забыв обо всем.

Внимательно оглядев Настю с ног до головы, Таранов довольно хмыкнул. Сегодня это была уже не Снежная королева, сегодня пред ними явилась настоящая Императрица, недоступная и роскошная, одетая в шелка и бриллианты. Руки капитана так и чесались стянуть с нее все эти "императорские регалии", особенно платье. Оно, как нарочно, подчеркивало каждый изгиб точеной фигурки, не оставляя места для фантазий.

— Черт, а наша Настасья о-го-го! — восторженно прокомментировал Клюев. — Худая, конечно, но я бы вдул.

— Коля, — Андрей положил руку на плечо молодого форварда. — Она не твоего поля ягода, так что слюнки подотри и топай отсюда.

— Капитан, да что такого? — возмутился парень. — Если я чуток попялюсь, у нее даже платье не помнется.

— Зато помнешься ты, — Таранов коротким движением затянул галстук Клюева до упора.

— Понял-понял, не дурак! — тот демонстративно поднял руки. — Уже ухожу.

— Вот и молодец.

Перехватив новый бокал вина у пробежавшей мимо официантки, Андрей расслабился и стал выжидать. Вскоре к нему присоединился Гагарин с супругой. Маша никак не могла пропустить такое мероприятие. Сейчас на третьем месяце беременности живот еще сильно не выделялся, а новое нарядное платье так и просилось покрасоваться на людях.

Настя заметила его сразу, безошибочно, среди сотен гостей. Оставалось надеяться, что дядя не почувствовал ее секундного замешательства. Сама от себя подобного не ожидала. Ну, подумаешь, мужчина! Подумаешь, в шикарном костюме и с галстуком... Так ведь нет, этот мерзавец и рубашку, и даже галстук подобрал идеально. "Интересно, сам или нет?" — кольнула неожиданная ревность.

Настя с горем пополам выровняла дыхание и возвратила на лицо улыбку. Сейчас ей отчаянно хотелось спрятаться куда-нибудь подальше, но этим мечтам пока не суждено было сбыться. Банкет только начался.

Приглашенные и представители банка-юбиляра приятно проводили время, попутно разгадывая, кто есть кто среди гостей. Светская львица, а по совместительству, одна из самых красивых дам на празднике, Алла Репина в это время отгадывала совсем другую тайну. Ей хватило одного случайного брошенного взгляда на капитана хоккейной команды, чтобы женское любопытство просигналило о необычном: Таранов не сводил глаз с Барской! И это было еще ничего, в конце концов, на эту надменную стерву сегодня пялились многие. Дело было в самой Барской. Она, когда думала, что никто не заметит, то и дело взволнованно поглядывала на Андрея.

Ох, как Алле был знаком этот взгляд! Короткий, ищущий, жадный.

Пока не вернулся муж, она решила выяснить все опытным путем. Уловив момент, когда Барская снова обернулась в сторону бравого капитана, Алла направилась к нему. Стоило действовать быстро и внимательно.

Андрей чуть не поперхнулся, когда чья-то рука ласково прошла по его спине.

— Дорогой, ты сегодня чудесно выглядишь, — промурлыкал знакомый женский голос.

— Ты, наверное, тоже, Алла, — даже не обернувшись в ее сторону, ответил Андрей.

— Может, потанцуем? — ладошка переместилась на плечо, поднялась к шее и тыльной стороной легонько прошла по щеке. — Твоя борода мне нравилась, но так даже лучше.

— Благодарю за комплимент, — Таранов брезгливо убрал женскую ручку от своего лица. — Если женщина с таким... опытом говорит, что так лучше, значит, действительно лучше.

Она готова была ударить мерзавца, но заметив встревоженный взгляд Барской, удержала пыл. Пресс-секретарь таки выдала себя. Лучшей компенсации за нахальные намеки капитана и не придумаешь. А ведь кто бы мог подумать: железный капитан, отчаянно ненавидящий Барского, и его племянница, холодная стерва, считающая себя умнее всех? И между ними явно что-то есть! Оставив Таранова в одиночестве, Алла, чуть ли не пританцовывая, вернулась в свой уютный уголок. Ей еще предстояло хорошенько поразмыслить над тем, как лучше воспользоваться полученной информацией и с кем ею поделиться. Счастливые голубки дорого заплатят за свое пренебрежительное отношение к ней! Но позже. Месть — это блюдо, которое подают холодным.

Настя лишь на секунду отвлеклась от разговора со словоохотливым Карлом Францевичем, и сразу же об этом пожалела. Даже здесь, на праздничном банкете Таранов находил время для заигрываний с Репиной. На виду у всех, рядом с Юрой и всей командой, не говоря уже о самой Насте. На душе поднялась такая волна негодования, что Барская еле удержалась на месте. Хотелось подойти к капитану и высказать все, что она о нем думает.

"Бабник, подлец, лгун, коллекционер хренов! Господи, как он вообще мог меня заинтересовать?" — Настя закусил губу от досады. Реальность, как всегда, оказалась беспощадно жестокой. Она две недели избегала даже короткой встречи с ним, боясь, что тот захочет чего-то большего, нежели случайный поцелуй, и вот итог. Какой же наивной она была...

Карл Францевич все также упоенно рассказывал забавные истории из своего журналистского прошлого, а его собеседница, до боли сжимая бокал, думала о своем. Ослепительная улыбка на ее лице надежно маскировала истинные мысли. Все было так привычно и безукоризненно, что о чувствах женщины не догадался бы никто, как бы тошно ни было у нее на душе.

Таранов старался не смотреть в сторону мило воркующей парочки. Этого редактора он невзлюбил еще после давнего телефонного разговора в машине. Мерзкий тип с завидующими глазками. Чего Барская с ним так возится, Андрей никак не мог понять.

Когда спустя некоторое время к нему подошел Репин, он был даже рад. Уж лучше общение с этим заслуженным рогоносцем, чем собственные невеселые мысли. Впрочем, радость была недолгой. Юра с подленькой улыбкой вручил капитану сложенный вчетверо листок бумаги и настойчиво порекомендовал "хорошенько выучить его содержание". Андрею хватило лишь одного взгляда на написанное, чтобы окончательно выйти из себя. В этот раз Скрудж решил не мелочиться.

— Что, тебе тоже передали письмо счастья? — спросил возникший из ниоткуда Гагарин.

— Что значит "тоже"? — Андрей приподнял одну бровь.

— Да Градский пару минут назад получил подобный подарок. Очень радовался! — Иван махнул в сторону красного от ярости тренера. — Так что ты не одинок, будете со Станиславовичем, как два брата-акробата, поздравлять нашего дорогого спонсора. С чувством, так сказать, с толком и расстановкой!

— Как думаешь, чьих это рук дело? — Капитан потряс поздравительной речью перед носом вратаря. — Хотя нет, можешь не говорить. Кажется, я и сам знаю.

Мужчина взглядом отыскал хрупкую фигурку в красном платье и скривился.

— То-то я думаю, наш пресс-секретарь общаться со мной не желает. Ей, небось, в глаза мне смотреть совестно.

— Андрюха, да с чего ты взял, что это Барская сочинила?

— А кто еще? Репин? — мужчина хмыкнул. — Это ее работа, прямая обязанность.

Андрей уже повернулся было в сторону Насти, как Маша перехватила его под локоть.

— Таранов, ты сейчас неадекватный. Остынь! — сказала она строго. — Пойдем, лучше потанцуем.

— Да, Андрей. Маша права, не гони лошадей! — Гагарин поцеловал жену в щеку. — Умница моя, что бы мы без тебя делали.

— Что-что? Как обычно — глупости, — хохотнула женщина. — Пошли капитан, покажем им как надо танцевать! Мой медведь уже разучился.

Таранову ничего не оставалось, как смиренно проследовать за Машей на танцпол.

Задача слегка придушить Барскую была отложена на время. На очень короткое время.

Однако сама Барская, как ни старалась забыть о присутствии капитана, ничего не могла с собой поделывать.

Заметив его танцующим с очередной дамочкой, Настя чуть не поперхнулась шампанским. Вначале Репина, теперь вот еще какая-то рыжая... Похоже, любвеобильному капитану одной подружки мало!

С трудом избежав очередной "захватывающей" истории настойчивого редактора, Настя вышла освежиться на просторный общий балкон. Здесь, с высоты пятнадцатого этажа открывался прекрасный вид на город, а благодаря плохой погоде оказалось безлюдно. Идеальное место для того, чтобы охладить горячую голову. Она подошла к перилам и, взглянув вниз, сладко вздрогнула. Мокрая тротуарная плитка, серый асфальт и желтый свет фонарей. Высоко, холодно и зябко — все как нужно. Хлесткий ветер продувал насквозь, оставляя озноб вместо мыслей. Еще пара минут, и она бы пришла в себя. Но не вышло.

За спиной послышался звук открывающейся двери, а через мгновение рядом с ней уже стоял тот, кого меньше всего хотелось бы видеть.

— Как отдыхается, Анастасия Игоревна? — в голосе Таранова послышался сарказм.

— Отлично! — холодно выпалила она. — В отличие от некоторых я отдыхаю прилично и в хорошей компании.

— Это ты про того напыщенного старого хлыща? — капитан завелся с пол-оборота. Мало того, что она подготовила ему идиотскую речь, так еще смеет на что-то намекать. — Да с него уже песок сыплется.

— Зато Карл интеллигентный и интересный собеседник!

— И галстук у него в штаны заправлен.

— На свой посмотри! Дурацкий галстук! — Настю несло. Сама не понимала, чего прицепилась к несчастному галстуку.

— По-моему, отличный галстук, — мужчина хитро сощурился.

— Кошмарный! — фыркнула Барская. — У дамочки, которая на тебя это напялила, ни вкуса, ни фантазии.

— Могу снять? — прозвучало как вызов.

— Снимай! Прямо сейчас снимай!

— Ну, я снимаю... — Таранов медленно развязал узел и стянул, доставшую его самого, удавку с шеи. — Вот! Я снял, теперь твоя очередь.

— Не поняла... — собеседница округлила глаза.

— Твоя очередь что-нибудь снять, — судя по широкой улыбке на лице капитана, он был крайне доволен собой.

— Андрей!

— Настя! — капитан развел руками. — Вот не могу понять, что это за платье на тебе. И декольте, и разрез сбоку. Перебор! Безвкусная тряпка, и для кого так вырядилась? Снимай!

— Ты сума сошел? — Барская бросила взгляд в зеркальное стекло окна. Нет, с платьем все в порядке. Шикарный наряд стоил всей потраченной на него астрономической суммы. И декольте отлично подчеркивало небольшую округлую грудь, и разрез был вполне скромным.

— Я - нет, а вот ты — да, — вздохнув, мужчина решил прекратить затянувшуюся игру. Так они точно дойдут до раздевания, а он пришел не за этим. Андрей достал из-за пазухи сложенный вчетверо листок бумаги и протянул Насте. — Особенно после этого. Признаться, такого я не ожидал. Зная истинную причину моего перехода в команду, требовать от меня прочесть подобный текст...

Не слушая дальше, Настя выхватила из его руки листок и стала читать. С каждой прочитанной строчкой взгляд ее все больше становился растерянным. От Андрея это не укрылось.

— Бред какой-то...

— Ты хочешь сказать, что непричастна к этому? — Андрей встал напротив, положив руки на поручень.

— Нет, конечно! — возмутилась женщина. — Как бы неприятен ты мне ни был, опускаться до подобного я бы не стала.

Андрей резко приблизился, заставив ее вплотную прижаться к перилам. Холодный ветер подул женщине в спину, но она даже не почувствовала. Капитан был горячий, как печка.

— Так значит, я тебе неприятен? — растягивая слова, проговорил он. — Но целоваться со мной это не помешало!

— Андрей, убери руки!

— Боишься не сдержаться?

— И не надейся! — зло, сквозь зубы, прошипела женщина. — Я тебе не Репина.

— Еще одной Репиной я бы не выдержал, — хмыкнул Андрей. — Впрочем, одной Барской с меня тоже достаточно.

— Это радует. Свою ошибку я повторять не собираюсь.

— Я тоже, — рыкнул капитан. Неприятных сюрпризов от господ Барских для него сегодня было вполне достаточно. — Желаю приятно отдыхать дальше, ваше ледяное Высочество.

Настя даже не успела ничего сказать в ответ. Таранов просто развернулся и ушел, совсем как несколько дней назад, когда порывался с ней поговорить. Тогда ей было плохо и тоскливо, сейчас же на душе кипела злость. Капитану, пожалуй, сильно повезло, что речь

составляла не она. Уж после этой стычки, она бы такое составила, врагу не пожелаешь.

К разозленному Таранову не рискнули подойти ни Маша, ни Иван. Клюев и остальные хоккеисты лишь удивленно наблюдали, как их всегда уравновешенный капитан с красным от злости лицом промаршировал с балкона прямым в бар.

Опытный бармен, прочтя по лицу клиента целую гамму чувств, немедля плеснул в бокал коньяка и подал мужчине. Андрей опустошил его залпом, словно там была вода, а не выдержанный дорогой напиток.

В другой стороне зала также разом осушила бокал и Анастасия Игоревна Барская.

Общий градус опьянения и взаимной вражды значительно поднялся.

— Ой, как я Вам завидую, — услышала Настя незнакомый женский голос.

Рыжеволосая женщина, та самая, что недавно танцевала с Тарановым, проследила печальным взглядом за официантом.

— Вы мне? — непонимающе переспросила Барская. Она вообще предпочла бы не общаться с этой дамочкой, но откровенно проигнорировать не смогла.

— Вам... — вздохнула незнакомка. — С этой беременностью можно с ума сойти. Еще минуту назад мне хотелось конфет и икры, а сейчас смотрю на шампанское, и так хочется...

— Вы беременны? — шокировано переспросила Барская. Таранов за одно мгновение пал в ее глазах еще ниже.

— Третий месяц, — поделилась радостью рыжая. — По мне незаметно, да?

— Ни капельки...

— А Иван, мой муж, уже ждет не дождется, когда пузо станет огромным, — она радостно рассмеялась. — Думает, это меня успокоит. Такой наивный, ей-Богу. И ведь не в первый раз уже, и не во второй...

"Третья беременность", "муж Иван" просигналило Настино подсознание, подкидывая догадку.

— Вы Мария? Супруга Ивана Гагарина? — робко спросила она.

— Да, — лицо собеседницы расцвело от улыбки. — А Вы, наверное, новый пресс-секретарь?

— Анастасия... — она запнулась. — Настя.

— Очень рада познакомиться лично, — женщина протянула руку. — Теперь я понимаю, что Ваня был прав...

— О чем вы?

— Да об Андрее, — Мария заговорщицки подмигнула. — У него действительно не было шансов остаться равнодушным к Вам.

Настя чуть не потеряла дар речи. Мало того, что незнакомка оказалась никакой не подружкой Таранову, так еще и подобное откровение!

— Думаю, ваш муж ошибся. В бурной личной жизни капитана и без меня хватает увлечений.

— В бурной? — Гагарина округлила глаза. — Может Вы какого-то другого Андрея имели ввиду?

Обе обвели взглядами зал и остановились на одном и том же человеке. Взгромоздившись на неудобный барный стул, капитан команды пил очередной бокал коньяка.

— Что-то Таранов сегодня разошелся... На него не похоже. Неужели все из-за речи? —

удивленно заметила Маша, оборачиваясь к Барской. — Кстати...

— Я к этой речи не имею никакого отношения, — опережая вопрос собеседницы, ответила та. — У дяди целый выводок пиар-менеджеров. Явно кто-то из них постарался.

— Ух, как он разозлился. Думала, разнесет тут все, ну и... — она замялась, — с Вами поругается.

— Хм... Ну, первое он еще успеет сделать, а со мной... Уже! — пожала плечами Барская.

Мария вновь бросила взгляд на сидящего в баре Таранова и тяжело вздохнула. За несколько лет знакомства она ни разу не слышала, чтобы Андрей с кем-то ругался, а уж напиваться после общения с женщиной — это вообще нонсенс. Видимо, здорово его зацепила эта Барская. "Интересно, — подумала Маша. — А она сама-то догадывается, как на него действует?"

Настя с равнодушным видом смотрела в совершенно другую сторону, и лишь по рукам, напряженно сжимающим маленький бархатный клатч, можно было догадаться, что не так уж она и спокойна. Гагарина улыбнулась собственным мыслям. Похоже, эти двое стоят друг друга. Такое отрицание и столько эмоций.

Ей уже не терпелось поделиться наблюдениями с мужем. К счастью, Барскую тоже уже ждали дела. Тепло распрощавшись с рыжеволосой супругой вратаря, Анастасия Игоревна ушла на поиски дяди. Таранов, конечно, этого не заслуживает, но попытаться отговорить Александра Михайловича от той самой речи стоило.

Следующий час банкета пролетел, словно одна минута. Кто-то расслаблялся, пытаясь выбросить из головы напрасные надежды, кто-то упорно трудился, не останавливаясь ни на секунду, а кто-то наблюдал.

Несмотря на все доводы горячо любимой племянницы, Барский не переменял своего мнения относительно официальных поздравлений. Хоккейная команда стояла банку огромных денег, и магнат рассчитывал на благодарность. А кому еще, как не знаменитому тренеру и не менее знаменитому капитану было выражать эту самую благодарность? Мнение самих "ораторов" никого не волновало.

Градскому "выпала честь" поздравлять первым. Тренер, не выпуская из рук злосчастный листок с текстом, пять минут монотонно зачитывал речь. Иногда в голосе мужчины прорывался гнев, но неосведомленные слушатели списывали все на волнение и почтенный возраст. Все-таки не каждый день заслуженному тренеру страны приходится выступать перед огромной публикой. Совет директоров банка, во главе с Александром Михайловичем Барским, с напускным смущением внимали каждому слову. Всегда дерзкий и не терпящий ничьего вмешательства в дела, тренер смиренно переносил свое унижение. Он не мог иначе, а если бы смог, Барский услышал бы совсем другие слова.

Когда Репин пошел звать Таранова, Настя не выдержала. Одного Градского хватило, чтобы в ней всё восстало. Праздник все больше напоминал "публичную порку" непокорных, хладнокровную и циничную. Под непонимающий взгляд дяди, она схватила со столика клатч и направилась в фойе.

Собственное бессилие душило, словно петля. И из-за кого? Не друг и не любовник, Таранов был никем, и все равно его унижение воспринималось как свое.

В небольшом фойе было пусто. Конечно, никто не хотел пропустить кульминации праздника. Череду поздравлений только началась, и каждый стремился засвидетельствовать

свое почтение, блеснуть на виду у избранной публики.

Андрей холодно смерил взглядом главного менеджера, но не сказал тому ни слова. К чему? Для себя он твердо решил с самого начала: Барский от него поздравлений не дождется. А Юра? Плевал он и на Юру, и на остальных услужливых прихвостней Скруджа Может, Градскому и было, что терять, а он, Таранов, уже и так все потерял. Пусть теперь банкир выкручивается, как хочет, а он умывает руки.

Словно почуяв, что рыбка собирается сорваться с крючка, Репин направил в сторону капитана парочку охранников. Андрей усмехнулся, поражаясь упрямству менеджера. Значит, подобру-поздорову отпускать его не желают?

В ответ на это он подошел к стоящему рядом Коневу и тихо спросил:

— Боря, ты ведь по-прежнему считаешь меня засранцем и выскочкой?

— Еще каким, капитан! — весело, без злости подтвердил огромный защитник.

— Тогда будь другом, — он глянул на правую руку Бориса. Та сжимала бокал не то с виски, не то с коньяком. — Окропи меня этой "святой водой". Очень надо.

— Свалить хочешь? — усмехнулся Конев. — Да еще и меня подставить?

— Самым подлым образом, — кивнул капитан.

— Эх, Таранов! — Борис довольно заржал, привлекая к ним внимание окружающих. — Иди с Богом!

И щедро выплеснул прямо на белоснежную рубашку капитана все содержимое своего бокала. Коньяка, конечно, было жалко, но разве ж мог он отказать в такой просьбе? Да еще Таранову?

Андрей со счастливой улыбкой тут же повернулся к Репину и развел руками.

— Оказия вышла, — одними губами проговорил он.

— Идиот... — шикнул Юра, но делать было нечего. Как и в далеком детстве, Таранов переиграл его и здесь. Как минимум, одно выступление публики сегодня не услышит. — Барский будет в гневе...

Главный менеджер все еще что-то говорил, но капитан его не слышал.

Андрей широким шагом направлялся в фойе. Для него сегодняшнее шоу было закончено. И пусть для этого пришлось пожертвовать новенькой рубашкой, не велика беда. Хватит уже семейству Барских водить его за нос.

Настя даже не заметила появления в фойе еще одного человека. Погрузившись в свои мысли, она медленно пережидала время. Уже скоро к входу в ресторан должно было подъехать заказанное такси. Стоило подождать совсем чуть-чуть, и все. Свобода. А дома и стены помогают, мысли быстро придут в порядок, разложат по полочкам все события напряженного дня, отодвинут на задний план ненужные эмоции. Все получится, обязательно получится.

В огромном зеркале напротив отразилось суровое лицо капитана. Андрей стоял совсем близко, скрестив руки на груди, и наблюдал. Вздрогнув от неожиданности, Настя уже готова была выскочить на улицу, в холод и дождь, прочь от этого человека. В груди все быстрее колотилось сердце. Удержаться на месте стоило огромного труда, но она смогла. Гордо расправила плечи, приподняла подбородок и отвернула лицо в другую сторону. Надменно, ну и пусть!

— У тебя неплохо получается, — хмыкнул мужчина. — Я почти купился.

— Не знаю, о чем ты. И знать не хочу, — сказала, как отрезала, Настя.

— Простите, миледи, постоянно забываю, с кем имею дело, — в голосе капитана звучал неприкрытый сарказм. — А что же Вы не остались послушать мою пламенную речь?

Он повернулся к ней лицом, чтобы лучше было видно глаза. Сейчас она сощурилась, Андрей знал это заранее, а потом выпалит очередную гадость.

Настя окатила капитана морозным взглядом, на секунду задержавшись на испачканной рубашке. Еще чуть-чуть, и на губах показалась бы улыбка, но она сдержалась и в этот раз.

— Я так понимаю, от поздравления ты отвертелся...

— Да, еще как, госпожа Барская.

— Ну ты и... — на душе у Насти бушевали смешанные чувства. Еще минуту назад она искренно переживала за него, а уже сейчас готова была ударить. Вот зачем он с ней так?

— Разочарована? Признайся! — шепнул Андрей, подливая масла в огонь. — Такая возможность полюбоваться унижением другого... И я вам все испортил.

— Да пошел ты! — со стоном выпалила она, замахиваясь для удара.

Андрею хватило одного короткого взгляда, и ладошка замерла. Барская не успела ничего сделать.

Резкий толчок назад, холодная стена за спиной и горячие губы мужчины, стремительно накрывшие ее рот. Шах и мат. Словно дикий зверь, сорвавшийся с цепи, капитан бесцеремонно облапил хрупкую женскую фигурку. Обжигая ладонями бедра, талию и грудь, до боли смял в объятиях, вжал в себя. Как давно он этого хотел, как сильно.

Настя растерялась. Короткий вдох оборвался всхлипом, и, не в силах противостоять напору, она раздвинула губы. Вся защита, которой так гордилась, рухнула в одночасье, окончательно и бесповоротно. Не мешкая, его язык ворвался внутрь, и оба сошли с ума от поцелуя. Долгожданный, как финиш изматывающей гонки, отчаянный, как последний рывок утопающего, он был правдивее любых признаний и откровеннее секса.

Губы и руки говорили вместо слов, и уже не важно, кто начал первым, а кто сдался. Словно в лихорадке, от острого, болезненного желания погибали двое. Ни мыслей, ни слов, одни ощущения и сумасшедшая жажда.

— Ко мне или к тебе? — оторвавшись на секунду, охрипшим голосом спросил Андрей.

Единственные слова, на которые хватило сил и дыхания. Единственное, что имело значения сейчас. Отказа не будет, он не позволит.

— Ко мне... — также хрипло ответила женщина.

И уже не важно, что потом. Затуманенный взгляд мужчины, его руки, бесстыже шарящие по ее телу, и губы...

Губы — они сильнее всего. Они — искушение и грех, противостоять которому невозможно, проще выгореть дотла, не надеясь на возрождение. Поддаться, пасть на самое дно, оголить тело и душу — что угодно, лишь бы вновь целовать эти губы, чувствовать их огонь и напор. Она знала, на что шла, но отказаться уже не могла.

Такси прибыло через минуту. Не прощаясь ни с кем, мужчина и женщина покинули элитный ресторан. Впереди их ждала напряженная, полная тревоги и ожидания дорога домой и длинная, томительная ночь друг для друга.

Глава 11. Наслаждение с привкусом горечи

В салоне такси негромко играло радио. Очередной музыкальный марафон радовал слушателей приятными расслабляющими ритмами старого доброго блюза. Но только на заднем пассажирском сиденье его будто бы и не слышали. Клиенты напряженно смотрели в окна на ночной город, каждый по-своему предвкушая окончание поездки.

От волнения Настя вся сжалась. Горячее желание все больше уступало место проклятой тревоге, знакомой и неконтролируемой. Вернулись вопросы и страхи. Еще не поздно было все остановить, дать задний ход и бежать, не оглядываясь.

Словно почувствовав эти опасения, Андрей просунул руку ей за спину и по-хозяйски притянул к теплому боку.

Так вовремя и так просто.

— Мне кажется, мы уже вечность едем, — обдав дыханием, шепнул на ушко мужчина.

Барская сладко вздрогнула. От дуновения и бархатного, хрипловатого голоса по коже будто мурашки пробежали. Довольный результатом, Таранов решил не останавливаться. К чему тратить время, когда вот она, рядом, взволнованная, безумно красивая и отзывчивая? Он склонился к ее затылку, и Настя кожей почувствовала, как горячие мужские губы сложились в улыбку. И тут же улыбка превратилась в поцелуй, поначалу нежный и трепетный, а затем настойчивый и смелый. Губы мужчины не спеша проложили обжигающую дорожку к уху, опалая каждый миллиметр чувствительного местечка.

— Так лучше, правда? — снова шепнул он, бережно прихватив зубами нежную мочку.

— Да... — Настя чуть не охнула, когда вместо очередного вопроса, мужчина принялся ласкать языком ее ушко. Прошелся кончиком по нежной раковине, а потом вместе с сережкой втянул мочку в рот и стал ритмично посасывать. От аромата дорогого коньяка и эротичных умелых прикосновений голова шла кругом. Чтобы не застонать, ей пришлось до боли закусить губу. Желание волнами прокатывалось по телу.

— Андрей, — узкая женская ладошка, расстегнув маленькую пуговичку, прокралась под рубашку. — Мы так не доедем...

— А так? — он взял другую ее руку и опустил на ширинку брюк. — Думаешь, мне легко?

Под пальцами, подрагивая от возбуждения, распирало штаны самое красноречивое доказательство его желания.

— Знаменитый "молот" Тора? — хмыкнула женщина.

— А тебе уже кто скормил эту байку? — Андрей за подбородок повернул ее лицом к себе и серьезным тоном пояснил. — У меня удар молниеносный, один из самых сильных и стремительных в Лиге. Поняла?

— Ага... — она провела ладошкой по всей длине впечатляющего мужского достоинства и хитро улыбнулась. — Молот не при чем...

— Совсем не при чем.

— Совсем... — крепко сжала член сквозь ткань.

— Милая, если ты сейчас же не уберешь оттуда руку, мне придется попросить водителя прогуляться и... — мужские пальцы легли поверх ее. — Показать, как это работает прямо здесь. Боюсь, застрянем мы надолго...

Судя по яростному блеску в глазах, Таранов не шутил. Оставалось покорно подчиниться

и, положив голову на плечо мужчине, тихо дожидаться окончания поездки. Теплое, сильное тело, крепко прижимающее ее к себе, ненавязчивый разговор, игривые ласки — они мягко притупили привычную тревогу и позволили расслабиться.

"А может, и дальше все получится, как надо, как у всех?" — мелькнула робкая надежда.

"И ты действительно в это веришь? — тут же откликнулся холодный рассудок. — Вопреки предыдущему опыту?"

Настя повернулась к мужчине, подставив губы для поцелуя. Просить не пришлось, Андрей мгновенно воспользовался соблазнительной возможностью, и внутренний диалог бессильно замолчал. Целовались так, что дыхания не хватало, но все равно хотелось еще. Даже любопытный таксист, засмотревшись на них в зеркало, забыл обо всем и пару раз проехал на "красный".

Домой домчались минут за двадцать. Андрей расплатился за такси и, любуясь прекрасными формами своей спутницы, последовал за ней к дому. Благо, идти было близко, долго он подобное наслаждение вряд ли вынес бы. Острые каблучки звонко цокали по дорожке, а плавно покачивающиеся бедра вводили в еще большее искушение. "Уже скоро!" — успокаивал себя капитан, но терпения это не прибавляло.

На счастье, других жильцов видно не было, и пустой лифт мгновенно превратился в комнату для двух спешащих любовников. Быстрые, будто ворованные, поцелуи сменялись откровенными прикосновениями. Руки были повсюду, сжимая, тиская, поглаживая. Разошлись так, что, когда добрались до квартиры, взволнованная Настя долго не могла попасть в замочную скважину и даже уронила злосчастный ключ.

Таранов, легонько шлепнув ее по попе, заставил посторониться и сам открыл замок. Это было последним, на что хватило выдержки. Вместе с первым же шагом за дверь истощенное длительным воздержанием терпение лопнуло. Одним стремительным движением он прижал женщину лицом к стене, не позволяя даже дернуться, а сам обрушился на нее сзади. Между телами не осталось даже миллиметра свободного пространства.

— Господи, как же я хочу тебя... — стиснул ладонями ягодицы.

Почувствовав, как в попу уперся возбужденный член, Настя тихонько всхлипнула. Проклятая одежда не спасала, наоборот, еще больше разогревала желание ощутить всю эту мощь. Она попыталась вывернуться, но не вышло. Таранов держал крепко.

— Ты что, без белья? — в голосе мужчины сквозило неприкрытое возмущение. Он снова обшарил руками бедра и, не нащупав искомого, резко задрал подол шелкового платья. — О, черт... Настя!

Белья не было. Даже намека, хотя бы малюсенького лоскутка ткани. Не было ничего. Он чуть не выругался вслух, вспоминая, сколько раз сам таранился на эти чудесные полушария, и сколько чужих, жадных взглядов за вечер переловил на них. Да вся хоккейная команда, за исключением разве что Гагарина, не раз и не два мысленно стянула ее платье. А ведь под ним ничего...

Грубые пальцы, не останавливаясь, прочертили линию от бедра вперед к животу, а затем резко спустились до развилки ног.

— Как подумаю, что о твой голый зад мог кто-нибудь потереться... — он медленно, по миллиметру опускал пальцы все ниже, затем остановился на гладко выбритом лобке. — И каждый хотел попасть сюда.

Один палец соскользнул ниже и резко вошел в нее. Настя раскрыла рот в безмолвном

стоне. Это было слишком дерзко, но чертовски приятно.

Андрей нервно сглотнул.

— И давно ты такая мокрая? — просунув колено ей между ног, он заставил раздвинуть их шире. — Соблазнительно мокрая и горячая...

От нахлынувших ощущений сердце Барской восторженно замерло. Палец снова толкнулся внутрь, погладил каждый миллиметр чувствительного входа и вышел. Как же давно подобное было в последний раз? Желанный мужчина, торопливые, смелые ласки и томительное ожидание большего.

— Еще... — протяжно простонала.

— Что еще? Скажи словами, — потребовал он. — Еще один палец, еще глубже, еще чаще? А может и сюда?

Андрей неспешно, играючи, обвел пальцем сфинктер.

— Потом куда угодно, а сейчас... — слова застряли в горле.

Коротко усмехнувшись, он снова сместился к влажному входу и вошел внутрь уже двумя пальцами.

— Ух... — выдохнул сквозь зубы. — Мне уже не терпится вставить в тебя кое-что другое и не останавливаться до утра.

— Может, вначале в душ? — робко спросила Настя.

— Потом, — Таранов резко развернул ее лицом к себе. — Еще пара секунд, и я за себя не ручаюсь. Поставлю на колени и возьму прямо здесь, у входа.

Проверить правдивость этих слов она не решилась. В душ, на самом деле, можно и потом, а чему быть — того не миновать.

Спальня была рядом. Андрей быстро сбросил с себя всю одежду и помог Насте освободиться от платья. Чулки и бюстгальтер она снять так и не успела. Он спешил, от перевозбуждения в паху болезненно ныло. Даже смотреть на обнаженную женскую попку и гладкие, припухшие губы было невозможно. А как тесно было там пальцам! Тесно, влажно и горячо...

Насте хватило одного взгляда, чтобы понять, насколько он напряжен. Ее скандинавский бог загибался от возбуждения, и виной всему она! Уже ради этого мгновения стоило идти на все.

Матрас огромной двуспальной кровати, к которой никогда не прикасался ни один мужчина, прогнулся под весом двух сплетенных тел.

Накрыв Настины губы своими, Андрей одним толчком вошел в нее на всю длину. Все планы, которые так старательно продумывал в машине, летели к черту.

— Проклятие... — в отчаянии прохрипел он. — С тобой невозможно сдерживаться.

— А что можно? — Настя подалась бедрами вперед, настойчиво насаживаясь на член.

— Трахать, ваше высочество — откровенно признался мужчина. — Просто трахать.

— Тогда не останавливайся, — и едва слышно добавила: — Кстати, я предохраняюсь.

О большем подарке Таранов и мечтать не мог. Возбуждение зашкаливало, требуя поскорее сделать эту женщину своей. Теперь не осталось никакого препятствия.

— Ты чудо, — его лицо счастливо просияло.

Настя вместо ответа ускорила ритм и крепко сжала его внутренними мышцами. Стало мучительно тесно. Чтобы не выругаться, капитану пришлось сцепить зубы. Что она творит? Тормоза, которые и без того уже не справлялись, отказали полностью. Подхватив партнершу

под бедра, он стал вколачиваться в нее все быстрее и жестче. Член, как поршень, стремительно входил в горячее лоно и мгновенно выходил, чтобы вновь ворваться. В воздухе разлился густой аромат секса, а быстрые, звонкие шлепки заглушили даже шум машин за окном и тиканье настенных часов. В мире будто не осталось ничего. Лишь он, она и стремительная, безумная близость.

Настя крепко обхватила любовника ногами и, подстроившись под его дикий ритм, стала двигаться навстречу. Возбуждение, которое, казалось бы, достигло самого пика, не ослабевало. Мышцы пресса свело от напряжения. Впервые в жизни она за такое короткое время почти достигла экстаза. Тело пылало, как в лихорадке, ни боли, ни дискомфорта, лишь желание. Все было идеально, как и мужчина, без усталости вонзающийся в нее.

Капитан был хорош, сильное тренированное тело сводило с ума своей мощью и терпким мускусным запахом. Широкая спина казалась отлитой из металла, а под бархатной, влажной от пота кожей бугрились тугие мышцы. Бог грома и молнии превратился для нее в бога страсти. Голова шла кругом — сегодня он принадлежал ей.

Мощные толчки без пощады обрушивались на ее тело. От трения внутри стало горячо. Настя в любую секунду готова была вспыхнуть от опустошительного оргазма, но не выходило. Андрей держался, не останавливаясь ни на миг, менял ритм и угол проникновения. Сильные руки крепко сжимали ее ягодицы, еще глубже насаживая женщину на себя, а на покрасневшем от напряжения лице читалось отчаяние.

— Я больше не могу, милая... — с трудом выговорил он.

Она и сама чувствовала, как тяжело ему даются последние секунды. Вены на руках и шее вздулись, а спина окаменела. Сколько бы она отдала, чтобы успеть... Но тело снова играло против нее, все дальше отодвигая разрядку. Хоть вой от отчаяния — бесполезно. Не могла. Не сейчас.

— Не сдерживайся, — собственное наслаждение перестало быть важным. Настя еще крепче сжала его бедра ногами. — Кончи в меня... Пожалуйста...

Андрей жадно прижался губами к ее рту и, выдохнув короткое, хриплое "Прости", с рычанием излился вовнутрь. Тело мужчины так сильно трясло от нахлынувшего экстаза, что Настя от боли чуть не вскрикнула: последний толчок был особенно глубоким.

— Да, все отлично, так... — успокаивая, шептала она, но он не слышал. Жадно хватал ртом воздух и крупно дрожал.

Покрывая легкими поцелуями шею и грудь мужчины, Барская терпеливо дожидалась, пока тот окончательно придет в себя. Прошла минута.

Андрей открыл один глаз, затем другой. Они уже не казались стальными, нет. Скорее серо-голубыми, пьяными от пережитого восторга и счастливыми. "Какие же они у тебя красивые!" — восторженно подумала Настя.

Любовник тем временем с ленивым стоном вышел из нее и откинулся на бок.

— Прости меня, — поцеловал в плечо. — Это было слишком... хорошо! Но мы обязательно все наверстаем, дай мне пару минут.

— Обязательно, — она печально улыбнулась. Тело еще ломало от неутоленного желания. Все ведь было так близко, так невероятно чувственно и остро, как ни с кем и никогда прежде. Весь, даже успешный, опыт мерк рядом с этой стремительной и жаркой неудачей.

— Пошли в душ, — отвлекая ее от невеселых мыслей, предложил капитан.

— Боюсь, тебе придется меня нести, — Настя накрыла ладошкой развилку между

ног. — Кого-то было очень много. Я даже повернуться на бок боюсь.

— Хм... — разыграть смущение не удалось. Довольная улыбка выдала Таранова с головой.

Не раздумывая, он подхватил женщину на руки и лишь после этого стал оглядываться по сторонам в поисках той самой ванны.

— Андрей, — Настя хитро сощурилась. — А тебе не кажется, что для душа я чересчур одета?

— Э... — он округлил глаза. — А тебе идет.

— Вот только не говори, что ты успел хоть что-то рассмотреть!

— Мне хватило и того, что почувствовал, — он прикусил все еще возбужденный сосок через кружево бюстгалтера и добавил: — А вот это оставим на десерт. У меня на это особые планы.

— Мм... Я заинтригованна.

— А я в предвкушении.

Спустя пару секунд он определился с направлением, безошибочно найдя ванную комнату.

Удобная небольшая ванна, в которой Настя так любила полежать и расслабиться, оказалась совершенно неподходящей для двоих. Таранов казался гигантом, случайно попавшим в детскую лохань. Широкие плечи капитана постоянно ударялись то о стену, то о стеклянную перегородку. Поначалу Насте было смешно, но когда его могучая рука промелькнула в паре сантиметров от ее собственного носа, веселье исчезло.

Заботливо смыв с любовника все мыло, она с нежнейшим поцелуем отправила его в спальню и принялась за себя.

Так было даже лучше. Появилось время собраться с мыслями и придти в себя. Минувшие пятнадцать минут и без того перевернули весь ее ставший привычным за полтора года уклад. По ногам все еще стекали последствия недавнего сумасшедшего секса, а голова гудела от эмоций и ощущений.

Пять минут. Ей нужно хотя бы пять минут, чтобы опомниться.

Андрей окинул внимательным взглядом комнату. Пастельные тона, минимум мебели и отвлекающих деталей. Кровать с мягким изголовьем, небольшой туалетный столик, встроенный шкаф и элегантное плюшевое кресло — женская спальня. Ничто, кроме его собственных вещей, не намекало на наличие здесь мужчины. Либо для свиданий Настя использует какую-то другую квартиру, либо в личной жизни соблазнительного пресс-секретаря полнейший штиль.

Лично он предпочел бы, чтобы правильной оказалась вторая, более перспективная, версия. Ради того, что было между ними несколько минут назад, он согласился бы терпеть даже ее скверный характер. Насколько долго — Таранов пока не задумывался. Жизнь покажет, но скучно с Барской точно быть не может. Скорее уж, *a la guerre comme a la guerre**. Но даже острый язычок, при правильном подходе, всегда можно употребить в иных целях.

Пикантные фантазии тут же принесли свои плоды. Довольно ухмыльнувшись, капитан прошелся рукой по возбужденному, готовому к действиям члену и откинулся на подушки. Оставалось надеяться, что ждать недолго, но даже если и так, все равно второй раз он точно спешить не будет. Теперь пусть несносная госпожа Барская пеняет на себя, нечего было две недели держать его в черном теле.

Закончив, наконец, приводить волосы в порядок, Настя отложила на полочку расческу и взглянула на себя в зеркало. Глаза предательски блестели, а на обычно бледном лице проступил нежный румянец. Даже хороший визажист не сделал бы лучше.

"Кто бы мог подумать, что таланты капитана не ограничатся одним хоккеем? А ведь основное еще впереди..." — со смешанными чувствами задумалась она.

Взгляд спустился ниже, на бюстгальтер. Один, без трусиков, он смотрелся нелепо. Но обтягивающее, шелковое платье не оставляло вариантов, что бы там ни придумал себе Таранов. Уж он наверняка придумал! Ягодицы до сих пор горели от яростных, обшаривающих прикосновений. Оставалось надеяться, что синяков не будет, хотя... Пожалуй, пусть бы остались! В голове возникло какое-то дурацкое мазохистское желание — смотреть на них потом, ощущать легкую ноющую боль и точно знать "Было!"

Другие последствия ее телу не грозили, только душе.

Настя провела пальцем по ключице, спустилась к груди и, не раздумывая, сняла бюстгальтер.

— Значит, десерт? — со вздохом осмотрела свою маленькую упругую грудь. Почему-то вспомнились фотографии капитана с молодыми грудастыми девицами. Сразу захотелось завернуться в полотенце или снова надеть бюстгальтер, но сдержалась. — Ну, Таранов, только посмей хоть что-то сказать!

Андрей зачарованно наблюдал, как из ванной комнаты вышла женщина. Опершись спиной о дверной косяк, она остановилась у входа, обнаженная и настороженная. Сердце заколотилось быстрее. Оба напряженно смотрели друг на друга, не решаясь начать, будто и не было "предыдущего раунда", а вот они, совершенно чужие, только собираются пережить свой "первый раз".

Взгляд мужчины опустился с лица на грудь, и глаза затуманились.

— Не твой размерчик? — хмыкнула Настя.

— Сейчас же иди сюда! — командным тоном произнес он. С этой беглянкой вечно надо держать ухо востро. — Женщина, и откуда тебе известно, какой размер мне больше нравится?

— Из прессы, уважаемый капитан команды, — она подошла ближе и уперлась коленом о край матраса. — Твоя коллекция пышногрудых красоток поражает ассортиментом. С цветом волос я уже поняла, что за беда.

Таранов весело рассмеялся, притянув ее к себе на колени.

— Да мало ли кто рядом со мной на фото! — хитро ухмыльнулся мужчина. Если она и до фото в прессе добралась, да еще до парных, значит, беспокойно после поцелуя в коридорчике было не ему одному. Эта мысль приятно согрела душу.

— Фанатки, значит... А как же Репина?

— С ней у меня было только в твоих фантазиях, — поцеловал в лоб. — Или ты уже ревнуешь?

— Вот еще! — фыркнула Настя, но продолжать не решилась. Слишком много чести.

— Правильно, — он жадно обхватил ладонями ее грудь и, как кот, довольно зажмурился. — Идеально подходит. В руках помещается, как влитая.

Барская смирила его скептическим взглядом, но спорить не стала. Уж очень приятно оказалось ощущать его сильные пальцы на своей груди. Смуглые и грубые, они так сильно

отличались от ее нежной молочно-белой кожи, но, вместе с тем, так безумно эротично смотрелись вместе. Андрей настойчиво потер большими пальцами возбужденные соски, и стало совсем невмоготу.

— Ну, как? — понимающе хмыкнул он. — Вопрос о размере отпал?

И пока она не успела в очередной раз съязвить, Таранов накрыл губами одну из острых вершинок.

— Ванилью пахнет... — пробубнил, оторвавшись на секунду.

Только она хотела ответить "Дегустатор!", как острые зубы бережно прикусили сосок. Неожиданно и хищно. Приятная боль послала вниз живота такой импульс, что рука сама нашарила член и крепко сжала. Андрей не остановился. Он словно забыл обо всем на свете.

Губы, язык, зубы — в ход шло все. Обсасывая, покусывая, облизывая, терзал раскрасневшуюся вершинку, вызывая сильнейший прилив желания. Еще минуту назад она прокручивала в голове все свои самые любимые эротические фантазии, тщетно пытаясь настроиться на секс, а сейчас... Ноющая боль и влажные прикосновения превратились в отчаянную, животную необходимость.

Довольный результатом, Таранов принялся за второй сосок. Настя закрыла глаза, боясь нарушить волшебство момента. Все, кроме ощущений, потеряло смысл. Только переживания, только сладкая мука вверху и пронзительная, с ломотой и спазмами, потребность внизу. Грудь стала такой чувствительной, что малейшее касание вызывало дрожь. И Таранов, похоже, очень хорошо понимал, что творил. Лукавый взгляд раз за разом окидывал ее тело, но рот продолжал свою игру.

Она не мешала. Лишь, чем сильнее он увлекался, тем сильнее сжимала ладошку с могучим содержимым.

— Если ты сейчас же не прекратишь, пожалеешь! — прорычал мужчина. — Игры закончатся.

"Слишком быстро" — с волнением подумала она. Хотелось еще ненадолго отложить близость. Побывать рядом, чувствуя волнение и желание друг друга. Ловить откровенные взгляды и наслаждаться восторгом. Изучать губами каждый сантиметр кожи, сложный узор татуировки, что оплетает правую руку от плеча до самого локтя. Черные символы затейливо переплетаются между собой, словно текут по буграм тугих мышц. "Ах, капитан! — Настя прикрыла глаза, окунаясь в свои мысли. — Какой же ты большой и многогранный. И какая же короткая у нас ночь".

— Давай, не будем спешить... — неловко попросила она.

— Спешить? — Андрей поднял голову. — Нет! И не планировал. Вообще я собирался задать тебе пару вопросов, но увидел это и не удержался.

Он снова, на этот раз нежно, поцеловал каждую грудь и, кое-как вернув себе серьезный вид, спросил.

— А скажи мне, радость моя, с каких это пор приличные дамы ходят в рестораны без белья? — вопрос не давал ему покоя с самого начала. — Я безбожно отстал от жизни?

— Хм... — Настя сделала вид, будто задумалась. Вот ведь достался упрямый любовник, все помнит. Решив еще немножко поиграть, она ответила. — Думала словить на живца какого-нибудь симпатичного хоккеиста. Как видишь, удалось.

Глаза капитана мгновенно вспыхнули азартным блеском. Андрей резко крутанулся, подминая ее под себя. Именно в этом положении они несколько минут назад закончили. Оба нервно сглотнули.

— Ну, и как улов? — в голосе Таранова слышались первые хриплые нотки. — Устраивает? Или обсудим мой "размерчик"?

Предмет обсуждения красноречиво ткнулся Насте в живот.

— Мужчина, ты комплимент захотел? — и один, и другой прекрасно знали, что с его "размером" все в порядке. Более чем в порядке.

— Вообще-то, я напрашиваюсь на кое-что иное... — потерялся об нее бедрами.

— Я хочу сверху, — она действительно хотела почувствовать, каково это — ощущать его под собой, да и возможностей помогать себе в этой позе было больше.

— Хм... Дама в высшей лиге? — Андрей исполнительно перевернулся, согнув ноги в коленях. Затем добавил с хитрой усмешкой. — Такие барские замашки для меня закон.

— Шутник...

Таранов не ответил. Вместо этого уперся головкой члена во влажный вход, неглубоко протолкнулся. Хотелось глубже, но пока и этого было достаточно, он не спешил. Мужские пальцы стали медленно и нежно поглаживать клитор. И, судя, по проворству, опыт у капитана в этом был немалый. Настю кольнула неожиданная ревность.

— Месье, да вы мастер! — она откинулась на согнутые ноги мужчины, предоставляя ему больше простора для маневров.

— А какой смысл лезть в кровать, если не умеешь лакомиться деликатесами?

— Значит, мне повезло...

— Уж кому здесь повезло, так это мне.

— Боже, как хорошо... — простонала она.

— Еще? — Андрей обхватил ладонями ее бедра и стал медленно насаживать на член. По миллиметру, постоянно останавливаясь, глядя.

Настя еле слышно застонала и качнулась навстречу. Больше откладывать было невозможно. Головка глубоко протиснулась внутрь, и обоим вдруг стало не до шуток.

— И все-таки ты создана для секса, — в голосе слышался восторг. — Жалею, что не могу взять тебя во все твои сладкие места сразу.

— Ишь ты, какой ненасытный...

— Твоя попа меня провоцирует, — Андрей жадно облапил ягодицы, задавая ритм.

Поначалу все шло неспешно, томительно долго. Лицом к лицу, глаза в глаза, они медленно двигались навстречу друг другу под нежные, чувственные поцелуи. Настя обняла мужчину ногами, прижалась всем телом. Стало тесно, словно двое превратились в одно целое. Возбужденные соски женщины постоянно терлись о мужскую грудь, еще больше распалая желание.

А внизу, на простынях творилось еще большее волшебство. Член входил внутрь до конца и снова выходил. Проникал каждый раз, как в первый, под ее глухой стон, под его шумный выдох.

За окном было темно. Утомленный за день, город отходил ко сну. Где-то уставшие гости покидали шикарный ресторан, где-то сладко спали маленькие дети, а где-то богатые и знаменитые делились друг с другом своими неожиданными открытиями. Начало ночи — самое время для тайн и откровений, время для страсти и любви.

Робко коснуться краешка души, сказать безмолвное "да", позволить себе недозволенное... Ночные чары не знают запретов и стеснения, им чуждо прошлое и будущее. Только "сейчас", и плевать на "потом". В жарком трении тел, в откровенных звуках и терпких ароматах. Уже не "всего лишь секс", но еще не "любовь". Без оглядки растворяться

во мраке с ним, для него. И голова кругом от скольжения сильных пальцев по коже, и слезы из глаз от восторженного взгляда и хриплого шепота.

Долго, томительно долго двигались они навстречу друг другу, ловили короткие, жадные поцелуи и сгорали от сумасшедшей жажды. Двое, и сердца в такт, и дыхание в унисон. Ближе — дальше, резче — медленнее. Настя, чувствовала, как внутри все напряглось. Ощущения и эмоции завязались в прочные узлы, требуя одного решающего удара, опустошительного экстаза, который разрубит путы и смоеет их ошметки бурной, пенной волной. Их собственное цунами, их собственная первая гроза.

Мужчина напротив закрыл глаза, упрямо сосредоточившись на одном: он был обязан сделать это, довести конца, продержаться... Капитан, чемпион, скандинавский бог. Без усталости, долго, настойчиво. Без упреков и вопросов, молча, выдавая себя лишь встревоженным взглядом.

Взгляд!

Он был ей знаком!

Словно удар из прошлого, перед глазами проплыли лица других мужчин. Вот ее первый — интеллигентный, медлительный, вот второй — горячий, спешащий, третий, четвертый... муж. Они все ждали. Когда обуздывали свое желание, когда отлынивали, когда терпеливо ждали, когда не сдерживались. Были с ней, принося разочарование, тепло, отчаяние и иногда долгожданное освобождение. Редко, очень редко.

Сейчас ждал Андрей.

Непонимание и досада, страх поражения и отчаяние — постепенно просачивались в каждом действии и взоре. Ее персональные преследователи и мучители.

Возбуждение сменилось злостью.

Еще толчок, еще поцелуй.

Еще чуть-чуть и его губы прошепчут проклятое "Когда?" Обязательно прошепчут...

Ее безумно красивый, терпеливый и страстный капитан. Он делал все как надо, он ждет только ее, но что сможет он один против сотни демонов, которые уже разбудили старые страхи и холодный рассудок?

Она не хотела лгать и притворяться, но время истекло. Сколько еще мучить его и себя?

Ритмично сжимая член внутренними мышцами, громко вскрикнула. Рваное дыхание, стоны и слезы на глазах — актриса блестяще играла свою роль. Репетиции и дубли не нужны. Все отточено и эффектно.

Лишь слезы настоящие, но это не слезы радости. Хотя кто их отличит?

Он заслужил победы.

А цена?.. Она сама заплатит за двоих.

Крепкие объятия, последний выпад, и он задыхается рядом от собственного экстаза. Целует, не выпускает из кольца горячих рук.

— Настя... — хриплый шепот. — Настя...

Прозрачные, как слезы, струи воды текут по телу, смывая сперму и пот. Вот бы смыть еще и мысли! Не выйдет.

С этим придется жить. Дни, годы и оставшиеся часы этой ночи.

Часы... Как? Снова молчаливо приносить себя в жертву? Сдерживаться, на грани отчаяния и боли?

"С Андреем не будет боли! — сладко искушала надежда. — С ним все иначе!"

Она провела пальцами по подпухшим половым губам и чуть не расплакалась вновь. Да, с Андреем пока иначе. С ним она постоянно на грани экстаза. Не хватает какой-то мелочи, проклятой тишины в голове и веры. Один несчастный шаг, и вот уже дважды мимо, дважды совсем близко и далеко. От неутоленного желания ломило все тело. Хрупкая плотина гордости удерживала целый океан эмоций и слез. Раздвинув ноги пошире, она принялась ласкать себя сама.

Гадко, постыдно и безрадостно, после лживого искусственного оргазма принуждать тело отпустить себя в настоящем. Пальцы двигались, не останавливаясь. Уж они хорошо знали каждую точку, каждый чувствительный миллиметр.

Проклинать себя, но продолжать.

За стенкой по-царски развалился на кровати мужчина. Он удовлетворен и доволен. Он сделал все, как надо, и его женщина кончила вместе с ним. Она прекрасна, сексуальна и счастлива...

Все ложь!

Снова ложь!

Искусная игра, чтобы скрыть отвратительную правду — она не смогла...

Она не "чудо", она не "создана для секса".

Настя смахнула со щеки очередную непрошеную слезу. Другая рука, не отрываясь от клитора, продолжала свое дело. Просто кончить, без стопа и дрожи, вымученно и быстро. Оргазм, как пилюля, лекарство от новых бед.

Она, как сейчас, помнила грустные глаза доктора и его вкрадчивые, теплые слова: "Это еще не проблема, но нужен длительный курс лечения и... Никакого насилия над собой, сильному возбуждению нужен выход. Женское здоровье не шутка".

Никакого насилия над собой... А как? Просить постоянно уставшего, способного лишь на короткую прелюдию мужа изменить всю привычную сексуальную жизнь? Пробовали! И что из этого вышло? Парочка удач и еще большее разочарований. Один его ожидающий, нетерпеливый взгляд чего стоил. Из спальни хотелось бежать без оглядки. Лишь бы не видеть этих глаз, не чувствовать своей ущербности, не быть обузой.

Женское здоровье... Воспаление за воспалением, регулярная боль и молчание.

Просила о длительных ласках, просила о терпении. Просила...

"Ты изменилась!", "Но ведь раньше получалось...", "Давай, не будем все усложнять!" — сколько раз в ответ слышала эти фразы!

А если раньше чаще всего была ложь? Удобная и красивая.

Разве такая женщина, как она, могла быть иной? Неполноценной, фригидной, нестрасной? Нет! Только не это! Таких не любят, таких жалеют, а ей жалость не нужна. Красивая, гордая жена богатого бизнесмена, наследница банковского магната, сирота... Всегда лучшая, всегда на виду, образец для подражания, объект для сплетен.

Она легко играла свою роль, пока изможденный женский организм не сказал "Стоп!". Врачи, анализы, миома, многотомники рекомендаций и длинные списки лекарств. А потом была зима и метель. Третье испытание сломило ее окончательно. Почти смерть, полная перезагрузка.

В прежнюю жизнь не осталось возврата, как бы этого ни хотел муж. Удобная, искусно симулирующая жена исчезла. Она ушла, выбрав развод и одиночество.

Прошел год.

Было так спокойно. Почти привыкла, почти разучилась тосковать по теплему мужскому

телу рядышком. Никто не затрагивал, никто не интересовал, ни в ком не нуждалась.

А сейчас Андрей... Молнией врезался в ее жизнь, за месяц превратился в навязчивую идею, страстное желание. Упрямый, сильный, отчаянный.

Насколько его хватит? Через какое время он начнет засматриваться по сторонам в поисках более "удобного" варианта? Это обязательно будет! Так было всегда, а она... Дай Бог, чтобы это случилось до того, как он станет ей по-настоящему дорог. Лишь бы не полюбить!

Тело уже отзывалось на прикосновения, уже прокатились первые волны приближающейся разрядки.

В дверь ванной постучали.

— Настя, все хорошо? — послышался взволнованный голос Таранова. — Я зайду?

— Нет! Подожди! — она не успевала.

Внутри ныло, но поздно. Один миг, и от прежнего возбуждения ни осталось и следа. Лишь раздражение и ломота. Хотелось ударить кулаком о кафельную стену или заорать от отчаяния.

Нельзя. Он не виноват, он не поймет.

— Андрей... — позвала.

Капитан приоткрыл дверь и вошел. Все такой же голый, красивый и... лишний. Ей дико хотелось остаться наедине, выпроводить мужчину домой, а самой залезть в горячую ванну и баюкать свое горе.

— Слушаю тебя, — Андрей заинтересованно посмотрел на Барскую. Чувствовал: что-то не так, но вот что? Слишком сложная.

— Мне нехорошо, — Настя мучительно придумывала, как лучше поступить. Не хотелось ничего пояснять, ругаться или изворачиваться. — Давай, просто ляжем спать. Для меня сегодня слишком много... эмоций. Банкет, дядя, ты...

— Хорошо, — спокойно ответил он, прерывая лишний монолог.

Одно слово, а у нее словно камень с души упал. Малюсенькая капля лжи, и все в порядке. Неужели так бывает? Счастье.

Они просто лягут вместе, и она обязательно уснет. Уснет, даже если сна не будет и близко. Уснет, даже если мысли в голове будут будоражить сознание.

Это так просто. Тихо лежать, избегая лишних прикосновений, попытки обнять, переходящей в неторопливую, сонную близость. Ждать ровного дыхание мужчины и покоя.

Уже потом можно будет снять маску, открыть глаза и доживать до утра.

Потом. Как и всё прочее...

* на войне как на войне (французский)

Зарисовка 2. Ночная

Ночное небо сурово смотрело сквозь штору желтым глазом луны. Рассеивая мрак, золотистый свет мягко заливал комнату. Здесь, в полной тишине, нарушаемой лишь тиканьем часов, двое безуспешно ждали сна. Он все не приходил. Морфей, видимо, напрочь забыл об этой паре.

Отчаявшись уснуть, мужчина со вздохом открыл глаза. Чужая спальня, аромат секса, красивая женщина рядом и приятная легкость в теле — все, как в старые добрые времена. Все, да не все. Что-то неуловимое отличалось, выделяло этот раз — он не мог понять.

Она лежала рядом, в той же позе, что и полчаса назад. Грудь ровно вздымается, глаза закрыты. Такая хрупкая и тихая. Не верится, что это та самая Барская, которая так виртуозно трепала ему нервы на протяжении целого месяца! Не похожа. Совсем не похожа.

А уж как она была не похожа на себя в ванной, когда просила его "просто лечь спать"... Поначалу сам не понял, как такое возможно. Спать! Какое "спать", если все только началось? А потом всмотрелся в глаза, и задуманное перестало быть важным. Было в них нечто такое, тревожное и настороженное, словно что-то произошло, переменялось за каких-то десять минут после ухода из спальни.

Встряхнуть бы ее тогда и расспросить, но испугался. Непонятное либо злит, либо пугает, а с этой женщиной понятного вообще мало, то бежит, а то горит, то надменная стерва, а то робкая девчонка, которая на каждое прикосновение отзывается так, как будто это впервые в жизни. Очень сложная, непостижимо сложная. И вправду говорят: "Чужая душа — потемки". Однако, женская душа — это даже не потемки, это темень непроглядная. Настя...

Он приподнялся на локте, всмотрелся. А ведь она действительно отличалась от всех его предыдущих. Утонченная, хрупкая, прикасаться боязно. Казалось бы, на нее можно лишь любоваться, не надеясь на большее. Водить по ресторанам и театрам, дарить дорогие побрякушки, терпеливо дожидаясь благосклонности. Обычно таких он обходил стороной. Носятся они с этой "благосклонностью", как с писаной торбой, не решаясь никому вручить, словно это что-то невероятно драгоценное, возвышенное. То ли от страха продешевить, то ли от нищеты — кто их разберет. Но видел, как бывает потом, когда дело сделано, и карты раскрыты. Становится пусто и скучно, а за вчерашнюю "благосклонность" по-прежнему выставляются счета, как совсем недавно за фуа-гра в элитном ресторане.

И вот Снежная королева Анастасия Барская без ресторанов и подарков с ним в кровати... Уму не постижимо! И холодности в ней ни грамма, и надменность куда-то исчезла. Осталась лишь женщина, нежная, отзывчивая и понимающая. Маленькая, упругая грудь, тонкая талия, округлые бедра и взгляд, затуманенный, удивленный — сильнейшее искушение. И уже не важна утонченность и хрупкость. Подмять под себя, раздвинуть ноги пошире и забыть обо всем. С ней забываться хорошо, чертовски хорошо. Потом уснуть рядом, и то не получается.

Чертыхнувшись про себя, он осторожно пододвинулся, провел рукой по плечу, руке, бедру. Замерзла она, что ли? Ладонки холодные, и пятки ледяные. "Нет, так дело не пойдет!" — подумал и, положив руку на талию, прижал к себе, близко-близко.

Так гораздо лучше.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Настя чуть не вздрогнула, почувствовав, как прогибается рядом матрас, и мужская грубая ладонь касается ее плеча. Чуть не выдала себя взволнованным вздохом. Приятно. Мурашки по коже. Подкатиться бы сейчас под его горячий бок, прижаться спиной к широкой груди... И Бог с ними, с последствиями! В третий раз он точно будет упоительно нежен и заботлив, заполнит собою не только ее тело, но и душу. Именно так, как нужно. Именно так, как должно быть.

Сильная рука легла на талию и бережно, чтобы не разбудить, притянула ее ближе. Просто прижал к себе, от макушки до пяток, и все. Ни поцелуев, ни поглаживаний, ни шепота. У нее сердце от волнения из груди чуть не выскочило, а он уткнулся носом в волосы и довольно засопел. Все страхи вмиг исчезли. Чуть не прыснула со смеху. Она тут себя мыслями изводит, успокаивает и пугает, а ему обняться захотелось. Всего-то!

Неожиданно стало тепло и спокойно. Впереди — пустая половинка кровати, даже простынь не смялась, а позади мужчина. Андрей. Ее чуткий, красивый капитан.

Захотелось забыть обо всем. Представить, что все у них хорошо, и все получается. Сладкая мечта, в которой можно каждый день и ночь ощущать рядом с собой это горячее мужское тело. Целоваться, когда вздумается, а о поцелуях с ним думается постоянно. Не лгать и не притворяться. Быть вместе, без намеков на что-то большее, довольствуясь тем, что есть. Просто и тихо, как у всех, о большем она и не грезила.

Готовить вкусный завтрак, а по вечерам дожидаться дома. Она ведь видела, как сильно он устает, знала о частых болях в спине, не раз замечала синяки и ссадины. Хоккей — жесткая игра, не убережешься, а с его характером — тем более. Всегда впереди, на острие, под ударом...

Он готовил бы кофе, также вкусно, как тогда, у него дома, а она баловала бы его любимой итальянской кухней. Этот дегустатор точно способен оценить шедевр, насладиться от души. А она смотрела бы, как ест, и радовалась.

Хотелось подарить ему новые шарфик и шапку. Синие, как его глаза в момент страсти. Теперь-то уже точно знала, когда сталь превращается в синеву. Он обязательно будет носить, и не подозревая, что стал помеченным. Ее Тор, ее большой, самоуверенный лев.

Настя осмотрела комнату через щелочки глаз. Уютная квартира, все подобрано со вкусом, дорого и изящно. Распланирована и продумана до мелочей, как и вся ее жизнь. Еще недавно здесь не было никакого мужчины, его даже в планах не было, и вот, короткая близость, и она уже мечтает о совместной жизни.

Безумие. Искушение, поддаваться которому позволительно лишь в глупых женских мечтах.

Как бы ни было хорошо рядом, а главного это не изменит. Она не такая, как все. Трафарет, подходящий для других, к ней не приложишь, и пятилетний брак тому доказательство. А ведь Андрей даже не похож на бывшего мужа. Тому до Таранова, ой, как далеко!

Любимчик публики, лихой капитан, которому достаточно пальцами щелкнуть, и любая согласится на все.

Куда ей, Насте, тягаться с толпами молодых, знойных фанаток?

Упасть еще ниже? Нет, увольте!

Уж лучше давиться слезами, вспоминая сегодняшнюю ночь, но не дать растоптать себя еще больше. Андрей ведь не глупец и скоро обязательно раскусит ее обман. А жалости еще и

от него она не вынесет. Хватит, наелась. Лучше прикрыться привычным щитом, той Барской, которую знают все. Расчетливой стервой, без зазрения совести играющей чужими жизнями. Снежной королевой, как он сам ее назвал. Кем угодно, лишь бы сберечь от новых ран свое маленькое, уязвимое сердечко.

Утром все переменится. Шаг за шагом, она удалится от него все дальше, возведет новые баррикады. Решения приняты, и нет у капитана ни единого шанса. Завтра все вернется на круги своя.

Завтра.

До рассвета осталось несколько коротких часов.

Она закрыла глаза. Мужчина ровно посапывал за спиной, сильная рука по-прежнему лежала на талии, а в воздухе царил красноречивый аромат недавней близости. Нет, спать она точно не будет. Как можно проспать такое?

Луна почти полностью скрылась за тучами, окунув комнату во мрак.

Старательно изображая сон, на кровати лежали двое.

Бесполезно. Уснуть никак не получалось. Мысли хаотично носились по кругу, растворяясь в ощущениях. Два сердца бились совсем близко, неровно, словно пытались подстроиться одно по другое, совпасть в едином ритме, и не выходило.

Чуть ли ни плача от нахлынувших чувств, женщина тихо погибала в объятиях мужчины. Он был рядом. Счастливо улыбался самому себе, терпеливо дожидался утра. Утра, разного для каждого из них, невозможного.

Глава 12. Удар и снова удар

Празднование юбилея небольшого коммерческого банка подходило к концу.

Торжество удалось на славу, несмотря на скандальную выходку хоккеистов. Весельчаку Коневу вскоре простили все, а о "пострадавшем" капитане благополучно забыли. Все шло своим чередом, и лишь к двенадцати ночи общий запал веселья стал угасать. Часть гостей, поблагодарив за приглашения, благополучно отбыла домой.

Председатель Правления банка Александр Михайлович Барский сегодня особенно устал. Видимо сказывался возраст и большое количество работы, которую он не мог никому другому передоверить. Дивиденды получать любят все, а вот организовать дело грамотно, уменьшить налогооблагаемую базу, не привлекая внимания контролирующих органов, под силу не каждому. Капиталы неиссякаемым ручьем перетекали из одного источника в другой, видоизменяясь, где-то обесцениваясь, где-то дорожая. Недвижимость за рубежом, участие в инновационных государственных программах, а также спонсирование хоккейного клуба обеспечивали финансовую стабильность банку даже в нынешнее, непростое для экономики, время.

С хоккейным клубом было сложнее всего. С каждым годом затраты на его содержание все больше приближались к той астрономической сумме, которая списывалась в качестве спонсорской помощи. Реальная выгода таяла на глазах, и Совет директоров все настойчивей поднимал вопрос о необходимости альтернативы. Что-нибудь столь же громкое, но менее затратное, популярное, но экономичное. Но что — никто не мог придумать.

Досадное поражение в позапрошлом году на Чемпионате еще сильнее ухудшило ситуацию. Клуб вместо изящного способа вывода денежных средств окончательно превратился в обузу. И виной всему стала одна-единственная шайба.

Александр Михайлович, как сейчас, помнил свое разочарование и счастливое лицо форварда соперников. Финал, третий период, счет один — один. Победа была так близка, но нет. Упрямый капитан команды-противника на последних минутах закатил-таки злополучную шайбу в ворота "Северных волков". Андрей Таранов — вот кто был виновен во всем, вот кто одним четким движением добавил Барскому кучу проблем и головной боли.

Капитан дорого поплатился за свое мастерство, перейдя в проигравший клуб. И, судя по фокусу, который он выкинул на банкете, этого наказания ему недостаточно. Требовалась добавка.

Банковский магнат довольно ухмыльнулся своим мыслям. Как проучить наглеца, он уже знал. Пора еще одной мечте Таранова уйти в небытие. Аккуратно, неспешно, но все случится именно так, как нужно, капитан получит по заслугам. Может, не столь болезненно, как в прошлый раз, но теперь у него не останется даже призрачного шанса на переход в НХЛ.

И пусть только попробует испортить игру "Волкам"! Контракт Гагарина до сих пор не был пересмотрен.

Сладким мечтам о мести помешала одна из гостей. Грациозной походкой к нему подошла молодая женщина. Разговаривать ни с кем не хотелось, но негоже отказывать даме во внимании. Нацепив на лицо маску благодушия, Барский повернулся к обворожительной супруге главного менеджера клуба.

— Здравствуй, дорогая, — он окинул взглядом собеседницу. В длинном, струящемся платье, она была хороша, но что может понадобиться красивой, цветущей женщине от такого

старика, как он? — Рад тебя видеть, Алла. Как банкет?

Та поблагодарила за приглашение, восхитилась музыкой и кухней. Еще парочка шаблонных фраз, туманных предположений и прозрачных намеков. С детства приученная к играм высшего общества, она в совершенстве знала все необходимые правила и протокол.

Несмотря на занятость и усталость, банковский магнат прислушался. Сквозь череду ненужных слов он мгновенно учуял главное — Репина обладала какой-то информацией. В подробности светская львица не вдавалась, ссылаясь на неподходящее время и место.

Он сам сделал следующий шаг, пригласив ее в свой офис. Возможно, дама рассчитывала на ресторан или приглашение в гости, но учтиво-холодный тон банкира не оставлял выбора.

Одарив собеседника лучезарной улыбкой, Репина согласилась. Может, это было и к лучшему: деловая обстановка офиса, как ничто иное, сгодится для разговора, который им предстоит. Она понимала, что беспокоить спонсора по пустякам, да еще и через голову мужа — не самое мудрое решение, но Юра иного не заслуживал.

Договорившись о времени, Барский поцеловал даме ручку и позвал своего помощника. Коварству женщин поистине нет предела, но ради такого можно изменить плотное расписание, выкроив час на встречу. Для него была ценна любая информация, касающаяся семьи. Никто не посмеет портить жизнь его единственной племяннице.

Андрей никак не мог отойти от суматошного, безумного утра.

Все случилось совсем не так, как предполагалось в радужных планах. Стоило лишь разлепить глаза, как в одну его руку была сунута чашечка крепкого густого кофе, а в другую — стопка одежды. Настя неуловимым ураганом носилась по квартире, разыскивая какие-то документы и одновременно разговаривая по телефону.

Ошарашенный, он, как последний идиот, неподвижно сидел на широкой кровати, вдыхал терпкий кофейный аромат и с грустью пялился на полностью одетую женщину. Прекрасное утро! Хотелось швырнуть чашку об пол, а неугомонную в Барскую — в кровать. Не так все должно было быть!

В довершение всего, "приветливая" хозяйка, как бы между делом, поставила гостя в известность, что через десять минут за ним заедет такси. От улыбки на лице мужчины не осталось и следа.

— Насть, какого черта происходит? — не выдержав, прогремел он.

— У меня дела, — Барская развела руками. — Срочные.

Капитан посмотрел на нее суровым, недоверчивым взглядом. Он упорно не желал верить в происходящее.

— Иди сюда, — похлопал ладошкой по колену.

Одеться Андрей до сих пор так и не удосужился. Настя на секунду обескуражено замерла. Вот ведь соблазнительная картинка! Невыносимо захотелось поддаться. Стать меж его разведенных ног, вынуть из волос все шпильки и медленно стянуть с себя строгое платье... А дальше?

Дальше не нужно будет ни о чем думать. Стихия.

Она пару раз моргнула, прогоняя наваждение, и ответила холодным, спокойным тоном.

— У меня слишком много работы, постарайся понять.

Он постарался. Выпил залпом горячий кофе, оделся и ушел. Все, как хотела.

Ни прощального поцелуя, ни пожелания хорошего дня. Лишь короткое "до встречи" и все. Злой, как черт, уселся в такси и всю дорогу ругал себя за то, что вообще связался с этой

сумасшедшей дамочкой. Внутри все клокотало от злости и непонимания.

Да кем она себя возомнила? Выставить его за дверь, как какого-нибудь мальчика по вызову, сопливого пацана, подцепленного в клубе...

С каких это пор вместо качественного утреннего секса мужчинам преподносят кофе?

Идиотизм!

И пусть бы даже не заикалась о делах. Никуда ее работа не денется, игра только завтра, а после вчерашнего банкета "пищи" для сплетен и новостей у журналистской братии хватит на весь сезон. Куда спешить, куда бежать? Куда-то или от кого-то?

Таранов ударил рукой о сиденье. Бред, дикий бред! А он каков? Счастливый любовничек, еще недавно предвкушавший горячее утро, трясется теперь в грязном, пропахшем сигаретами и пивом такси. Давненько он не получал таких ударов по самолюбию. Даже не мог припомнить, получал ли вообще когда-либо.

А ведь ночью ничто не предвещало подобного исхода. Да, один раз поспешил, не сдержался, но вряд ли причина в этом. Казалось, Настя все прекрасно поняла. Не было даже намека на упрек или претензию, наоборот, было чертовски здорово и просто. Настолько просто, насколько вообще можно мечтать. Идеальная любовница ночью и совершенно чужая, равнодушная женщина утром — Барская Анастасия Игоревна в обеих своих ипостасях.

Андрей всю дорогу клял себя и продумывал, как и в каких позах накажет ее в следующий раз. О том, что следующий раз будет, Таранов не сомневался. Все их столкновения неизбежно разогревали обоих так, что лишь наличие свидетелей могло остановить пожар. Барская может что угодно придумывать, но сама же, первая, придет к нему. Как миленькая придет.

К концу поездки мысли о сладкой расплате сыграли с ним злую шутку. Возбуждился так, что выходить из машины было неудобно.

С проблемой обустройства личной жизни требовалось что-то делать и чем скорее, тем лучше.

Это была самая худшая за последнее время тренировка "Северных волков". Игроки все никак не могли настроиться на обычный ритм, мазали по воротам, лениво скользили по льду, матеря все и вся. Благо, хоть от похмелья никто не мучился. Градский смотрел на все молча. В другой раз он бы лично обругал каждого, заставляя выкладываться как следует, но сегодня не мог. Косился на пачку сигарет, что лежала на бортике возле его помощника, и проклинал тот день, когда поклялся жене бросить курить. Ради нее он пошел бы на что угодно. Пошел бы... Пошел.

Курить хотелось дико. Затянуться хотя бы один разок, позволить никотину сделать свое дело — наполнить легкие дурманящим ядом и на время позволить забыть обо всем.

Нельзя. Он обещал. Хоть тресни, но никуда не деться.

Тренер поднял голову, обреченно посмотрел на безобразие, что творилось на площадке. Это была не игра. Позор. Как и прежде, делать ничего не хотелось, но оставаться равнодушным стало сложнее. Хоккей. От него не отгородиться. Отдав почти всю жизнь игре, с возрастом он стал его частью, дирижером, который, как музыку, чувствовал каждое действие, каждый шаг. Это было в крови, пропитало насквозь.

— Охламоны, сброд калек и лентяев... — тяжело вздохнув, проговорил он. — Дом инвалидов, и я в нем тренер.

Громкий свист мгновенно привлек общее внимание.

Плюнув на все, Эдуард Станиславович Градский вышел на лед. Пришла пора превращать вялый балет в настоящую мужскую игру.

И он снова поднес к губам свисток.

Не прошло и пяти минут, как команда преобразилась. Без единого матерного слова, повинувшись лишь коротким командам и суровому взгляду тренера, хоккеисты принялись за тренировку всерьез. Больше никто не халтурил, и, несмотря на недосып и вчерашнее пиршество, все выкладывались по-полной.

Помощник тренера лишь восторженно посматривал на Градского и в очередной раз благодарил себя за отсутствие амбиций. Справляться так, как это делал Эдуард Станиславович, у него не хватило бы ни воли, ни таланта. Оставалось только диву даваться. И это после банкета и торжественной речи!

В отличие от остальных, Дмитрий Иванович хорошо знал, каково было тренеру на самом деле. Безвольная марионетка в руках хитрого кукловода. Без права на гордость и честь, тот из раза в раз покорно выполнял все распоряжения Барского. Гордость и честь не к лицу тому, кто заложил свою душу. А Градский заложил, осознанно и надолго.

Жизнь порой играючи сминая даже самых упрямых и негибких. Железными тисками берет за горло самых благородных, лишая свободы. И выхода нет. Слишком высока ставка, а на кону человеческая жизнь.

Пожалуй, выбирать лучших среди лучших и подчинять их себе Скрудж умел, как никто иной. Преданность оплачивалась щедро, в этом он не был скуп, но вот выбора жертва лишалась напрочь, принимая на себя любые обязательства и ответственность.

Тренировка закончилась поздно. Уставшие игроки, приняв душ, разъехались по домам. Массажист Карен лишь удивленно посмотрел вслед своим постоянным клиентам. В его услугах впервые за долгое время никто не нуждался. Хоккеисты спешили. Перед утренней игрой следовало как следует выспаться. Самый пик сезона, и если завтрашнее сражение будет на своей площадке, то следующее — в столице, а это перелет, суматошная тренировка перед матчем и отсутствие свободного времени. Ничего необычного, все как всегда, но от этого не легче.

Капитан команды, уходя, бросил задумчивый взгляд на дверь административного блока. Барской не было видно весь день. Неужели те самые дела, ради которых она так немилостиво выставила его из квартиры? Не верилось. Андрея так и подмывало зайти в офис, но сдержался. Тренировка отчасти помогла прийти в себя, но пока он не был готов в чем-то разобраться или получать новый отказ. С нее станется.

Внутренний голос подсказал: "Еще не время!", капитан прислушался. Закинув на плечо сумку с вещами, побрел на остановку. На такси даже смотреть было противно. Накатался. Лучше перебиться маршруткой. А дома и стены помогают.

Сегодня — ужин и сон, а завтра будет видно.

Борис Конев досматривал матч на скамейке штрафников. Его снова дисквалифицировали до конца игры и снова за драку. Впрочем, он не жаловался. Сидеть оставалось недолго, вот-вот должна была прозвучать сирена к окончанию третьего периода, да и драка получилась отличная. Натянуть свитер на голову сопернику удалось не сразу, тот оказался крепким парнем и сопротивлялся отчаянно. Выскочка Таранов буквально

притягивал к себе подобных и, как бы хорошо нынешний капитан ни владел кулаками, но оставлять его без прикрытия, Конев не мог. Пусть уже забивает свои шайбы, раз получает за это деньги, а с профессиональными "охотниками" защитник справится сам. Качественно и со вкусом.

Борис не жаловался. Впервые за время профессиональной карьеры его железные кулаки удавалось "почесать" чуть ли не каждую игру. С прежним центрфорвардом такая удача выпадала нечасто, даже неугомонный Клюев устраивал больше поводов для драк.

Но сегодня в Таранова как бес вселился. Вместо того, чтобы в опасный момент проигнорировать провокацию соперника и катиться дальше, он сбросил перчатки и ринулся в драку. Трибуны взорвались оглушающим криком, и только он, Борис, понимал, как дорого может обойтись капитану такая выходка.

Крепкий соперник, единственной задачей которого был вывод из строя таких вот форвардов, был явно не по зубам горячему капитану. Скала мышц, прирожденный боец, которому что мясобойня, что ледовая арена — все одно. Он вышел на лед не ради шайбы. Он пришел крушить.

Андрей сражался отчаянно. Бил так, как бил по воротам, точно и мощно, при этом сам умудрялся уворачиваться. Защитник явно не ожидал подобного отпора. Прошла бесконечно длинная минута, пока он нашел брешь в обороне Таранова и смог нанести первый удар. Зрители все не унимались, а драка на площадке уже перешла в опасную фазу. Вот-вот должна была политься кровь, и даже опытные арбитры не могли разнять дерущихся.

Неизвестно, чем бы закончилось дело, не вмешайся он. Церемониться с капитаном Борис не стал. Он по собственному опыту хорошо знал, как адреналин отключает мозг. Здесь следовало действовать, как с утопающим: оглушить веслом по голове и лишь потом тянуть на берег.

Резкая подсечка свалила капитана на лед. Андрей даже опомниться не успел, как вместо него на противника обрушился Конев. Удары стали мощнее и резче, приемы жестче и опаснее. Драка уже не походила на сражение Давида и Голиафа, соперники махали кулаками на равных. Работали не на победу, а на уничтожение. Арбитры больше не свистели. Бросив все силы на то, чтобы разнять дерущихся, они часто сами попадали под удары. Но защитники, казалось, ничего не замечали. Только бой и жажда крови.

Уже после игры, в раздевалке, поздравляя друг друга с победой, хоккеисты медленно приходили в себя. Андрей виновато смотрел на разбитое лицо Бориса и в сотый раз корил себя за несдержанность.

— Теперь, капитан, мы с тобой квиты, — поняв его состояние, пробасил Конев. — Постарайся больше так не влипать, а то ведь я не кот, девяти жизней нет.

— Борька дело говорит, — присоединился к разговору Гагарин. — У того парня, Кувалды, в этом сезоне еще не было ни одного поражения. В прошлом тоже редко кому удавалось дать ему отпор. Вон Коля Клюев пробовал, теперь старается объезжать того по большой дуге. А ты чего полез? Жизнь недорога?

— Капитан, да не слушай ты этого перестраховщика! — прервал вратаря Конев. — У тебя хорошо получалось, душевно. Просто как подумаю, сколько недель после драки пришлось бы таскать тебе апельсины в больницу... Лично мне влом!

Андрей посмотрел на одного, на другого и невесело усмехнулся. Что друг, что защитник говорили правильно. Не стоило ему поддаваться эмоциям. Шел ведь конец третьего периода, оставалось продержаться всего ничего.

— Чего задумался? — Иван положил руку на плечо Андрею. — Уразумел?

Тот тяжело вздохнул.

— Нервы в последнее время ни к черту.

— У всех ни к черту, — Гагарин махнул рукой в сторону игроков. — Последние игры были такими, что врагу не пожелаешь, а тут еще и банкет, будь он неладен.

— Это да... — мысли о банкете упрямо перетекли на воспоминания о последующих событиях. А ведь Настя снова не было среди зрителей. Репин сидел один, это он заметил еще в начале матча.

— Мы с Борей завтра собираемся к детишкам прокатиться, в клуб, — не замечая задумчивого выражения друга, продолжал Гагарин. — Они, поди, заждались уже. Отвезем списанную амуницию и прочую мелочь, погоняем с ними шайбу. Давай с нами? Тебя там тоже ждут.

— Поехали, — Конев подмигнул подбитым глазом. — В этот раз, так и быть, не буду рассказывать детишкам, какая на самом деле ты задница.

— Боюсь, нынче твоя рожа не внушает доверия, — отшутился Иван. — Обещанную журналистку лучше не забудь!

— Забудешь ее... — проворчал защитник. — Будет Вам и журналистка, и статья. Сами никого путного привести не можете. Все я да я.

— Андрюха, может, с Барской поговоришь? — Иван с надеждой посмотрел на друга. — У нее связей больше, а ребятам реклама нужна.

— С Барской... — он и сам уже второй день искал повод поговорить с ней. — Это мысль...

Они быстро обсудили детали и распределили обязанности. День обещал быть насыщенным, а потратить единственный выходной хотелось с толком.

Таранов решил не откладывать задуманное на потом. После недавней стычки адреналин еще гулял в крови, а победа прибавляла сил. Ошарашенная Настя с тревогой наблюдала, как прямо после игры в кабинет администрации ввалился одетый в тренировочный костюм и резиновые шлепанцы капитан. Он, не раздумывая, отправил бездельницу Репину "подышать свежим воздухом", а сам направился к ней.

— Здравствуй, Настя, — капитан вольготно развалился в кресле напротив. Ни улыбки, ни даже намек на благожелательность во взгляде.

— Здравствуй, Андрей, — Барская тут же взяла себя в руки, готовясь играть жестко. Разговор, который она так старательно откладывала, надеясь, что все разрешится как-нибудь само, грозил состояться прямо сейчас. Впрочем, а когда с Тарановым было легко? — Я вообще-то занята... Что-то случилось?

Стальные глаза мужчины хищно сверкнули.

— Вот решил узнать, почему наш пресс-секретарь пропускает важные матчи, — он решил пока умолчать о деле.

— Я готовлю важную статью, а результат игры мне сообщит Дмитрий Иванович, — с напускным равнодушием ответила Настя. Признаться, что на самом деле с замиранием сердца смотрела онлайн-трансляцию и волновалась за него, не стала. Ни к чему Андрею знать, какими проклятиями она осыпала его противника и как сдерживала себя на месте.

— То есть обычная занятость, и я не при чем?

— Конечно.

— Барская, твою ж мать... — Андрей стремительно поднялся и, перевесившись через стол, угрожающе навис над женщиной.

Настя не дернулась. Гордо вскинув подбородок, ответила взглядом на взгляд, уверенно и строго. Сама не понимая, как сильно его провоцирует.

— Что за выражения? И не стой у меня над душой.

Андрей сузил глаза и подвинулся еще ближе, окончательно забывая, зачем пришел. Не стоило ей бросаться такими взглядами. Чем заканчивалось подобное, оба хорошо знали. Резко выбросив руку вперед, мужчина притянул женщину к себе за затылок и жадно поцеловал. Целовал так, словно имел на это полное право, настойчиво, страстно, мучительно, не давая возможности отвернуться. Наказывал горячими губами, сводил с ума языком. Настя не отвечала, упрямо сопротивлялась собственному желанию и напору недавнего любовника. Только когда из ее груди вырвался короткий отчаянный стон, Андрей опомнился и убрал руку.

Этого не должно было случиться. Ни при каких обстоятельствах. Барская, тяжело дыша, откинулась в кресле.

Губы саднило от жесткого поцелуя. Губы требовали "Еще!". Предатели. Мужчина стоял напротив, не сводя с нее затуманенных глаз. Хотелось закричать, чтобы оставил ее в покое. Да, это она повинна во всем, да, сама поддалась, заранее зная, чем дело закончится. Кругом виновата, и все глупое женское желание быть желанной, нужной, обласканной. Любимой хоть на короткую ночь. "Получите и распишитесь!" — ехидно прошептало подсознание.

Не выдержав пытку взглядом, Настя отвернула лицо в сторону монитора.

Он заметил и тут же отругал себя за несдержанность. Ведь не за этим пришел! Чего завелся? Видно ж по ней — что-то не так. Напряженная, белая, как мел.

— Андрей, зачем ты пришел? — голос звучал строго, но с надрывом.

— Да... — Таранов вернулся в кресло, устало провел ладонью по лицу. Скорее всего, переходить к цели визита уже не имело смысла. Сорвался, как идиот. — Я так понимаю, теперь глупо что-либо предлагать?

— Ты прав, не стоит.

— Понял...

Он уже поднялся с места, собираясь уходить, когда услышал тихий голос женщины.

— Прости. Все слишком далеко зашло, а я не могу так. Просто не могу, и не спрашивай, — Настя впервые не играла. Сама не знала, зачем ей извиняться, но не могла иначе. — Конечно, глупо просить тебя все забыть, и остаться друзьями... Нам было хорошо, но продолжения не будет. Только работа.

Сколько раз она повторяла в уме эти слова, заучивая, как заклинание. И вот произнесла. Легче не становилось.

Капитан некоторое время молчал. Все сказанное он понял еще тогда, в квартире. Даже удивительно, что она решила высказать это вслух. Может, сама до конца не верила? Если так, то это шанс.

— Ну что ж, — пожал плечами. — Значит только пресс-секретарь и капитан команды?

— Да...

— А если мне понадобится помощь именно пресс-секретаря?

— Ты ее получишь, — настороженно ответила женщина. Понять, к чему он клонит, не получалось.

Андрей снова отошел от двери и серьезным, деловым тоном произнес:

— Тогда прошу тебя посетить со мной один юношеский хоккейный клуб.

Таранов был крайне доволен собой. Сейчас он бы даже Конева расцеловал. Как все-таки хорошо они придумали с клубом!

И ведь Барской никуда не деться, попалась, как птичка в силки.

— Какой еще клуб? — с удивлением спросила она.

— Обычная хоккейная секция. Не такая элитная, как у нас при клубе. Там все на голом энтузиазме, без спонсоров и поддержки. Дети из небогатых семей, простые дворовые мальчишки, какими были все мы когда-то.

Не ожидавшая такого поворота событий, Настя лишь удивленно махала ресницами. Дети, помощь, приглашение, Таранов... Ее приглашали в рестораны, на выставки, но в детские клубы — никогда.

— И ты им помогаешь? — еле слышно уточнила она.

— Больше Иван с Борькой. Они уже несколько лет туда мотаются. Я ездил всего пару раз, после перехода сюда.

— И что Вы делаете?

— Заинтересовало? — довольно ухмыльнулся капитан. — Помогаем, чем можем, где старым, списанным барахлом, где личным примером, ну, а где одним своим присутствием. Привлекаем внимание, так сказать.

— И ты хочешь, чтобы и я с вами поехала... А зачем?

— Насть, — Таранов почесал затылок. Вот что за непонятливая женщина попалась? — Ну, не играть в нападение — это точно! Твои приемы жестковаты для тамошних юных хоккеистов.

Несмотря на все старания, она не смогла сдержать улыбку.

— Им реклама нужна, — уже серьезным тоном продолжил Андрей. — Любая. Может, хоть кто-то заметит и заинтересуется. Борька журналистку какую-то обещал...

— А ты — меня! — закончила фразу Барская.

— Я не настаиваю, но... — лицо капитана озарила лукавая усмешка. — Другого знакомого пресс-секретаря у меня нет.

Женщина театрально закатила глаза. Ну, разве можно быть таким? Упрямый, самоуверенный и откровенный — гремучая смесь. Ни одна женщина не смогла бы устоять. Даже после безумного поцелуя, даже после вчерашнего некрасивого расставания!

— Таранов — ты невозможный тип!

— Знаю, — он пожал плечами. — Едем завтра. Как раз у всех выходной. Так за тобой заехать?

— На чем? — грустно вздохнула.

— М-да... Тогда заедешь ты.

— Андрей, мне надо подумать, — ей хотелось принять приглашение, но каждый шаг навстречу грозил непоправимыми последствиями. — Я сообщу.

— Ну, смотри сама, — развел руками. — Они неплохие ребята и, кстати, очень на тебя похожи.

— Чем же? — удивилась Барская.

— А... Такие же вредные, упрямые и осторожные.

Вроде ничего такого не сказал, но она вся сжалась. "Осторожные" — одно слово. Точно, прямо, разяще.

— Я сообщу, — повторила уже шепотом.

Таранов кивнул. Он прекрасно понимал, что испортил все своей несдержанностью, потому и не настаивал. Пусть решает.

Капитан вышел из кабинета, а женщина еще долго сидела, погруженная в свои мысли. Принять приглашение или нет? Мальчишки, которым нужна помощь, мужчина, который не знает никаких правил и по-хозяйски берет то, что хочет. Его пронизательность и ее страх — чаша весов склонялась то в одну, то в другую сторону.

Несколько стычек и одна бессонная ночь — разве это срок? Мизер, но этот мужчина уже успел изучить ее так, как не смогли многие до него. Сколько еще понадобится ему времени, чтобы понять все?..

Глава 13. Точки соприкосновения

Андрей уже минут десять переминался с ноги на ногу у своего подъезда. Он ждал. Крохотный Фиат должен был вот-вот въехать во двор. С пунктуальностью Барской опоздания случиться не могло, а он в сообщении указал точное время. "Жду в девять утра. Не дрейфь!" — точнее не бывает. И не важно, что ответа не пришло. Он верил — явится, не сможет Настя проигнорировать такой вызов.

До назначенного времени оставалось пять минут. Прохожие уже начали на него оглядываться. Мамочки с колясками, студентки из соседнего колледжа, даже немолодая дворничиха. Андрей поднял воротник и натянул шапку пониже. "Неужели и эти хоккей смотрят?" — подумалось. К тому, что мужчины легко узнавали его повсюду, капитан уже привык, а вот со слабым полом пока везло. Те обычно предпочитали смазливых футболистов, что одинаково хорошо смотрелись и на поле, и в рекламных роликах. Ни синяков, ни шлема, ни пятнадцати килограммов амуниции. Контролируй только, чтобы шорты никто не стянул, да прическа не испортилась.

Когда, устав от назойливых взглядов, Андрей уже собирался вернуться в квартиру и дожидаться там, маленькая серебристая машинка вынырнула из-за поворота. Губы сами собой растянулись в счастливой улыбке. Он даже не ожидал, что так сильно обрадуется появлению этой женщины, но и Барская хороша — тянуть до последнего, заставляя волноваться всерьез! Загадка на загадке — в этом была вся Настя.

Анастасия Игоревна Барская сбросила скорость и медленно вырулила в тесный дворик. Кусая губы и ругая себя за ненужное упрямство, она с опаской ожидала встречи. Не стоило поддаваться на провокацию Таранова, не стоило ехать, но дети... Это было выше ее сил. Андрей небось даже не подозревал, как сильно подействует на нее его предложение.

Фотоаппарат и блокнот уже лежали в сумочке, дожидаясь своего часа, а сама она внимательно высматривала впереди широкоплечую фигуру капитана. Оставалось надеяться, что тот будет ждать на улице. В квартиру она ни за что не сунется. Ни под каким предлогом. К счастью, все так и вышло. Бросив огромную сумку на лавочку, Андрей стоял у подъезда. Рядом туда-сюда проходили люди. Девушки и женщины как бы невзначай оглядывались, бросали заинтересованные взгляды на высокого, красивого мужчину. Одна из прохожих даже остановилась и, приложив, для вида, к уху мобильный телефон, принялась внимательно рассматривать капитана.

А тот стоял себе, как каменное изваяние, и довольно улыбался, глядя на ее машину.

В эту секунду Настя позавидовала сама себе. Этот мужчина ждал именно ее, и, в отличие от остальных интересующихся барышень, она точно знала, что находится под всей его одеждой, и как с ним бывает хорошо. Сердце сжала щемящая боль, но даже она почему-то показалась приятной. Как бы плохо ни было сейчас, общие воспоминания у нее никто не заберет.

— Доброе утро, дорогая! — грубо нарушил печальные мысли громкий мужской голос.

Не дожидаясь позволения, Андрей загрузил вещи и уселся сам. Рядом. На переднее сиденье. Развалился, как умел делать только он, словно это был не маленький Фиат, а огромный роллс-ройс.

— И тебе доброе утро... Андрей.

— Ну как, готова к встрече с парой десятков вечно галдящих непоседливых пацанов? — мужчина окинул взглядом ее одежду. Чуть дольше положенного задержался на простеньком голубом топике с вполне скромным треугольным вырезом. Смотрел так, будто трогал.

Насте оставалось лишь недоумевать, что же такое привлекло внимание капитана. Топик не просвечивал, а белое, на всякий случай плотное, белье надежно скрывало грудь. Даже если станет очень холодно или очень горячо, ничто не выдаст ее состояния.

— Фотоаппарат и блокнот в сумочке, — в этот раз настал черед Барской прерывать размышления собеседника.

— А?..

— Я говорю, что фотоаппарат, чтобы запечатлеть ваших героев, и блокнот для записей я с собой взяла.

— Я в тебе не сомневался, — наконец-то ему удалось поднять взгляд выше. — Все отлично.

Настя театрально закатила глаза.

— Таранов, я тебя очень прошу, охлади свой пыл!

— Хм... Здесь не пыл охлаждать, здесь настоящая амнезия нужна, — он хитро подмигнул. — Сожалею, дорогая, но ни амнезией, ни склерозом, ни даже девичьей памятью похвастаться не могу.

Не рискуя дальше развивать опасную тему, Настя с головой погрузилась в управление автомобилем.

Женщина, не отрываясь, смотрела на дорогу, а ее сосед так же настойчиво — на нее.

Мальчишек действительно было много. Разные, совсем малыши лет пяти и уже "матерые" семилетние хоккеисты, бойкие и осторожные — они настоящим ураганом проносились вокруг троих спортсменов, стараясь пожать руку каждому, поздороваться лично. Настя достала из сумки фотоаппарат, но так ничего пока и не сняла. Стояла и, как замороженная, смотрела на шумную пеструю стайку впереди.

Никто из спортсменов даже не успел переодеться. Вышли на минуту на лед поздороваться, но так и застряли. Мальчишки, перебивая друг друга, забросали мужчин вопросами. "Ни больно ли Борису после вчерашней драки?", "как Андрею удалось закатить под вратаря последнюю шайбу?", "как Иван умудрился выстоять один против двух форвардов и без подмоги?" — вопросы сыпались, как из рога изобилия, но игроки отвечали на все. Без шуток, серьезно, вдумчиво — рассказывали о своих хитростях и уловках.

"А ведь это еще даже не тренировка!" — восхитилась Настя.

— Им, похоже, это нравится, — удивленно заметила незнакомая девушка. Она, как и Барская, приехала в качестве гостьи. — Вон, даже мой Борька цветет, будто майская роза!

Глянув на довольную, разукрашенную синяками физиономию Конева, Настя чуть не рассмеялась. Андрей и Иван мало чем отличались от своего соратника по клубу. И хоть их лица не украшали следы битв, но улыбки и радость в глазах сияли те же. Грубых, жестких мужчин, привыкших к сумасшедшим нагрузкам и бою, словно подменили.

Взгляд Барской снова и снова невольно возвращался к фигуре капитана. Она не хотела смотреть, отворачивалась, ругала себя за глупость и все равно глядела.

Андрей присел на корточки рядом с самым маленьким из юных хоккеистов и что-то разъяснял тому серьезным голосом. Подробностей Настя не слышала, но взгляд мальчика говорил сам за себя: обожание и восторг. Таранов был для него живым идолом, каждое слово

которого было бесценно. Наверняка он хорошо запомнит каждое и обязательно испробует в деле. Сегодня же. Срочно. И будет повторять так часто, пока не добьется нужного результата.

От профессионала будущему профессионалу.

Фотоаппарат клацнул затвором. Первый кадр сделан.

Молодая симпатичная журналистка, которую, как выяснилось, звали Снежаной, записывала на диктофон впечатления мальчишек о хоккее и встречах со звездами. Трое хоккеистов, уже во всеоружии, демонстрировали на площадке свое мастерство. Гагарин раз за разом отражал удары Андрея, а Борис показывал игру в защите. Каждый делал то, что умел лучше всего, получая от этого удовольствие.

Барской тоже некогда было скучать. Отвлекать расспросами мальчишек она не решилась. Слишком ценной для них была каждая секунда рядом с настоящими легионерами. Их сбивчивый рассказ вряд ли поможет делу, а вот немолодой тренер, сам в прошлом известный хоккеист, мог поведать по-настоящему полезную информацию.

Снискать благосклонность этого мужчины оказалось несложно, благо с Карлом Францевичем Барская успела оговорить все, что нужно, заранее. Уже после обещания разместить статью о клубе в парочке популярных изданий, Виктор Петрович готов был петь соловьем. Реклама требовалась клубу, как воздух, и упускать такой шанс он не собирался. Помнил, как сложно было самому добиться внимания прессы. Бесплатно никто не желал писать даже слова.

За каких-то пятнадцать минут, пока на площадке проходила интенсивная тренировка, Настя с головой погрузилась в мир детского хоккея. Информации было много: от даты основания пять лет назад, до кратких характеристик мальчишек, подающих особые надежды. Все эти Вити, Игоря и Кости оказались такими способными, что клуб, даже не надеясь на помощь родителей, самостоятельно экипировал их, а также выискивал время и деньги на дополнительные индивидуальные занятия.

— Но ведь они еще совсем малыши, — удивилась Барская. — Неужели в этих пятишестилетних мальчишках можно распознать талант?

Рядом лупил по воротам Андрей. Метко, резко, из любого положения. Бил так, как умели бить лишь единицы во всей Лиге. И ни у кого не вызывали сомнения способности этого хоккеиста. Он словно рожден был забивать. Рядом мельтешили "будущие звезды". Маленькие, еще неуклюжие, но уже в шлемах и с клюшками. Они казались гномами рядом с огромным великаном.

— Виктор Петрович, простите меня, конечно, — Настя приложила руку в груди, выражая свое почтение, — но некоторые из них на коньках стоят с трудом. Как понять, кто способен? По силе и ловкости?

— Понимаете, — тренер задумался, как объяснить. Сам он, с детства увлеченный хоккеем, мог за очень короткий срок определить, кто способен посвятить себя игре, а кто испугается и уйдет при первых же трудностях. — Если заниматься, к любому, со временем, придет и сила, и ловкость. Но чемпионом спортсмена делают не они. Вот, например, Борис Конев!

Оба повернулись в сторону могучего защитника. Тот в своей фирменной жесткой манере как раз старался перехватить шайбу у Таранова. Настоящее сражение развернулось у бортика. Мальчишки, разинув рты, замерли на месте, и только Гагарин, в компании с

парочкой будущих вратарей, невзирая на поединок, оттачивали у ворот собственные приемы.

— Борис ведь не самый дюжий игрок в команде, тот же Андрей не уступит ему в физической силе. Да, масса больше, но решают не килограммы, — Виктор Петрович загадочно ухмыльнулся. — К тому же есть защитники гораздо выше и мощнее, чем Конев. Однако, именно у него один из самых высоких показателей выигранных поединков.

— Он профессиональный боец, — попыталась поспорить Настя, вспоминая все, что читала о нем в прессе. — Бокс, айкидо...

— Анастасия! — прервал тренер. — Неужели Вы думаете, что другие тафгаи подготовлены хуже?

— Наверное, нет...

— Вот именно! Но побеждает чаще он! — указал пальцем на Бориса. — Борьба для него как наркотик. Огромная сила, помноженная на волю и бесстрашие — вот он, рецепт настоящего защитника. Эти качества либо есть в мальчишке, либо нет. Изнеженный заботливой матерью, он не поднимется с колен после настоящей драки и, уж тем более, не бросится вновь на своих обидчиков.

— Это серьезная проверка... Не жестоко ли для таких малышек?

— От стычек на площадке не застрахуешься, — усмехнулся тренер. — Но эти еще ничего, послушные. Вот группа постарше... Переходный возраст он во всем переходный.

— Значит, остаются только волевые?

— Да. Те, для кого игра смысл жизни.

— Они, наверное, ни одного матча на нашей арене не пропускают, — улыбнулась Настя. Сразу вспомнились болельщики, приходящие семьями на игры любимой команды. Шумные, веселые.

— Настя-Настя... — покачал головой Виктор Петрович. — Для этих малышек билет на игру — самый дорогой подарок. Редко кому выпадает такая возможность. Родители чаще всего заняты своими делами, и хоккей для них — лишь способ защитить ребенка от дурного влияния двора. А у некоторых и полноценной семьи нет. Матери, бабушки. Тем вообще не до матчей.

— То есть, Вы хотите сказать, что ни о какой хоккейной профессиональной карьере родители не думают?

— Некоторые думают, — усмехнулся тренер. — И вне зависимости от желания чада, упрямо водят сюда. Но что делать тем пацанам, у которых нет такой поддержки, а есть одно голое желание? Хоккей, даже детский, стоит гораздо дороже, чем футбол или карате. Здесь одни затраты на амуницию влетают в копеечку.

— Но клуб как-то помогает таким детям? — Настя встревожилась.

— Клуб обеспечивает место, — печально вздохнул мужчина. — Во всем остальном, зачастую, приходится рассчитывать на родителей и... на этих троих.

Он указал на лед, где уже второй час легионеры преподавали свои уроки хоккейного мастерства.

— Вещи, которые они приносят, клуб продает всем желающим. Знаете, сколько болельщик может отдать за клюшку Тора или перчатку Бориса? О! Это неплохие деньги, и все они идут на покупку детских принадлежностей.

— Выходит, что эти трое ценны ни одним живым примером, — в голосе женщины сквозили уважение и гордость.

— Нет, но живой пример — самое ценное. У ребят после встреч с ним сразу такой

прогресс, какого при обычных тренировках не добиться, — Виктор Петрович обернулся в сторону площадки и добавил. — Скоро тренировка закончится, Вы сами у них спросите! Эти врать не будут.

Не желая более задерживать тренера, Настя поблагодарила его за рассказ и вновь достала фотоаппарат. В этот раз в кадр попал Борис и один из мальчишек. Парнишка пытался пробиться сквозь защиту огромного тафгая, а тот играючи водил его за нос.

К концу тренировки вымотались и ребята, и спортсмены. Борис устало плюхнулся на лавку возле своей журналистки и залпом опрокинул в себя целый литр питьевой воды. Рядом, гремя тяжелой экипировкой, присел Иван. Как оказалось, тренировка в детском клубе по своей напряженности не сильно отличалась от обычных тренировок с Градским. Однако, довольное выражение на лицах обоих хоккеистов указывало, что удовольствия она приносила несравнимо большее.

Андрея пришлось дожидаться. Таранов все никак не мог расстаться с одним из юных дарований. Мальчик настойчиво засыпал вопросами своего кумира и просил показать то, чего сам не понимал. На льду, кроме них, не было никого. Капитан от усталости ног под собой не чувствовал, но сдаваться маленькому почемучке не собирался. Сколько бы еще это продолжалась неизвестно. К счастью, разобравшись с остальными подопечными, на площадку вернулся тренер. Хватило одного его строго окрика, как мальчик вмиг прекратил расспросы и направился к выходу. Мысленно благодаря Виктора Петровича за свое спасение, следом катился Андрей.

— Привыкай, Костя, тренеры они всегда такие! — нравоучительно пояснил парнишке Борис.

Тот остановился возле скамейки с хоккеистами и тяжело вздохнул. Со стороны это смотрелось смешно. Щуплый, маленький, с горящими голубыми глазами и длинными, как у девчонки, ресницами, он совсем не был похож на будущего покорителя ледовых полей, но изо всех сил старался выглядеть важно и уверенно.

— Виктор Петрович — хороший тренер, даже Тор это сказал, — ответил он с гордостью.

Настя невольно восхитилась им. Такой кроха, а уже с характером.

— И ты хочешь быть таким, как твой тренер? — спросила она.

Костя окинул хмурым взглядом ухоженную, хорошо одетую молодую женщину и ответил.

— Я хочу быть как Тор. Играть в НХЛ и зарабатывать большие деньги.

— Эх, парень... — Андрей присел рядом с ним на корточки. — Деньги не самое важное в жизни, а играть в НХЛ я ведь так и не уехал.

— Для меня деньги важное, — громко шмыгнув носом, ответил Костя. — А ты обязательно будешь играть в НХЛ. Ты ведь лучший! Лучших всегда забирают туда.

Андрей невесело улыбнулся и потрепал парня по волосам.

— Я очень на это надеюсь...

От отчаяния и грусти, которыми были пропитаны последние слова капитана, у Насти сжалось сердце. НХЛ. Канада, Соединенные штаты, самые знаменитые хоккейные команды мира, лучшие из лучших хоккеисты... Достойные. И Андрей мог бы быть среди них. Егс хотели "забрать", его приглашали. Он заслужил.

Только сейчас она по-настоящему стала понимать, насколько жестоко обошелся ее дядя

с этим мужчиной. А позовут ли его через год? Сложный вопрос. Тридцатилетний форвард — не та лошадка, на которую ставят деньги. И как бы хорошо он не проявил себя несколько лет назад за океаном, прежние заслуги не всегда способны перевесить чашу с застарелыми травмами и возрастом. И Андрею, она не сомневалась, это было известно, как никому другому.

— Андрюха, — Гагарин стянул с головы шлем. Мокрые от пота волосы сосульками свисали со лба. — Пошли переодеваться. Костю наверняка бабушка уже заждалась. Правда, Костян?

Гордый от того, что его называли как взрослого, мальчик расправил плечи.

— Да... Я пойду, — он нехотя сделал первый шаг в сторону раздевалки, затем обернулся и добавил. — А хорошо сегодня поиграли.

— На равных! — подмигнув, пробасил Конев.

Костя радостно засмеялся в ответ. Спустя несколько секунд от него и след простыл.

Остались одни хоккеисты, журналистка и Барская. Мужчины еще немного посидели, приходя в себя, а потом направились в раздевалку. Никто не проронил ни слова, лишь Иван взволнованно поглядывал на друга. Тот старательно делал вид, что ничего не произошло.

В виду отсутствия дополнительных помещений, в качестве раздевалки Виктор Петрович отдал им собственный кабинет. Без душа и удобных вешалок, но никто и не думал жаловаться. Все прекрасно понимали, что от старого ледового дворца не стоило ожидать лучших условий. Они и сами были здесь всего лишь гостями.

Домой снова ехали вместе. В отличие от дороги в клуб сейчас Настя не ощущала на себе пристального мужского взгляда. Уставшему капитану было не до того. Хотелось помыться, поесть и развалиться на своем огромном диване. Причем осуществлять это лучше всего было именно в такой последовательности. Только к пункту о диване он согласился бы добавить "в приятной женской компании".

Симпатичная, белокурая кандидатка в ту самую "компанию" с сосредоточенным видом вела автомобиль.

— Будешь теперь с нами кататься сюда? — Андрей достал из сумки шоколадный батончик, предложил Насте. — Я голодный страшно.

— В клуб? — недоумевая, переспросила она. — А зачем? Я ведь не хоккеист. Кушай сам, я не хочу.

— Как? А болеть кто будет? — мужчина за раз откусил половину батончика. — Им ведь болельщики о-го-го как нужны. А болельщицы — это еще лучше!

Настя коротко глянула на него. Нет, не шутит, лицо серьезное.

— Думаю, Боря болельщиками вас и без меня обеспечит.

— То есть, ты предлагаешь приучать молодежь к тому, что постоянно разные женские лица — это норма? — он снова откусил шоколадку и глубокомысленно прошамкал. — Прогрессивно...

Впереди на светофоре загорелся красный свет, и машина остановилась. Улучив возможность, Настя повернулась к своему собеседнику. Тот расслаблено закинул руки за голову, ожидая отповедь.

— Андрей, — голос звучал уверенно и строго. — Зачем ты меня провоцируешь?

Сердитый взгляд остановился на лице капитана. Секунда, и раздражение сменилось изумлением. Ресницы дрогнули.

— У тебя кусочек шоколада на губах...

Она протянула к нему руку и аккуратно пальцем стерла крошку. Быстро, машинально, словно делала это сотни раз. Затем поднесла испачканный палец к своему рту, чтобы слизать шоколад и, вдруг осознав, что творит, остановилась.

От простой, незамысловатой интимности, которой насквозь был пронизан этот жест, вмиг стало не по себе.

Пряча глаза, Настя другой рукой нащарила в сумочке салфетку и вытерла палец. Надеяться, что он не заметил, было глупо.

Андрей даже не дернулся. Дышать, и то на время забыл. Неотрывно следил за тем, как на бледном женском лице эмоции с сумасшедшей скоростью сменяют друг друга. "Ох, Настя, и кого ты здесь пытаешься обмануть?" — так и хотел спросить он, и лишь боязнь спугнуть еще сильнее остановила.

На светофоре, наконец, зажегся спасительный "зеленый", и машина двинулась дальше. До самого конца поездки никто не проронил ни слова. Молчали, делая каждый свои выводы.

— Спасибо, что согласилась скататься, — уже у дома поблагодарил Андрей.

— Тебе тоже спасибо. Они забавные, эти ваши будущие звезды. И тренер молодец, приятно осознавать, что есть такие люди.

— Ты ему, кстати, тоже понравилась, — одобрительно кивнул головой мужчина. — Перед отъездом признался.

— Ясно. Но это не значит, что я буду ездить с вами.

— Да я понял, — Андрей усмехнулся. — Решай сама, интересно тебе это или нет.

— Решу, — Настя остановила машину у подъезда.

Пришла пора прощаться.

— Хорошего вечера, — быстро проговорила Барская.

— Может кофе? — а затем поняв, как она скорее всего восприняла это предложение, добавил. — Настя, просто кофе и ничего более.

— Не могу, — прозвучало искренне. — Мне в поездку собираться.

Андрей удивленно приподнял брови.

— С нами что ли?

— Да, — она вздохнула. — Юра попросил, да и так... Надо.

— Это ж три игры в разных городах. Шесть перелетов, будь они не ладны, и полторы недели жизни в гостиницах.

— Знаю, — пожала плечами женщина. — Мне, в общем-то, не привыкать.

О жизни в гостиницах Настя пока даже думать не хотела. Одной ей действительно подобное не было в новинку, но постоянно находиться рядом с целой хоккейной командой, а по ночам, укутываясь в одеяло, знать, что рядом спит этот самый мужчина...

— До завтра, Андрей, — тряхнула головой, прогоняя фантазии. — Я действительно спешу.

— Целуй в щеку и свободна, — как ни в чем не бывало, ответил мужчина.

— Таранов!

Тот проигнорировал. С самым серьезным видом подставил щеку и стал дожидаться.

— Ну ты и... — легонько коснулась щеки. Жесткая щетина приятно кольнула губы. — Все! Проваливай уже.

Капитан улыбнулся, как кот. Маленькая, но все-таки победа, хотя руки так и чесались схватить ее в охапку и показать, как надо целовать.

— Мда... — он уже открыл дверцу. — Над прощанием, Анастасия Игоревна, с Вами еще работать и работать.

— И не надейся!

— Конечно, — он лукаво подмигнул и вышел наконец из машины. — До завтра.

Дождавшись, когда и огромная спортивная сумка покинет ее Фиат, Настя резво нажала на газ. Маленькая машинка ловко маневрировала в тесном дворе, а ее хозяйка периодически поглядывала в зеркало заднего вида и улыбалась. Нет, менять принятое решение она не собиралась, близости между ними больше не будет, но на душе отчего-то все равно было радостно.

Глава 14. Игры на чужих площадках

Александр Михайлович Барский лично проводил до двери свою посетительницу. Редко кто удостоивался подобной чести, но сегодняшний случай оказался именно таким. Слишком неожиданной и важной была полученная от гостыи информация. Подобного он не мог и предположить. Его умная, красивая девочка, единственная наследница и Таранов. Настя и какой-то хоккеист — немыслимо. Уж она точно никогда не относилась к числу легкомысленных дурочек, падких на смазливых красавцев. Да и к коротким связям не была склонна.

Барский готов был биться об заклад, что за год после развода в жизни Насти не было ничего, кроме работы. Сам сколько раз наблюдал за тем, с каким упорством она избегает ухаживаний. Влиятельные чиновники, состоятельные бизнесмены и перспективные политики... Да что говорить, когда вся мужская часть совета директоров его же банка смотрела на молодую женщину с откровенным вожделением. Реши девчонка дать им шанс, сцепились бы крепко. И вот капитан... Самоуверенный, заносчивый, он и мизинца таких претендентов не стоил! Лучше бы Репина ошиблась.

Не надеясь на авось, Барский набрал номер Юры. Пусть генеральный менеджер присмотрит за Настей, а заодно намекнет своему дражайшему однокласснику о цене последней ошибки. За непослушание стоит наказывать сразу, чтобы неповадно было впредь. Вот и пришел черед. На результативности хоккеиста, к счастью, это не скажется. Он, как и его тренер, превыше всего ценил игру, а в этом никто палки в колеса ставить не будет. Играй себе, Андрей Таранов, играй, да не заигрывайся.

Юра ответил сразу. Отложил в сторону ненавистный чемодан и поудобнее уселся в кресле. Разговаривать ни с кем не хотелось, жена, будь она неладна, с самого утра испортила настроение. Однако этому человеку он не мог отказать. Барский был предельно краток. Два поручения, одно загадочнее другого. И если второе — аккуратно передать капитану команды "счастливую" новость, он еще понимал, то с первым было сложнее. Мало того, что просьба была крайне деликатной, так еще и касалась его племянницы. Загадочная Анастасия Игоревна давно была ему интересна. Холеная блондинка знала себе цену и, в отличие от его благоверной, эта цена не была искусственно завышена. Алмаз по цене алмаза.

Барский, небось, и сам не понял, что развязал ему руки. Теперь уж он "присмотрится внимательно" к личной жизни очаровательного пресс-секретаря, и будет "очень любезен". Все, как заказано. В конце концов, брак с Аллой свое изжил, пора сменить одну богатую наследницу на другую. Масть, конечно, не та, но состояние и перспективы лучше.

Однажды бедный студент уже поднялся до уровня генерального менеджера, пришла пора подняться до банкира.

Андрей удивленно смотрел в сторону стойки регистрации на рейс. Именно туда пару секунд назад, прямо перед его носом, прошла знакомая парочка. Мужчина и женщина увлеченно беседовали, не обращая ни на кого внимания. Она постоянно поправляла ворот дорогого кашемирового пальто, словно волновалась о чем-то, а он беспечно болтал, одной рукой поддерживая женщину, а другой волоча тележку с двумя чемоданами.

— Таранов, — послышался за спиной голос Конева. — Ты чего встал, как вкопанный? Половину коридора перегородил своим баулом.

— Что, щеки в проход не пролазят? — буркнул Андрей.

— Я бы тебе сказал, что не пролазит, да дети... — Борька мотнул головой в сторону вратаря.

Гагарины явились провожать отца семейства в полном составе. Иван только и успевал отвечать на нескончаемые вопросы то одной, то другой дочки, пока жена со счастливым выражением лица доедала вторую пачку хрустящих чипсов. Этим утром ее тянуло на соленое.

— Ау! Ну и чего все повставали? — не менее громогласно, чем сын, возмутился подошедший помощник тренера.

— Да капитан лететь боится! — хохотнул Борька. — Говорит, что войдет в самолет, только если Барская разрешит весь полет за колено держаться.

Услышав это, даже занятой Гагарин покатился со смеху.

— Дурак ты, Борька, — отмахнулся капитан.

— Но смекалистый! — тут же добавил Иван.

Конев демонстративно раскланялся перед двумя дочурками вратаря и принялся проталкиваться вперед. Он на колени Барской не претендовал, а вот удобное кресло у запасного выхода не мог позволить занять никому. Никому, кроме себя любимого!

Настя ничего из этого не слышала. Находясь под бдительной опекой Юры, она даже по сторонам смотреть не успевала. Тот, будто чувствовал ее напряжение — не выпускал руки и постоянно что-то рассказывал. При всей своей неприязни к Репину, сегодня она была ему благодарна. Паспортный контроль прошли быстро и без помех. Ничто не отвлекало и не мешало. Лишь один раз Барская почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд, но не стала оглядываться. Пусть буравит, кто — понятно и так. Эти серые глаза она ни за что не спугает. Снятся, окаянные, каждую ночь, покоя не дают.

Тренировка перед первой игрой прошла в авральном режиме. И, хотя статистика предыдущих встреч с соперником была в пользу "Северных волков", тренер никому не делал послаблений. За какие-то два часа он буквально выжал из команды все силы. Забылись и утренний перелет, и скудный обед в гостинице. Собственные фамилии, и те чуть не позабылись.

Тренер внимательно присматривался к игрокам, умышленно изматывая сильнее обычного главных весельчаков и любителей развлечься. Как следствие, Клюев с Борисом к окончанию тренировки сами на себя похожи не были. Градский для надежности заставил их пробежать еще несколько кругов по площадке и лишь потом объявил об окончании тренировки.

Проверенная годами практики, уловка сработала и сегодня. Поужинав, хоккеисты разошлись по своим комнатам. И уже вскоре коридор наполнился могучим мужским храпом.

Настя, удивленно озираясь по сторонам, возвращалась вечером в свой номер. В то время, пока спортсмены тренировались на площадке, она на пару с Репиным успела пообщаться с журналистами и отправить Карлу Францевичу информацию о детском хоккее. Виктор Петрович будет очень доволен результатом. Вместо короткого очерка удалось уговорить редактора на полноценную статью с фотографиями. Увидев трогательные лица мальчишек на фоне знаменитых легионеров, тот просто не смог устоять.

И вот, уставшая и довольная, Барская направлялась в номер. Ее первая ночь рядом с хоккейной командой. Морально она еще дома настроилась на непрекращающийся шум и

веселые пирушки разудалых хоккеистов. Совместный перелет с ними лишь укрепил эти подозрения. И вот сейчас вместо положенных криков и хохота ото всех дверей слышался обычный оглушительный храп! Даже из люкса по соседству!

Не дойдя до своего номера, Настя остановилась. Прислушалась. Нет, ей определенно не показалось. Сосед похрапывал отнюдь не тише, а может быть даже громче остальных. Зажав ладошкой рот, чтобы не рассмеяться, женщина еще немного постояла и лишь затем пошла к себе. Список талантов капитана пополнился на еще один пункт. Не самый знаменательный, но очень характерный.

Тонкая стена между комнатами оказалась неспособной хоть как-то приглушить эти звуки. Так, под ровное, сладкое храпение, с улыбкой на лице, она окунулась в глубокий, как омут, сон.

К огромному огорчению зрителей, большинство из которых болело за хозяев площадки, победу в матче одержали "Северные волки". Довольный успехом своих подопечных, Градский в этот раз расщедрился на скромную похвалу и целый вечер свободного времени. Уморившиеся за сутки хоккеисты от радости готовы были поднять его на руки, но Дмитрий Иванович не дремал.

— Завтра в девять выселяемся из гостиницы, — вернул он всех с небес на землю. — Самолет в одиннадцать. Кто не успел...

— Тот летит на собственном выхлопе! — наученный горьким опытом, Клюев первым пробирался к выходу из раздевалки.

— Коля! — крикнул ему помощник тренера. — С топливом реактивным не переборщи!

— Я за ним прослежу, — направился вслед за форвардом самый известный в своем кругу бедокур и выпивоха Борис Конев.

Дмитрий Иванович показал сыну кулак и обернулся к команде.

— А вы чего стоите, аки девицы красные, водки не нюхавшие? — рявкнул он. — Сказано же: всем отдыхать! К девяти утра сползаемся в фойе, а сейчас чтобы даже духу вашего здесь не было!

— Больше на этой неделе такой халявы не будет, — как бы между прочим, монотонно сообщил тренер.

Через минуту в раздевалке никого уже не было. Массажист Карен задумчиво посмотрел вслед двум своим клиентам, что еще недавно громко стонали, не в состоянии разогнуться, и тоже пошел собираться. Что-что, а "встань и иди" в исполнении тренера срабатывало безотказно.

Набросав очередной отчет об игре, Анастасия Игоревна Барская уже собиралась лечь спать, как в дверь постучали. Открывать не хотелось, мало ли кого принесла нелегкая. Таранов уже второй день был подозрительно равнодушен к ней. Ни шуток, ни нахальных требований о поцелуях — ничего. Надежда на то, что он неожиданно решил оставить ее в покое, казалась призрачной. Потому, бросив настороженный взгляд на дверь, она приняла решение переждать.

Стук ненадолго умолк, и тут же, огласив комнату громкой мелодией, мобильный телефон предательски выдал ее местонахождение. Проклиная себя за простодушие, Настя ответила на звонок.

— Только не говори, что ты уже легла спать, — в голосе главного менеджера звучало удивление.

— А, Юра... — почему-то о нем Барская напрочь забыла. — Да, я уже ложусь.

— Дорогая, а кто обещал составить мне компанию за ужином? — печально произнес Репин. — Или ты хочешь, чтобы я весь вечер любовался очаровательными разбитыми физиономиями наших парней? Пощади!

— Юра, но я действительно очень устала...

— Полчаса, — взмолился мужчина. — Ну, пожалуйста! Не дай несчастному умереть голодной смертью.

Настя сморщила носик от высокопарности последней фразы, но деваться было некуда. В этой поездке Репин был ее единственным союзником и, одновременно, живым щитом от другого, более опасного мужчины.

— Дай мне пять минут, — она глянула на себя в зеркало. Неброский макияж, простенькие, совершенно не подходящие для ресторана брючки и топ. — А лучше займи пока столик. Я спущусь, когда буду готова.

Юра спорить не стал. Все и без того шло, как по маслу. Сегодня ужин, завтра задушевная беседа, так за недельку можно добраться и до кровати.

Сменив удобную одежду на элегантное черное платье и чулки, Барская спустилась на первый этаж в ресторан. Почти все места были заняты. Казалось странным, что такое ничем не примечательное заведение имело успех среди жителей города. Она присмотрелась внимательнее.

То там, то здесь среди разношерстной публики мелькали знакомые лица. Даже переодетые в костюмы, хоккеисты не были похожи на обычных посетителей. Могучие спины и громкий смех выдавали профессиональных спортсменов с потрохами. Рядом с каждым, словно это была традиция, восседала какая-нибудь очаровательная юная девушка.

Стараясь не присматриваться и не привлекать к себе внимания, Анастасия Игоревна следовала за администратором к зарезервированному столику. Там с бокалом вина ее покорно ожидал Юра. В воздухе проплывали божественные ароматы вина и запеченного мяса. Настя только сейчас вспомнила, что с самого утра ничего, кроме чая с бутербродом, так и не съела. Желудок, откликнувшись на воспоминания, тихонько заурчал.

"А может быть, идея с ужином и не была такой уж плохой?" — неожиданно подумалось женщине.

Андрей отодвинул от себя пустую тарелку. Бифштекс, как он и подозревал, оказался пережаренным, само мясо, наверняка, тоже было не первой свежести. При других обстоятельствах он заказал бы себе что-нибудь другое, но Гагарин рядом чуть не хрюкал от удовольствия, поедая свою порцию, а чужой аппетит — чертовски заразительная штука. Капитан даже не заметил, как проглотил последний кусочек, и принялся оглядываться по сторонам в поисках официантов. Вопреки своим принципам, сегодня он хотел выпить, рюмку коньяка или бокал вина — не так важно. Примостившиеся за их столик Клюев с двумя блондинками пили уже третью бутылку вина. Такая компания совсем не способствовала трезвости.

Молоденькая официантка уже направлялась в его сторону, когда еще одна клиентка ресторана остановила ее коротким взмахом руки. Андрею хватило одного взгляда на тонкие, аристократические пальчики, чтобы узнать, кто ему помешал. Мужчина медленно перевел

взгляд на соседнее от дамы кресло и тихо выругался. Снова Репин. Уже второй день подряд при любой попытке приблизиться к Насте он натыкался на этого человека. Либо генеральному менеджеру очень сильно не терпится попасть на тот свет, либо Барская напрашивается на настоящую взбучку. Одно из двух или все одновременно?.. Лично он, Андрей, с удовольствием предпочел бы совместить приятное с полезным.

Забыв об официантке, капитан расслабленно откинулся в кресле и стал наблюдать. Насте пока было не до него, уткнувшись в меню, она не замечала даже откровенного, хищного взгляда, которым поедал ее Репин.

"Но вся ночь еще впереди, а значит, твои глаза осчастливят и меня своим чудесным блеском, — с улыбкой подумал Андрей. — Вот тогда и будет видно, чья взяла".

— Дорогая, Настя, — Репин поднял свой бокал. Белое вино, словно жидкий янтарь, колыхнулось в хрустале. — Мы впервые сидим с Вами в такой неформальной обстановке. Предлагаю на время позабыть, что я генеральный менеджер, а Вы — пресс-секретарь.

Настя глянула на свои часы. Десять вечера.

— М-да... — протянула она. — Действительно. Хватит на сегодня пресс-секретаря.

— Тогда, — он ослепительно улыбнулся. — За чудесную, сногсшибательную женщину!

Генеральный менеджер оригиналом не оказался. В свои тридцать три Настя так часто слышала подобное, что давно научилась пропускать мимо ушей.

— Приятно, — на автомате ответила женщина. Оставалось надеяться, что на этом дифирамбы в ее честь закончатся, и можно будет по-настоящему расслабиться.

— Наверное, повторяюсь, но я действительно очень рад тому, что мне выпала честь работать с Вами, — глаза мужчины многозначительно блеснули. — И даже пара десятков недалеких спортсменов не способна испортить удовольствие от этого.

Настя протянула руку, чтобы чокнуться с Репиным и внезапно замерла. У соседнего столика, прямо за спиной Юры, в этот самый момент поднял свой бокал и другой мужчина. Уж в его улыбке не было ни грамма фальши. Сплошной вызов. Вызов ей. Глаза цвета стали смотрели пристально, внимательно и, лишь Бог знает, как давно. Надежда на спокойный вечер рухнула в одночасье.

Репин сделал глоток и закашлялся.

— Черт... — прохрипел он. — Вино какое-то...

— Конечно, — Барская обреченно перевела взгляд с капитана на Юру. — Вино...

— Я вообще мало пью, — непонятно зачем оправдывался мужчина. — А в вашей компании так и вообще не хочется. Пьян без вина.

Настя поздравила себе с двойным невезением. Мало ей было Андрея по соседству, так еще и Юра принялся петь оды. Коршун и соловей, а ведь счастье в виде нормального ужина было так близко.

— А как же бурная молодость? — Барская деликатно перевела разговор в другое русло. Мало найдется мужчин, которые удержатся от возможности запудрить женщинам мозги байками о своих бесшабашных похождениях. Если очень повезет, она даже сможет забыть о соседи. — Как же страсть к экспериментам?

Репин клюнул. Зарделся от интереса к своей особе и принялся вываливать на благодарную слушательницу рассказы, один красочней другого. Барская ахала, кивала, но взгляд упрямо сбивался за спину рассказчику.

Капитан медленно и со знанием дела дегустировал вино. В отличие от Репина, он

заказал красное. Женщина с завистью посмотрела на его бокал, потом на свой. Вздохнула. Даже в вопросе выбора вина их вкусы совпадали.

Словно прочтя ее мысли, Андрей пополнил свой бокал и отсалютовал ей.

"Вот, мерзавец, еще дразнится..." — возмущенно подумала Настя.

— Юра, а почему Вы не любите капитана? — воспользовавшись минутной паузой, задала давно мучивший вопрос.

— Это заметно? — Репин лукаво улыбнулся.

— Мне? Да.

Менеджер провел ладонью по гладко выбритому подбородку и лишь потом открыл рот для ответа. "Ну, давай уже, соври что-нибудь правдоподобное!" — мысленно поддержала его собеседница.

— Понимаете, Настя... — растягивая слова, начал. — Мы с Тарановым знакомы с далекого детства. Росли в одном дворе, вместе ходили в школу, вместе играли в хоккей.

Женщина удивленно округлила глаза.

— Да-да! Я тоже играл в хоккей! — рассмеялся Юра. — И, кстати, играл неплохо.

— Не сомневаюсь, — она мысленно поставила рядом крепкого, высокого капитана и типичного офисного клерка Репина. — И что же дальше?

— А потом случилась неприятность, — в глазах Юра загорелся праведный огонь. — Во время отбора в юношескую лигу судьба столкнула нас вплотную. Два игрока на одно место. Шансы были равны, но вспыльчивость и беспринципность нашего капитана проявилась тогда во всей своей красе. Во время одной из игр он с такой силой приложил меня о бортик, что сломал ребро.

— Какой кошмар! — она не поверила ни слову.

— Да! Как результат, я попал в больницу, а он забил победную шайбу в отборочной игре и попал в лигу, — Репин, как водку, опрокинул в себя вино. — Как Вы понимаете, Настя, с тех пор ни о каком уважении к этому человеку для меня не может идти и речи.

— Конечно-конечно!

На самом деле она бы не удивилась, если в реальности все было наоборот, и это Андрею с переломом ребра пришлось играть в той отборочной игре. Подлеца и предателя вся команда ни за что не станет уважать, а Таранова уважали. Даже грозный Борис изменил свое мнение, и уже одно это говорило о многом.

— Может, еще вина? — Репин взглянул на опустевший бокал собеседницы. — Я Вас уже, наверное, утомил своими рассказами. Предлагаю закрыть тему хоккея. Расскажите о себе.

— Юра. Вряд ли я смогу поведать Вам о себе что-то, чего Вы не знаете. Моя жизнь так публична.

— Неужели у такой соблазнительной женщины нет другой, скрытой ото всех жизни?

— Мне жаль Вас разочаровывать, но нет.

И Настя очередной раз глянула в сторону капитана.

"Интересно, а можно ли заниматься сексом одними лишь глазами?" — задумалась. Казалось, его взгляд проникает под одежду и бесстыдно прикасается к коже. Незаметно — для посторонних и открыто — для нее.

Таранов с безучастным видом сидел все на том же месте, и лишь изредка поднимал на нее глаза. Но даже этих "изредка" было достаточно. Тело мгновенно отзывалось, окатывая горячей волной желаний. Взгляд пронизывал насквозь, заставляя плотнее сжать ноги и

молиться, чтобы тонкая ткань платья и кружево белья не выдало ее истинного состояния.

— И долго ты еще собираешься сверлить ее глазами? — Гагарин отложил в сторону вилку и пнул в бок лучшего друга. — Репин вон чуть вином не подавился.

— Лучше бы подавился, — проворчал сквозь зубы Андрей.

Иван только цокнул языком. Он давно догадывался об интересе товарища к Барской, но сегодня впервые заметил какой силы этот интерес.

— Так может, сходи, разберись. Нечего приличной женщине делать рядом с нашим Юриком.

— Вань! — Таранов нахмурился. — Не провоцируй!

— А то что?

Капитан вместо ответа бросил на друга испепеляющий взгляд. Не рассказывать же, в самом деле, что он хочет сейчас сделать. А сделал бы много! Не факт, что хлипкая гостиничная кровать выдержала бы все задумки. Две последние недели воздержания дались даже тяжелее, чем два предыдущих месяца.

Нелегко это: знать, кого хочется, видеть каждый день, помнить, каково было, и бездействовать. Другие, как назло, не привлекали. Даже сейчас, когда одна из соблазнительных блондинок Клюева смотрит на него откровенным, плотоядным взглядом, он, как дурак, пялится только на Барскую.

— Коля, — Гагарин позвал второго форварда. — Кажись, наш капитан влип.

Клюев на секунду оторвался от процесса разглядывания декольте одной из девушек.

— Бабу ему надо! — как диагноз объявил он. — Я по глазам вижу.

— Доктор хренов... — хмыкнул Андрей.

— А что? Я вот, видишь, — он поцеловал в щеку вначале одну девицу, потом вторую, — сам только этим и спасаюсь. Помогает.

— Так может, господин врач, и капитану рецептик своего лекарства выпишешь? — Иван махнул головой в сторону красавиц.

— Не вопрос! — пьяный и сытый, Клюев был необычайно щедр. — Леночка, не желаешь подарить немножко любви и ласки нашему грозному кэпу?

— Я не Леночка, а Яна, — девушка надула губки, но вместо того, чтобы обидеться и уйти, подсела на диванчик к Таранову. — А Вы Тор, да?

— Если будешь хорошо себя вести, он тебе и молот продемонстрирует, — Клюев разразился хохотом.

— Коля, — Андрей бросил в товарища скомканную салфетку. — Ты покойник!

— Неблагодарный! — салфетка полетела обратно.

Ничего не понимающая девушка лишь удивленно махала ресницами и все ближе и ближе льнула к сидящему рядом мужчине.

Пикировка за соседним столиком не прошла незамеченной для Барской. Она видела все: и веселье капитана, и третий бокал вина, и вульгарную девицу, которая прилипла к Таранову, как банный лист. И ведь он не возражал! Как сидел себе, развалившись на широком диване, так и остался сидеть. Даже когда блондинка положила одну из своих загребущих ручек ему на плечо.

— Настя, — Репин заметил ее состояние. — О чем таком Вы задумались?

— Что? — она тряхнула головой.

— У меня такое ощущение, что мыслями Вы очень далеко.

Барская никак не могла отвести глаз от соседей. Таранов как раз подлил блондинке вина и опустил взгляд в нескромный вырез ее платья. "Да что б ты окосел!" — в сердцах пожелала она.

— Настя...

— Юра, может, потанцуем?

Предложение родилось спонтанно. Медленная музыка, злость и алкоголь толкали на необдуманные поступки.

— Настя, Вы меня, конечно, удивили, но удивили приятно, — Репин тут же услужливо помог ей подняться и предложил руку.

— Кто-то заигрался... — едва слышно процедил капитан, когда ладонь Репина спустилась на десяток сантиметров ниже положенного с талии партнерши.

— Ты что-то сказал? — проворковала красотка рядом.

— Да, милая, — он, как пушинку, подхватил девушку и усадил к себе на колени. — Говорил, что глаза у тебя красивые, такие голубые...

— Карие... — она снова надула губки.

— Он дальтоник, — оправдал друга Гагарин. — Совсем цветов не отличает.

— Бедняжка! — обида на лице девушки в мгновение ока сменилась жалостью. Она сочувственно погладила его по щеке и тихо прошептала: — Тебе, наверное, тяжело приходится?

— Очень! — Андрей обвел гневным взглядом лица товарищей по клубу. Этим обалдуям лишь бы повеселиться, а ему теперь расхлебывай. Полуголая девица на коленях — это еще не беда, сам усадил, но вот полуголая сочувствующая девица — это совсем другое дело.

Словно подтверждая его опасения, блондинка крепко обняла капитана, прижав свой необъятный бюст к его груди.

Настя впервые в жизни наступила на ногу партнеру. Стоило лишь на мгновение посмотреть в сторону проклятущего столика, как ее острый каблук очутился на туфле Репина. Юра постарался изобразить, что ничего не произошло, но дистанция между ними стала больше.

Последующий час прошел более или менее спокойно. За одним столиком звучали веселые тосты, смех девушек и раскатистый хохот мужчин, а за другим — шла интеллигентная светская беседа. Помня, чем закончилось прошлое мероприятие в ресторане, Барская старалась ограничивать себя в алкоголе. Цедила один единственный бокал вина весь ужин и никуда не отлучалась. С Таранова станется последовать за ней!

Репин же ни в чем себе не отказывал. Пил вино и, воодушевленный собственным успехом, засыпал собеседницу комплиментами. Он сам не ожидал, что претворить в жизнь свой план окажется так просто. Надменная дамочка Анастасия Игоревна Барская милос улыбалась на его шутки и кокетливо отводила глаза. Старый, как мир, исконно женский способ обольщения. И цель — он! "Видимо, можно приступать и к более серьезным действиям!" — подумал Юра и притянул к своим губам ладонь дамы. Поцеловал. Настя не шелохнулась. Только бросила короткий взгляд в сторону выхода.

Андрей чувствовал себя участником какого-то странного представления. На коленях,

мешая нормально соображать, вертелась девушка, а впереди, за соседним столиком, его недавняя любовница благосклонно принимала ухаживания генерального менеджера. Он все смотрел и не мог понять: либо он совсем не разбирается в людях, либо Барская нарочно его злила. Последний маневр Репина поставил капитана в тупик. Он уже готов был сорваться с места, но Клюев своим вопросом его опередил.

— Андрюха, — форвард перегнулся через столик. — Дай ключи, будь другом.

— Какие ключи? — Таранов не понимал.

— От люкса... — косясь на блондинку у себя на коленях, ответил Клюев. — Очень надо. Не в двухместный же к Борьке мне идти с дамой.

— Э-э... — Андрей вновь посмотрел на сотоварища по команде, затем на Барскую с Репиным.

За их столиком явно происходило что-то необычное. Настя, прихватив свою сумочку, направилась к двери. Репин немедля отправился за ней. Куда именно они оба идут, капитан даже думать не хотел.

— Таранов, гони ключи и пялься по сторонам, сколько заблагорассудится, — у форварда лопнуло терпение. Такой ответственный момент, а капитан его даже не слышит.

Дверь за пресс-секретарем и генеральным менеджером закрылась. Андрей больше не раздумывал. Вытащил из кармана ключи и протянул Клюеву.

— Держи, Ромео! — холодно произнес он. — До утра люкс твой. Ни в чем себе не отказывай!

Коля заговорщически подмигнул другу, а блондинка на коленях капитана, поняв, что ей ничего не светит, тоненько всхлипнула.

Вечер подошел к концу, и не у всех так, как этого хотелось.

Через полчаса после ухода Клюева, Иван тоже направился в свою комнату. Сидеть дальше не было смысла и Таранову. От блондинки он избавился уже давно, а идея в одиночестве просиживать здесь штаны не прельщала. Андрей хотел спать. В отличие от полного сил и энергии Коли, он провел на площадке половину игры. Такое, вместе с сытным ужином и вином, свалит с ног кого угодно.

В коридоре горел тусклый свет, администрация гостиницы явно экономила на электричестве. Почти во всех комнатах постояльцы уже спали. Не удивительно — полночь. Андрей дошел до конца коридора. Именно здесь, по одной стороне, располагались люксы. Тренер, помощник тренера, Репин, Барская и он сам.

У номера генерального менеджера Андрей остановился. Не хотел этого делать, но любопытство было сильней.

Оттуда не раздавалось ни звука. Либо Репин предпочитал заниматься сексом беззвучно, либо он, как и сам Таранов, сегодня остался на голодном пайке.

Из комнаты рядом, которую занимала Настя, слышался шум воды. Что скрывают эти звуки, не догадался бы и опытный сыщик. Сам Андрей мог с ходу предположить несколько вариантов: от совместного приема ванны до душа перед или после "основного блюда". Он уже хотел было пройти дальше, как журчание стихло, и на смену ему пришел голос женщины. Барская говорила с кем-то. Второго голоса слышно не было, из чего Андрей сделал вывод, что говорила она по телефону. Прислушался. Да, не показалось, кроме нее там явно никого не было. Не станет же Репин сидеть, как мышь, когда женщина после душа разгуливает по номеру.

"Выходит, Юрик не у дел! — с улыбкой подумал Андрей. — А госпожа Барская весь вечер ломала передо мной спектакль! Развлекалась".

Из его собственного люкса послышался сладкий стон девушки и красноречивый скрип кровати.

— Хм... — капитан призадумался. Грех было не воспользоваться таким стечением обстоятельств. — Ну вот утром и выясним, насколько тебе все равно, дорогая моя.

И он уверенным шагом направился в номер Ключева. Ради такого исследования можно ночью потерпеть и общество Бориса.

Поначалу Настя не поняла. Спокойно разделась, приняла душ, поговорила по телефону, не обращая внимания на странные звуки из соседней комнаты. За сегодняшний вечер чего она только ни наслушалась. Казалось, уже ничто не способно удивить. Но когда за стенкой вскрикнула женщина, она выронила из рук полотенце и медленно, словно в трансе, осела на кровать.

К страстному женскому голосу примешался мужской. Никаких слов, лишь глухой хрип и почти звериное рычание. Заскрипела кровать, ритмично и жалобно. Парочка за стенкой разошлась не на шутку.

В шоке, Настя обняла голову руками. Кто и что именно делает в соседнем люксе, стало очевидно. Поначалу все было, как в тумане. Обрывки эмоций рождались и затухали. Она еще пыталась бороться с собой, но звуки, эти проклятые звуки... Они пронизывали насквозь, кололи прямо в сердце и будто отрывали от него куски.

— Вот и все... — прошептала она. — Но чего ж так больно?

Хотелось свернуться на покрывале раненым зверьком.

Женщина за стенкой даже не помышляла сдерживать свои эмоции. Она, счастливая, беззастенчиво получала удовольствие от секса с капитаном и плевать хотела на всех окружающих. Другая. Любовница Андрея.

Стоны стали громче, а Настя изо всех сил боролась с собственным воображением, красочно рисовавшим детали происходящего. Глаза стали влажными от слез. Барская вытерла их рукавом халата и, как маленький ребенок, закрыла ладонями уши. Не помогло. Звуки и фантазии преследовали неотступно.

Как же казалось просто все забыть. И его голодные поцелуи, и сумасшедший напор, и бешеный ритм, и восторг, горящий в глазах после оргазма.

Сейчас он проделывал все это с другой. Получал наслаждение, которое она отказалась дать. Сама отказалась! Выгнала из кровати, а потом запретила даже надеяться на продолжение. Настя ударила кулачком о матрас. Отчаяние сдавило горло. Капитан. Андрей. Как же хорошо с ним было. Как же хотелось все испытать вновь... Довериться сильным рукам, позволить брать себя и сходить с ума от смелых прикосновений. Только его руки, его губы, его тело и горящий, затуманенный взгляд.

Ложь дорого ей стоила. Легко ли быть холодной? Просто ли оставаться неприступной, когда хочется тепла? Сколько еще будет длиться этот спектакль?

А сейчас единственный желанный мужчина был с другой. Удовлетворял свои потребности и, она не сомневалась, щедро раздаривал наслаждение. Для него все эти женские стоны и крики — заслуженная награда, а для нее... Настя резко вскочила с кровати. Дальше держаться было невозможно.

— Почему рядом со мной? — выкрикнула она в стену.

На смену отчаянию пришел гнев.

— Мерзавец, подлец... — оскорбления хлынули потоком. Вслед за ними в стену полетел какой-то журнал и дурацкие гостиничные тапочки.

Но соседи не обращали на это никакого внимания. Кровать скрипела все громче, стоны все чаще перерастали в крики.

Не выдержав, Настя, в чем была, в том и выскочила в коридор. Таранов у нее сейчас получит! И за дешевую блондинку, и за свою наглость, и за то, что так быстро все позабыл.

Забыв о том, что в гостинице полно народу, она, что было силы, колотила кулачками о соседнюю дверь. Стучала громко, но без толку. Прошла, казалось, целая вечность, а ее так и не услышали. В отчаянии Настя двинула в дверь коленом и, всхлипнув, привалилась к стене.

— Настя, какого черта здесь происходит? — услышала она хриплый, сонный голос из номера напротив.

Высунувшись по пояс из-за двери, на нее сурово смотрел Андрей. Не та дверь, совсем не тот номер...

Барская снова всхлипнула и вытерла со щеки очередную предательскую слезу.

— Ты?.. — только и смогла выдать она из себя. Остальные слова комом застряли в горле. Кровать у соседей по-прежнему скрипела.

— Я! — шикнул Таранов, внимательно осмотрев женщину. Босая, всклоченная, да еще и в слезах — и это Анастасия Игоревна Барская. — Случилось что?

Настя ничего не ответила, только еще сильнее вжалась в стену. Из люкса капитана раздался хриплый, сдавленный мужской вскрик. Андрей все понял сразу. Ударил ладонью себя по лбу и в два шага преодолел расстояние до женщины. Она упиралась, била его ладонками по голой груди, отворачивала от света заплаканное лицо, но справиться с мужчиной не могла.

— Это Коля Ключев, — он крепко прижал ее к своему телу и, как заклинания, шептал слова. — Понимаешь? Не я, а Коля! Насть, ты понимаешь, да? Я ему ключи отдал. Идиот... Прости. Настя... Не подумал. Прости.

— Ненавижу, Господи, как же я тебя ненавижу... — она уже в голос рыдала, не в состоянии себя контролировать. Хрупкое женское тело трясло, как в лихорадке. Шептала проклятия и захлебывалась горячими слезами. Сама не знала, откуда их столько взялось, но не могла остановить этот поток.

— Насть, ну же, все хорошо, — Андрей ласково гладил ее по голове, целовал в макушку, а у самого на душе кошки скреблись. Чувствовал ведь, что с ней что-то не так еще тогда, ночью, в ее квартире. А сейчас доигрались оба. — Милая, не плачь. Пожалуйста...

— Это так... — хотела сказать "больно", но сама испугалась рвущегося наружу признания.

— Прости, прости меня, солнце... — Андрей не разжимал теплых объятий. — Все хорошо.

Она еще несколько раз дернулась и затихла.

— Пошли отсюда, — он мягко подтолкнул ее в номер, но Настя вместо того, чтобы идти, развернулась и крепко обняла его за талию.

— Полежи со мной... — произнесла дрожащим голосом. — Пожалуйста...

Снова всхлип. Жалобный, глухой, он совсем не вязался с привычным образом этой женщины. Сегодня ночью с прежним образом вообще ничего не вязалось. Ее холодные подрагивающие пальцы на его спине. Распухшие от слез губы, которые так хотелось

поцеловать, но почему-то не смел. Босые ноги на грязном полу и дикое, пугающее отчаяние в глазах.

— Конечно, — Андрей нервно сглотнул. — Пойдем, я полежу рядом. Просто полежу.

— Пожалуйста... — Настя кивнула, но рук так и не разжала.

Так, в обнимку, они протиснулись в узкую дверь, дошли до кровати и улеглись. Она в халате, он в штанах, не решаясь раздеться или хотя бы на миг разъединить объятия. Спать не хотелось обоим, но незаметно, вслушиваясь в дыхание друг друга, уснули. Уставшие, измотанные никому не нужными играми.

До утра не беспокоил ни скрип кровати за стеной, ни шум машин под окном, ни громкое ворчание уборщицы в коридоре. Только его тяжелая рука на талии женщины и переплетенные пальцы обоих. Долгожданный и непонятный никому финал или новая точка отсчета.

Глава 15. Невозможно устоять

Ночи бывают разные. Есть ночи для страсти, когда даже звезды на небосводе игриво подмигивают любовникам. Бывают ночи для сна. Тогда на затянутом тучами небе не видно ни зги, кроме темноты, и никуда, кроме сновидений, не деться. А иногда, очень редко, случаются ночи, когда отдыхает душа. Исстрадавшаяся, открывшаяся и нашедшая отклик. Словно в уютной колыбели, она находит покой в сердце человека и тихо, чтобы не спугнуть волшебство, всматривается в душу другого, близкого. Исследует, любуется, узнает свои черты и беззаветно влюбляется.

Настя проснулась первой. Поначалу лежала с закрытыми глазами, вспоминая события ночи. То, что прошедшее не было сном, красноречиво выдавали объятия мужчины. Сильная, тяжелая рука была на прежнем месте. Впрочем, остальное тело тоже никуда не делось — спиной ощущала. Горячий и большой мужчина ровно сопел ей в затылок.

"О, Господи... Что я натворила!" — было первой осознанной мыслью. Но страшно или досадно не стало. Не вышло. Пыталась вспомнить, как в прошлый раз отговаривала себя от него, но взгляд упрямо сбивался на покрытую татуировками мужскую руку.

Символы, скорее всего, были кельтскими. Спирали, узлы и невероятные петли. Сложные, они сами по себе казались интересными рисунками, но объединяясь в узоры, превращались в загадочное письмо. Загадочное, как и сам мужчина. Настя перевела взгляд на его пальцы. Вроде ничего особенного. Пальцы как пальцы, с огрубевшими подушечками и коротко остриженными ногтями. Они одинаково хороши, чтобы держать клюшку или бокал вина. А еще они словно созданы были для прикосновений, причем, как оказалось, не только страстных, но и успокаивающих, заботливых. Его пальцы. Уже почти родные.

За произошедшее ночью все еще было стыдно, но на душе, к удивлению, царил странная и непривычная радость.

— И долго мне еще притворяться спящим? — хриловатый после сна мужской голос заставил вздрогнуть.

— Эмм... Доброе утро, — Настя попыталась выбраться из объятий, но Таранов не дал.

— Доброе.

— Андрей, послушай...

— Так, молчать! — резко прервал он, подминая ее под себя. — Я тебя уже как-то послушал. И к чему это привело?

Сдерживаясь, Настя сжала губы в ниточку и робко, из-под лба взглянула на мужчину.

— Боишься? — уже ласково спросил.

Опасаясь, что если откроет рот, то наговорит глупостей, она моргнула. Как же хотелось, чтобы Андрей оказался экстрасенсом. Пусть бы прочел все, а потом или ушел, или остался.

— Насть... — мужчина тяжело вздохнул. Подбирать слова было чертовски трудно. Увиденное ночью не выходило из головы. — Перекинуть бы тебя сейчас через колено да отшлепать.

— Не надо, — прошептала едва слышно, и уголки губ растянулись в робком подобии улыбки.

— Ну, да ладно. Успеется. Давай поступим так...

Барская, не перебивая, слушала капитана. Даже дышать старалась медленней и тише. В реальность происходящего не верилось.

Он говорил о планах на ближайшее будущее, об играх и ответственности, о выходных и ужинах, о Карле и Репине. Нехотя, скомкано признавался в неумении ухаживать "за дамочками из высшего общества" и сурово грозился всерьез отшлепать, если она вновь попробует строить из себя неприступную крепость.

Спустя пару минут, пламенный монолог прервался.

— Проклятие, Настя, ты меня вообще слышишь? — мужчина грозно нахмурил брови. — Я тут распинаясь, как дурак, а ты, такое ощущение, что выпала из реальности.

— Я слушаю, — со смешком вырвалось у нее. Совершенно невозможно было смотреть на него, такого серьезного, полуголого, притом говорящего о каких-то планах и отношениях. Нет, эта реальность казалась слишком фантастичной. — Ты что-то говорил о предстоящей неделе. Вот, видишь, я слушаю!

— Слушает она... — Андрей вздохнул. Он тут, видите ли, предлагает ей начать все заново, как у всех нормальных людей, а она только ресницами хлопает и хихикает. Распахнуть бы этот тонкий халатик да проучить глупую, как следует. И какой черт его дернул начинать что-то? Продолжать — вот чем надо было заняться. С правильного пробуждения рядом с женщиной и начать! Но сдержался.

— Барская, я между прочим, по твоей милости заработал такую эрекцию, что не знаю, как сейчас пойду к Борису, — сказал с обидой в голосе.

— Я чувствую... — она действительно чувствовала. Стоило ему только устроиться поверх ее, как тут же и ощутила. Но, вопреки всему предыдущему опыту и собственным ожиданиям, тревожно от этого не было. Нисколечко. Волнительно, приятно, но не тревожно. Где-то из глубины души пришло четкое осознание: с ним безопасно, он сможет подождать.

Решив больше себя не мучить, Андрей откатился на край кровати и сел. По-собачьи потряс головой, прогоняя то ли остатки сна, то ли какие-то мысли. Не сводя с него глаз, Настя повернулась на бок.

— Андрей? — позвала.

— Эмм...

— Может откажешься? Со мной будет сложно.

Он обернулся, пристально посмотрел в лицо женщине. Глаза горят, как шальные, щеки бледные, губы искусаны. Безумная, ни дать, ни взять. А еще предлагает ее оставить.

— Будет видно, — он пожал плечами. — Я ведь тоже не шоколадный кекс.

— Ты лучше, чем кекс, — и Настя печально улыбнулась. Маленькое, скромное признание. Он заслужил гораздо большего, но не решилась.

— Лучше кекса может быть только слабо прожаренный стейк! — заключил с видом знатока. — Есть хочется, а скоро выезжать.

— Тогда не теряй времени, иди. Мне еще нужно собраться, — словно в подтверждение своих слов, Настя обвела взглядом комнату. Повсюду лежали ее вещи. Несмотря на строгий порядок, их было так много, что за короткое время не соберешь. А ведь ему самому еще предстояло выселить Ключева и собраться. У обоих было, чем заняться, кроме завтрака.

На всякий случай, целовать ее на прощание Андрей не стал. Барская с такой силой вцепилась в полы своего халата, что даже лишний раз прикоснуться побоялся.

— До встречи, — ласково шепнул.

— В вестибюле?

Вздохнул, словно она очередную глупость сказала.

— Я найду за тобой, — и, махнув рукой, вышел.

Щелкнул замок, шаги удалились, а Настя все стояла на своем месте, не шевелясь. Как же резко все переменилось в ее жизни! Еще вчера она была свободной и одинокой женщиной, что как голодная нищенка, пугливо подглядывающая за роскошным пиром, изредка позволяла себе смотреть в сторону капитана. А сегодня пир стал частью жизни. И пусть ради этого придется во многом признаться, открыть неудобную для всех предыдущих мужчин правду. Стыдно и страшно, но даже ради короткой связи она согласна. Теперь бояться влюбленности поздно.

Сейчас за стенкой было тихо, но пережитый ужас еще не отпустил, а значит, она будет стараться. Приложит все усилия, чтобы самой быть рядом со своим капитаном.

Генеральный менеджер с удивлением наблюдал, как из комнаты Барской с ее чемоданом и собственной сумкой на плече вышел Андрей Таранов. Сама Настя, как ни в чем не бывало вышла следом и, бросив ему обычное "здравствуй", последовала за капитаном. Поначалу Юра думал догнать капитана. Поднести чемодан Барской не сложно и ему, но смутная, неприятная догадка остановила. Парочка уж очень смахивала на супружескую пару, а никак не на коллег по работе.

— Ох, куда же тебя, Таранов, занесло, — цокнул языком генеральный менеджер. — За эту женщину придется дорого заплатить.

Он еще немного потоптался на месте, сталкиваясь с этими двумя пока не хотелось. И лишь когда из соседних номеров начали выходить остальные хоккеисты, направился вниз. Помощник тренера обязательно устроит проверку всего состава, а он, пока будет идти переключка, поделится с капитаном "прекрасной" новостью. Хватит уже откладывать это мероприятие. Сам напросился, вот теперь пусть расхлебывает.

В салоне полупустого самолета царила необычная какофония звуков. После скудного аэрофлотского завтрака хоккеисты, как медведи, впали в спячку. Сказывались ночные похождения. В самом хвосте самолета, отдельно от остальной команды, сидели двое. На этот раз генеральному менеджеру пришлось уступить свое кресло капитану. Он бы мог, конечно, возмутиться или потребовать от персонала самолета вмешаться, но не стал. Хватило всего одного холодного, злого взгляда капитана, как ноги сами понесли подальше от этих мест. Барская не вмешивалась. Лишь пренебрежительно, как на докучливую муху, посмотрела в его сторону и отвернулась.

Андрей вытянул в проход длинные ноги. Спать не хотелось. Рядом уткнулась в ноутбук Настя, зевая, вычитывала какую-то статью. Непослушный короткий локон выбился из ее строгой прически и упал на лоб. Не заметила. Тогда ее сосед сам протянул руку и убрал его. Затем забрал и ноутбук.

— Спи, давай! — приглашая улечься, Андрей похлопал по своему плечу.

Возражать Настя не стала. Общее сонное состояние пассажиров еще после еды подействовало и на нее, а уж отказываться от такого роскошного предложения и вовсе было бы глупо.

Плечо оказалось настолько удобным, что сама не заметила, как провалилась в сон. Андрей на это лишь довольно усмехнулся. Новая Барская нравилась ему все больше. Спокойная, доверчивая и красивая — женщина мечты.

Глядя на нее, даже собственные проблемы отходили на второй план. Ну подумаешь, не

получит он свой заслуженный вызов в национальную сборную на Чемпионат мира. Просидит без дела два месяца, не дополучит деньги... В конце концов, не он первый и не он последний, кто по прихоти вышестоящих чинов вылетает из обоймы. Он не первый... упускает последний шанс показать себя на мировой площадке... Последний шанс.

Глава 16. Сближение

Вратарь устало снял с головы маску и оперся о ворота. Тренер сегодня зверствовал. Вряд ли все дело было в последней игре. В конце концов, это не первое и явно не последнее их поражение за сезон. Скорее всего, прозорливый Градский узнал о вечеринке, которую Клюев с Борисом закатили в честь проигранного матча. Незадача!

На пяточке развернулся Конев. Резко сбрасывая скорость, защитник, как вкопанный, остановился у ворот.

— Все, не могу! — он гневно сплюнул. — И какой демон в Станиславовича вселился?

— Может тот самый, который окно в гостинице разбил и дверь вынес? — Иван с хитрой ухмылкой посмотрел на сотоварища. — Ну, или тот, который полночи на гитаре в холле играл и похабные песенки с дружкой своим горлопанил. Кстати, где Колька эту гитару нашел?

Борис рукавом утер с подбородка капли пота, отыскал глазами бедокура Клюева. Судя по тому, как тот изображал из себя человека-паука, намертво вцепившись в бортик, хорошим самочувствием он тоже похвастаться не мог.

— Да холера его знает, — Борис отмахнулся. — Чтобы я с ним еще раз пил... Нет! Знал бы, что будет так плохо, прыгал бы не со второго этажа, а с девятого.

— Да. Со второго как-то несерьезно вышло, — кивнул вратарь. — А так все девять этажей будут слышать твой истошный вопль!

Защитник широко улыбнулся, демонстрируя щербатый рот. Оправдываться или стыдиться за свое скандальное поведение он не помышлял. Хватило и капитанских времен, когда Градский с Репиным устраивали грандиозные выволочки за каждый проступок. Сейчас эта "привилегия" перешла к Таранову, пусть тот держит марку.

Борис покрутился на месте, высматривая капитана. Закончивший еще десять минут назад тренировку, Андрей о чем-то шушукался с пресс-секретарем.

— Я смотрю, эти голубки спелись? — хмыкнул Конев.

— Похоже... — многозначительно протянул Иван. Распространяться о личной жизни друга в его планы не входило, тем более Борьке.

— Да ладно тебе, Гагарин! Похоже — не похоже! Вся команда видела, как он ее чемодан таскал на выездных играх. А сейчас уже неделю она его в Ледовый дворец привозит.

Наблюдательность защитника поражала. Последнего не знал даже сам Иван. Таранов в последнее время был постоянно занят собственными заботами, чередуя активные тренировки и игры с какими-то переговорами. За неделю друг дважды катался в столицу и, судя по его виду после поездок, ничего хорошего пока не выходило.

"Допросить бы его с пристрастием..." — задумался Гагарин.

Вечером, после игры, он пригласил Андрея к себе в гости. Маша как раз решила побаловать мужа очередным кулинарным шедевром, и без мнения признанного гурмана Таранова было не обойтись. Уважаемого пресс-секретаря решили взять с собой, не обращая внимания на все ее отговорки.

К счастью для двух уставших хоккеистов, лифт новенькой многоэтажки в этот раз работал исправно. Кряхтя под весом собственных сумок и напряженного трудового дня, они

вывалились из кабинки. Следом, стораая от смущения, вышла хорошо одетая дама. Она взволнованно озиралась по сторонам, не понимая, зачем вообще согласилась ехать. В качестве кого? Прошло две недели после безумной ночи в гостинице. Две недели редких встреч во время тренировок, парочки совместных ужинов в публичных местах, десятков мимолетных прикосновений и нескольких быстрых, словно украденных, поцелуев. Настя все еще боялась, не могла решиться на большее, а он не торопил. Не понимал, раздражался, хоть и старался это скрыть, но по утрам упорно ждал в назначенном месте, чтобы вместе ехать на работу. А она приезжала, с колотящимся сердцем, с ожиданием и с радостью. Летела к нему, проклиная светофоры и пробки, не узнавая себя и собственную жизнь.

И вот сегодня они в гостях вместе, как пара. Впервые.

Из-за распахнутой в коридор двери доносились соблазнительные ароматы еды. Пахло запеченным мясом, яблоками и какими-то пряностями. Поджидая мужа и гостей, на пороге стояла хозяйка квартиры. С ее шеи свисал кухонный фартук веселой расцветки, из-под такой же цветастой косынки во все стороны торчали непослушные рыжие пряди.

Вроде бы и не было никакого сходства с той ухоженной, элегантной дамой, которую Настя повстречала на памятном банкете дядюшки, но при этом достоинство и уверенность в себе женщина излучала по-прежнему. Любимая жена и счастливая мать. От одного ее вида у Барской томительно сжалось сердце.

— Машуля, а вот и мы! — Гагарин расцеловал жену в обе щеки. — Заждалась, небось?

— Я-то еще не очень, а девчонки — да, — она глянула за дверь, где, притаившись, ждали гостей две девочки, затем повернулась к пришедшим. — Здравствуйте, Настя. Привет Андрей. Рада вас видеть.

Таранов с Гагариным лишь удивленно переглянулись, не понимая, когда это женщины успели познакомиться.

— Здравствуйте, Маша, — Барская пожала протянутую женскую руку. — Мне несколько неудобно так являться... Без подарка.

— А это ничего, — она снова глянула за дверь. — Их любимый подарок вы привели с собой, так, Андрей? Твоя невеста, между прочим, за вечер голову мне задурила с выбором наряда.

Наблюдая смену эмоций на лице Насти, Таранов чуть не рассмеялся. Зацепила ее эта "невеста" — готов был биться об заклад. И глаза засверкали, и щеки покраснелись — подумать только, что сотворила маленькая Варвара Ивановна.

Пока он мысленно рассуждал, из квартиры метеором вылетела девочка в красивом розовом платье. Не обращая внимания на постороннюю даму, она протянула руки к капитану.

— Плывет! — картаво воскликнула маленькая "невеста". — Мама сказала, что ты плыдешь, и ты плышел.

— Привет, невеста, — Таранов ловко подхватил девочку и усадил к себе на плечи. Все как всегда. — Скучала по мне?

Малышка весело рассмеялась, стыдливо прикрыв ладошкой рот.

— Таранов-Таранов, совсем засмущал мне ребенка, — пробубнил отец семейства, подталкивая компанию к двери.

Настя вошла последней. Мир повседневной семейной жизни вратаря заиграл перед ее глазами такими красками, обрушился такими ощущениями, что сохранять обычное самообладание оказалось сложно. А тут еще "невеста" Таранова! В эту малышку она

влюбилась сразу, как никто другой понимая ее чувства.

Ужин проходил в радушной, теплой атмосфере. Зная, как сильно вымотались спортсмены, Маша не стала мучить их ожиданием или салатами с холодными закусками. Ароматная, фаршированная яблоками утка заняла свое место на столе, как только мужчины помыли руки. Счастью их не было предела. Ужин уплетала за обе щеки, отвлекаясь лишь на короткую похвалу хозяйке. Та, довольная результатом трудов, только счастливо улыбалась и раскладывала по тарелкам добавку. Из всей честной компании недовольной выглядела лишь маленькая Варвара. Мало того, что долгожданный гость не взял ее на колени, так еще весь вечер странно поглядывает в сторону незнакомой женщины. Она несколько раз порывалась открыть рот, чтобы пожаловаться, и лишь суровый взгляд матери останавливал.

— Варвара Ивановна, — Андрей заметил надутые губы девочки. — А что это Вы, душа моя, сегодня без настроения?

Обрадованная вниманием к своей особе, девочка встрепенулась и тут же изобразила еще более сердитый вид. Казалось, даже рыжие хвостики на голове подрагивают от возмущения. Обстановку разрядила старшая сестра.

— Варьке эта тятя не нравится, — девочка указала пальцем на Барскую. — Она мне сама сказала.

— Так... — вмешалась мать. — Во-первых, нельзя показывать на людей пальцем, а во-вторых... Варвара, почему тебе не нравится тятя Настя? Что это за заявочки такие?

Рядом с Андреем напряглась, ожидая ответа, Настя. Она с самого начала ужина ловила на себе обиженный взгляд девочки. Теперь стало ясно — ей не показалось. "Неужели ревнует?" — проскользнула догадка.

Но девочка упрямо молчала, игнорируя ожидание родителей и гостей.

— Варвара, — ласково позвал Таранов. — Мы ждем.

— Она теперь тоже твоя невеста? — вдруг выпалила малышка.

Гагарины с трудом удержались от смеха, а Настя от неожиданности закашлялась. В этой обстановке лишь один Андрей сохранял внешнее хладнокровие. Он нежно постучал по спине соседки и, убедившись, что она в порядке, как ни в чем не бывало продолжил есть. "Пожалуй, — думал он, глядя на густо покрасневшую Барскую, — девочка заработала не только коробку конфет, но и что-то существеннее". Так шокировать Настю не было под силу даже ему. И пусть все это лишь шутки и домыслы малышки, но сработано чисто. Маску невозмутимости с лица дорогого пресс-секретаря как ветром сдуло, обнажая истинное растерянное лицо. Ах, как оно ему нравилось!

Чтобы как-то разрядить обстановку, Иван принялся рассказывать о последней игре. Девочки слушали, не перебивая, мгновенно позабыв о разговоре. И хотя ни одна из них не понимала и десятой доли от сказанного, в глазах сиял неподдельный восторг. Рядом, незаметно косясь на Таранова, мучила вилкой последний кусочек утки Настя. Все происходящее напоминало какую-то игру, правила которой были ей недоступны, а уходить не хотелось.

К окончанию ужина все страхи и подозрения забылись. Пока Маша прибирала со стола, а девочки рассказывали гостю о своих подругах в детском саду, мужчины засели с чаем в гостиной. У Ивана скопилось немало вопросов к другу, да и сам Андрей был не прочь выговориться. Ни родителей, ни Настю своими проблемами ему беспокоить не хотелось, а самостоятельно справиться пока не мог.

Иван, прихлебывая чай, поглядывал на друга. Тот напряженно молчал, словно с силами собирался. Если бы не завтрашняя тренировка, в его чашке плескался бы далеко не чай. И плевать на режим.

— И долго ты еще будешь гипнотизировать чашку? — Гагарин толкнул дверь в коридор, отрезая их от остальной части квартиры. — Дело в Барской или так что?

— Так что...

— Таранов, давай не томи. Ты всю неделю на себя не похож.

— Меня на Чемпионат мира не вызовут, — не стал юлить Андрей.

Сейчас, спустя две недели, эта правда по-прежнему была горькой. К сожалению, Репин не солгал.

— Как? — опешил друг.

— Так...

— Андрюха, этого быть не может, ведь несколько лет подряд вызывали, — Гагарин не мог поверить. — Результативность у тебя не упала, а центрфорвардов такого уровня у нас кот наплакал, даже энхаэловцами эту брешь в сборной не заткнут. Как они могут тебя не вызвать?

— Вань, я в курсе, — Андрей устало потер глаза. За прошедшее время он и сам не раз задавался этим вопросом.

— Может, ты зря беспокоишься?

— Я на этой неделе в столицу ездил к своему первому тренеру. Он сейчас работает консультантом в Совете директоров Лиги.

— Да, помню. Ты рассказывал. И как? Что ему известно?

Андрей резко встал из кресла. Подошел к окну. Там, с высоты одиннадцатого этажа, было видно, как заканчивает свою работу большой гипермаркет. Разъезжаются последние покупатели, гаснут огни в торговых залах, запирают двери бдительные охранники. Все как в его жизни.

— Сверху пришел устный приказ не звать меня.

— Черт! — Иван с такой силой грохнул ладонью о журнальный столик, что чашка со звоном подпрыгнула на месте. — Барский?

— Скорее всего, — вздохнул Таранов. — Больше никому.

— Вот сволочь!

— Тише, не ори, — он оглянулся на дверь.

— Думаешь, из-за нее? — друг кивнул в сторону кухни, где сейчас находились женщины. — Кстати, а что хоть между вами?

— Вряд ли из-за Настя... — Андрей почесал затылок, не зная, как ответить на второй вопрос. Близость? Так уже месяц ничего серьезного не было. Поцелуи не в счет. К иконам и то прикасаются с большей страстью. Дружба? Какая, к черту, дружба, если он спит и видит, как снова затянуть ее в кровать. Ничего? Так и здесь мимо. Еще тогда, ночью в гостинице, понял, что на самом деле Настя равнодушна к нему.

— Молчишь?

— С ней сложно, — другого ответа у Андрея не было.

— Сложно ему, — Гагарин хитро ухмыльнулся, даже глаза азартно заблестели. — А ведь я еще на первой пресс-конференции, когда увидел ее, сразу понял, что ты попадешься.

Андрей вопросительно глянул на друга.

— С чего бы?

— Вызов и сложности — все, как любишь. Да и с твоим везением... — Иван ненадолго задумался, будто припоминал что-то. "Везунчиком" друг был всегда: и в спорте, и в личной жизни. Если бы не "везение" играть ему в НХЛ и растить детей. — Но взаимосвязь между ней и Чемпионатом я бы не отбрасывал. Слишком многие видели вас вместе. И верный пес Скруджа Репин, между прочим, тоже.

— Да пошел он, — отмахнулся Андрей. — Мы еще посмотрим, чья возьмет. Против статистики они не попрут, а уж очки я заработаю. Мало никому не покажется.

— В этом лично я не сомневаюсь, — Иван поднял свою чашку и отсалютовал другу. — За тебя и за хрен с ними.

Сокрушаясь в очередной раз, что в чашках только чай, Андрей криво улыбнулся. Старый тост, еще времен молодежной сборной, где они с Гагариным и познакомились, был сегодня как никогда кстати.

Сильные мира сего, привычно полагаясь на свое могущество, склонны недооценивать некоторые факторы — первый тренер при встрече не просто так многозначительно намекнул на это. Вчера Барский навязал ему команду, а сегодня пытается перекрыть оставшиеся пути. Пусть пытается! Все равно на решающем отрезке между нападающим и вратарем даже его миллионы бессильны, а значит — шанс есть.

Он верил, и отнять эту веру не под силу никому.

Занятые своими проблемами, мужчины не обратили внимания на мелькнувшую еще несколько минут назад за дверью тень. Она бесшумно растворилась в темноте коридора, сжимая в руках тряпичную куклу. Ни звуков, ни силуэта, лишь мысли. Невеселые и напряженные.

После чая гости резко засобирались домой. Зевающие девочки и радушные хозяева с уставшими глазами говорили сами за себя — хорошенького понемножку. Андрей помог Насте одеться и принялся прощаться со своей "невестой". Варвара ни в какую не хотела его отпускать. На маленьком веснушчатом лице блестели соленые слезы, а уговоры с обещаниями не могли остановить рыданий.

— Варь, да я скоро опять зайду в гости, — Андрей готов был в лепешку расшибиться, только бы плач прекратился.

— А ты завтра плыдешь? — дрожащими губами произнесла девочка.

— Нет, завтра не получится, но на следующей неделе постараюсь, — заверил Андрей.

Сидящий на корточках за спиной младшей дочери Иван многозначительно подмигнул другу. Уж он-то обещание запомнил, пусть Таранов даже не надеется увильнуть.

— Обещаешь? — жалобно протянула Варвара, стирая с лица последнюю слезинку.

— Я буду очень стараться, только и ты пообещай хорошо себя вести и больше не плакать.

— Обещаю... — последний раз всхлипнула маленькая "невеста". — Ты только плиходи...

Родители девочки хитро переглянулись. Уж теперь как минимум на неделю на непослушного рыжего бесенка будет управа.

Только в общем коридоре Андрей смог, наконец, выдохнуть спокойно. Вечно эта маленькая Гагарина из него веревки вила. У стены напротив, ожидая лифта, за ним удивленно наблюдала Настя.

— А эта юная леди без ума от тебя, — входя в распахнувшуюся кабинку, проговорила она.

— Ревнуешь?

— Я? — Настя демонстративно изогнула красивую бровь. — Да у меня против нее никаких шансов!

— Хм... — мужчина довольно улыбнулся. Не отнекивается. Прогресс на лицо. — Это все потому, что Варвара Ивановна мудрая и послушная дама!

— Таранов, тебе хоть раз женщина отказывала? — с усмешкой спросила Барская.

— Было дело... — глянув на счетчик этажей, Андрей приблизился и завел ей руки за спину. Склонился к губам. — Еще и кофеем препаршивейшим напоила.

— И как ей только удалось?.. — Настя облизала губы в предвкушении.

— Не знаю, но подумываю дать ей шанс все исправить, — он не сводил глаз с раскрытого, ожидающего женского рта, но не спешил. За две последние суматошные недели еще не понял, но уже почувствовал ее страх близости. Испортить все не хотелось.

— Святой мужчина... — и Настя сама, приподнявшись на носочки, поцеловала.

Вначале медленно, смакуя упрямые губы своего мужчины, потом жарче, смелее, заставляя сдаться. Игра закончилась, как только его ладони легли ей на затылок. Сама напросилась. Ответил. Смял ее губы собственным голодным напором. Не увернуться, не попросить пощады — поздно. Вымещал все неутоленное желание, скопившееся за последние недели, без жалости и ласки. Не до того было. Поцелуй из костра за считанные секунды разгорелся до пожара. Створки лифта разъехались, приглашая своих пассажиров покинуть площадку, но целующаяся парочка этого не заметила.

— Молодые люди, — послышался рядом скрипучий старушечий голос. — Вам что, заняться этим больше негде?

От неожиданности они оба вздрогнули и разъединили объятия. Андрею это далось с трудом. Хотелось материться, а еще больше — забаррикадироваться в лифте. Вдвоем. До самого утра.

— Господа, — не унималась ворчливая старушка. — Освободите, пожалуйста, кабинку, чай не бездомные студенты. Найдете себе уголок, где можно пообжиматься без свидетелей.

Настя чуть не прыснула со смеху. Да если бы кто-нибудь из ее студенческих ухажеров только подумал поцеловать ее в подобном месте, тут же был бы разжалован в "бывшие"! А с Тарановым нравилось. Хоть в лифте, хоть в подъезде, хоть посреди площади, заполненной людьми. Рядом с ним Барская в ней куда-то исчезала, оставляя лишь Настю. А та не знала, что такое гордость. Хотела целоваться — целовалась, хотела быть рядом — была. Только одно плохо — Барская всегда возвращалась, и, чаще всего, не вовремя.

Фиат притормозил у подъезда дома Таранова. Водитель и пассажир молча посмотрели сквозь лобовое стекло на входную металлическую дверь. Вот и все. Пустые разговоры и километры дороги позади. Надо решаться. В воздухе маленькой, уютной кабинки тревожно и неотвратимо повис вопрос.

— Может, зайдешь? — традиционная формулировка, скрывающая совершенно иное предложение. Понимали оба.

— Сегодня был слишком напряженный день... — прозвучал такой же формальный ответ. Тут же, как на автомате.

— Насть, — Андрей стянул с головы шапку, словно давила. — И долго это еще будет

продолжаться?

Она не ответила. Не знала, что сказать.

— Хватит уже ходить вокруг да около, — скомкал в руках ни в чем не повинный головной убор. — Пошли в кровать.

Для него все было предельно просто.

Борясь с собой, Барская мертвой хваткой вцепилась в руль. Вот оно, неизбежное. Идти надо. "Хочется" и "надо" с ним всегда совпадает — разве не счастье, зачем мешкать? Но надежно держит на привязи страх: придется открыть правду. Обнажиться во всех смыслах, рискнуть. И если неудача... Выдержит ли она очередную сделку с собой?

Заведомо известная мужчине удобная иллюзия, что все в порядке, что ее устраивает, взамен на близость.

— Прости, — прошептала еле слышно. — Я пока не готова...

Мужчина надул щеки, шумно выпустил воздух. Он сделал подачу, но ее не приняли.

"Шайба летит мимо ворот..." — чуть не сказал вслух.

Скрутить бы ее прямо здесь, в машине! Заманчивый вариант. Возможно, даже будет толк. Только повторения не будет. Железно. Как бы ни оказалось сладко, а доверие исчезнет навсегда. А вслед за доверием исчезнет и сама Настя. Не хотелось. Пока не хотелось, а насколько еще хватит его терпения...

Дальше сидеть в машине не было смысла. Он открыл дверцу, вышел, прихватив сумку. "Ты дурак!" — шептал внутренний голос, и Андрей был с ним согласен. Никаких возражений. Впереди, уже знал, ждет холодный душ, спортивные новости и, скорее всего, кожаный диван в гостиной. Надоело все до чертиков! Прав был Иван, только с его удачей можно было так вляпаться, но делать нечего.

Он стремительным шагом, не оглядываясь, направился домой.

Один.

Глупо и уже привычно.

Настя в отчаянии положила голову на руль. Еще минуту назад бывшие теплыми, руки стали ледяными. Ледышки, как и она сама. От этого холода стало еще хуже. Надоело. Устала. Даже сил завести машину не осталось, словно все они вытекли из ее ненужного никому тела. Обертка. Фантик. Оставалось поражаться, как легко мужчины ведутся на этот липовый образ.

"А он?" — закусил до боли губу, тряхнула головой. Ее капитан, "жених" маленькой Вари, теплый и большой мужчина.

Уже минута, как тяжелая, металлическая дверь подъезда закрылась за Андреем. И никого вокруг, как вымерли. Лишь в салоне Фиата еле уловимый запах. Его аромат. Последнее, что у нее осталось.

— Ааа! — простонала сквозь стиснутые зубы и открыла дверцу авто. — К черту все!

До подъезда добежала за секунды. Возблагодарив Бога за сломанный домофон, влетела в подъезд. Дальше — быстрее, не задумываясь. Ступеньки, этажи, лестничные пролеты — все смешалось в одну картинку. Сердце готово было выпрыгнуть из груди от волнения, а ноги упрямо несли вперед.

У двери квартиры остановилась, нажала на кнопку звонка, и, не услышав ничего, забарабанила в дверь руками.

С другой стороны послышались шлепающие шаги. Щелкнул, открываясь, замок.

— Настя? — Андрей даже раздеться до конца не успел, сбросил лишь обувь и куртку. Ее он не ждал.

— Впустишь? — Барская дрожащими пальцами отбросила со лба непослушную прядь, подняла на него горящие глаза.

— Ты уверена? — хрипло, словно сорванным голосом, уточнил Таранов.

— Да. Только ты меня вначале выслушай.

Вместо ответа он протянул к ней руки и обнял. Тепло и бережно.

Глава 17. Откровение

В квартире капитана хоккейной команды, как и во время прошлого визита Барской, царил беспорядок. Впрочем, сам капитан не согласился бы с этим утверждением. Все было под рукой — удобно и практично. Для Насти же разложенная тут и там хоккейная амуниция, куча белья в кресле и неизменные банные полотенца на всех дверях как бы намекали: "Это логово мужчины!"

Гостья обернулась в сторону хозяина квартиры, поежилась. Назад пути нет, это не ее территория, здесь нельзя прогнать, закрыться и остаться одной. Условия изменились. Не дожидаясь помощи, сбросила пальто, сняла сапоги. Десять — пятнадцать секунд от силы. И как только некоторые дамочки умудряются долго копошиться? Ох, как ей сейчас хотелось хотя бы пять минут. Отсрочка, желанная и недостижимая.

Андрей, тем временем, закрыл входную дверь на замок. Ключ вынимать не стал, ощущая беспричинную уверенность в том, что гостья и сама не захочет уходить. Уж он постарается. Следуя какой-то нелепой традиции, оба, не сговариваясь, направились в кухню. Боясь что-нибудь сломать или разбить, Настя замерла, опершись о спинку высокого стула. Основательный, из массива дерева, как и стол, он напоминал владельца. "С таким надежно..." — подумала не то о стуле, не то о хозяине. Сама не поняла. Надо начинать говорить. Что? Как?

— У тебя есть что-нибудь выпить... покрепче? — сконфуженно спросила гостья.

Андрей задумался: нормально ли будет предлагать даме водку? Спирта у него, как у запасливого булгаковского Бегемота, в закромах не было, а последняя бутылка вина пригодилась для маринования мяса.

— Могу предложить только водку, — он рассеянно развел руками.

— Пойдет, — гостье было все равно. В целом мире не сыскать волшебного зелья, способного изменить ее суть, а вот временно притупить страх водка годилась в самый раз.

Пока мужчина доставал из холодильника бутылку и искал рюмашки, Настя стянула с шеи красивый шелковый платок. Душил. Выключила мобильный телефон, чтобы случайный звонок не дал повода сбежать. Больше делать было нечего. Андрей все это время поглядывал на нее из-за плеча. Смотрел, как раздевается, словно отсекает пути к отступлению, как снимает маску уверенности и контроля. На его глазах Анастасия Игоревна Барская, богатая наследница, акула пера и высокоинтеллектуальная стерва превращалась в обычную ранимую молодую женщину. Красивую и нежную. Отчаянно захотелось защитить ее, а еще... Этого он хотел уже давно. Собственными руками задушить всех, кто был до.

Звякнули о стол с рюмки, с тихим бульканьем заполнились алкоголем. Граненые стопки. Чего только не найдешь на съемной квартире! Две. Ей и ему. О закуске хозяин даже не вспомнил. Водка предназначалась как лекарство, "способ употребления: перорально до наступления необходимого эффекта" — всплыло из закоулков памяти.

Выпили по первой, не чокаясь. Алкоголь горячей волной прокатился по пищеводу, обжигая все на своем пути. Настя сморщила свой красивый носик, но спустя минуту махнула рукой, чтобы налил еще. Мало.

Тот налил. Спаивать женщин Таранову еще не приходилось, однако, раз просит, значит надо. Уж в чем, а в здравомыслии Барской он не сомневался.

Вторая рюмка ушла, как и первая — быстро и незаметно. Настя почувствовала, как к

щекам приливает кровь, и теплеют ладони.

— Еще? — Андрей вопросительно взглянул на свою гостью.

Та отрицательно покачала головой.

— Вот и хорошо, — закрутил крышечку, убрал в умывальник рюмки. — Теперь рассказывай.

Настя прислушалась к себе. Алкоголь уже ослабил внутреннее напряжение, слегка приглушил страх. Осталось признаться. "Хм... — подумала она. — Наверное, даже в некоторых преступлениях признаться легче, чем открыть причину ее отчужденности".

— Возможно, это покажется тебе... — хотела сказать "глупым", осеклась. — Нет. Не так... Проклятие, я не знаю, как начать...

От отчаяния на глаза выступили слезы. Быстро смахнула, но мужчина заметил. Подошел совсем близко. И вместо ненужных сейчас объятий, положил свои ладони ей на плечи, легонько сжал.

— Начни с начала.

— С начала? — словно утопающий, поймавший спасательный круг, она вмиг приободрилась.

— Да, только Ветхий завет, пожалуй, опустим, — улыбнулся.

— Новый тоже....

— Желательно!

И она начала рассказ. Часто сбиваясь, иногда замолкая, говорила о том, как осталась одна после гибели родителей. Шестилетняя эгоистичная избалованная девочка за одно мгновение превратилась в самое одинокое и потерянное существо на земле.

— Родители души во мне не чаяли, поздний ребенок, девочка... — даже сейчас воспоминания о них навевали тоску. — Их смерть казалась наказанием за все мои шалости и капризы. Тогда я еще не понимала, что не все в жизни зависит от воли людей. Что есть обстоятельства сильнее, но жуткое чувство вины словно приклеилось. За короткое время та маленькая девочка изменилась полностью. Кого-то деньги и свобода развращают, меня же они загнали в жесткие рамки. В футляр.

Андрей слушал, не перебивая, но что-то смутное, пока непонятное, противно скреблось на душе. Знал по себе, как дорого обходится напряжение и жесткий самоконтроль. Всего два часа игры порой были способны на корню истощить психику.

Настя же, не выходя за рамки собственного дозволенного, жила годами. Изюм дня в день превращаясь в образцовую, идеальную во всем Анастасию Игоревну Барскую.

Грустная улыбка на миг озарила лицо женщины и погасла. Рассказ продолжился.

— Легко быть богатой наследницей. Тебе завидуют даже лучшие подруги, открыты любые двери. Но мне было мало. Я стала настоящей леди — гордостью дядюшки, истинной Барской, — горько хмыкнула. — Звучит, да? Идеал без права на слабости и изъяны. И ведь справлялась. Успешная карьера, красивый, выгодный брак. Муж-бизнесмен и безоблачное будущее.

На этом Настя умолкла. Предисловие закончилось.

— Пять лет брака, годы до него... — она подняла глаза на люстру. Нелепый желтый абажур слабо пропускал свет. Плотная ткань запылилась, а нынешнему арендатору вечно было не до уборки. — Андрей, я солгала тебе тогда, ночью.

Таранов весь напрягся. Такой резкий переход не предвещал ничего хорошего.

— Мне было хорошо с тобой, даже больше, чем хорошо... — изо всех сил сжала спинку

ни в чем не повинного стула. — Но главное я съмитировала. Притворилась.

Он остолбенел. Вот так новости! Съмитировала? Как так? Зачем? Только собирался открыть рот, чтобы задать ей трепку, но теплая женская ладошка запечатала губы.

— Я не могу, почти всегда... — Настя уже не сдерживалась. Самое сложное — признание — уже произнесено. Дальше — проще. — Знаю! Глупо, бессмысленно и зря! Но как иначе? Признаться, что вся эта внешность сплошной обман? Пустой пшик вместо сладкой конфеты!

Не задумываясь, она стянула через голову тонкий свитер, дрожащими руками расстегнула брючки, сбросила и их.

— Вот! — провела руками по телу от плеч до бедер. — Вот то, что видят все. Идеально, я знаю.

Андрей нервно сглотнул. Отвести взгляд от стройного женского тела, прикрытого лишь крошечными лоскутками кружевного белья, не удавалось. Высокая, маленькая, но упругая грудь, плоский живот, округлые, манящие бедра и кожа словно бархат. А ведь он еще помнил, каково это — обладать этим телом... Искушение плюнуть на все разговоры и перейти к настоящей проверке, было велико.

— Хочешь меня? — будто издеваясь, Настя расстегнула крючки бюстгальтера и равнодушно бросила его на стол перед мужчиной. — Трусы снимать не буду, но верь на слово: я уже влажная. Сервис на высшем уровне.

Лучше бы она его ударила. По лицу, наотмашь. Даже это было бы гуманнее. Багровея от ярости, Андрей сжал кулаки. Сдержался, хотя руки так и чесались отшлепать ее хорошенько, выбить всю эту дурь, что наговорила здесь о себе.

— Настя, ты хоть понимаешь, что несешь? — он подошел вплотную. Глаза в глаза, дыхание у обоих учащенное, и густой аромат водки бьет по носу. — Что за бред?

— Понимаю, Андрей. К сожалению, слишком хорошо понимаю, — она не сдвинулась с места. От холода кожа стала гусиной, а соски напряглись. Но она стояла, сверкала своими дико горящими глазами и говорила. То, что не слышал никто и никогда, то, что накипело и рвалось наружу. — Я слишком часто за свою жизнь видела недоуменные взгляды и раздражение мужчин. Какой удар по самолюбию — не смогли удовлетворить женщину! С другими за пятнадцать минут на все про все удавалось, а с этой — нет. Фригидная! Клеймо! О, как же хорошо я знаю его горький привкус и запах одиночества!

— Какие-то глупые бабские обиды, — Андрей еще больше завелся.

— Обиды? — крикнула, срывающимся голосом.

— Да, обиды. Не имеющие никакого отношения к реальной жизни.

— Очнись, Андрей! О каких отношениях может идти речь, когда в постели с мужчиной холодная рыбина? Когда прелюдия длится час, и никто не даст тебе гарантии, что все закончится, как надо. А ведь мужчинам надо! Супербизоны хреновы! Победители, — последние слова вырывались с бессильным стоном. — Вас ведь, если не обмануть, развернете и уйдете, навсегда. Если ни с первой, так со второй неудачи. У вас это чувствительное, не дай Бог подставить под сомнение свое могущество.

Жестко и хлестко. Настя била по цели со снайперской точностью. Мучительно припоминая, а случались ли неудачи у него, Андрей молчал. Неужели и там была ложь?

— Не мучайся, — хрипло, словно прочтя его мысли, ответила женщина. — Все врут. Кто-то реже, кто-то чаще. Кто-то ложится под первого встречного, спасаясь от одиночества, кто-то имитирует, чтобы удержать лучшего. У твоих, уверена, даже шанса не было на

честность. Ты слишком хорош, чтобы знать правду. Такими не рискуют.

Андрей скривился, как от зубной боли. Верить в сказанное не хотелось.

— А муж? — ухватился за последний аргумент. — Ты говорила о пяти годах брака.

Глаза Барской вмиг стали стеклянными, напряженные плечи поникли.

— Он знал, — голос звучал тихо. Обреченно. Слишком просто было все в ее браке. —

Занятой бизнесмен. Десять минут утром и пять — вечером.

На вздохе дыхание мужчины замерло. Дикость. Внутри все похолодело. Подобная арифметика не укладывалась в голове. Захотелось срочно что-нибудь разбить.

— Мне было сносно, а его устраивало. Пять лет идеального замужества... — Настя закрыла глаза и еле слышно добавила. — Я ненавидела нашу кровать.

— Черт! — Таранов уже не мог сдерживаться. Кулак с глухим ударом опустился на стол. Костяшки в кровь.

— Но, — вздрогнув, она продолжала, — хуже всего было, когда хотела я. Хотела по-настоящему, до слез. Это было безумие. Когда с ума сходишь от желания, а справляться приходится самостоятельно, позорно прячась в ванной. Или выпрашивать свой час... У уставшего мужа. Принимать ласки, зная, что они ему поперек горла, что он борется со сном и отчаянно ждет завершения. Долго, утомительно и противно. Тогда я проклинала себя.

— Насть... — он больше не мог слушать. Каждое слово било по нервам. Хотелось придушить кого-нибудь... Кого? Ее мужа. Да, его в первую очередь.

А Настя все продолжала свою мучительную, жестокую исповедь.

— Я проклинала и снова смирялась. Жила дальше, болела, бегала по врачам, истощала себя морально и физически. А однажды зимой произошел случай. Была сильная метель, видимость нулевая, холод и ночь. Я оставила машину на стоянке, а дойти до дома не смогла. Не было сил, не захотела. Спасли чудом. Сосед заметил странный сугроб в двух метрах от крыльца. Врачам тогда пришлось здорово со мной повозиться. Когда пациент не хочет жить, даже ангел-хранитель складывает крылья. К счастью, дяде сам черт не брат. Вытащил и с того света, и из брака. Не спрашивая ни о чем, за что я всегда буду ему благодарна, — женщина перевела дыхание, больше ни о чем рассказывать не хотелось. — Ну как, ты все еще хочешь меня?

— Я хочу водки.

— Понимаю, — нечто подобное она и ожидала. Правда всегда отпугивала.

— Ни хрена ты не понимаешь! — Андрей махнул рукой и сгреб ее в охапку. Совсем холодная. Женщина вздрогнула. — Замерзла, глупая?

— Очень...

Больше не было ни стонов, ни вздохов. Лишь один долгий и безгранично нежный поцелуй.

Где в квартире находилась кровать, забыл даже ее владелец. Забыл с того самого момента, когда ощутил на своих плечах женские ладони. Он помнил, что нельзя спешить, нельзя пугать своим напором, и совершенно не помнил, где злосчастная кровать. Ловил губами горькие, отчаянные женские всхлипы, гладил хрупкие плечи, спину, стискивая ягодицы, и куда дальше идти, не знал. Впервые.

Прежний богатый опыт ничем не мог помочь. В утиль его! Требовалось иначе. Но как?

— Подскажи мне, — прошептал, целуя мочку уха. — Пожалуйста.

Простая просьба. Три слова уверенным тоном. Осознанно. Настя закусил губу. То, чего

больше всего хотелось, то, на что не надеялась... Только бы не струсить. Старые страхи никуда не делись, они прочно сидели в сознании, готовые в любую секунду нанести удар. Но лгать больше не нужно. Свобода. Дышать стало легче.

— Пойдем на диван, — она потянула его за собой в гостиную. В кровать не хотелось. Там наверняка до нее побывали другие, и с ними было иначе. Уж лучше диван. Просторный, мягкий и комфортный — настоящий мужской диван.

Андрей, не раздумывая, подхватил Настю на руки. Боялся, что вдвоем они и дальше стола не уйдут. Удобная столешница, как раз на уровне его бедер, так и манила усадить на нее одну упругую попку. Но... "Не спеши!" — в сотый раз остановил он себя и понес свою ношу на диван. Кровать, где бы она не находилась, была слишком далеко.

Настывшая кожаная обивка холодом обожгла голую спину. Женщина под мужчиной вздрогнула. Он чертыхнулся, но перевернуться никто не позволил. Настя обвила ногами его бедра — еще ближе прижала Андрея к себе. Холодный диван внизу и горячее мужское тело сверху. Огонь боролся с холодом, заставляя тело трепетать. Хотелось еще ближе, еще горячее. Просто обнять его всего и поверить, наконец, что принята, прощена и желанна. Желанна, несмотря на правду.

— Я не сильно тяжелый? — хрипло спросил Андрей, на мгновение прервав поцелуй.

— Нет, — Настя хотела улыбнуться, но не смогла. Его губы перед глазами будили в голове такие фантазии, что даже дышать ровно не получалось. Соскучилась по ним. Мягкие и в то же время упругие. Жадные и волнующие. Не терпелось снова ощутить их тепло на своем теле.

— Точно, не тяжелый? — как нарочно, заладил Таранов.

— Нет! — Настя сердито притянула его за шею и, чтобы больше не задавал дурацких вопросов, укусила за губу. Поцелуем уняла боль.

Мужчина поддался, увлекся и чуть не сошел с ума от возбуждения. Манящее тепло ее бедер ощущалось даже сквозь плотную джинсовую ткань. Стоило лишь расстегнуть ширинку и сдвинуть в сторону кружево. "Нет! Спокойно!" — скомандовал себе, но помогало слабо.

— Нет, тебе тяжело! — утвердительно прокряхтел и, не обращая внимания на недоумевающий взгляд Насти, потянул ее на себя. Усадил на колени. — Так-то лучше...

Взгляд уперся в соблазнительную женскую грудь.

— Черт... — Андрей нервно сглотнул. — Как бы это тебя так повернуть, чтобы сильно не возбуждаться?

— Мы что-нибудь придумаем, — загадочная улыбка, и вот уже цепкие пальчики стаскивают с мужчины майку, оголяя торс. — Как же мне это все нравится...

— Насть, ты точно пьяная, — Таранов за подбородок приподнял ее лицо к свету. — С двух рюмок... Кошмар!

— С одного мужчины!

Пока острые ноготки, игриво царапая, изучали его грудь и плечи, Андрей мучительно припоминал, что же такое логарифмы, и как они вычисляются. Почему-то считалось, что это должно помочь. И кто придумал? Ему не помогало.

— Насть, не надо... — отчаявшись, шепотом попросил. — Я сейчас взорвусь, а хочу после тебя.

Словно в ответ на его молитву, Барская ловко слезла с колен. Света, лившегося из кухни, катастрофически не хватало. Только Андрей порадовался небольшой отсрочке, как на пол

упали тонкие женские трусики. Сам не знал, как догадался, но это были точно они. Настя однозначно решила свести его с ума!

Боясь даже смотреть, он закрыл глаза. И с замиранием сердца через короткое время ощутил: его снова оседлали. Приятная тяжесть. Ноющая боль между ног усилилась. Руки дотянулись до ягодиц. Ладони постоянно, как магнитом, тянуло сюда. Здесь, казалось, им самое место. Можно мять, прижимать к паху, тереть о себя... Фантазии тут же добавили неудобства.

Остро захотелось прямо сейчас войти в нее до упора.

Нельзя. С ней нельзя. Только не сейчас.

Пока Андрей сражался с собой, Настя сама взяла его ладонь, провела по груди, животу и опустила ниже. Туда, где было горячо и влажно. Пальцы вдруг онемели, не зная, что делать дальше. Сколько раз проделывал подобное в прошлом, а сейчас... Забыл.

— Расслабь руку, — прозвучал, будто из другой вселенной, знакомый женский голос. Томный, соблазнительный.

Он очнулся, однако понял, что требуется, не сразу. Ткнулся пальцами во влажный вход. Но не так — прочел по взгляду.

— Позволь мне? — Настя обхватила его средний палец, медленно, легонько прикоснулась к себе. — Так... Попробуй.

Он попробовал, но снова вышло грубо и не там. Потерялся на крошечном пятчке чувствительной плоти. Досада.

Настя подбодрила его поцелуем и повторила. Неторопливо, смакуя каждое мгновение. Что-то было в этой учебе! Обоим быстро стало жарко.

Прелюдия, половой акт. Даже название не должно было предвещать ничего особенного. Ну, "акт", ну, "слияние двух полов"! Подумаешь. Андрей и не вспомнил бы, сколько всех этих "актов" было в его жизни. И вот впервые все не так. Впервые важно каждое прикосновение и каждая деталь.

Пальцы скользят по разгоряченному женскому лону, изучая каждый его миллиметр, едва касаясь. Умопомрачительно нежно. С тихим женским всхлипом и собственным, рвущимся из глубины стоном секс превращается в искусство.

— Тебе хорошо? — Андрей с трудом смог проговорить эти два коротких слова. Нужно было знать точно.

— Мм... — Настя даже глаз не раскрыла. Слишком хорошо.

— Медленней? — он не понял и остановился.

— Продолжай, пожалуйста... — чуть не плача, произнесла женщина.

— Ух... — понял, что снова ошибся. — Да, сейчас...

Проклиная собственное жгучее возбуждение, он принялся выполнять просьбу. Как неопытный сапер на минном поле, опасаясь снова сделать что-то не так, отыскивал чувствительные точки. Круговыми движениями поглаживал разгоряченную влажную кожу в развилке ног. Настойчиво, исступленно вылизывал горячим языком каждый сантиметр белоснежной груди. Слушал неровное дыхание женщины и держался из последних сил. Уже, казалось, и входить в нее не надо — в любой момент мог взорваться. Опозориться. Даже мысли о Чемпионате и завтрашней тренировке не спасали. Стараясь отвлечься, неумолимо ловил носом пряный аромат ее желания и проигрывал. Хотел. Загибался, шепотом выдыхал проклятия и целовал.

Никто не знал, сколько прошло времени. Без сноровки пальцы сбивались с ритма, ласкали не там, уставали. Но мужчина не показывал виду. Прислушиваясь к робкому шепоту, исправлялся и продолжал.

Его собственное желание с каждым словом, с каждым движением передавалось Насте. От пьянящего восторга прежние страхи нехотя, но отступали прочь. Через несколько упоительных минут пальцев стало мало. Она чувствовала, как внутри все ноет от потребности в следующем шаге. Мужчина стиснул зубы, но даже спорить не стал, когда она сама расстегнула пряжку на ремне. Не желая больше ждать, разобралась с замком на джинсах и придвинулась ближе. Нежно лаская себя ладонью, опустилась на него.

Так себя контролировать Андрею еще никогда не приходилось!

Первое проникновение, как открытие. Откровение для двоих. Медленное и заполняющее, оно сладким эхом отозвалось в каждой клеточке тела. Поглотило все мысли. Затопило томительными ощущениями. Оба, не стовариваясь, смотрели вниз, туда, где соединялись тела, и еще больше распались от этой картины. Потом назад, и снова вперед — второе проникновение. Не такое сокрушительное, как первое. Уже знакомое, ожидаемое. Его неспешный выпад, ее тихий вздох и еле слышное "еще".

Снова толчок. Чувства обостряются. Мышцы на спине мужчины от напряжения сводит судорогой, но держится. Неторопливо притягивает Настю за бедра к себе, погружается и тут же выходит. С каждой секундой все скорее, а глаза, не отрываясь, смотрят вниз.

Как зачарованный, он наблюдает за ее рукой, смело ласкающей себя. Красный лак ногтей огоньком мелькает около тесного входа, будя в мужчине настоящего зверя. Скользящие движения бедер навстречу. Стон и содрогание. Как можно не хотеть подобного? Обостренная чувственность во всей красе. Будоражающая кровь откровенность.

Он вечность любовался бы этим. Захлебываясь от собственных ощущений, проталкивался бы в нее, сдерживался и смотрел. Самая сладкая мука. После такого спокойно спать на этом диване больше не получится.

И только "Сколько еще?" — гоняя по венам вопрос, учащенно билось сердце. Быть внутри и терпеть ставилось с каждым толчком все сложнее. Андрей помнил прошлый раз, помнил, как корил себя потом за несдержанность, вот только ничего не мог поделать вновь. Слишком хорошо. Тесно и горячо, а Настя все не останавливалась. Видела в его глазах панику, спешила, но рано. Ей было мало. Не успевала. Даже выйди он сейчас, остановись — не поможет. Собственная разрядка готова была обрушиться на него в любой момент. Такому урагану ничем жалкие просьбы рассудка. А без нее не хотел. Опять подвести, разрушить надежду? Нет.

— Подожди минутку... — крепко сжал Настины бедра, останавливая. — Мне надо остудиться, это мигом. Обещаю.

Барская даже сообразить ничего не успела, как за Андреем закрылась дверь ванной комнаты. Быстро и неожиданно. "Надо остудиться..." — жгучим холодом отдались в сознании последние слова. Женщина поежилась. Таких подвигов в ее жизни еще никто не совершал. Ради нее! Упрямый безумец. Улыбаясь собственным мыслям, Настя спустила ноги с дивана. Пришла пора еще немного помочь.

Охая от холода, Андрей стоял под ледяными струями. Первоначальная идея: ополоснуться частично — к желаемому результату не привела. Пришлось лезть целиком. Обещанная минута была уже на исходе, когда из лейки полилась теплая вода. Мужчина непонимающе тряхнул головой, повернулся к крану.

— Настя?.. — женщина незаметно появилась в ванной. Теплая вода, наверняка, была делом ее рук. Но зачем? — Что ты здесь...

Вместо ответа, она опустилась на колени. Слова застряли в глотке. Онемел.

Смотрел сверху вниз за тем, как усаживается, как смотрит в глаза, как приближает губы. Хотел было возразить, но вместо "нет" глухо простонал "да".

"Да! Так! Еще! Глубже..." — умолял мысленно. К черту ложь. Он хотел этого. Мгновение, и в мире не осталось ничего, кроме ее горячих губ, умело ласкающих бархатную плоть, и собственного адского желания. Все было, как в лучших фантазиях. С наслаждением, не зная устали и стыда, Настя искусно проделывала с ним такое, что хотелось орать от удовольствия. Не останавливалась ни на миг. Играла, то приближая, то оттягивая разрядку. У Андрея заломило в висках от напряжения.

Плечи и спина стали дубовыми, ноги подкашивались. Чтобы не упасть, пришлось спиной опереться о стену за собой. Секунда — мышцы живота скрутило от резкой боли. Еще секунда — губы, туго обхватывая его, продвинулись вперед, захватили целиком в рот. Тесно. Сердце чуть не остановилось. Ладони сжались в кулаки. Горячо, невыносимо.

Вспышка — и он словно со скалы сорвался.

Хриплый стон и дрожь. Громом по телу прогрехотал оргазм, оглушая, лишая сил.

Прошла минута.

Настя все еще была внизу, медленно продолжала ласкать его. Ждала, когда придет в себя. Но Андрей больше дожидаться не стал. Кое-как очнулся, заставил ее подняться. Слушается. Хорошо. Аккуратно, чтобы не поскользнулась, повернул к себе спиной, носом уткнулся в затылок. Волосы мокрые. Так хорошо, еще лучше. Два тела вместе, словно одно целое. Сливаясь каждым уголком, каждым изгибом.

Левой рукой надежно припечатал гибкое тело к себе, а правой скользнул вниз. Ждала. Поддалась, раздвинула ноги. С дрожью отозвалась на ласку. Сейчас получалось уже безошибочно. Где надо и как надо. Помнил. Выучил.

Теплая вода бьет упругими струями в спину и плечи. Стекает по лицам. Лишь между любовниками — ни капли. Они едины. Обезумевшие, утопающие в ощущениях и густом тумане белого пара. Аромат секса и шум воды опутывают мысли. Дрожь от пережитого экстаза медленно превращается в дрожь нового, долгожданного. В широко распахнутых глазах женщины изумление. Ноги плотно сжимаются, вынуждая пальцы замереть.

Свершилось. Током по оголенным нервам катится оргазм. Стирает мысли и чувства, болью и наслаждением пульсирует в животе.

Она даже не может кричать. Крик рвется наружу, но тут же захлебывается в мощной волне удовольствия. Не родившись, попадает в резонанс с другим импульсом, с высвобождением. Получилось. С ним. Ошеломительный восторг сменяется покоем. Пустотой.

Андрей по-прежнему крепко прижимает Настю к себе, не давая упасть. На душе у него светло и спокойно. Справился. Сейчас точно все было настоящим, без поддавок и показной красоты. Естественно и откровенно. Со слезами и слабостью.

Больше она его не обманет.

Глава 18. Утро нового дня

Утро. Поздний ноябрьский рассвет хмуро глядел в окно. Задернуть занавески в спальне никто не догадался. Обитатель квартиры с вечера был сильно занят. Теперь, пробудившись, гостю приходилось отворачивать лицо от упрямого солнца. А оно удивленно смотрело на лежащих в кровати людей, будто спрашивало: "Как так?"

Настя не хотела просыпаться. Цеплялась за полудрему, но безрезультатно. Непривычная реальность будоражила новыми ощущениями и вопросами.

На что похоже утро после ночи любви? Первой, настоящей. Когда сорваны маски, но еще не прозвучало никаких обещаний. Еще нет уверенности и гарантий, а по телу разливается приятная слабость. Сколько раз они начинали и заканчивали за эту ночь, где и как — от одних воспоминаний становилось жарко.

Барская повернулась на бок, оперлась на локоть. Андрей еще спал. Залюбовалась. Воин в спячке: брови нахмурены, губы плотно сжаты. И лишь ладонь невинно, по-детски подпирающая щеку портила грозный вид. Вот он, ее непобедимый капитан. Упрямый, даже порой нахальный, но уже... Любимый.

Оставалось лишь поражаться себе. Взрослая женщина, независимая, часто циничная и редко — слабая. Переменилась. И вот уже глуповатая улыбка на лице. Саднящее губы, желание целоваться. И кожа, будто новая, светящаяся, нежная. Словно содрала с себя задубевшую, как панцирь, оболочку, и вся, от пяток до кончиков волос, стала уязвимой и чувствительной. Необычное чувство, волнующее. Страшно от этого не было. Без тяжелой брони оказалось так легко и воздушно. Рядом с ним. Он теплый и простой, как махровый халат. А когда не храпит, так вообще — сокровище.

Запечатать бы это время в конверт и запрятать в шкаф до худших времен. Тогда откроешь, вдохнешь и продолжишь жить, веря — счастье возможно. И его цена не имеет значения.

Останавливая поток непривычных мыслей, Настя сладко потянулась. Впереди новый день, и надо вставать.

Пересилить соблазнительное желание остаться в этой кровати навечно оказалось непросто. Спасала только одна мысль: о кофе, горьком и обжигающе горячем. Если кто-то и способен вернуть ей разум, так это он. А лучше с полноценным завтраком. Такой голодной она уже давно не просыпалась. Да и вообще, просыпалась ли когда-либо раньше... такой?

Осторожно, боясь разбудить любовника, Барская выпорхнула из кровати. Направилась в душ — смыть с тела последние следы сна.

Андрей резко открыл глаза. Запах. Нет. Дежавю. Этого просто не могло быть потому, что не могло! Кофе. Снова кофе. В его квартире, на его плите, в любимой турке.

"Придушу!" — единственное, что пришло на ум. Тратить время на одевание не стал. Уж гольшом его точно не выставят за дверь. Из собственной квартиры!

Белая рубашка, голые ноги и еще влажные волосы — Анастасия Игоревна Барская пританцовывая, бесшумно хозяйничала на кухне. Андрей чуть не присвистнул. Нет! Это была совсем не та дамочка, которая выперла его из своей квартиры в прошлый раз. Нынешняя Барская отличалась от прежней как день от ночи. Домашняя, доступная! Мужчина бесшумно потянулся, гордо выпятив грудь вперед. А все-таки хорошо было ночью!

Так хорошо, что даже черт с ней, с рубашкой. Его. Последней чистой. Черт с ним, с кофе и всей этой кухней. Все успеется, а вот стол... До него они вчера как раз и не добрались. Не порядок. Остро захотелось наверстать упущенное.

Он еще немного постоял, смакуя собственные мысли, заинтересованно наблюдая за Настей. Рубашка, как назло, оказалась длиннее, чем следовало. А ведь так хотелось лицезреть, наконец-то, соблазнительную голую попу. Сколько ж уже можно изучать ее мельком или на ощупь?

Только Андрей решил сделать первый шаг, как женщина встала на носочки и потянулась за кружкой. Рубашка задралась, а дыхание Таранова остановилось. "Хороша!" — чуть не сказал вслух. Фантазии, одна пикантнее другой, понеслись перед глазами, как вдруг его осенила другая мысль, странная: "А если завтра будет не таким?". Сердце сжалось от незнакомого чувства, горьковатого, с еле ощутимым привкусом досады. Не к месту и не ко времени. Андрей резко втянул носом пахнувший кофе воздух. Реальность вернулась: белоснежная рубашка на обнаженной женщине, приятное возбуждение и удобный надежный стол. Наваждение исчезло.

— Милая, ты ведь не собираешься устроить мне "день сурка"? — вместо "доброе утра" с порога заявил Таранов.

От неожиданности Настя чуть не пролила кофе. Искусством подбираться незаметно капитан владел в совершенстве.

— Доброе утро и тебе... милый, — от последнего слова чуть не рассмеялась. "Таранов" и "милый" — более неподходящего сочетания не придумаешь. И как вообще женщины умудряются так называть своих мужчин? Словно плюшевых мишек или британских котят. Уж этот самец точно не тянул на плюшевого или мяукающего.

— Так как насчет "дня сурка"? — хищно сощурился. — Лично я переиграл бы все иначе. С самого начала...

— Андрей, ты бы, может, оделся... — удивленный взгляд Барской прошелся по телу мужчины, задержавшись пониже талии. — Хотя... Аргумент в пользу возвращения в кровать можно считать весомым...

— Я знал, что тебе понравится, — Таранов многозначительно ухмыльнулся.

— Нравится, — лгать было ни к чему. — Даже больше, чем все содержимое твоего холодильника, но кушать хочется сильнее.

— Обещаю накормить. Вот только перед этим тебе придется совершить, как минимум, три действия, — он уже представлял, как она сбрасывает рубашку, усаживается на стол и раздвигает свои чудесные ножки.

— Одно! — еще не зная, о чем пойдет речь, Барская тут же принялась торговаться.

— Нет, так дело не пойдет, — Андрей цокнул языком. — Три!

— Давай, два? — Настя игриво приспустила с плечика рубашку.

— Грязно играете, Анастасия Игоревна. Запрещенные приемы, — плечо так и приковывало к себе внимание. Так и быть, одежду он снимет сам — быстрее получится. — Ладно, пусть два!

— По рукам! — Барская победно подняла подбородок и запахла рубашку. Хорошенького понемножку. После ночных подвигов страшно хотелось есть. Уже и сама не вспомнила бы, когда с ней такое случалось. В мыслях об омлете раскрыла холодильник и чуть не испугалась, услышав урчание собственного желудка. Громко. И вот сейчас этот обнаженный Аполлон надеется на десерт иного рода... Зря. Не на ту напал.

Неожиданно планы обоих спутал телефонный звонок. Андрей чертыхнулся, увидев на экране устройства фамилию вызывающего абонента. Конев-старший. Что могло понадобиться помощнику тренера в такое время? Настя вернулась к исследованию холодильника, а капитан, мысленно распрощавшись с приятными планами на утро, ответил на звонок. Чутье его не подвело. Дмитрий Иванович, извиняясь и матеря дирекцию ледового дворца, сообщил о переносе тренировки на утро. Очередной безголосый, но любимый публикой певец притянул с собой на концерт такое количество реквизита, что организаторы шоу сами не знали, успеют ли подготовиться. Тренировка местной хоккейной команды в этих условиях уже никого не волновала.

Разговор закончился. Наполеоновские планы на сегодняшнее утро полетели псу под хвост. Ничего не говоря, Андрей расстроено посмотрел на Барскую, потом на стол и пошел одеваться. Понурые плечи и голый мужской зад мелькнули в коридоре, заставив женщину закусить губу от восторга.

— А как же два желанья? — шутливо окликнула вдогонку Настя.

Таранов проворчал в ответ что-то невнятное, но она благоразумно не стала переспрашивать. Как цветисто и грубо умеют выражаться хоккеисты, знала не понаслышке.

Как бы там ни было, а звонок переменял и ее собственные планы. То, что так безумно началось с прошлого вечера, сейчас подошло к завершению. Ей нужно домой, Андрею — на тренировку, а как дальше? Случайные встречи в ледовом дворце, редкие совместные ужины и ни к чему не обязывающий секс? Типичное поведение для мужчины и... А вот какое поведение должно быть типичным для женщины, она не знала. Теперь не знала. Прошедшая ночь слишком многое поменяла в привычном и типичном. Оно уже не казалось таким комфортным.

Поддавшись спонтанному порыву, Настя двинулась в спальню. Андрей уже натянул на себя белье и принялся за носки. Продолжить у него не было ни единого шанса. Стоило рубашке упасть на пол, как планы на утро изменились во второй раз.

Лишь потом, в машине, когда, обжигая губы, пили кофе из пластиковых стаканчиков и заедали вредными гамбургерами, окончательно пришли в себя. Как подростки, громко хохотали, слизывали крошки с губ друг друга и неспешно, сладко целовались. Приятная слабость в теле и незатейливая еда не оставили места для мыслей и страхов. А выходя из машины, мужчина не терпящим возражения тоном потребовал ужин. Вкусный, сытный и домашний. Простой ответ на самый главный, но так и не заданный, вопрос. Ничего не закончилось.

Глава 19. Будни по-новому

— Здравствуйте, Александр Михайлович не сможет принять Вас на этой неделе. Нет, на следующей тоже не сможет.

— Здравствуйте, Александр Михайлович на месте, но сейчас он занят. перезвоните, пожалуйста, попозже.

— Здравствуйте, Александр Михайлович благодарен Вам за приглашение, но, к сожалению, лично присутствовать он не сможет.

— Здравствуйте...

В приемной председателя Правления одного из банков, не зная роздыху, трудилась бойкая секретарша. Сам председатель с самого утра был весь в делах. Отвлечься, даже на короткое время, он себе позволить не мог. Обычный график — встречи, переговоры, аналитика. Для Александра Михайловича Барского привычно было работать в таком ритме. Секретари и другие ассистенты, не выдерживая темпа, сменялись, он — продолжал. Каждый день, расширяя свою собственную небольшую империю, преумножая капиталы и головную боль.

Настя появилась в приемной незаметно. Бросив короткое "здравствуйте", направилась напрямик в кабинет руководителя. Слишком быстро, чтобы быть остановленной. Секретарь схватилась за голову, увидев, как за гостьей закрылась дверь. Это однозначное увольнение. Подобная халатность не проходила для работников безнаказанно.

Никто и никогда не имел права без приглашения переступить порог кабинета Барского, но эту посетительницу ничто не беспокоило. Она явилась выкрасть у дяди несколько драгоценных минут и останавливаться не собиралась. Один важный для нее вопрос не давал покоя уже много часов кряду, а дожидаться "аудиенции" не было никакого желания. Без лишних слов и реверансов Настя сразу перешла к причине своего прихода.

— Здравствуй, дядя. У меня есть к тебе один непростой вопрос. Прошу, ответь честно.

Хозяин кабинета весь подобрался. Необычного в визите племянницы не было, но ее тон... Давненько он не слышал подобного.

Молодая женщина, не дождавшись ответа, продолжила.

— Зачем ты закрыл путь Таранову на Чемпионат мира? — она даже не присаживалась. Злость, клокодавшая на дядю еще с прошлого вечера, наконец нашла выход. Случайно подслушанный разговор Андрея и вратаря помнился дословно. — Я все знаю, но поясни, пожалуйста, зачем.

Такого Барский не ожидал. Юра проговориться не мог, а самой Насте ни за что не узнать об этом. "Неужели Таранов пожаловался?" — с презрением подумал магнат.

— Дорогая моя девочка, — Александр Михайлович вышел из-за своего стола. Манера, в которой племянница обрушила на него свой вопрос, уж очень напоминала обвинительную. Защищаться он и не собирался, а вот заглянуть женщине в глаза — да. — А с каких это пор тебя так остро интересуется судьба капитана моей команды?

— Дядя, ответь на вопрос, — Настя была упряма.

— Нет! Это ты ответь на мой вопрос!

С минуту оба сверлили друг друга взглядами, как дуэлянты перед выстрелом. Строго, сосредоточенно и хлестко. Оба догадывались об истинных ответах и требовали лишь признания.

— Дядя, мне уже давно не семь лет и даже не семнадцать, — Настя уселась в удобное кресло для посетителей, закинула ногу за ногу. Времени у нее сегодня было хоть отбавляй, можно и задержаться. — Играть с тобой в молчанку я не собираюсь, но если желаешь — пожалуйста.

— Да. Тебе давно не семнадцать... Вот только интерес к капитану говорит об обратном.

— Это дела не касается, — отмахнулась Барская. — Андрей заслужил свое право участвовать в Чемпионате. Зачем ты ставишь ему палки в колеса? Клубу никакой выгоды, тебе никакой выгоды, так для чего?

— Настя, дорогая моя племянница, — голос банкира звучал холодно и тихо. — А почему ты считаешь, что я должен тебе что-то отвечать?

— Дядя, спешу напомнить: именно я пресс-секретарь "Северных волков". У кого, как ни у меня вскоре возникнет головная боль с ответом на этот вопрос. Или ты думаешь, что никто не заинтересуется? — она удивленно изогнула брови. — Или прикажешь тренеру держать лучшего форварда на скамейке запасных, чтобы не дай Бог, не вырвался вперед в личном зачете?

Барский задумался. Для себя он давно все решил, и, конечно же, никто держать Таранова на привязи не будет. Пусть честно отработывает свой гонорар, а для интересующихся всегда можно что-нибудь придумать. Старые травмы, усталость — повод найдется. Но такая рьяная настойчивость Насти ему не нравилась. Все говорило в пользу того, что ее связь с капитаном уже перешла на качественно новый уровень.

— А вот ты и придумаешь, что ответить журналистам, — сухо отрезал он. — Сочинять логичные легенды твоя работа, а не моя. Справишься.

— Значит, все-таки месть... — Настя брезгливо отодвинулась от массивного стола, будто не только его владелец, но и мебель вызывали в ней неприязнь. — Из-за кокой-то речи... Нет, не понимаю.

— Да что ты говоришь! — Александр Михайлович с трудом сдерживал гнев. — Какой-то сопляк демонстративно, при всей публике, позорит меня перед Советом Директоров, а я должен быть добр? Или ты думаешь, что кто-то купился на его клоунаду с тем верзилой, с Коневым. Девочка, запомни: в реальном мире наказывать необходимо за любую осечку, за любой промах. Иначе прослывешь слабаком, и тебя сотрут в порошок при первой же возможности.

— Это твое окончательное решение? — Настя поднялась с места. Лекцию о реалиях современного бизнеса она выслушивать не собиралась. Сама знала неплохо, спасибо бывшему мужу и журналистскому прошлому. — Или его можно изменить?

— Ты прекрасно знаешь, как я отношусь к любому изменению решений.

— Знаю. Отрицательно.

— Верно. Спрашивать не имело смысла.

— А если я попрошу? — еле слышно, словно не до конца решившись, проговорила женщина.

— Как для себя? — Барский внимательно из-подо лба следил за ней.

Не ответила. Замешкалась. Разговор слишком быстро приобрел совершенно другую окраску. В кабинете больше не было банкира и пресс-секретаря. Только она и дядя. И она готова была просить. Делать то, что согласно собственным неписаным правилам запрещалось. Ни для кого и никогда. Ради Андрея? А стоил ли он этого? Ответить сложно. Настя не знала ответа. Слишком быстро Таранов появился в ее жизни, чтобы стать настолько

важным. Но и оставить все так — еще сложнее.

— Настя? — Барский подошел вплотную и взял ее за руку. — Ты знаешь, я никогда не вмешивался в твою жизнь. Не лез с расспросами во время развода, не учил жить. Но сейчас... Ради хоккеиста, который при первой же возможности променяет тебя на какую-нибудь... Нет. Ради самой себя не проси.

— А если ты в нем ошибаешься? — о будущем Настя пока предпочитала не думать, но в том, что Андрей совсем не такой, каким рисует его дядюшкино воображение, верила всем сердцем.

Молчание. Минута, вторая. Барский выжидал время, спокойно и расчетливо. Его умная девочка поймет все сама. Всегда понимала — его школа. А вот лишний раз показывать ей свою жестокость он не хотел. Ей — никогда не хотел. Кому угодно, но не Насте. Она ведь родная, единственная.

И Настя поняла. Опустила голову на грудь, закрыла глаза. Вот так. Все просто. За нее опять все решено, невинные признаны виновными, а мера пресечения обжалованию не подлежит.

— Спасибо, дядя, — поджала губы. — Ну, я пойду. Работы еще много, и тебя отвлекать не хочется. И так...

— Иди, родная, — Барский развел руками. — И не держи зла на старика. Ты слишком хороша для того, чтобы унижаться ради кого-то.

Настя ушла, но последние слова дяди еще долго преследовали ее в мыслях. В пронизательности Александру Михайловичу нельзя было отказать. Одна фраза, и как метко ударила. В больное место, как в яблочко. Будто во сне Настя добралась до машины, уселась за руль. Куда дальше? Не знала. Ни в выборе пути, ни в жизни. Утреннее радостное состояние улетучилось, но думать о будущем и пугать себя невеселыми перспективами не хотела.

Да, Андрей моложе, да, дамочек, желающих залезть в штаны к красавцу-капитану, всегда было и будет много. Встреча с полуобнаженной Репиной в раздевалке до сих пор вызывала оторопь. И да, он уже влюблен. Беспросветно и окончательно — в хоккей. Но есть ли у нее выбор? Когда-то, испугавшись, уже пробовала выбросить его из своей жизни. Не вышло. Так к чему сейчас пугаться и портить себе пусть даже короткое, но счастливое время?

Рефлексия ничего не дала. Отмахнувшись от бесполезного внутреннего диалога, Настя завела машину. Нужно двигаться. Так точно будет легче. Уж лучше выкручивать руль, маневрируя в безумном потоке автомобилей, чем насиловать собственный мозг. С него хватило и дядюшки. Выезжая с автостоянки банка, Настя надавила на газ. В офисе сегодня делать нечего. Две намеченные встречи должны были состояться не там, а все необходимые документы находились с собой. Свободного времени — минимум два часа.

Грех было упускать такую возможность, и она не стала. Направила машину к ближайшему гипермаркету, на ходу обдумывая список необходимых покупок. Вечером в ее квартире будет гость, и голодным он остаться не должен. Ни в каком смысле.

— Таранов, что ты, как сонная муха, еле ноги по льду волочешь? — Коля Клюев уже полчаса наблюдал за ленивой игрой капитана и, наконец, не выдержал. — Тормозную жидкость у нас только Коневу пить разрешается. Он без нее вообще зверь, а ты-то чего?

— Отстань, — злобно рыкнул Андрей.

— Ах, так ты еще и агрессивный! — молодой форвард обернулся назад. За спиной как раз разминался основной вратарь. — Ваня, может ты знаешь, какая муха укусила нашего грозного кэпа?

Гагарин смолчал, хотя фамилию, имя и даже отчество этой "мухи" знал превосходно. Видимо Барская выкинула вчера белый флаг. Не зря его дочка учуяла в ней конкурентку. Ребенок всегда видит все насквозь! Голубки, небось, после того, как уехали из его дома, еще долго "ворковали". Другой причины сонливости друга он найти не мог.

— Дружище, — Иван хлопнул Андрея по плечу. — Тебя, вон, уже даже Клюев раскусил. Может, сходи кофейку попей, взбодрись?

— Изыди, — капитан насупился. Достали все за утро. — Нахлебался уже. Мне сегодня его хоть внутривенно вводи — не поможет.

— Так спать хочется?

— Не то слово!

"Не то слово" — это ведь как в молодости. Молодость свою и Андрея Гагарин помнил хорошо, и дочкам о ней ни за что рассказывать не собирался.

Чтобы не рассмеяться на всю ледовую площадку, вратарю пришлось задержать дыхание. Из-под маски задорно блестели его выпученные глаза и алели раздувшиеся щеки.

— Заржешь — придушу! — Андрей попытался сказать сурово, но не вышло. Несмотря на все старания, на губах заиграла веселая, довольная улыбка. — Вот хрень.

И тут же оба друга, не сдержавшись, прыснули со смеху. Почти вся команда удивленно уставилась на них, но смех не успокаивался. Не могли, как ни старались.

— Таранов-Таранов, — у Ивана от хохота уже слезились глаза. — Я смотрю, совсем тебя наш пресс-секретарь не бережет. Спать все же надо, на одних... интервью долго не продержишься.

— Из уст отца почти троих детей это звучит особенно авторитетно, — Андрей снова залился хохотом. — В следующий раз так Насте и скажу.

— В следующий раз? — вратарь хитро сощурился, мгновенно становясь серьезным. — И насколько серьезно ты влип?

— Ну и вопросы у тебя, мамочка, — пожал плечами Таранов. — Ты думаешь, я всю ночь именно об этом думал? И уснуть не мог!

— Надеюсь, что нет. Но все-таки? — вратарь своих позиций не сдавал.

— Дружище, если ты намылился податься в сваты к Скруджу, то зря, — представив эту безумную картину, хоккеист задумчиво почесал шею. — У нас еще половина сезона впереди, а там, дай Бог, Чемпионат мира. Лучше думай об этом!

— Я-то думаю, а ты не думал, что Барская несколько отличается от Борькиных и Колькиных подружек. С ней и до плей-оффа можно догуляться. А можно и чемпиона получить...

— Тьфу на тебя! Как скажешь что...

— Ну... — многозначительно протянул друг. — Плюй не плюй, а мне в свое время никакая игра не помешала ни Катьку, ни Варьку заделать...

— Говорю ж, не каркай!

Не желая продолжать, Андрей оттолкнулся от бортика, но спустя пару секунд его вновь остановила неожиданная мысль. Этой ночью, как и прежней, оба не предохранялись. Раньше он и не подумал бы сомневаться в Настиных словах о безопасности, но узнав поближе... Вряд ли до него она что-то принимала, тогда как сейчас?

— Кажется, вечером кого-то нужно будет хорошенько расспросить, — проворчал себе под нос. Об обмане он даже не подумал, беспокоило другое — слишком много болезненного было в Настинном рассказе о своей жизни. Как бы и здесь не оказалось еще одной ниточки. Для собственного спокойствия Андрей предпочитал знать все.

До вечера время тянулось необычайно долго. И если Настя, поглощенная бытовыми хлопотами и деловыми встречами, сумела этого не заметить, то Андрею было сложнее. Тренировка закончилась в обед. Других дел в планах не оказалось. Он бы и придумал что-нибудь: поход за продуктами, встречу с друзьями в бане или хороший сон, но тогда на запланированный ужин уже бы не попал. Посему, недолго думая, он выбрал привычный просмотр матчей и быструю уборку в квартире. Уборка свелась к мытью двух рюмок, а просмотр матчей — к утомительной борьбе с дремой.

Насте хватило одного взгляда на вошедшего в квартиру гостя, чтобы понять: клиент созрел. На часах было всего лишь семь вечера, а по его сонливому виду можно было подумать, что уже ночь. Заразительным зевкам Андрея сопротивляться оказалось невозможно. Губы так и растягивались в букву "О", как она ни старалась сдерживаться. "Такими темпами мы оба уснем прямо здесь, в коридоре!" — невесело прикинула женщина.

— Корми скорей, а то... — командным тоном попытался проговорить Таранов, как только избавился от куртки и обуви. Очередной зевок не дал закончить фразу.

— М-да... — Настя вздохнула. — Тебе ужин на тарелке подавать или на подушке?

— О подушке лучше не напоминай. Они у тебя такие маленькие, но удобные, — важно потряс перед ее носом указательным пальцем. — Помню!

— А что ты еще помнишь? — издеваться над засыпающим, голодным мужчиной было нехорошо, но Настя ничего не могла с собой поделать. Таких экспонатов в ее жизни никогда не было.

— Спросить что-то хотел, — Андрей тыльной стороной ладони потер лоб, но память от этого лучше не стала. — Забыл.

— Беда... — приподнявшись на цыпочки, Настя поцеловала горемыку в заросшую колючей щетиной щеку и добавила. — Побриться тоже забыл?

— Это не забыл, это не привык, — мужчина виновато скривился, отчего в уголках глаз появились лучики-морщинки.

Настя даже обидеться на него, такого, не смогла. Взяла за руку и потянула за собой в кухню. Кормить, пока не уснул.

Как, постоянно зевая, можно съесть целую тарелку еды и добавку? Гость не переставал удивлять. Для голодного мужчины невозможного действительно не существовало. Он периодически клевал носом и вот-вот грозился захрапеть с открытыми глазами, но есть продолжал. Салат со свежей зеленью, запеченное филе индейки в гранатовом соусе и даже маленькие, слегка зачерствевшие хлебцы, которые Настя уже неделю не могла доесть, были съедены подчистую за каких-то пятнадцать минут. Разогнанный регулярными тренировками метаболизм, как доменная печь, требовал щедрой подпитки для восстановления затраченной энергии.

После ужина, пока Настя прибирала со стола, Андрей перешел в гостиную. Здесь, как в кухне и в спальне царил строгий порядок и по-женски уютная атмосфера. Ничего лишнего, каждая деталь на своем месте. Маленький изящный диванчик напротив окна, репродукции картин на стенах. На последние уставший капитан даже не взглянул, направившись

прямоком к дивану. Тот даже отдаленно не напоминал кожного монстра в его собственном жилище. Обитый нарядной жаккардовой тканью, жесткий и узкий, он не годился для удобного расположения. Однако, сонный мужчина, казалось, этого не заметил. Кое-как, поджав ноги, свернулся на сиденье и стал дожидаться хозяйку. Борьба со сном с каждой минутой становилось все сложнее.

При виде посапывающего в неудобной позе гостя, Настя печально вздохнула. Первый день после близости, а ее чудесный любовник уже ведет себя, как настоящий супруг со стажем. Впрочем, она не расстроилась. Можно будет подлезть к нему под бочок и сладко уснуть. Услышав шаги в комнате, Андрей приоткрыл глаза.

— Насть, ты это... не обижайся, но я сегодня совершенно бесполезный.

— Какой же ты бесполезный? Столько еды уничтожил, — она нежно погладила его по щетинистой щеке. — Колоссально облегчил жизнь моему холодильнику.

— Вкусно было, — широко зевнул.

— Шел бы ты в кровать, — смотреть, как он скрутился на диване, не было сил. — Обещаю не покушаться на твое сонное тело и не мешать процессу переваривания.

— Дядей клянешься? — Андрей хитро сощурился.

Вместо ответа Настя за подбородок повернула его лицом к себе и поцеловала. А уже через пару секунд оказалась распластанной на горячей мужской груди. Не предназначенный для таких маневров, диванчик жалобно скрипнул, но устоял.

— Для сонного какой-то ты слишком шустрый, — удивилась хозяйка квартиры.

— А если мне клюшку дать, так я еще и сыграю.

— Хм... Может, что и дам, — аккуратно слезла с мужчины, между делом проведя ладонью по стратегически важному месту. В штанах было все спокойно. Настя сладко зевнула и расслабилась. — И все-таки ступай в кровать. Я скоро присоединюсь.

Не прошло и пяти минут, как из спальни послышался храп. Громкий и основательный. Сытый боец смотрел сны. Настя приняла душ, переделась, но у двери спальни задержалась. В памяти всплыли последние слова дяди. А ведь он действительно не позволит ей унизиться и просить. Даже если у них с Андреем все будет хорошо. Даже если его карьера рухнет...

— Просить нельзя! — она задумалась. — Хорошо, дядя. Будем играть по правилам.

Мобильный телефон нашелся быстро, так же, как и визитка одного ушедшего журналиста. Когда-то она лично просила его остановить свои поиски, сейчас готова была просить об обратном. Пришла пора запасаться козырями.

Глава 20. Одна/четвертая финала

Четыре месяца спустя.

Подушка пролетела половину комнаты и упала на лицо мужчины. Тот громко всхрапнул, дернулся, сбрасывая "снаряд". Впору было кричать "Какого черта?", но он смолчал. Привычно стиснул зубы, проклиная себя за доброту. Сам, дурак, виноват! Нимб скоро черепушку проломит, а он все творит и творит добрые дела, себе и другим во вред.

Прогоняя сон, по глазам резанул солнечный свет.

— Знаешь, что, спящая красавица, — раздался грубый мужской голос с соседней койки. — Я так больше не могу. Полночи валялся в кровати и думал: или тебя, храпуна, удушить, или Кольку, скотину похотливую, кастрировать.

Недавний храпун с тоской посмотрел на товарища. А ведь тот прав — пора завязывать с благотворительностью. Капитан он или нет?

— И вообще, Таранов, — Борис Конев под скрип пружин перевернулся на бок. — Я, конечно, понимаю Настю, ну его на фиг — слушать подобное каждую ночь. Только ведь и мне без удовольствия. Вот никакого кайфа, веришь? Если бы не сегодняшняя игра, спать тебе на балконе. Март на улице, не замерз бы!

— Блин, Конев, прекращай ворчать, — Андрей не выдержал. Он бы и сам предпочел засыпать и просыпаться в другой компании, вот только... А дальше все мысли обрывались, упираясь в странный тупик женской логики и, как он подозревал, страхов.

На прикроватной тумбочке негромко пискнул о входящем сообщении телефон. Сон женщины как рукой сняло. Она одним глазом глянула на настенные часы и застонала от досады. Семь утра. Ну что за проклятие? Будильник был заведен на семь тридцать. Последние, самые сладкие минуты сна, и кто-то безжалостно их похитил.

"Одно из двух, — подумала Настя. — Или Репину не терпится спихнуть на ее голову очередную проблему, или кое-кто другой спустя сутки нашел-таки свой мобильный телефон". Первого даже вспоминать не хотелось. Ведет себя так, словно он пуп мира. А вот по "кое-кому другому" уже истосковалась.

Сладко зевнув, Барская потянулась за трубкой. Короткое сообщение из четырех слов заставило счастливо улыбнуться. И пусть Таранов в очередной раз продемонстрировал свою беспардонную самоуверенность — все равно обрадовалась. "Ночью возвращаюсь. Соскучился. Приезжай" — просто и по существу. Никаких сантиментов и обещаний, просто "соскучился". В убедительности капитану невозможно было отказать. За одно это слово сразу простила и подъем в семь утра, и вчерашние неотвеченные звонки.

— Хотя... — Настя притянула к себе вторую подушку, на которой обычно спал Андрей, и обняла. — Нет. Прощать не буду. Звонки ты мне будешь долго и старательно обрабатывать.

Фантазия тут же подсказала как именно. С ним можно было по-разному, без стеснения и стыда, без унижения и насилия над собой. И пусть не всегда все заканчивалось, как хотелось бы обоим, но зато какое счастье спать подле его теплого бока! Целовать его спящего в колочую щеку, изучать пальцами сложные узоры татуировок на руках, гладить широкую сильную спину. За это смирилась даже с храпом. За это каждый день и час готова была благодарить Бога. Сейчас даже подумать было страшно, как сложилась бы судьба, не

решишь она в далекую осеннюю ночь открыть Андрею всю правду.

Жизнь изменилась, и Настя явственно ощущала перемены в самой себе. Возможно, все происходило не так быстро, как хотел бы ее ненаглядный, но вместо прежних страхов в душе все чаще просыпались нежность и тоска. С этим чемпионатом времени не хватало ни на что. Пока упрямый капитан вел свою команду вперед, она днями пропадала то в офисе, то на радио, то моталась по редакциям. А теперь, когда "Северные волки" пробились в плей-офф, видаться вообще удавалось редко. Команде требовалось победить в четырех играх своей Конференции, но пока на счету была лишь одна победа и одно поражение. Агония четвертьфинала растягивалась, а с ней переносилась на потом и личная жизнь.

В администрации клуба тоже прибавилось забот. Теперь не Насте приходилось гоняться за журналистами, а они устраивали настоящие облавы на пресс-секретаря. Их интересовало все, от прогнозов на финал до подробной информации о ведущих игроках. Каких только легенд ни наслушалась Настя за это время! В том числе и о разудалых похождениях капитана. Андрей в свойственной ему манере весело отшучивался журналистам, а она ловила себя на странной, непонятной ревности. В ее жизни подобное было впервые.

С каждой победой команды их связь с капитаном привлекала к себе все больше внимания. Друзья и коллеги были в курсе. Сейчас об этом прознали и репортеры. Нескромные вопросы личного характера нет-нет, да и проскакивали в интервью: "Кем приходится?", "Какие планы на будущее?", "Как долго вместе?". Настя хранила молчание. Она сама старалась не задумываться. О будущем по-прежнему думать не хотелось. Настоящее казалось удобным и счастливым. Любимая работа и любимый мужчина — разве так бывает? Хотеть чего-то еще?.. Боязно. Она не хотела. Гнала от себя любые мысли и предчувствия, а Андрею на всякие "давай" закрывала рот поцелуями. Не надо. Обоим хорошо. Впереди окончание сезона и... Чемпионат мира. Андрей до сих пор ни словом не обмолвился о том, что его не позвали. Лишь Клюев и Конев получили заветные вызовы и даже успели блеснуть на хоккейных Евротурах. Подготовка к мировому первенству была в самом разгаре, хоккеисты притирались к тренеру и друг к другу, а один из лучших нападающих страны оказался за бортом.

Отбросив невеселые размышления, Настя в последний раз потянулась и встала с кровати. День обещал стать напряженным, а значит — не стоило тратить время впустую.

"Северным волкам" с огромным трудом удалось вырвать свою вторую победу в четвертьфинале Чемпионата. Трибуны ликовали, а вымотанные игроки наконец смогли выдохнуть спокойно. Поражение было слишком близко. Два последних периода счет 1:1 стоял на месте, как заколдованный, несмотря на сумасшедшие скорости и жесткие стычки. Вратари обеих команд раз за разом совершали чудеса, оставляя ни с чем забегавшихся нападающих, хотя сами уже едва держались на ногах. Общее напряжение дошло до того пика, когда и музыка, и поддержка трибун способны были вызывать у игроков лишь тихое бешенство. И откуда только у капитана взялись силы для молниеносного прохода и голевого паса Клюеву? Шайба на последней минуте влетела в ворота противника. Никто так и не понял, как "двойке" это удалось. Последовавшее за этим стремительное контрнаступление успеха не принесло. "Волки" не позволили нападающим даже приблизиться к воротам Ивана Гагарина. Две победы в трех играх — пока дела команды шли неплохо.

Награждение лучших игроков поединка проходило как по маслу, быстро и слаженно. Под шумные аплодисменты болельщиков принимать поздравления вызвали вратарей обеих

команд. Гагарин недовольно покачал головой, но делать было нечего. Так часто, как в этом сезоне, его еще никогда не вызывали. Лучший игрок команды — он, каких бы чудес ни устраивал на площадке капитан клуба.

— Знаешь что, Таранов, — стоявший рядом с Андреем Конев задумчиво почесал подбородок. — Интересная ерунда у нас получается: ты, вроде как, есть, но тебя нет. Человек-невидимка. А вокруг не идиоты — все понимают, как было бы весело команде без твоего паса.

Андрей злобно сплюнул. Ответить ему было нечего. Даже Градскому оказалось не под силу что-либо изменить, а сам капитан уже перепробовал все. Старые связи, общих знакомых, лидерство в личном зачете — бесполезно. По прихоти всего одного человека Лига оставалась слепа к лучшему из своих игроков. Чего уж сейчас ломать копыя? Победили, слава Богу, авось, и в финал удастся пробиться. А потом отпуск. Куча свободного времени и глухая неопределенность. Мысли не утешали, а сердце ныло от досады.

— Лично мне на Чемпионате мира тебя будет не хватать, — ни с того ни с сего пробасил Борис. Потом, как ни в чем не бывало, снял перчатку и принялся ковыряться в ушах. Внимание болельщиков его не волновало. — Колька все ж до твоего уровня не дотягивает, а остальные там... Ай, скучные они!

— Так ты, наверное, и там никого кроме группы поддержки не замечаешь, — хмыкнул капитан, оглядываясь назад.

Аппетитные девчонки в коротких платьицах с символикой клуба уже суетились возле выхода, поджидая игроков. На сегодня их пляски закончились.

— Не-е-е! Таких, как наши, там нет! — важно протянул защитник. — Наши лучше! Уж не знаю, где Репин их взял, но девки — высший сорт. Я, когда они задницами вертеть начинают, даже о тебе забываю.

— Это я понял, — Андрей аккуратно ощупал синяк под глазом. Свеженький, еще красный.

— Ну, подумаешь, один раз сам кулаками помахал, — Борис громко хлопнул его по плечу. — Не кисейная барышня, не развалишься! Будет хоть чем перед Настей посветить. Женщины убогих любят.

— Тебе виднее!

— Вот зараза!

Поздравительная речь очередного важного гостя раздавалась под крышей ледовой арены. Громкая, веселая, как и смех двух игроков "Северных волков". Тафгаю и стоящему рядом с ним капитану было плевать, первому — всегда, а второму — уже.

Пресс-конференцию после игры проводить не планировалось. Все слишком устали, чтобы чесать языками, да и самолет никого ждать не стал бы. Помощник тренера лично отвадил целую толпу журналистов от раздевалки, но самым бойким удалось перехватить игроков у автобуса. Все внимание досталось непризнанному герою матча Таранову. Андрей и рад был бы уйти от допроса, но репортеры уже навели на него свои камеры. Увидев это, Борис подхватил под ручки двух самых симпатичных девчонок из поддержки и двинулся на выручку к капитану.

Настя снова задержалась в офисе допоздна. За окнами уже стемнело. Поздний вечер. Через час должен был приземлиться самолет с хоккейной командой, а заехать домой она не успевала. Только в магазин за продуктами — в холодильнике Андрея навернякамышь

повесилась. Почти весь последний месяц он прожил в гостиницах и изредка ночевал у нее.

В стекло ударили капли то ли мокрого снега, то ли дождя. Представляя, что сейчас творится на улице, Настя поежилась. Холод и сырость уже так надоели, но зима никак не хотела сдавать позиции. Засыпала город противным, липким снегом, разводила грязь по дорогам.

"Когда все закончится, надо обязательно уговорить Андрея поехать на море. В Италию или Испанию — не важно. Отогреться на средиземноморских пляжах, запастись впрок солнечным теплом", — от одной этой мысли на душе стало светлее. Верилось: они обязательно уедут. Вместе. Сбегут из дурдома будней в собственный теплый рай. Может, там ей удастся, наконец, отогреться и поверить в счастье. Отпустить себя полностью.

Напротив, за стеклянной перегородкой, развалившись в кресле, засыпал Репин. Ему тоже в последнее время приходилось несладко. Полным ходом шел процесс переговоров о переходах спортсменов между клубами. Новый сезон был уже не за горами, а руководство "Северных волков" имело на руках несколько заканчивающихся контрактов, среди которых числились контракты капитана и основного вратаря. Хорошего мало! Иллюзий о том, что эти двое захотят продолжить игру в команде, никто не испытывал.

Только Настя выключила компьютер и закрыла дверь в свой кабинет, как в блок администрации, словно фурия, влетела Алла. Не здороваясь, направилась к огромному телевизору на стене, включила спортивный канал. От неожиданного громкого звука проснулся Юра. Бросил на жену недоумевающий взгляд, но картинка на экране тут же притянула все внимание на себя. Рядом с ним, глядя вперед, замерла и Настя.

Капитан команды в обнимку с двумя грудастыми девицами и Борисом Коневым на заднем плане, весело улыбался какой-то смазливой журналистке. На лице последней красовались восторг вперемешку с вождением. Уж это Настя рассмотрела отчетливо! Интервью уже заканчивалось, и понять что-либо из ответа капитана было сложно. Да никто и не слушал. Смотрели.

— А наш красавчик не тратит время попусту, — Алла ядовито улыбнулась. — Молодец. Сколько ж можно довольствоваться одним суповым набором?

В чей огород полетел камень, поняли и Настя, и Юра. Репин изобразил смущение и даже открыл было рот, чтобы что-то сказать, но не успел. Барская справилась сама.

— Ах, Алла, боюсь, Вы судите по себе, — она печально вздохнула. — Но понимаю. Когда вместо содержания звенящий вакуум, только на формы и остается рассчитывать.

— Стерва... — противно прошипела Репина.

Настя не ответила. Помахала на прощание Юре и, цокая каблучками, скрылась за дверью. Тратить время на общение с Аллой ей было некогда. Впереди по плану значились самолет и магазин. Именно в такой, а ни в какой другой последовательности. И не важно, как планировала изначально. Каким бы довольным ни выглядел на телевизионном экране капитан, она заметила и другое. Хотела бы не заметить, да как тут закрыть глаза? Свой ведь — все видно. Проклиная и чемпионат, и дядюшку, и упрямую натуру Таранова, Настя завела машину. Ехать в аэропорт по такой погоде — не самое приятное занятие, но тоска в глазах самого дорогого человека пугала сильнее скользкой трассы.

Андрей, закинув на плечо сумку, вышел из здания аэропорта. Стоило сделать лишь шаг за дверь, как ветер бросил в лицо охапку мокрого снега. Снежинки каплями воды тут же осели на бороде и усах — даже погода решила сегодня его позлить. Прикрыв ладонью глаза,

Таранов стал всматриваться в проезжающие мимо автомобили. Сам Борис смилостивился над ним и клятвенно обещал подкинуть до дома. Такая жертва с его стороны — возиться с капитаном, в то время, когда остальная команда будет заботиться о драгоценной группе поддержки!

Девчонки, конечно, были хороши. Молодые, красивые, вполне доступные — все, как нужно, только лично он от их внимания уже немного устал. Достали! На лбу что ль нацарапано "Ценный трофей"? Куда их столько на него одного? Март, конечно, никто не отменял, но ведь он не кот! У него плей-офф! За день порой так клюшкой намашешься, что коньки снять спина не гнется. А тут то конкурс бикини в коридорчике, то поцелуй в щечку на ночь. Хочешь не хочешь, а задумаешься: может досужий Репин премию кому обещал за соблазнение? С него станется — штатный прихвостень господина Барского. Вездесущий Скрудж явно не в восторге от их связи с племянницей.

Нет, рисковать Настей ради минутного удовольствия Андрею не хотелось. Однако и постоянное мельтешение полуголых женских тел перед глазами не способствовало душевному равновесию. Измотался вусмерть, даже маска беззаботности больше не держалась на лице. Хотелось простых вещей, прямых разговоров и тишины. Хотя бы на один вечер окунуться в уютную атмосферу, где нет матчей, тренировок, опостылевших гостиниц и подлости спонсоров. Только при этом не чувствовать себя ненужным и одиноким. Чтобы было все как в детстве, но немного иначе — с учетом нынешнего себя, взрослого.

Вот только ни родители, ни любимая сестренка для этого не годились. Им он заботливый сын и брат, гордость и надежда семьи, а хотелось быть просто Андреем. Без грузной важности и порой обременительного внимания. Быть принятым и понятым без условий. Как есть, со всеми тараканами и желаниями. Отчего-то рядом с Настей это удавалось. Удавалось изначально, после первой настоящей близости, словно в ответ на ее горькое откровение и он снял собственные запреты. Баш на баш. А потом втянулся. Стал неуловимо зависим от этой свободы и интимности.

Порой ловил себя на мысли, что даже жалеет... Жалеет, что Настя не требует чего-то более серьезного. Ключи от его квартиры, и те брать не желает, упирается. А он бы и ключи отдал, и много чего еще... Глупость, конечно, но что было, то было. Мыслям "Вон, из головы!" не прикажешь. Они появляются и делают свое черное дело: разжигают желания и переворачивают сомнения.

Огромный громоздкий джип Бориса уже показался из-за поворота. Скоро он будет дома, а там и Настя подъедет. "Скорей бы уже добраться до нее!" — только Андрей об этом подумал, как аккуратно возле него притормозил знакомый серебристый Фиат.

— Черт возьми! — он радостно вскрикнул, не веря своим глазам.

Пассажирская дверца открылась, и ухоженная женская ручка поманила вовнутрь. Раздумывать Таранов не стал. Махнул обалдевшему Борису и, бросив сумку на заднее сиденье, нырнул в салон.

— Солнце, ты даже не представляешь, как я рад тебя видеть, — за Фиатом мгновенно образовалась настоящая пробка, но ладошка женщины легла на коротко стриженный затылок, а губы оказались слишком близко, мягкие, теплые и желанные. Сорвался, как голодный щенок. И не отпускал, пока не услышал позади требовательный гудеж машин.

— Ух! То, что доктор прописал! — Андрей пригладил заметно отросшую бороду.

— Куда едем, пациент? — облизав зацелованные губы, весело спросила Настя и нажала на газ.

— Туда, где есть кровать, и нам не помешают!

— Может, ко мне? — с надеждой в голосе уточнила женщина. Тянуться в холостяцкую квартиру Таранова не хотелось. Никакая кровать не компенсирует пустого холодильника, а кормить героя придется, и не лишь бы чем.

— Нет, солнце, давай в мою берлогу. У меня с собой целая сумка грязного шмотья, а завтра с утра тренировка, будь она проклята, — он устало потер глаза и откинулся в сиденье. Все-таки как же хорошо, что Настя приехала. Стоило очутиться рядом, как сразу легчало.

— Андрей, ты даже не представляешь, на какие чудеса способны современные стиральные машинки, — Барская была верна себе: заботлива, но упряма.

— Не тем манишь! — капитан плотоядным взглядом прошелся по одетой в строгий брючный костюм фигурке. — А почему не в юбке?

— Переодеться не успела, — не отвлекаясь от дороги, бросила Настя. После того, как Андрей однажды сознался, что без ума от ее ног, количество юбок и платьев в гардеробе значительно увеличилось. Не грудью, так ножками, а взор бойца следовало баловать. — А ты чего такой бодрый? Вроде игра была нелегкой. Даже синяк под глазом заработал, красавчик.

Игнорировать синяки и ушибы она пока не научилась, хоть Таранов и ворчал каждый раз, как упоминала. Насмотреться — насмотрелась. Каким он только после матчей не возвращался! А вот не беспокоиться — пока не выходило. Не было у нее раньше таких драчунов! Бизнесмены были, все в костюмах, выбритые и лощеные, а вот усато-бородатых форвардов — нет. Не попадались.

Как и ожидалось, Андрей даже упоминание о синяке проигнорировал.

— То есть я тебе сонный и ленивый больше нравлюсь? — он всем корпусом развернулся в ее сторону. — Дездемона, кто ж тебя так утомил? Вот и оставь женщину на неделю в одиночестве!

— Да я как раз рада. Только необычно это. Ты ведь, как медведь, спишь после матчей, а тут...

— Вырубился в самолете. Поел и вырубился, — простой ответ. О том, что снилось, Андрей предпочел не рассказывать. Хватило и того, что Иван вынужден был дважды будить его. Нервы в последнее время были ни к черту, даже поспать спокойно не получалось.

— И даже симпатичные барышни из группы поддержки о колени не потерлись? — как бы не всерьез поинтересовалась Настя.

— Не хочешь услышать правду — не спрашивай! — наставительно, словно мудрый учитель нерадивым ученикам, пробубнил собеседник.

Но не успел он закончить фразу, как Настя вжала в пол педаль тормоза. Машину немного повело, но Барская справилась. Резко отстегнула ремень безопасности, рывком откинула кресло Таранова и взобралась к нему на колени. На все про все секунды три. Андрей, довольный тем, как сработала провокация, не сопротивлялся. Даже шею вытянул, чтобы удобнее было душить — их любимая игра, которая всегда заканчивалась одинаково и не скоро.

— Подлец... — Настя, рыча, прихватила зубами его за нижнюю губу и немного оттянула. — Игратья он удумал!

Капитан время тратить не стал — добыча сама попала в руки. Вытащил рубашку из брюк, просунул под нее руки и жадно провел ладонями по голой женской спине. Своя. Аромат, бархатная кожа и приглушенный стон узнавания... Соскучился.

Застежка бюстгальтера сдалась с первой попытки. Рубашку просто задрал повыше и

впились губами в острый сосок. "Вот теперь действительно хорошо", — промелькнула мысль.

В себя пришли лишь через пару минут. У Андрея мучительно ныло в паху от неудовлетворенного желания. Настя кое-как приводила в порядок одежду. Хорошо, хоть ничего не порвали впопыхах. С этим несносным мужчиной бывало и такое. Сегодня обошлось, лишь соски саднило так, что бюстгальтер хотелось стянуть через рукав и закинуть подальше.

— Знаешь, солнце, — Таранов раздраженно поерзал на сиденье. — В брюках меня больше не встречай! Это жестоко!

— Потерпи. Я как-нибудь заглажу свою вину, — многозначительно ответила Настя, заводя машину.

— Ну-ну, я запомнил! Загладишь, пригладишь и не раз!

— Пошляк, — Барская прыснула со смеху. Такой серьезный и уставший, а мысли все об одном: не поспать — так отдохнуть иначе. И как он только справлялся до нее и без нее? Может, зря она не ревнует?

— Я не пошлый, а целеустремленный и соскучившийся, — с показной обидой пояснил Андрей.

— Очень? — Настя мысленно взвесила все "за" и "против". Уже самой не терпелось стянуть с него куртку и все остальное, забраться вдвоем под одеяло и не отпускать до утра. Показывать, как соскучилась, не словами, а делом.

— Страшно! — не стал лгать.

— Тогда никаких магазинов, сразу едем ко мне, — и пока он не успел возразить, добавила. — Ты ведь не хочешь, чтобы я снова испортила кофе и подпалила твою турку?

Против этих аргументов Таранову нечего было сказать. За время, проведенное вместе, он твердо убедился в одном: какой бы красивой и умной ни была эта женщина, какой бы понимающей и способной ни была она в постели, а кофе Барская варила ужаснейший. Отрава — хуже и не придумаешь, причем в его любимой турке. А это само по себе кощунство!

Свет в квартире зажигать не стали. Настя не успела дотянуться до выключателя, как оказалась прижатой к стене. "Вот так всегда!" — она не удивлялась. С подозрительным звоном упала на пол тяжелая спортивная сумка. За ней еще что-то, шуршащее, легкое. Оставалось лишь догадываться, что именно. Таранова было не остановить. Он то целовал, то стаскивал одежду, то матерился, ударяясь о стену и дверь. Все в спешке, как на пожаре. Словно кто-то посмел бы вырвать у него из рук женщину.

— Милый, дай хоть секунду отдышаться, — Настя уперла ладони ему в грудь, отдаляясь. Кто ж знал, что это самое "соскучился" будет таким прямолинейным и нетерпеливым. Они так и до кровати не доберутся, а на утро вся квартира будет напоминать поле боя. Хорошо, вазы и цветы уже переставлены — сказывался горький опыт. Но сегодня спешить не хотелось. И темноты не хотелось. Она была хороша лишь для тайн, а для занятия любовью — нет. В этом процессе не до секретов. Глаза в глаза, душа в душу — и уже не секс.

Но дотянуться до выключателя все равно не сумела. Капитану до темноты не было дела. Он хотел свою женщину и прямо сейчас.

— Может, поужинаешь вначале? Я быстро подогрею, — без особой надежды прошептала Настя.

— Солнце, нас в самолете кормили, — Андрей, не обращая внимания на сопротивление, упрямо тянул вниз ее строгие брюки.

— И тебе хватило? — в интонации Барской сквозило недоверие.

— После третьей порции — да! — голос был хриплым — верный признак того, что мысленно он уже глубоко в ней.

С брюками удалось разобраться, и сейчас настал черед рубашки. Пуговиц на ней оказалось немерено. Подумав пару секунд, мужчина переключился на трусики и чуть не порвал шелк. Настя издала отчаянный стон и поддалась. Как можно было бороться с сытым, нетерпеливым и возбужденным мужчиной? Гиблое это дело. Проще бульдозер остановить. Упрощая задачу обоим, она принялась за рубашку. Пальцы быстро расправились с маленькими пуговичками, и вскоре та вместе с бюстгалтером бесшумно упала на пол. Андрей, заметив это, довольно крикнул, потом подхватил Настю под ягодицы и понес в кровать.

"Ничего со времен каменного века не поменялось", — подумалось ей. Остальные связные мысли потонули в потоке ощущений. Ничего не видя в кромешной темноте, оба постоянно натывались губами на пустоту, путались в постельном белье, ударялись о спинку кровати. Не выдержав, Андрей прижал Настю своим телом к матрасу, одной ладонью заломил за голову руки, а вторую просунул между бедер. Женщина послушно замерла. Попалась.

— Скучала? — еле сдерживаясь, прорычал над ухом.

— Ни капельки, — Настя толкнулась бедрами навстречу его пальцам.

— Врешь!.. — чуть не взвыл, почувствовав, какая она влажная и горячая. Его! Готова.

— Да-а-а... Не останавливайся...

Опытные пальцы неспешно ласкали чувствительную плоть. Лишая разума, делали все, как нужно. Правильно для нее. Ритм, нажим и точки — все, как любила. Каждый палец на своем месте, каждое движение безукоризненно, и только по свистящему, резкому дыханию понятно, как трудно ему самому держаться. Аванс за право обладания. Плата за скорое удовольствие и возможность выпустить на волю собственные желания. Как хочет, сколько хочет — с ней и для нее.

Настя кусала губы, отворачивая лицо от поцелуев. Все поцелуи потом, сейчас только ощущения. Ноющие, томительные, зажигающие внутри сладкую пульсацию. И когда только ее способный ученик успел превратиться в маэстро? Или сама так изголодалась? Стала отзывчивой к малейшему касанию и научилась отпускать мысли. Это он, и не нужно волноваться. Он поймет и не осудит. Примет такой, какая есть, и сделает обычной. Удовлетворенной, расслабленной и медлительной. Может даже чуточку глуповатой.

Каждый раз поражалась переменам. И как только раньше жила на свете, не зная, что можно так забываться? Где Барская, где Настя — кто их разберет. Все переворачивалось с ног на голову. Вот и сейчас сердце от восторга останавливалось. Еще чуть-чуть, и прощай самоконтроль.

У них получится, не в первый раз — так во второй, не во второй — так в третий. Без поддавок и ожидания — само собой.

Зарисовка 3. Сон

Андрей проснулся от резкого толчка в бок. Разлепил глаза. Нет, не гостиница, и пнул его не Борис. Рядом с тихими стонами металась, словно в бреду, Настя. Что-то шептала, хныкала, изгибалась всем телом. Подобное было впервые. Таранову потребовалось несколько секунд, чтобы окончательно придти в себя, и еще целая минута, чтобы разбудить ее.

Ей снова снилась зима. Вновь перед глазами ветер закручивал на земле снежные кольца, вновь дикий холод пронизывал тело.

Нужно было идти. Шагать непонятно куда, искать спасения. Кто-то с другой стороны снежной стены ждет ее — чувствовала. Кому-то там она нужна. Муж, дядя, родители? Сама не знала, вязла в глубоких сугробах и путалась в лицах, что чередой проносились в памяти. Кто же он? Нет ответа. Дойти и узнать — только так, несмотря на усталость, непроглядную белую завесу и собственный ужас.

"Там любят!" — сбила с ног неожиданная догадка. Непонятно, откуда взялись уверенность и новые силы. Любят! Ее! Ее, а не кого-нибудь другого.

Ветер, играючи, сорвал с головы платок, разметал волосы. Вьюга пыталась остановить, одурманить своей заунывной песнью, увлечь не туда. За шиворот и в сапоги попал снег. Он стекал по спине и по щиколоткам противными тонкими ручейками, но женщине было все равно. Как угодно, но выдержит все. Не собьется с пути, не остановится. Впереди кто-то был. Фонарь качнулся, осветив на миг человеческий силуэт. Мужчина. Протягивает к ней руки.

Сердце от радости сжалось, а на глаза накатились слезы. Настоящие слезы, не те горькие слезинки отчаяния, что выклянчил ветер. Сейчас уже ревела, не сдерживаясь. От счастья и навзрыд.

Вдруг в шуме ветра со спины что-то прогрохотало, со свистом ударило в грудь. Красивый полушубок, который и от холода-то не спасал, против этого вовсе был бессилён. Боль пришла не сразу. Вначале отяжелели ноги, потом ослабли руки. Веки налились свинцом, но она продолжала бороться. Ведь впереди он! Еще шаг, два, три...

Липкая, теплая струйка медленно стекла с груди по животу. Густые бурые капли упали под ноги.

Четыре, пять... Оглушительная боль острым кинжалом пробилась тело насквозь.

Шесть, семь... Тело обессилено валилось в глубокий сугроб, а тот, кто мог бы подхватить, был слишком далеко.

Восемь, девять... Она не дошла — это было сильнее боли и страха.

Одиннадцать... Судорожно хватая воздух, Настя с ужасом поняла, что снова проиграла. Навсегда осталась в своей ледяной могиле, украшенной кровавыми алыми маками. Спасения не было.

Настя с трудом вынырнула из кошмара. Как затравленный зверек, огляделась по сторонам. Ее квартира и кровать... Андрей. Он был рядом, пытался как-то успокоить, гладил ее своими большими сильными руками. Руки! Да, сейчас она вспомнила их. Эти руки тянулись к ней во сне. До него она не дошла и потеряла навсегда.

"Навсегда!" — паника комом подкатила к горлу. Холод острыми колючками впился в спину, заставил вздрогнуть.

Ее мужчина, вот он рядом, такой надежный и большой. Он близко, он никуда не уходит, но не верилось. Ужас снежной ночи держал клещами. Там не дошла, там потеряла... Все было так реально, по-настоящему! "Не отдам!" — Настя чуть не взвыла от отчаяния. Смутные предчувствия, воспоминания и догадки слились в одну чудовищную лавину, которая смяла все на своем пути. Кошмар из сна выплеснулся в реальность, а ничего не понимающий Андрей все пытался успокоить ее дрожащее тело. Растирал спину, что-то шептал. Но все было не то. Бесполезно. Только настоящая близость. Он. Весь. Каждый сантиметр горячей кожи, запах, голос, страсть... Без остатка и прямо сейчас!

Настя, как безумная, прижалась к нему, толкнула на подушки и устроилась сверху. "Милый, не противься, не мешай мне, умоляю!" — кричал каждый жест и каждый взгляд. Останови он ее хоть на миг, и все — быть истерике. Оголенные нервы, казалось, звенели от напряжения. Андрей каким-то шестым чувством ощутил ее потребность! Он по-прежнему ничего не понимал, но не сопротивлялся. Даже когда раздвинула языком его губы и с тонким всхлипом вся отдалась жадной ласке. Совершенно незнакомая Настя, дикая и голодная. Она заражала своим желанием, выбивала почву из-под ног бешеным напором. Пылающие тонкие ладошки были везде. Гладили мускулистую грудь и плечи, царапая, спускались к животу и ниже. Дотрагивались так, что он готов был кончить от малейшего касания тонких пальчиков к нему, готовому и твердому. Вслед за пальцами она и сама придвинулась ближе, развела бедра и медленно опустилась сверху.

Пусть не готова, пусть больно и трудно — так даже лучше. Уж боль точно не даст ей забыться. Эта давно знакомая спутница сейчас не пугала, наоборот — успокаивала, держала в реальности. Ее мужчина, ее боль... Остальное — сон. Андрей ошалел от первого проникновения. Тесно и почти сухо. Ярость адреналиновой волной ударила по голове. Он готов был обmaterить ее, сбросить с себя, перекинуть через колено и лупить по заднице, пока не поймет. "Сумасшедшая! Что ты творишь?" — немой вопрос сверкал в злых серых глазах. После третьего проникновения терпение лопнуло. Что бы там ни требовали хищные инстинкты, чего бы ни желало его собственное дикое начало, как бы сильно ни хотелось продолжить... Нет. Дурацкое изнасилование, и он в этом участвовать не желает! Хрен с ним, с возбуждением. Перетерпит, не впервой, но продолжать... Нет! Пас!

Он рывком прихватил ее за бедра, попытался оттолкнуть. Не вышло. Откуда, спрашивается, столько сил нашлось в хрупком женском теле? Пришлось действовать жестче. Настя даже охнуть не успела, как мужчина под ней, резко крутанулся. Один миг, и они поменялись местами. Яростные, непримиримые и соединенные в одно целое. Теперь уже он нависал сверху, смотрел и сходил с ума. Это оказалось выше любых сил. И Бог с ними, со слезами, но вот взгляд... Мочи не было с ним бороться. Отчаяние вкупе с фанатичной потребностью — куда ему против такого?

Ненавидя себя, сдался. Внутри будто что-то надломилось, выпуская наружу сокрушительную нежность. Сам захватил в плен ее дрожащие от рыдания губы, сам толкнулся в горячее тело. Вначале медленно, плавно, лаская каждым миллиметром своей плоти ее истерзанное, чувствительное лоно. Потом немного быстрее, глубже, загибаясь от возбуждения, радуясь первой влаге.

"Что же ты делаешь со мной, глупая? Хорошая моя..." — сквозь пелену полузабытья почудились слова. В ответ Настя еще больше выгнула спину, позволяя войти в себя целиком. Хотелось до сердца, до того самого трусливого женского сердца, что так сильно любит этого мужчину и боится потерять. С тихим проклятием Андрей откликнулся на предложение.

Крепко подхватил ее под ягодицы и вошел. Доупора, неторопливо, тягуче и заботливо. Не заглядывая вопросительно в глаза, не ругая и не останавливаясь. Останавливаться поздно... Во всем поздно.

Оба с трудом шевелились, словно близость вытянула все силы. Настя попыталась приподняться с кровати, но черные круги перед глазами и резкая слабость заставили упасть обратно. "Полежи!" — выдохнул на ушко мужчина, а затем незаметно выскользнул из кровати. Спустя минуту она тихо вздрогнула, ощутив, как влажная махровая ткань полотенца интимно коснулась разгоряченной, припухшей плоти. Он обтирал ее, трепетно, аккуратно. Стирал с бедер свое семя, гладил живот. Это было чересчур, но разве можно было сопротивляться? И она не смогла. Закусила губу и смиренно позволила продолжить. Ее страхи и кошмарные сны, пережитые испытания и неуверенность — все тонуло в простой искренней заботе. В чутких прикосновениях сильных рук к обнаженному телу, в легких, успокаивающих поцелуях, в бездонном затуманенном взгляде любимого.

Ради этого можно было ждать годы, ради этого можно было пойти на все...

Закончив, Андрей отбросил полотенце на пол, закутал Настю в одеяло от пяток до ушей. "Такая маленькая и легкая!" — удивился, словно не замечал этого раньше. Потом, подумав немного, усадил к себе на колени и принялся баюкать, как ребенка. Ни один кошмар больше не был страшен. Никто не посмеет отобрать покой. Он на страже, он не отпустит.

Оба незаметно провалились в сон спустя несколько коротких минут. В этот раз сновидений не было. Только чистый, исцеляющий беспмятный омут, заслуженный, проплаченный.

Ночь длилась еще долго. Все такая же темная, но уже не пугающая. На смену ему пришло утро, и оно тоже оказалось иным, несравнимым со всеми предыдущими. Проводив Андрея на тренировку, Настя забралась с ногами на узкий неудобный диванчик в гостиной и удивленно замерла. Прямо перед ней, на журнальном столике, сиротливо лежала небольшая связка ключей. Простенький на вид брелок в виде шайбы казался необыкновенным украшением.

Шайба, ключи, заботливый мужчина... И вот уже нет права отказаться, нет желания продолжить борьбу. Проиграла или выиграла — лишь Богу известно, а пока оставалось одно — принять реальность, и без оглядки довериться судьбе. Она ни у кого не просила таких отношений, не искала и не мечтала. Они родились сами, с тем, с кем могли, и тогда, когда пришло время. Может, если бы не брак, не ее проблемы, и оценить этот дар не смогла... Прошла бы мимо, посмеявшись над желаниями странного капитана. Может быть... Сколько всех этих "может быть", но случилось так, как случилось. Теперь остается жить. Смаковать выпавшее на долю счастье, стараясь не проронить ни крупицы. Запоминать вкус и ощущения. Идти сквозь вьюгу к тому, кто протягивает руки и баюкает после любви.

Глава 21. Тайм-аут

Еще одна неделя плей-оффа пронеслась кометой в череде будней. Одержав долгожданную четвертую победу, "Северные волки" заслужили себе право на участие в полуфинале Чемпионата. Заветный кубок казался близким, как никогда. Ради этого двухнедельный перерыв, заверениями Градского, должен был стать настоящим тренировочным адом. "И живые позавидуют мертвым!" — отшутился неунывающий помощник тренера.

Двум другим шутникам команды, Клюеву и Коневу-младшему, усиленных тренировок удалось ненадолго избежать — подготовка к очередному этапу Еврокубка пришлась как нельзя вовремя. Пара дней отдыха, неделя тренировок в составе сборной страны, и сумасшедший режим Эдуарда Станиславовича будет казаться вполне сносным. Остальной части команды пришлось довольствоваться короткими выходными.

Настя уменьшила громкость автомобильного радио и отключила надоевший хуже горькой редьки телефон. Сегодня ее нет ни для кого, а те, кому без работы не жить, пусть крутятся, как хотят. У нее выходной, законный и более чем заслуженный. На соседнем сиденье, сладко посапывая, раскинулся капитан хоккейной команды. Последние три игры не прошли для него бесследно. Чем выше становились ставки, тем больше сил приходилось вкладывать. Каждый игрок теперь играл на максимуме своих способностей, а капитан — далеко за его пределами. Порой лишь на голом упрямстве и злости он выдерживал накал матчей. Без поблажек и жалости к себе. Вратаря можно было сменить, нападающие звенья — перетасовать, даже грозному тафгаю Коневу позволялось выбить зубы у любого из соперников и, обессилев, рухнуть на скамейку штрафников, но не капитану. На его уверенности в команде да на смекалке тренера зиждились как защита, так и нападение.

И вот сейчас отдых. Первый выходной особой насыщенностью не отличался: челночный бег от холодильника к кровати, сон и ленивые разговоры ни о чем. Поначалу Настя еще пыталась расшевелить Таранова, но совместная поездка в ближайший гипермаркет поставила точку на всех попытках. Она отвлеклась всего на пару минут, как он задремал на первом попавшемся стуле. Распознав в странном заросшем мужчине капитана местной хоккейной команды, рачительные работники магазина и любопытные покупатели обалдели. Даже живой Дед Мороз перед Новым годом не имел такого успеха. На фоне Андрея фотографировались, в него тыкали пальцем и даже записывали на видео, но все молча и бесшумно. Впрочем, сама Настя готова была биться об заклад, что ходи они на головах и греми посудой, восходящая звезда ютуба ничего не заметила бы. Мощный капитанский храп надежно заглушал любой иной звук.

Вот и сегодня, в свой второй выходной, Андрей сумел вполне бодро собраться, сгрузить в багажник Фиата кучу вещей для детского хоккейного клуба, но стоило тронуться в путь, как сонливость вновь взяла над ним верх. "А ведь проснется голодным, будто не храпака давал, а гонял шайбу," — Настя знала наперед. Оставалось благодарить Бога за службу доставки и надеяться, что голод в этом мужчине возьмет верх над утонченным вкусом гурмана. Хлипкая, на самом деле, надежда. Стоило бы самостоятельно заняться обедом, но в клуб отчего-то хотелось больше. Детвора уже к ней привыкла, перестала дичиться, а немолодой тренер нарадоваться не мог такой поддержке.

Теперь у клуба появились настоящие спонсоры, с деньгами и связями. Больше никто не срывал занятий юных хоккеистов, никто не угрожал закрытием из-за шалостей маленьких сорванцов. Пустяковое дело для нее — и огромная победа для них. Таранов буквально раздувался от гордости, когда Виктор Петрович пел Насте свои хвалебные оды.

Жаль только, что бывать в клубе получалось нечасто. Редкие свободные дни проходили либо в постели, либо в гостях у шумного семейства вратаря. Заметно округлевшая Мария по-прежнему баловала их своими вкусными яствами, а мужчины спокойно, с легкой иронией обсуждали события последних дней. Выход в плей-офф, стратегию Градского, команды противников — что угодно, но не Чемпионат мира. Словно тот был чем-то незначительным. Со временем даже Настя стала в это верить и немного успокоилась.

"Может, не так и важно для Андрея участие?" — вопрос с каждым разом звучал все более утвердительно. Отголоски прежних опасений вернулись лишь сейчас, к четвертьфиналу. Они вернулись вместе с навязчивыми расспросами журналистов, тревожными снами и толстой картонной папкой. Той самой, которую собрал по ее просьбе старый друг. Сомнительные делишки дядюшки во всей красе, с датами, фамилиями и суммами — орудие давления и источник тревог. Прикасаться к ней, и то было неприятно — душило собственное предательство.

Но сегодня Настя выбросила из головы все ненужные мысли. Пусть папка пылится в недрах ее маленького сейфа и не понадобится никогда. Сегодня на улице весна, в ее машине, рядом, сладко спит любимый мужчина, и никто не помешает им интересно и насыщено провести последний выходной день. Уж мальчишки, заждавшиеся своих кумиров, постараются! Нет, они, конечно, дождались бы их и с полуфинала, и с финала, но ставший вдруг расчетливым Борис убедил всех ехать именно сейчас, когда команда на пике популярности. В довершение ко всему, о месте пребывания спортсменов были проинформированы репортеры. Барская лично сообщила им. Изголодавшиеся акулы пера, не получив своего интервью после матча, просто обязаны были клюнуть. О такой рекламе ни один детский клуб и мечтать не мог.

Для нее же остался сущий пустяк — довезти капитана до назначенного места и передать сонное тело на руки инициаторам мероприятия, Ивану и Борису. На повороте в дворик спортивного комплекса тело вяло пошевелилось, ударилось головой о стекло, но вместо того, чтобы проснуться, захрапело еще громче. Настойчивость капитана поражала. Настя осторожно припарковала машину и набрала номер Гагарина.

— Груз прибыл! — смеясь, сообщила она после дружеского приветствия.

Такого журналистского столпотворения никто не ожидал. Самые шустрые газетчики умудрились даже проскользнуть внутрь здания, но здесь их поджидал неприятный сюрприз. По совету Барской хоккеисты клятвенно заверили собравшихся, что ответят на все вопросы, но позже, после тренировки с детишками. Массовый стон возмущения потонул в скрежете коньков о лед и стуке клюшек. Делать было нечего.

Когда в сторону малолетних хоккеистов развернулся добрый десяток фотообъективов и видеокамер, легионеры поздравили друг друга с успехом. От нечего делать журналисты снимали все: и короткую разминку профессионалов, и шумный учебный матч детворы. Фотоаппараты щелкали затворами, а счастливый тренер под руку с коварным пресс-секретарем "Северных волков" попивали чай на трибуне для зрителей.

— Настенька, а ведь я действительно не знаю, как Вас и благодарить, — Виктор

Петрович незаметно пододвинул поближе к Барской пакетик с домашним печеньем. Искусница-жена опять расстаралась. — С тех пор, как Вы у нас впервые появились, клуб так расцвел!

— Ну, скажем так, сама бы я не справилась, — коря себя за слабость, Настя потянулась за третьим печеньем. — С такой приманкой грех было бы не наловить хорошей рыбы.

— Да... — важно протянул тренер. — Глядя, как орудуют клюшками эти трое, мне впервые за последние годы верится в победу. Причем, в победу не только на нашем Чемпионате, но и на мировом. Уж Тор точно разнесет в пух и прах не одни ворота.

После этих слов Настя напряглась. В интонации тренера не было и намека на неуверенность. Нет, наоборот, он не допускал и мысли, что Таранова не будет в составе сборной страны. Открыть неприглядную правду Барская не решилась.

— Виктор Петрович, — требовалось срочно перевести тему беседы в другое русло. Она осмотрелась по сторонам в надежде ухватиться взглядом хоть за что-нибудь, отвлекающее. — А почему не все наши маленькие хоккеисты в новой форме? Мне казалось, она им нравится...

— Милая моя, голубушка, да как же не все? Все в новой, только двое мальчишек в своем.

— Вот этих я и имела ввиду, — Настя указала на дальний угол площадки, где возле Таранова, словно рыбки-прилипалы, носились шумные ребята. Самый высокий и самый низкий из них выделялись на фоне остальных не только габаритами, но и забавными пушистыми свитерами.

— Так то Лешка и Костя, — отмахнулся тренер, будто это само по себе говорило обо всем.

— И?..

— Это ж не мальцы, а сплошной форс-мажор, — мужчина залился хохотом. — Лешка, тот что повыше, свою форму умудрился порвать в первый же день. Другой, Костя, наотрез отказывается ее носить. Как я только его не убеждал — все бесполезно.

— Странно, они так радовались, когда я ее привезла, — Настя задумалась. Мальчишки тогда действительно были на седьмом небе от счастья. Новые, яркие комплекты с мордочками волчат на груди были сшиты по индивидуальному заказу и стоили немалых денег. Вряд ли маленькому Косте форма пришлась не по вкусу. — Я поговорю с ним.

— Поговорите, — пожал плечами тренер. — Но предупреждаю — он очень упрямый паренек.

— Везет мне на упрямец, — тяжело вздохнула женщина и поднялась с места. Чувствовала — все эти разговоры вкупе с вкусным печеньем до добра ее не доведут.

Костю, как настоящую спортивную звезду, пришлось дожидаться долго. Мальчик был так увлечен игрой со своим кумиром, что даже настойчивым журналистам никак не удавалось сделать его фото. Он крутился и вертелся, как волчок, разгонялся и резко тормозил, буквально выковыривая шайбу у менее шустрых сотоварищей. Таранов неотступно следовал за ним по пятам, подсказывая приемы и ходы. Талант притягивал к себе талант, и другим оставалось лишь тихо завидовать такой помощи. Немного устав за час тренировки, оба, не сговариваясь, рухнули на неудобную лавку у входа.

— Как игра? — услышали они за спиной веселый голос Насти.

— Ой, солнце, — Андрей умудрился одной рукой потрепать по голове мальчугана, а второй сгрестик себе на колени женщину. Она не сопротивлялась, хотя и знала, что сейчас

на них начнется настоящая фотоохота. — Остается радоваться, что с такими соперниками нам в полуфинале не встречаться. Против этих, вон, даже Ваня устоять не может.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Хитрец Гагарин как раз пропустил очередную шайбу. Он бы дотянулся, но азарт и хрупкая вера в свои силы в глазах спешащего к его воротам мальчишки заставили замедлиться и нырнуть в другую сторону.

— Да... сито, а не вратарь, — улыбнулась Настя. — Хуже него только Боря. Того сегодня удалось обойти всем волчатам.

— На то они и волчата. Быстро схватывают, — капитан повернулся к сидящему рядом, красному от гордости и усталости пареньку. — Правда, Костя?

— Э... Все равно Вы нам поддаетесь, — невозмутимо, как взрослый, возразил тот и совершенно по-детски громко шморгнул носом.

— Вот шпана растет! — удивленно хохотнул Андрей. — Все они видят, все понимают. Костян, а ты уверен, что тебе пять?

— Уже пять с половиной, — с обидой произнес мальчик.

— М-да... Возраст, однако! Все серьезно, — поцокал языком капитан и еле слышно добавил: — Чувствую себя древним стариком.

— Судя по тому, сколько кое-кто спит, он, скорее, младенец, — не удержалась Настя.

— И ты, Брут! — Андрей незаметно ущипнул Барскую за мягкое место. От неожиданности та чуть не взвизгнула, остановил лишь серьезный, настороженный взгляд мальчишки.

— Таранов — Таранов, — она кивнула головой в сторону целившегося в них фотографа. — Кажется, твой невинный жест завтра украсит кучу обложек.

— Ну, хоть на что-то путное я годен, — хитро подмигнул он. — Может, покажем еще что-нибудь из нашего репертуара? Чтобы и на разворот было что разместить.

— Так, для одного волка объявляю окончание перерыва, — она ловко соскочила с колен мужчины. — Дуй на лед, гладиатор! Там тоже можно заработать кадр для разворота, это я тебе как специалист говорю.

Изобразив обиду, Таранов медленно поднялся с места. Детвора на площадке тут же оживилась. Рядом быстро надевал на голову шлем Костя.

— Так, будущий Харламов, — Андрей обернулся к пареньку. — Тебе еще пять минут отдыха, и не спорь! Чтобы хорошо играть, отдыхать тоже нужно хорошо. По себе знаю, Настасья Игоревна может подтвердить.

С трудом сдержав смех, Настя утвердительно закивала. Фантазия услужливо нарисовала образ мальчишки, сладко по-тарановски посапывающего на лавке. Сердце мучительно сжалось. Было что-то в этой картинке, смешное, но горькое и желанное. Бросив на удаляющего мужчину задумчивый взгляд, она обернулась к Косте.

— Костя, а у тебя здорово получается играть, — о хоккейной форме все-таки следовало разузнать, но, боясь обидеть, Барская решила подойти издалека. — Даже наш капитан в твоём возрасте наверняка играл хуже.

— Он начал играть в семь! — возмутился мальчик, словно это была та самая информация, не знать которую стыдно.

— Вот как... Выходит, к его возрасту опыта у тебя будет больше. Клубу, за который ты будешь играть, очень повезет.

— Я буду играть за океаном, в НХЛ, — в голосе мальчишки звенела такая уверенность,

что Настя не посмела усомниться. Похоже, тренер об упрямстве подопечного ничуть не преувеличивал.

— И за какую команду ты хотел бы играть там?

— За самую богатую, — без всякого смущения ответил маленький, но серьезный хоккеист и снова шморгнул носом.

— А если здесь заплатят больше?

— Я спрашивал у тренера, — тяжело вздохнул парнишка. — Он сказал, что такого не бывает.

— Да, у вас честный тренер.

— Точно.

— И клуб хороший.

— Ага.

— Кость, — Барская внимательно осмотрела его старенький вязаный свитер. — А почему ты форму не надел?

Во взгляде мальчишки промелькнула настороженность. Ответа не последовало.

— У вас ведь красивая форма, удобная, — Настя не оставляла надежды выяснить правду. — Может, тебе размер не подошел? Ты только скажи, и сошьем еще, на вырост.

— А прежнюю сдавать надо будет? — сморщив лоб, будто решал какую-то сложную задачу, уточнил юный хоккеист.

— Нет... — в голову Насти прокралась смутная догадка. — Оставь себе.

— Точно? — радостно переспросил мальчишка.

— Да, можешь носить сейчас, а новую я тебе через пару недель привезу.

— Ой, здорово! — от счастья он не мог усидеть на месте. — Вот бабушка обрадуется. Спасибо большое.

— Не за что, — такая же счастливая улыбка озарила и Настино лицо. — Если еще что-то понадобится, можешь смело мне говорить.

— Да нет, — мальчишка отмахнулся. — Я все аккуратно ношу, но эта форма такая красивая...

— Значит, будет у тебя два красивых хоккейных комплекта, — заговорщицки подмигнула женщина. — А теперь давай, беги на лед. Вижу, что не терпится.

— Ага! Ой... Ну, я пошел, — и, чуть не рухнув, засмотревшись на нее, сделал первый шаг.

Мальчишки и след простыл, а Настя все смотрела на место, где он недавно стоял, погруженная в свои мысли. Невольно припомнилось собственное сиротское детство. Такие же, как у этого Кости, гордость, упорство и никому другому не понятная одержимость быть лучшей. И пусть не из-за нищеты. Права на беззаботное детство эта одержимость лишала одинаково. Раз и навсегда превращая ребенка во взрослого.

Запоздалое интервью проходило в теплой, дружеской обстановке. То ли из-за детишек, то ли потому, что первый запал прошел, но журналисты больше не напоминали голодную свору. На троих игроков сыпались вполне невинные вопросы, и никто не вспоминал о досадных поражениях и ошибках. Подобное Настя видела впервые в своей карьере. Ей, официальному пресс-секретарю команды, нечего было добавить к словам спортсменов. Даже вопрос о ее взаимоотношениях с капитаном прозвучал без скандальной пошлости. Хитрец Таранов перевел все стрелки на Настю и с любопытством стал дожидаться ответа.

— Я всего лишь женщина, — она кокетливо пожала плечами. — Разве можно перед ним устоять?

В награду за сообразительность Андрей послал ей воздушный поцелуй, а репортерская братия залилась веселым хохотом.

Интервью продолжилось. Следующим от нескромных вопросов отбивался Борис. По примеру своего капитана могучий защитник доверил поведать о себе очередной подружке. Миловидная брюнетка, которая все это время робко жалась к сильному боку Конева, расцвела как майская роза. Столько внимания ей и не снилось.

Казалось, все прошло, как по маслу, и можно расслабиться. Репортеры уже начали собираться, спеша в офисы редактировать тексты и обрабатывать фотографии, хоккеисты с чувством выполненного долга поглядывали на выход, и даже мальчишки принялись зевать. Закончилось все, да не все. Неожиданно в фойе, словно выстрел, прогремел забытый всеми вопрос.

— Андрей, а все-таки, — скрипучий голос журналиста звучал тихо, еле слышно. — Почему Вас нет в составе сборной страны?

Шум и гам затихли, а радушные улыбки мгновенно слетели с лиц игроков.

— Ваш коллега по команде Николай Ключев в личном зачете набрал гораздо меньше очков, чем Вы, однако, он в сборной, — теперь, в гробовой тишине, голос журналиста звучал громко и отчетливо.

— Не я определяю состав команды, так к чему этот вопрос? — проговорил сквозь зубы Таранов.

— Вам не обидно? — будто контрольный в голову.

Эмоции, плескавшиеся в глазах капитана, испугали Настю. Как же сильно она ошиблась, считая, что Чемпионат мира не так уж важен! Все было иначе. Он важен. Важен до крепко сжатых кулаков, до перекошенного от ярости лица, до опущенных, понурых плеч. Сколько ж всего ее мужчина держал в себе? Зачем?

Вместо Андрея вперед выдвинулся Гагарин. Вратарь незаметно положил руку на плечо друга и, сжав, что-то шепнул на ухо. Таранов коротко кивнул и развернулся к выходу.

— Господа, — Иван откашлялся. — Завтра у нас начинаются серьезные тренировки, и времени на отдых больше не будет. Так что, с вами хорошо, но без Вас... сами знаете.

— Позвольте откланяться! — зычно поддержал вратаря Конев. — Нас, поймите правильно, уже дамы заждались.

Он демонстративно расшаркался, одарил всех шерботой улыбкой и, схватив под руки свою подружку и Барскую, направился за капитаном. Ошарашенная Настя буквально повисла на сильной руке, но Борис ее веса не замечал. Слишком далеко зашло интервью, чтобы оставаться рядом с журналистами еще хотя бы минуту.

Андрей подпирал спиной маленький Фиат и, казалось, ничего вокруг себя не замечал. Только когда Барская распрощалась с остальными и завела машину, он бесшумно открыл дверь и уселся рядом. Ни слова, ни взгляда. Она тоже смолчала, выжидая.

Полчаса дороги пролетели под бессмысленное болботание диктора на радио, но оно было бессильно разрядить напряжение. Настя собственной кожей ощущала, как салон авто превратился в душегубку для обоих. Андрей мог смотреть в боковое стекло или под ноги, однако каждый выдох и даже поворот головы выдавали скованность и злость. Кулаки то разжимались, то снова сжимались добела, а сложенные в ниточку губы не вызывали

никакого желания целоваться. Казалось, что не Таранов сидит рядом, а какой-то незнакомец.

— Андрей, — ласково позвала она. — Почему ты ничего не говорил мне?

— О чем? — хрипло, словно человеческая речь давалась тяжело, переспросил он.

— О том, как переживаешь из-за Чемпионата, — Настя старательно подбирала слова. —

О том, как тебе важно участие в нем...

— Черт! — вспыхнул. — И эта туда же!

— Андрей?..

— Нет, блин! Ни о чем я не переживаю! Вкалываю, как проклятый, на каждой игре и ни фига не переживаю, — переполненный обидой, он уже не мог контролировать себя. — Можешь так любимому дяде и передать: я счастлив!

— Андрей, пожалуйста... — Барская закусила губу.

— Что "пожалуйста"? — он развернулся всем корпусом в ее сторону. Гневный взгляд, как дуло пистолета, уперся в висок. — По его прихоти я уже за бортом! Еще несколько лет, и Лига спишет меня в отходный материал. Кем я останусь? Нулем! Хоть сдохни сейчас на этом гребанном льду, а выхода нет.

— Выход можно найти, — не выдержала Настя. — Ты зря молчал.

— Вот только не надо заговаривать мне зубы. Тошнит!

Лучше бы он ударил обо что-нибудь, грохнул своими кулачищами в дверь или разнес в щепу приборную панель, но не такое. Яростное пренебрежение било сильнее. Настя вся сжалась, словно именно она была виновна во всем.

— Мы поговорим, когда ты остынешь, — шепотом, но уверенно произнесла она.

Андрей безразлично махнул рукой и вновь отвернулся к окну. К привычной обиде теперь примешалось еще и непонятное раздражение. А ведь ничто не предвещало бурю. Как так вышло — не знал. Думать нормально пока не получалось, а журналиста, с вопроса которого все началось, дико хотелось придушить.

На ужин домой к Насте Таранов ехать отказался. Знал, что там ее ждут неотложные дела, но чувствовал, что недостаточно остыл. Он сухо распрощался, даже не поцеловав, забрал свою сумку и исчез за обшарпанной дверью подъезда. Крамольную мысль "догнать и разобраться" Барская сразу же от себя отогнала. Ей требовалось поразмыслить. Многое слишком быстро изменилось, чтобы, как раньше, прятать голову в песок, надеясь на авось. Андрею нужен был Чемпионат. Он хотел двигаться дальше, расти, показывать свой талант на мировых площадках, он хотел... Не большего и не меньшего, чем другие, но стоило ли это предательства?

Картонная папка жгла пальцы. Настя за вечер уже третий раз брала ее, держала в руках, словно взвешивала, и клала назад, в сейф. Информации, содержащейся там, наверняка хватит, чтобы изменить состав хоккейной сборной. Только цена для нее самой может оказаться слишком высокой. Прощать Барский не умел, уж это единственная племянница знала, как никто другой.

Обхватив руками гудящую голову, Настя босиком протопала в кухню. Надо было что-то съесть. Заставить себя, хоть и не лезло. Ни еда, ни питье — ничего. Желудок громко урчал, напоминая о себе, а она не могла. Открывала дверцу холодильника и тут же захлопывала обратно. Еще вчера они с Андреем планировали готовить настоящий плов. Ярко-красная, как флаг, мясная вырезка и мытая оранжевая морковь сразу бросались в глаза. Сегодня они не

нужны, а понадобятся ли завтра...

От отчаяния к глазам подступили слезы.

Дядя, Андрей... Выбора на самом деле не было. Сплошная иллюзия. Как можно выбирать между тем, кого любишь, и тем, кому должен? Разные, несравнимые понятия. Предать любимого, позволить ему угаснуть или навлечь на себя обиду родственника. Того самого, который много раз выручал, который растил и заботился?.. Если бы существовали в мире весы для взвешивания решений, от ее задачи они сошли бы с ума. Одно или второе — это как отказаться от какой-то части себя, откреститься от прошлого ради туманного будущего или вернуться в прежнюю жизнь. Четыре месяца назад... Выбор... Проклятие...

Звонок в дверь Настя услышала не сразу. В кухне было так спокойно и тихо. Холодный кафельный пол, мягкий свет люстры, тихое гудение холодильника — безмятежность. Она закрыла уши, чтобы не слышать тревожащего хрупкий покой звонка. Бесполезно. Кто-то там, за железной дверью, был слишком серьезно настроен.

Андрей сбился со счета, сколько раз нажимал на кнопку звонка. Почему она не открывает? Почему из квартиры не доносится ни звука? Что произошло? Мобильный тоже ничем не мог помочь, "абонент недоступен" и ни причин, ни пояснений. Раздражение переросло в тревогу, а когда и стук в дверь не принес успеха, он готов был выбить ее плечом. К счастью, последнее не понадобилось.

Тихие шаги, неспешные повороты ключа в замочной скважине и удивленная, немного потерянная женщина за порогом.

— Солнце, прости меня, — Таранов рывком сбросил с плеча сумку и, не мешкая, подхватил на руки Настю. Крепко прижал к своей широкой груди. — Мне без тебя хреново.

Она смолчала, не до конца веря в происходящее.

— Ты злишься? — серые глаза светились сожалением. — Солнце?..

Женщина отрицательно помотала головой.

— Это что значит? Нет мне прощения? — Андрей хитро сощурился, будто что-то задумал. — Эх, Анастасия Игоревна, совсем вы меня не бережете.

Подтолкнув ногой свою сумку, гость решительно вошел в квартиру. Дверь со щелчком захлопнулась, отрезая двоих от всего мира.

— Ты точно сумасшедший... — наконец прошептала Настя.

— Сама выбирала, теперь уж куда деваться?

Первый поцелуй получился быстрым и неуклюжим, отчего-то мешали носы и настороженный взгляд из-под ресниц. Во второй раз вышло значительно лучше. Настя всхлипнула, отдаваясь на волю любимых сильных рук и горячих губ, а потом совсем забылась. Третий поцелуй закончился уже в спальне, но как они туда добрались, никто не понял. Понимать вообще ничего не хотелось, хотелось продолжать и никогда не останавливаться. Вместе, и плевать на трудности. Эта чаша весов уже давно перевесила любые страхи и опасения. Выбора действительно не существовало. Ни четыре месяца назад, ни пять... Все решилось еще в тот самый день, когда странный мужчина в зеленой шапке переступил порог массажного кабинета. С первого хмурого взгляда.

Капитан все же приготовил свой плов. Уже почти ночью, когда и есть-то никому не следовало. Ароматный, сдобренный доброй жменей барбариса, он заставил голодный Настин желудок пойти на преступление и наестся перед сном. Довольный Таранов в одном

лишь развеселеньком фартуке радостно посматривал, как она ест, и сам старался не отставать. С ней все получалось особенным: и плов, и секс, и жизнь. Порой трудным и непонятным, но точно лучшим. Потерять такое он не хотел, впервые в жизни так сильно не хотел.

В его одинокой берлоге без нее было уже никак. И не привычка — другое качество жизни, словно ему, дальтонику, показали настоящие краски и оттенки. Подарили собственную радугу.

Настя шурилась, будто кошка, каждый раз, когда направляла в рот вилку с ароматным пловом. Сегодняшний поздний ужин оказался чудо, как хорош. Даже когда мобильный телефон Андрея незамысловатой мелодией известил о звонке, никто и не подумал волноваться. У них все хорошо, с вопросами, с проблемами, но хорошо. Нарушать такое не хотелось, но телефон не замолкал.

Устав ждать, Таранов дотянулся до трубки и, зевая, проговорил "слушаю".

До слуха Настя не доносилось ни слова, но и того, что замечала, было достаточно. Видела, как высокий лоб ее мужчины прорезали морщины удивления, а губы сжались в линию. Видела, как темнеют глаза, и что-то рассеянное и злое сверкает во взгляде.

— Что? — прямо спросила она, когда разговор закончился.

— Ключев попал в аварию, — Андрей устало провел ладонью по лицу. — Он с товарищами ехал в аэропорт и... Черт! Короче, машину занесло.

— Все живы? — Настя отставила тарелку. От недавнего аппетита не осталось и следа. Весельчак-Колька уже давно стал не только коллегой, но и другом. Даже когда его, а не Таранова, позвали в сборную, никто не обиделся на парня. Как на него вообще можно было обижаться?

— Да, вроде только переломами отделались. Блин... — он глубоко вдохнул, надув щеки, и, как делал всегда, когда пытался удержать гнев, со свистом выпустил воздух. — Собственными руками придушу дурака. Пусть только выкарабкается, так и удушю. Опять гнал на "красный". В машине еще двое было, а этот гнал!

— В какой они больнице? — глянув на часы, уточнила Настя. — Поедем?

— Нет, солнце. Сегодня дальше спальни мы никуда не поедем, — притянул ее к себе. — Во-первых, к ним не пустят, а во-вторых... Меняю трех побитых хоккеистов на одну красивую женщину. Пошли в кровать!

— Уверен, что не хочешь ехать?

— Нет, сегодня я готов кататься только в тебе.

Фартук с его бедер неслышно упал на пол. И спустя несколько секунд прямое доказательство мужских намерений продемонстрировало себя во всей красе.

— А ты умеешь убеждать! — хмыкнула Барская, на ходу скидывая с себя тонкий халатик.

Мужчина вместо ответа аккуратно подтолкнул свою даму к двери. Уж лучше поспешить, пока мысли не настигли его. Лежащие на койках хоккеисты, такие же, как и он, чуть менее удачливые и молодые, как наяву, проносились перед глазами. Нелепая случайность может стоить им карьеры, а могла стоить и жизни. Смогут ли еще играть? Выйдут ли на лед? Пугающе.

Андрей тряхнул головой и вновь поднял глаза на Настю. Красивая.

"Как же хорошо, что приехал!" — подумал, накрывая ее губы своими.

Глава 22. Мат ладьей

Утро перевернуло все. Ни Настя, ни Андрей даже опомниться не успели, как в бесконечных телефонных разговорах и неожиданных встречах прошло начало дня. Отложив тренировку на вечер, в неизвестном направлении исчез Градский. Команде это было только на руку. Воспользовавшись случаем, большая часть игроков вернулась домой досыпать сны, меньшая — ринулась в больницу. Бедолага Клюев уже после пятого такого посетителя готов был ползком отправиться искать инвалидную коляску, чтобы скрыться подальше.

Обалдевший медицинский персонал тоже не знал, куда деваться. Хоккеисты из разных команд, многочисленные родственники и слезливые фанатки — кого только не было. И никто не молчал. "Когда сможет встать?", "Через сколько дней выйдет на лед?", "Зачем вообще держать в больнице?", "Что за диагноз такой — сотрясение мозга?"... — десятки вопросов сыпались со всех сторон, и каждый как обухом по голове. Эскулапы уже замучились объяснить настырным хоккеистам, что травма — это серьезно. Ни переломов, ни сотрясений те не признавали. Как заведенные, упрямо требовали обезболивающих посылней и на выписку. Толпы сочувствующих в приемном отделении пели те же песни.

К счастью для врачей, скоро все встало на свои места. С окончанием действия промедола, введенного после операций, оптимизм героев начал угасать. В обед ко всем троим пришла настоящая боль. Та самая, что развеивает наивные надежды и приковывает к постели. Мужество отошло на второй план, а вместе с ним и все текущие дела: Чемпионат страны, Чемпионат мира, поклонницы и кубки. Доктора пугали длительными сроками восстановления, и с каждой минутой боли их слова казались все более правдивыми.

Судьба жестоко обошлась с несчастными парнями. Представители разных клубов, старые друзья, они только-только заиграли в полную силу, показав талант. Еще не матерые хоккеюги, но уже и не желторотые новобранцы. Гордость и надежда всей страны. Два форварда и один защитник — слишком большая потеря для сборной накануне международного турнира.

Настя отстраненно наблюдала за суетящимися посетителями. Голова работала четко, как часы. Эмоций с нее хватило и вчера, сегодня пришла пора холодного расчета. Она не была бы племянницей своего дяди, если бы расслабилась и упустила шанс. Ни Клюеву, ни второму форварду сейчас нельзя было помочь. Минимум на три месяца они останутся за бортом. Не такой уж большой срок, но больше ей и не нужно. На скамейке запасных сильных нападающих осталось мало, а равных Таранову — ни одного.

Конев-старший и Репин даже ухом не повели, когда Барская объявила о внеочередной пресс-конференции. В кои-то векигодились и старые связи — журналисты прибыли по первому звонку. Кто-то еще после предыдущего интервью готов был есть у нее с рук, кто-то опасался оказаться в числе неудачников. Глядя в переполненный зал, Настя пыталась угадать, скольким из присутствующих сумеют закрыть рот после... После того, как она бросит перчатку Правлению Лиги.

Первые ударные дозы адреналина уже попали в кровь. Страх понемногу стал рассеиваться. Сейчас не до страха, это потом будут трястись руки и рваться наружу нервный смех. Потом она даст волю эмоциям — у себя в кабинете, без свидетелей и быстро. А сейчас все по плечу.

Сердце гулко отсчитывало последние мгновения перед шоу. Она покажет, она сможет. Градский очень вовремя исчез, а Юра ей не ровня.

Недовольный тем, что его сорвали с тренировки, Андрей сверлил журналистов ледяным взглядом. С него хватило и вчерашнего. Зачем еще сегодня устраивать что-то? Из состава "Северных волков" выбыл только Клюев, два других хоккеиста играли за совершенно посторонние команды. Вряд ли руководство клуба считало весельчака Кольку настолько ценным кадром, чтобы собирать целый зал репортеров из-за сломанной ноги. Или это был такой пиар-ход? Нет, он совершенно не понимал Настю.

Рядом с заинтересованным видом сидел Гагарин. В отличие капитана, он согласился сразу. Барская подготовила целую речь, чтобы убедить его присутствовать, но не понадобилось и слова. Вратарь лишь хитро ухмыльнулся, словно разгадал коварный замысел, и бодрым шагом направился в зал. "Занимать места" — как он отшутился.

— Раз-раз, — Юра проверил микрофоны. — Ну, что ж начнем? Всем здравствуйте.

Нестройный хор голосов что-то пророкотал в ответ. Репин ослепительно улыбнулся и продолжил.

— От имени клуба благодарю за то, что пришли. Сейчас, когда "Северные волки" в двух шагах от кубка нам особенно нужна ваша поддержка.

Словно в теннисе, репортеры приняли подачу и направили первые вопросы. Все по стандартной программе: стратегия, перестановки, надежды и опасения. Таранов катал по столу ручку и еле сдерживал зевоту. Будь его воля, он бы запер Репина наедине с журналистами, чтобы уже точно наболтались, и сам пошел бы на лед. Впереди полуфинал, а у него из звена выбыл игрок. Сейчас пока нормальную замену подберешь, пока сыграешься — нужна уйма времени.

Закончив с общими темами, журналисты принялись за частности. Здесь даже у хоккеистов молча отсидеться не получилось. Мнения вратаря, как старожила "волков" и капитана, как самого результативного игрока, интересовали акул пера по целой дюжине вопросов. Не молчала и Барская. Ее короткие, меткие ремарки заполняли паузы и незаметно подталкивали ко все новым и новым проблемам. Словно опытный кукловод, Настя заправляла процессом, хотя сама при этом находилась в тени, за широкими спинами мужчин.

— Вчера вечером один из игроков, Николай Клюев, попал в аварию, — высокий сутулый журналист из первого ряда сверился с записями в своем блокноте. — Какой диагноз ставят врачи, когда мы сможем снова увидеть его на площадке?

— У него закрытый перелом ноги. Все довольно серьезно, хоть Коля и рвется в бой, — Репин взял со стола бутылку с водой, смочил горло. — Наш орел, будь его воля, прикрепил бы конек прямо к загипсованной ноге и играл бы дальше. Но нельзя.

— А как же Чемпионат мира? — раздалось с галерки. — Осталось всего полтора месяца до начала.

— Николай больше в этом сезоне на лед не выйдет, — Барская коротко отсекала любые надежды.

— Как скажется на игре команды отсутствие одного из форвардов? — тут же прозвучал следующий вопрос.

— Наши соперники по полуфиналу лишились сразу двух игроков, — усмехнулся генеральный менеджер. — Само стечение обстоятельств выровняло позиции команд.

— Выходит, Клюев пострадал не напрасно, — пошутил кто-то из зала.

— Как-то так, — Юра пожал плечами.

— Подскажите, сборная лишилась трех игроков из основного состава, двух форвардов и одного защитника, — знакомый скрипучий голос невозможно было не узнать. Тот самый репортер, что давеча своим вопросом взбесил Таранова, сейчас с равнодушным видом взирал на представителей команды. — В связи с этим не поступало ли в адрес клуба заявок на других хоккеистов?

— Зачем? — округлил глаза Репин. — В составе сборной достаточно запасных игроков.

— Перефразирую свой вопрос, — журналист недовольно прокряхтел, полистал какие-то распечатки. — Согласно последним данным, капитан вашей команды лидирует по количеству очков в личном зачете. Это общеизвестная информация, голые цифры, так сказать. В основном составе сборной появилось три вакантных места. Логично, что в такой ситуации руководство Лиги обязано обратить внимание на господина Таранова.

— Мы не отвечаем за такие решения, — осклабился Репин. — Следующий вопрос, пожалуйста.

Но журналистская братия уже почуяла скандал и хищно набросилась на самого Андрея. Тот чуть не сломал шариковую ручку, когда сразу три газетчика скороговоркой выдали:

— Андрей, Вы не получили вызов?

И пока капитан не послал всех к чертовой матери, Настя четко ответила за него.

— Нет, вызова не было.

— Но почему? — пропел тот же хор голосов.

Именно этого она и ждала. Вот оно. Не зря потратила два часа на личное приглашение именно тех, кто спросит. Ставки сыграны. Теперь осталось одно — затянуть петлю потуже.

— Думаю, этот вопрос необходимо задать руководству Лиги, — стараясь не смотреть на ошарашенного генерального менеджера, Настя продолжила. — На сегодняшний момент Андрей Таранов является самым результативным игроком... страны. Статистика говорит сама за себя.

— Анастасия, позвольте... — почуяв запах жаренного, Юра поднялся с места.

Однако Гагарин был быстрее. Вратарь молниеносно схватил второй микрофон. "Мое!" светилось у него во взгляде, и пока Репин пытался понять, что же такое происходит, Барская окончательно завладела всем вниманием собравшихся. Неоспоримые аргументы в пользу включения Таранова в состав сборной были подхвачены на "ура".

Никаких упреков Лиге, никаких угроз или призывов — только голые факты. Бескомпромиссная статистика матчей: шайбы, голевые передачи, эффективность игры в меньшинстве и общее время, проведенное на площадке. За сезон все настолько привыкли видеть капитана на льду, что это стало казаться чем-то естественным, повседневным. Сейчас же, в сравнении со средними показателями, обнажилась совершенно другая реальность. Таранов пахал. Пахал, как проклятый, на каждой игре, несмотря на травмы и общую усталость.

С каждой цифрой шум в зале становился все громче. Общее недоумение пчелиным ульем напряженно жужжало в воздухе. Первые же домыслы попали в цель, но Барская все отвергала, не позволяя дискредитировать Совет директоров Лиги. Только белыми и пушистыми они пойдут на встречу. Союзники, и ни в коем случае не противники.

Андрей чувствовал себя лотом на каком-то дурацком аукционе. Его расхваливали, как яйцо Фаберже, и чуть ли не под микроскопом пытались найти хоть какой-нибудь изъян, причину, по которой такой экспонат не подходит Лиге. Словесный теннис превратился в

пинг-понг. Голова шла кругом от всех этих "Здоров?", "Готов?", "Хочет?" и "Сможет?". Он даже отмолчаться не мог, предатель Гагарин каждый раз тыкал включенный микрофон под нос.

Бесило все. А когда спустя десять минут побелевший Репин с телефоном в руках рванулся из зала, до него дошло...

— Ну, Настасья, вот дает! — вратарь восторженно наблюдал, как официальный пресс-секретарь команды вгоняет последний гвоздь в крышку гроба собственной карьеры. — Если после этого тебя не вызовут, журналисты линчуют Совет директоров и поставят крест на всей сборной. Четвертая власть как-никак!

— Кто ее просил... — зло прошептал Таранов. В памяти тут же всплыла вчерашняя ссора в машине. А ведь он искренне надеялся, что на этом все и закончится. Болван, который за полгода так и не понял, с какой женщиной имеет дело. Ведь это Настя! Барская от маленьких, аккуратных пальчиков на ногах, до кончиков волос. Его женщина! — Блин...

— Да, Андрюха... — протянул друг, выключая ставший ненужным микрофон. — В кои-то веки с бабой тебе повезло.

— Угу, как утопленнику, — капитан засунул сжатые кулаки в карманы удобной спортивной кофты.

— Это ее выбор.

— Ты думаешь, мне от этого легче? — Андрей вопросительно приподнял бровь. — А ни хрена!

— Может и обойдется... по-родственному.

— Ты в это веришь? — сам он не верил. За несколько пренеприятнейших бесед со Скруджем на личном опыте успел убедиться: этот человек никому ничего никогда не прощает. Слишком много "не" и "ни" — сплошные рамки. И Настя в них росла... От размышлений стало хуже. Хотелось подняться и разогнать к чертя собачьим всех журналистов. С него хватит, с нее — тем более.

— Я?.. Наверное, все же не верю, — и Иван, словно почувствовав его намерения, добавил. — Но ты сиди! И не думай рыпаться! Прокомпостировано.

Сразу после пресс-конференции поговорить не удалось. Журналисты еще долго что-то выясняли у Барской. Обменивались какими-то бумагами, переписывали цифры. Настя, радушно улыбаясь, доигрывала свою роль. Напряженный взгляд Таранова, который остро ощущала спиной, на нее будто бы и не действовал. От адреналина ломило в висках, а ноги подкашивались. Давненько подобного не было. Со свадьбы. Неожиданное воспоминание заставило женщину вздрогнуть. Тогда действительно было так же: нервы, как натянутая струна, счастливый оскал улыбки и... А вот последнего — ощущения ошибки — сейчас не было. Все правильно. Она, Барская Анастасия Игоревна, официальный пресс-секретарь команды, уполномоченное лицо, элегантно рвала невидимую паутину, которую сплел ее собственный дядюшка, такой же Барский. Заявление об увольнении уже лежало на письменном столе — не такая большая цена. Главное: она не пустила в ход папку. Выбрала меньшее из зол. Осталось выслушать отповедь Андрея, и на сегодня свободна.

Собирав в кучу остатки сил, Настя вновь с головой окунулась в работу.

Первая статья появилась на главном спортивном портале через два часа. К вечеру она обросла доброй сотней комментариев. На орехи досталось всем — болельщики особой деликатностью не отличались. Они хотели победы страны на Чемпионате, видеть Таранова в

составе сборной и побольше красивых девчонок туда же в группу поддержки. Извечные ценности.

В офисе было тихо. Ни Репина, ни его красавицы жены, ни тренера — как вымерли. За прозрачной перегородкой белокурая женщина собирала в коробку свои вещи. Баночка натурального кофе, записная книжка да старенькая толстая визитница — ничего особенного, ничего, что могло бы рассказать о ее жизни. Только работа. Рядом, развалившись в удобном кресле для посетителей, ожидал мужчина. Не мешая, но и не помогая, молча наблюдал за сборами. Говорить было не о чем. Наговорились. И хотя Настя упрямо твердила, что не жалеет, он по-прежнему чувствовал себя паршиво.

И больше всего из-за того, что именно благодаря ее эффектному демаршу и кошмарной аварии, он получил, чего хотел. Получил. Недавний звонок первого тренера принес вести об успехе аферы. Официального вызова пока не было, но с десятков статей и телевизионное выступление разворошили змеиное гнездо в Совете директоров. Завтра-послезавтра он будет зачислен в сборную. Потом окончание плей-оффа, тренировки, Чемпионат мира и, если удача не отвернется — приглашение играть за океаном. Мечта, и в этом сезоне она была близка, как никогда. Градский честно сознался, что им уже интересовались.

Осталось дело за малым — блеснуть на международной арене. Он верил, что сможет. Всего-то: выдержать темп двух соревнований подряд, не загнуться от напряжения, обойтись без сильных травм. Голова шла кругом. И за все он должен быть благодарен ей. Вот этой хрупкой на вид, изящной женщине с печальной улыбкой и чертями в глазах. Гагарин был прав, ему повезло. Очень, но... Благодарность и чувство вины душили.

— Настя? — позвал шепотом.

Она кивнула, оборачиваясь, мол "что-то нужно?".

— Иди сюда, — похлопал по коленям.

Настя окинула взглядом кабинет. Все собрано, и можно было уходить. Картонная коробка стояла у двери, словно первая спешила на выход. "Уже скоро..." — с грустью подумала Барская. Затем убрала с лица выбившуюся прядь и приняла приглашение. Посидеть на дорожку, да еще на коленях капитана команды — что может быть лучше?

Андрей усадил ее поудобнее и крепко обнял.

— А знаешь, — Настя потерлась щекой о сильное мужское плечо. — Я, когда в первый раз тебя увидела, сразу почувствовала: эта встреча не просто так.

— Судьба? — невесело хмыкнул он.

— Скорее рок, — оттянув воротник майки, Барская вдохнула любимый аромат. Свежий, только после душа. Ее мужчина, и не надыхаться им. — Ни о чем не жалею. Все равно сезон почти закончен, а в следующем тебя здесь не будет. Без тебя и я не хочу.

— Ой, — Андрей тяжело вздохнул, не зная, что ответить.

— Поехали домой!

— К тебе или ко мне? — привычный вопрос, но почему-то сегодня эта альтернатива вызвала у капитана раздражение. Сколько уже можно было кататься то туда, то сюда? Достало. — Может...

— К тебе, — Настя не дала договорить. — У меня сейчас уйма свободного времени, а из дел только ты.

— Хорошее дело, — прижал ее к себе еще крепче. Такая своя, податливая. — Правильное дело.

— Мне тоже нравится, вот только... — она вывернулась, чтобы видеть глаза.

— Что только?

— Я борщ варить не умею, — Барская закусила губу, ожидая его реакцию. Даже черти в глазах попрыгали.

Андрей пару раз моргнул, ничего не понимая. Какой борщ? Зачем он? А когда, наконец, уловил смысл сказанного — чуть не расхохотался. Такой момент, и чуть не испортил.

— Придется учиться, — спустя еще мгновение ответил наставительным тоном. — Над рецептурой, конечно, обоим придется потрудиться, но, мне кажется, у нас получится...

— Борщ!

— Очень вкусный борщ, — с каждым словом голос мужчины становился все более хриплым. Наконец, он не выдержал. — Поехали скорее!

Она не спорила. Позволила помочь надеть пальто и первой выскочила за дверь.

Глава 23. Неожиданные и долгожданные вести

Полтора месяца спустя. Стокгольм.

Андрей проснулся первым, но открывать глаза не стал — в кровати было слишком хорошо. Никто не орет, не галдит и не свистит. Вместо неугомонного тренера — красивая женщина, а вместо ледовой площадки — огромная белоснежная постель. Идиллия. Последние минуты покоя, и он растягивал их, как мог. Даже когда рядом заворочалась Настя, даже, когда она тихонько ткнула в него пальчиком. Лежал, не шевелясь. Казалось, кроме секса или кофе не существовало в мире вещей, способных заставить очнуться. И то, и другое было достижимо. Причем, если первое "блюдо" интереснее было готовить, чем принимать, то второе за полгода делать самому уже надоело. Даже новенькая кофе-машина, приобретенная за сумасшедшие деньги, не спасала. Его ненаглядная женщина и в ней умудрялась сварить помой.

К счастью, в отеле, где расселили сборную, был бар. Один звонок портье, и гремя тарелками, в номер ввалится официант с заказом. Мечта! И вчера они с Настей уже успели опробовать эту спасительную услугу. Вспоминая прошлое утро, Таранов с трудом сдержал улыбку. Божественное было начало дня. После него и игра шла, как по маслу. Ни много, ни мало, а разгромить без овертайма неудобную, известную своей игрой в обороне, сборную Германии — задача не из легких. После победы Андрей даже задумался, не взять ли на вооружение новую примету? Секс и кофе — сочетание куда приятнее, чем колючая поросль на лице. А уж сколько "вариаций на тему" можно было придумать с этими двумя составляющими! Бурная фантазия и воображение тут же сделали позу "на животе" мучительной. Кое-кто настойчиво потребовал внимания и ласки, но последние минуты были дороже.

— Ну что за мужчина? — Настя сладко зевнула, косясь на соседа по кровати. — Морфей, похоже, ему за что-то сильно задолжал. Так спать...

Услышав это, Таранов улыбнулся в подушку и захрапел еще громче. "Давай же, солнце, разбуди меня, как ты умеешь!" — чуть не проболтался он вслух.

— Спящая красавица! — ласково позвала Настя. — Ты что же это, решил наспать на игру с итальянцами?

Андрей не отреагировал. Однако, Барская, внимательно присмотревшись к его лицу, заметила, как дрогнули веки.

— Спишь, значит. — Одеяло миллиметр за миллиметром ползло в сторону. — Ну-ну...

Первым показалось плечо. Мощное, широкое — плечо настоящего мужчины. Оставалось лишь гадать, сколько десятков, а то и сотен дюжих парней оно надежно припечатало к бортику. Уж ее Тор это умел! Без жалости к себе и к другим. Насмотрелась уже. Хоккей — жесткая игра, никто ни с кем не церемонится, а ей каждый удар, как по себе самой, каждое столкновение — катастрофа. Как к этому привыкнуть? Кто-то мог, кто-то даже наслаждался, а она не могла. Отвлекала себя каждую игру, чем могла, выработав табу на телевизор и радио. А потом настороженно встречала дома своего победителя. Вздыхала, ругала противников и молча мазала мазью ушибы. И так постоянно. Без права что-либо изменить. Только принимать как есть.

Отгнав от себя ненужные мысли, Настя продолжила задуманное. Тяжелая, сильная

рука обнажилась до локтя. Рельефные мышцы, украшенные сложным узором татуировок, приковали взгляд. Сила притягивала. Настоящая, давшаяся кровью и потом, закаленная в регулярных тренировках и играх, она вселяла уважение и уверенность. Ей хотелось покоряться, а еще больше хотелось покорить. Лаской, нежностью, собою. Плавить напряжение поцелуями, оплетать руками и ногами мощь, чувствовать настоящую власть и оставаться хрупкой женщиной. Противоположности, которым природой дано притягиваться. И ее тянуло. Влекло к нему отовсюду. Ни расстояние, ни дела не имели значение. Хотя бы день рядом, и сразу становилось хорошо. Собственная вселенная возвращалась на место.

А сейчас эта вселенная настойчиво притворялась спящей. Но ненадолго.

Когда одеяло сползло ниже лопаток, захотелось прикрыть глаза. Очередной синяк. Большой и наверняка болезненный. Красный след размером с половину ее ладони на гладкой, бархатистой коже смотрелся хоть и привычно, но все равно пугающе. И вряд ли докторам было сказано хоть слово. Упрямец!

Поддавшись внезапному порыву, Настя склонилась над мужчиной и нежно поцеловала в спину. Андрей, позабыв храпеть, вздрогнул.

— Иногда я мечтаю, чтобы на всех хоккейных площадках растаял лед, — тяжело вздохнула женщина.

— Не поможет, милая, — послышался хриплый мужской голос.

— Верю, но, может, хоть неделю — две ты походил бы без подобной красоты.

— Насть, не забивай себе голову, — и Андрей ловким движением сбросил с себя одеяло. — Все не так больно, как кажется.

— Не верится...

— Это еще цветочки! — Таранов лукаво подмигнул, притягивая ее к себе поближе.

— А вот это ягодки? — женская ладошка скользнув по широкой груди и упругому животу мужчины, остановилась в самом пикантном месте.

— Какая ж это ягодка? — с показной обидой проворчал Андрей и подался бедрами навстречу пальцам. — И кое-кто сейчас напросится на сбор урожая!

Настя даже ответить ничего не успела, как оказалась на спине. Сверху над ней склонился еще недавно спавший Таранов, а снизу прогнулся мягкий, упругий матрас. "Идеальное сочетание!" — подумала она, игриво раздвигая ноги.

Кофе в номер заказали лишь через полчаса. Пока Настя боролась с навалившейся слабостью, Андрей сделал звонок портье и смылся в ванную. Времени до предматчевой тренировки оставалось катастрофически мало, но легкость во всем теле и отличное настроение стоили такого утра. Приходилось лишь сожалеть, что Настя не смогла вырваться на весь период Чемпионата. Он уже ненавидел эту ее новую работу. Куда спешила, зачем так быстро устроилась? Он бы понял, если бы дело было в деньгах, но она в них не нуждалась, да и он бы с удовольствием обеспечил. Хоть месяц, а лучше два, но нет — неделя размеренной жизни, и вновь проекты, командировки и полный беспредел. Пора было все это менять, и он уже не раз обдумывал, как именно.

Когда спустя десять минут в дверь постучали, Таранов был уже одет. Бросив на кутающуюся в одеяло женщину ревнивый взгляд, он взял деньги и направился к двери. Попасть в номер у бедолаги официанта не было ни единого шанса. Широкая грудь хоккеиста перегородила вход, а быстрые руки, сунув деньги, мигом выхватили поднос с кофе. Все на автомате, стремительно, как на площадке.

— О, великий и ужасный, — Барская задумчиво осмотрела добытчика. — Надеюсь, официанта не придется теперь лечить от заикания...

Таранов аккуратно поставил чашечки на столик и хищно воззрился на свою собеседницу. Волосы всклокочены, глаза блестят, а из-под одеяла соблазнительно выглядывают стройные ножки. Еще недавно они крепко обнимали его за талию. От мимолетного воспоминания Андрей почувствовал, что снова завелся.

— Если кое-кто сейчас же не оденется... — он запнулся, поглядев на часы. Время поджимало. — Черт...

— Андрей Батькович, — Настя сдула с лица длинную прядь волос. — Что это Вы такой злой?

— Во-первых, я не злой, а опаздывающий.... — Таранов залпом опустошил свою чашку. — А во-вторых, я не Батькович! — задумчиво почесал затылок. — С папой тебя, что ль, познакомить?..

Настя на всякий случай придержала челюсть. В последних словах не ощущалось и намек на шутку.

— А что это с вашим величеством? — Андрей ловко опрокинул женщину обратно на подушки. Всмотрелся. — Глазки-то какие круглые! Испугалась?

— А... — после такого намека, привести мысли в порядок было не просто. — Боюсь, моя хрупкая психика двух Тарановых не выдержит.

— Твоя? — хитро ухмыльнулся мужчина. — Это мне, скорее, за отца переживать надо.

— Значит, так ты обо мне думаешь? — Настя напрягла все силы, но вывернуться из крепкого мужского захвата не удавалось.

— Так! — самодовольно улыбнулся ее оппонент. — А еще я думаю, что давно пришла пора проредить поголовье тараканов в твоей голове.

— Не трогай их. Им и без того нелегко с тобой приходится.

— Хм... Стараюсь. — В голову опять без спроса полезли пошлые фантазии. — Все, Настя, марш из койки!

— А может, мне и здесь хорошо?

— Нет уж! — склонился еще ниже. — Дама в горизонтальном положении наталкивает только на одни мысли.

— Ненасытный!

— Развратная!

— Я? — Барская чуть не закашлялась. Чего-чего, а подобного эпитета по отношению к себе она еще не слышала.

— А ты видишь здесь другую даму? — хитро сощурился Андрей. — Еще одну?.. Заманчивая идея!

— Ах, ты... — в грудь мужчины легонько ударили острые кулачки. Останавливаться Настя не собиралась.

Таранов хохотал, не сопротивляясь избиению. Да и как можно было сопротивляться такому фонтану эмоций? Ведь это дурачится его собственная женщина, такая вечно серьезная и собранная. Небывалое дело. Маленькое чудо, от которого у него самого на сердце становилось теплей.

— Ну как, отлегло? — взглянув через минуту на ее покрасневшее лицо, спросил он.

— Ага! — Настя, как нашкодивший ребенок, прикрыла ладошкой довольную улыбку. — Никогда бы не подумала, что я такая ревнивая.

— О... — Андрей тяжело вздохнул. — Чувствую, то ли еще будет!

В обед, гуляя по уютным магазинчикам Стокгольма, Настя не без удивления вспоминала сегодняшнее утро. Во-первых, она умеет ревновать. И как только раньше не открыла в себе такое качество? Прожить на свете почти тридцать четыре года, побывать в браке и благополучно из него выпутаться, не зная о собственной ревнивой сущности! Вот это она умудрилась! Во-вторых, Андрей... Он серьезно настроен на встречу с родителями. Она и его семья. Даже сейчас не верилось, а ведь Таранов не шутил. Так еще месяц — другой, и дело может обернуться... А дальше даже фантазировать было странно. Соблазнительная мысль заполучить в свое законное безраздельное владение горячего капитана "Северных волков" с каждым днем все с большей радостью отзывалась у нее в душе. Слишком соблазнительно и слишком ново. "Где прежние страхи? Где желание прожить жизнь для одной себя?" — спрашивала она и не находила привычного ответа.

"Неужели я исцелилась?" — мысль казалась крамольной. Ей хотелось этого до безумия. Исцелиться от неуверенности, ущербности и нелюбви, научиться без оглядки впускать в душу другого человека и строить совместные планы на будущее. Верить, что любят без всяких признаний и доказательств. Хотелось. Требовалось.

Дождаться любимого с бесконечных матчей, лечить ушибы и молчать при виде синяков. Осилить искусство приготовления кофе или даже, наконец, попробовать довериться врачам. Дети... Раньше и думать об этом не решалась. Поставив крест на собственной личной жизни, отреклась и от шанса стать матерью. Вначале из-за нежелания, потом из-за болезни — ирония судьбы. Еще не так давно, будучи замужем, она откладывала эту возможность, просила супруга подождать. Повременить, будто в запасе была вечность. Он обижался, но не спорил. Терпит, и ладно — заверяла себя, а сама... Опясавшись делами, все спешила куда-то. Год, два, три... Болезнь, развод.

И лишь недавно, рядом с Андреем, поняла, что вечно спешила не куда-то, а от кого-то. От успешного мужа, идеального брака, прочь из связывающих по рукам и ногам оков. И появление ребенка пугало. Не сознательно, втайне от себя самой. Крошечное, зависимое от нее чудо могло прочнее любой клятвы или штампа в паспорте укрепить их с мужем союз. Она никогда бы не ушла. Другие могут, но не она. Завидный брак и полноценная семья — в этом и варилась бы вечно. Осознание пришло только сейчас, в других отношениях, рядом с совершенно иным мужчиной. С новыми желаниями, всего за одну короткую неделю безделья.

Настя загадочно улыбнулась, и руки сами легли на живот. Погладили.

"Не страшно?" — спросила у себя.

"Хочу!" — сердцем услышала ответ.

Внезапно из соседнего кафе послышалось громкое "Шайбу!". Кричали на русском. Реальность прервала размышления. Барская взглянула на часы и поежилась. Игра с итальянцами началась строго по расписанию. Чуда с таяньем льдов не случилось. Видимо, свой лимит чудес она исчерпала с вылетом "волков" из полуфинала плей-офф.

Теперь осталось выждать в каком-нибудь уютном месте без телевизоров пару часов, узнать итог, и можно будет облегченно выдохнуть до следующего матча. Для нее Чемпионат мира мало чем отличался от Чемпионата страны. Та же игра на износ.

Едва сев на скамейку запасных, Борис потянулся за бутылкой с водой. Пить хотелось

адски. Сегодняшние итальянцы оказались похлеще вчерашних немцев. Первую шайбу удалось закатить только в начале второго периода, да и то через пять минут счет сравнялся. Соперник отчаянно не желал проигрывать.

— Вот макаронники пошли, — Конев злобно сплюнул. — И кто только научил их клюшками пользоваться?

— А тебе канадские морды под итальянскими шлемами ни о чем не говорят? — ответил вопросом на вопрос невысокий, плотно сбитый мужчина с хитрыми глазками, тренер сборной Сергей Иванович Терехов.

— Вот, а я-то думаю, что это от них так лососытинкой несет, — защитник облизал губы.

— Эти всегда были хитрожопыми, — тренер бросил яростный взгляд на скамейку запасных противника. — Продуете мне сегодня, всем такого лосося вставлю... Ректально. Мало не покажется.

— Иваныч, не пугай, — послышался рядом чей-то мощный бас. — Вон, Таранов, как на итальянском вратаре развалился. Еще пару раз так покачаются, и Андрюха макаронника на что-нибудь уговорит.

— Да, Таранов сегодня вообще... — цокнул языком тренер. — Прима-балерина, блин.

— Еще бы, — Борис с трудом удержался от смеха. — Он у меня за стенкой полночи такие "па" оттачивал.

— Не понял! Что он оттачивал? Да еще полночи... — забыв на секунду об игре, тот самый Иваныч обернулся к Коневу.

— Храпел он... Громко, — Борис понял, что сболтнул лишнего. Пришлось выкручиваться. — Аж стены тряслись.

— Стены? Не кровать? — тренер хитро сощурился. — Ты уверен?

— Зубами клянусь! Передними!

— Хорошо хоть не мозгами... — фыркнул в усы суровый наставник.

Возразить Борис не успел. Только-только сменившийся Андрей, растолкав товарищей по команде, громко шмякнулся аккуратно возле Конева.

Тренер все тем же сканирующим взглядом прошелся и по нему, а затем полностью переключился на игру. Особых претензий к новому форварду у него не было, а пожурить для остротки всегда успеется.

Таранов даже внимания не обратил на странное поведение тренера. Увлеченный игрой, он ничего вокруг себя не замечал. Даже когда Борис бросил в него крышечкой от бутылки, даже когда прозвучал сигнал об окончании периода.

— Таранов, отомри! — крикнул на ухо товарищу Конев.

— Черт, Борис! Ты охренел? — Андрей потряс головой. — Так ведь и оглохнуть можно.

— Да ты сегодня и так контуженный, — дождавшись, когда большая часть команды дотопала к коридору, Конев поднялся со своего места.

— Я, в отличие от некоторых, работаю не только этим, — Андрей продемонстрировал свои кулаки в перчатках. — Но и этим! — указал на голову.

— Остальное можешь не показывать, — Борис осмотрелся по сторонам и добавил. — За ночь наслушался.

— Зависть, Борис, плохое качество!

Андрей хлопнул товарища по плечу и первым направился в раздевалку. До следующего периода было пятнадцать минут. Улыбающийся во весь щербатый рот Борис прихватил клюшку и двинулся следом. Самое интересное он так еще и не узнал.

В третьем периоде подопечные Терехова собрались и за первые же десять минут игры загнали две шайбы в ворота противника. Огорчение болельщиков итальянской сборной было неподдельным. Команде с таким трудом удалось вырваться в лидеры Первого дивизиона, чтобы принять участие в этом Чемпионате — и вот уже третье поражение на предварительном этапе. Шанс на выход в плей-офф становился все призрачнее. Горячие итальянские хоккеисты даже с помощью своих канадских "сограждан" не смогли противостоять другим, обладающим многолетними хоккейными традициями, сборным.

Впрочем, претензии итальянского тренера к его команде оказались смехотворными по сравнению с выволочкой, которую устроил своим орлам Терехов. Сергей Иванович, несмотря на победу, не забыл "вялые трепыхания" первого и второго периодов. Не забыл и позорную шайбу "от каких-то макаронников". Его стараниями команда счастливых победителей очень быстро превратилась в "сборище инвалидов" и "шарашку беспредельщиков".

Что Андрей, что Борис возвращались в номера уже поздно вечером и не в самом жизнерадостном настроении. Какими бы обидными не казались нападки тренера, но доля истины в них присутствовала. Два периода тянуть резину с аутсайдером Чемпионата — это слишком. Итальянцы не финны и, тем более, не канадцы. Такой халявы вообще больше не будет, а они медлили.

— Никогда бы не подумал, но сегодня я впервые скучаю по старому пню Градскому, — уже у двери своего номера проворчал Борис.

— Да, Сивкой, небось, приятнее быть, чем... — Андрей напряг память. — Как он там тебя назвал?

— Чья бы уже корова мычала, а твоя, прима-балерина, молчала.

— Что, серьезно? — Андрей чуть ключи не уронил. — Меня балериной?

— Угу! — ехидно усмехнулся Конев. — Ишь, как пачку разинул! Ничего, скоро привыкнешь, зато потом Станиславович будет казаться ангелом.

— Да, надеюсь, что и без Градского обойдусь, — ответил себе под нос Андрей, но Борис услышал.

— Значит, мне не показалось...

— Что?

— Что один жлоб единственному товарищу по команде коньяк зажимает! — Конев многозначительно подмигнул. — Я видел, как агент канадский перед игрой с тобой разговаривал.

— Мало ли кто со мной разговаривает, — Андрей уже собрался закрыть дверь, но огромный ботинок защитника в проеме двери помешал.

— Дурила ты, Андрюха! — Незванный гость, как ни в чем не бывало прошел в номер. — Играть в НХЛ... Нет, я тебе, конечно, завидую, но себе — больше. Наконец-то избавлюсь. И не нужно будет трястись над сохранностью твоей звездной задницы.

— Не гони коней, — сердито кинул Андрей и, наконец, закрыл дверь. С беспардонным посетителем пришлось смириться. Борис — это Борис. Редко какому форварду удавалось пройти грозного тафгая. А ведь так хотелось побыть в одиночестве до прихода Насти, подумать обо всем.

Через полчаса в номер принесли ужин: ароматную пиццу и чай. После цветистой отповеди тренера даже Борис отказался от пива. Поклявшись припомнить должок в виде

коньяка, он, не дожидаясь хозяина номера, набросился на еду.

С пиццей им повезло. Повар не пожалел начинки. Аппетитные, щедро присыпанные сыром кусочки салями на томатной основе завладели всем вниманием. Под довольное урчание желудков на второй план отошла и недавняя победа, и заманчивое предложение агента канадского клуба. Таранов так ничего и не рассказал. Он не хотел, а Борис, довольствуясь хорошим ужином, не напирал. Обоим было комфортно, будто давним друзьям. Разошлись так, что к моменту прихода Насти еды почти не осталось.

— Приветствую, мальчики. Ого, это вы победу над итальянцами пиццей празднуете? — махнув Андрею, чтобы даже не поднимался, Барская сама сняла плащ и повесила в шкаф: — Как жаль, что японская сборная не прошла отбор на Чемпионат. От суши я бы не отказалась.

— Привет, красавица! Следующие у нас белорусы, — облизав пальцы, прошамкал Борис. — Бульбу будешь?

— О, нет, — Настя весело рассмеялась. — Я уж как-нибудь потерплю до чешских кнедликов.

— Вообще, повод изначально был другой, но твой благоверный молчит, как партизан, — и Конев направил в рот последний кусочек пиццы. — Попыфай его фегодня фарафенько!

Настя, округлив глаза, обернулась к Таранову. Сегодня ее драгоценный форвард напоминал шкатулку с сюрпризами. Утром был папа, что же будет вечером? Андрей молчал. Загадочно улыбаясь, пил свой чай и никакими тайнами делиться не желал.

— Значит, попытать... — она забрала из рук Андрея чашку и, ни секунды не раздумывая, уселась на колени.

— Да с такой инквизиторшей... — руки Таранова так и чесались подтянуть упругую попку поближе к паху. — Может, выгоним Бориса и...

Неожиданно в дверь постучали. Все трое дружно замолчали и переглянулись. На лицах читалось недоумение.

— Кто? — не вставая с дивана, крикнул Андрей.

В ответ послышалось недовольное кряхтение.

— Конь... с клюшкой! — все сразу же узнали голос тренера. — Открывай, давай!

— Сергей Иванович, а Вы чего вообще пришли? — Андрей бросил взгляд на Настю затем на Бориса. Скандала было не миновать. Проклиная дурацкие правила, он направился к входу.

— Колыбельную тебе спеть! — послышалось из-за двери. — Я сегодня добрый, всем пою.

— Да я и так справлюсь, — проворчал Таранов, поворачивая ключ в замке. Чему быть — того не миновать, а он давно не пацан, чтобы девушек или товарищей от тренеров в шкафу прятать.

— Добрый вечер всем! — Терехов кивнул Борису и нарочито почтительно поклонился Барской. — Анастасия Игоревна, не ожидал Вас здесь увидеть. Какими судьбами?

Андрей перевел настороженный взгляд с тренера на Настю. Та поставила на стол свою кружечку и подала руку гостю. Все будто само собой разумеющееся, как у давних знакомых, и только он один мимо кассы.

— Сергей Иванович, если не ошибаюсь? — женская ладошка утонула в теплых руках наставника сборной.

— И каким ветром... Позволю себе повториться, — как борзая, почуявшая дичь, не

унимался вошедший.

— Так ведь Анастасия Игоревна наш бывший пресс-секретарь, — нашелся Борис. Он все еще ощущал вину за то, что проболтался. — А они, как боевые подружки, бывшими не бывают!

Барская закивала, мгновенно подхватывая идею, но Андрей и слушать никого не хотел.

— Настя приехала ко мне, — короткой фразой прервал представление. Слишком неожиданно и резко. Неудавшиеся актеры обалдело повернулись к нему.

— Ну да, конечно, справиться о делах капитана команды?.. — Терехов прищурил левый глаз. На губах заиграла лукавая усмешка.

— Нет, — Таранов подошел сбоку к даме и по-хозяйски обнял за талию. — Я же сказал: она ко мне.

От красноречивости поступка даже у Насти на щеках выступил румянец, а привыкший к сдержанности парочки Борис закатил глаза. Из всех четверых только тренер, казалось, воспринял сказанное спокойно, как должное. Осмотрел внимательным взглядом стол, чайные кружки и грязные тарелки, принялся, что-то про себя прикинул и развернулся к выходу.

— Анастасия Игоревна, позаботьтесь, пожалуйста, чтобы наш лучший форвард завтра был в идеальном состоянии. — У самой двери Терехов обернулся. — Ему завтра предстоит особенно напряженная тренировка.

— Обещаю, — краснея еще сильнее, ответила Настя.

— А ты, Таранов... — тренер вздохнул. — Кажется, теперь я понял, по какой причине тебя не звали в сборную. Счастливчик ты.

Пожилой мужчина махнул на прощанье рукой и, не дожидаясь реакции остальных, вышел.

— И что это вообще было? — Андрей кивнул в сторону двери.

— Завтра на тренировке поймешь, — пробормотал Борис и тут же засобирился. — Пойду и я. Не охота завтра наравне с тобой круги наматывать.

— Вот дармоед! Вали уже! — Таранов сунул Насте меню и с облегчением разлегся на диване. Незаметно от всех в его руках материализовался телевизионный пульт. — Наконец-то покой.

Спать собрались лечь рано, в строгом соответствии с режимом. Настя за этим проследила лично, да и Таранов, в отличие от прошлого и позапрошлого вечера, не возражал. Вымотался. Новая команда, новые правила, сумасшедший график игр. Даже соблазнительное предложение расслабиться и получить удовольствие не заинтересовало. Проигнорировав свою восставшую "гордость", он поднял Барскую с колен и привлек к себе.

— Нет, солнце, так у меня еще больше аппетит разыграется, а завтра тебе улетать, а мне вкалывать, — он быстро разделся и юркнул под одеяло.

— Однако! — Настя удивленно изогнула бровь. В предыдущие вечера ее мужчина не подавал и намека на подобное благоразумие. — Это на тебя так Терехов повлиял?

— Почти, — прозвучал уклончивый ответ.

Настя сбросила одежду.

— Это как-то связано с новостью, которую Боря просил у тебя выпытать? — она откинула уголок одеяла и, эротично вильнув попкой, уселась на кровать спиной к мужчине.

Перед сном следовало кое-что надеть. Несмотря на все старания владельцев отеля, в номерах было прохладно. По ночам спасали только вязанные шерстяные носки. Андрей,

пользуясь заминкой, отмалчивался.

— Я жду! — обернулась Настя. Лицо женщины светилось заинтересованностью и нетерпением.

— Упрямая ты у меня такая! — сгреб ее в охапку.

— Ну, уж не упрямее тебя, — возразила Барская. — Говори, вижу по глазам — скрываешь что-то важное.

Сокрушаясь, что Конев лишил его возможности все заранее обдумать, Андрей тяжело вздохнул.

— Мне контракт предложили, в НХЛ, — самому не верилось. — Очень хороший контракт, только нужно будет здесь кое-что утрясти.

— Андрей?.. — Настя извернулась и крепко его обняла. — Я так за тебя рада!

— Честно?

— Очень!

— Ух... — облегченно выдохнул. — Только вот еще...

— Договаривай!

— Не хочу бежать впереди паровоза, но... — он на секунду замешкался, а потом спросил. — Ты ведь поедешь со мной? В Канаду.

Тишина. Настя открыла и закрыла рот. Молчание. Все слова куда-то исчезли. Раз — и нет их. Только ощущение нереальности происходящего. Будто не она сейчас здесь, не ее просят поменять всю свою жизнь, не она счастлива, как никогда прежде.

— Насть, солнце? — встревожено позвал Андрей. — Ты ведь поедешь со мной, правда?

— Таранов... — она проморгалась, разгоняя так некстати нахлынувшие слезы. — Я с тобой когда-нибудь точно с ума сойду.

— Если со мной — то можно. Со мной разрешаю, — покусывая маленькую нежную мочку с золотой сережкой, рядом расслабился Андрей.

Настя зажмурилась, растворяясь в ощущениях. Подставила шею для поцелуя. Хорошо. Сладко. Тело плавилось от нежности и желания. Руки и губы, казалось, зажили своей жизнью, вновь наплевав на режим. Проиграв сражение поцелуям и ласке, утихла всколыхнувшаяся глубоко в душе тревога.

Сейчас все правильно, а дальше... Дальше не важно. Подумает после.

Глава 24. Сделка

Чемпионат мира преподнес хоккейным фанатам кучу приятных сюрпризов и не меньшее количество горьких разочарований. Чем ближе дело шло к плей-офф, тем яростнее и напряженнее становились матчи. Болельщицкая братия не жалела голосов, а хоккеисты — сил и здоровья. Отдых и восстановление будут потом, сейчас существовала только победа. Лучшие из лучших собрались на две с половиной недели в Стокгольме, и возвращаться без победы никто не хотел.

Сергей Иванович Терехов не делал послаблений никому — новички и ветераны отдавали все силы ради одной общей цели. Нисколько не заботясь о мнении окружающих, он свел к минимуму общение сборной с прессой, а для самих игроков ввел жесткий, рассчитанный буквально поминутно распорядок. Сурово, но никто не роптал. Победа следовала за победой, и это оправдывало любые перегибы. Так, уже за полторы недели команда сплотилась настолько, что даже Таранов, влившийся в ее состав относительно недавно, чувствовал партнеров не хуже остальных.

Мясорубка предварительного этапа для него и для других игроков прошла незаметно. За ним напряженно, но все так же успешно начался плей-офф. После собственных континентальных чемпионатов это был уже второй плей-офф за год. Набраться сил и передохнуть как следует не успел никто. Сказывались травмы и усталость, однако лед творил чудеса. В кураже схваток забывалась боль. Под ударными дозами адреналина совершались настоящие чудеса ловкости, воли и выносливости.

И только в четвертьфинале, когда ставки взлетели вверх, а игра пошла на выбывание, сборная заставила своих болельщиков всерьез поволноваться. Терехов зверствовал, выжимая все из игроков и не спуская арбитрам даже малейших ошибок. Все под контролем: от эмоций каждого отдельно взятого хоккеиста до общих настроений в судейском корпусе. Как опытный кукловод, он ничего не оставлял на потом и без присмотра. Его команда — его ответственность. С гудящей головой и напряженными нервами, Сергей Иванович ежедневно продумывал новые комбинации, взвешивая прежние решения. И только когда подопечные прошли в финал, обнажилась картина сложной и напряженной тренерской работы. Все за победу! Извечный лозунг всех битв снова зазвучал как никогда актуально.

Финальный же поединок не оставил равнодушными даже далеких от хоккея людей. Улочки Стокгольма еще больше заполнились туристами, повсюду звучало раскатистое 'шайбу' на русском языке. Фанаты ждали, сжимали кулаки на счастье и ставили последние деньги на победу своей команды. Сами хоккеисты ожидали этого события не меньше. Нынешний сезон вот-вот должен был стать прошлым. Впереди еще предстояли бытовые хлопоты вроде смены клубов и организации собственного отдыха. Однако, они — ничто в сравнении с пройденным. А пройденное хотелось украсить настоящей победой. Уйти достойно, прогремев на весь мир.

Проклиная соседа и его перфоратор, Андрей повернулся на другой бок. Настя снова уехала рано. Один. Надо было бы подняться, принять душ и приготовить себе кашу, но он ленился. В кровати было хорошо. Не так хорошо, как вдвоем, но все равно. За две недели после окончания Чемпионата мира он совершенно разленился что-либо делать. Отсыпаться готов был сутками, и даже в еде, на удивление, стал неприхотлив. Ел все, что приготовит

Барская, не обременяя себя готовкой.

Что за напасть? Почему? Настя спрашивала, что с ним. И не раз, да только ответа путного не находилось. Поначалу думал, что усталость. Победа в финале многим обошлась недешево. Но парочка ушибов и растяжение — дело бытовое. Боль как боль, золотая медаль оправдывает и не такое. Потом вообще думать перестал. Жил, словно плыл по течению. Завтрак, дела, обед, дела, ужин, Настя и ночь. Вроде, и нормально, а все равно угнетало. Неопределенность дамокловым мечом висела над головой, не позволяя полноценно жить. Ждал. Просматривал повторы некоторых игр, раз десять пересмотрел вручение медалей. Вспоминал скупые слезы тренера, вспоминал, каково это было там, на пьедестале, смотреть на счастливых товарищей по команде и радоваться, что всё. Что конец.

Для него этот конец должен был стать началом. Дверью в новую жизнь. До окончания контракта с "Северными волками" оставалось чуть меньше месяца, а приглашение играть в заокеанской лиге уже поступило. Требовалось лишь утрясти мелочи, разобраться с бумажками, и он свободен. Пустяки, да как-то с наскока одолеть их не получалось.

Все соревнования позади. По сути, он был уже не нужен. Зачем? Ради парочки показательных матчей да рекламных роликов? Справился бы и Борис с тем же Ключевым. Коля уже давно сменил свои костыли на позерскую трость, а улыбка Бориса и до Андрея слыла визитной карточкой команды. Ради фотографий в газетах и журналах? Так и старого материала хватило бы на целую жизнь вперед. А для чего еще он был так необходим? Почему медлил канадский агент? Уйма вопросов, и все без ответов.

В конце концов с кровати пришлось-таки встать. Голова начала гудеть, а желудок настойчиво требовал свою кашу. Привычный для спортсмена режим питания не сбивался даже в свободное время: утром — сложные углеводы, вечером — белки. И хоть тресни, а организм не обманешь. Пока в тарелке запаривалась овсянка, Андрей кое-как заправил кровать и набрал Ивана. Гагарин еще вечером звонил, да ответить не вышло. И поза, и момент были неподходящими. Сейчас уже вратарь не брал трубку. Прошло не меньше пяти гудков, пока вызываемый абонент соизволил произнести свое "слушаю".

В просторном офисе председателя Правлении одного из банков сегодня было необычайно тихо. Новая молодая секретарша перенесла все утренние встречи боса на более позднее время, и сейчас готовила кофе. На две персоны. Начальнику — с молоком, а гостю — черный без сахара. И то, и другое она уже успела усвоить — не в первый раз.

Пока посетитель ожидал свой напиток, Александр Михайлович Барский справился с погодой в Монреале, трудностях долгого перелета и общем настроении. Гость, не вдаваясь в подробности, отделался короткими фразами. Он так до конца и не понял, как вести себя с этим странным русским. Его щедрое предложение до сих пор не укладывалось в голове, и руководство клуба было бы сборищем тупиц, не ухватись за него с руками и ногами. Подумать только, они получают ценного хоккеиста, а через год, если что-то не заладится, смогут не только расторгнуть контракт, не затратив ни единого доллара, но еще и заработать! Неслыханная удача.

Немногословность собеседника Барского не расстроила. Ему уже самому не терпелось перейти к делу. Все бумаги давно были готовы, осталось определиться с последними мелочами, и этот порядком поднадоевший ему вопрос наконец-то можно будет закрыть. И забыть — что предпочтительней.

— Ну, что ж, голубчик, — Барский отхлебнул кофе и вальяжно откинулся в кресле. —

Порадуйте меня хорошими новостями от вашего руководства.

— Признаться, задачка, которую Вы нам подбросили, несколько удивила акционеров клуба, — гость ослабил галстук. То ли взгляд собеседника, то ли мешала эта чертова удавка, но ему было не по себе. И ведь это далеко не первый его контракт.

— Рад, очень рад! — банкир улыбнулся одними губами. В холодных глазах не отражалось никаких эмоций. — Думаю, что ваше руководство понимает: эта сделка выгодна скорее вашей стороне, нежели мне.

— Без сомнения. Наши юристы уже ознакомились с предложением и даже дали свое согласие.

— Еще бы! Я совершенно безвозмездно переуступаю вам отличного форварда, одного из лучших на недавнем Чемпионате мира, прошу заметить. А вы, в свою очередь, обязуетесь вернуть мне его по первому требованию, — и, заметив нервозность гостя, Барский добавил: — За немалое отступное и после окончания сезона, конечно же.

— Да, именно это условие больше всего порадовало в предложенном договоре.

— Что ж, я не понимаю, какво это терять игрока, когда команда сыгралась и адекватной замены не найти? — он еще хорошо помнил, чего стоила "Волкам" авария с Ключевым. Вроде бы, один игрок, нападающий, а когда кубок был почти в руках, именно его, возможно, и не хватило. — По сути, за все время вашего трехлетнего контракта с Тарановым, я смогу отозвать его лишь два раза. После первого и после второго сезона.

— В проект контракта с ним уже внесены соответствующие условия о досрочном расторжении и обязательном переходе в любой иной клуб, по нашему усмотрению.

— Отлично. Я в Вас не сомневался, — очередная улыбка, и снова лишь губами.

— Александр Михайлович, — агент не знал, как начать, но оставить самый главный вопрос не озвученным не мог. — А какая выгода Вам от этой сделки? Нам-то понятно: тридцатилетний форвард — это уже риск сам по себе. Спортивные травмы только с виду не заметны, на самом деле они в любой момент могут вылезти на поверхность, а расторгать контракт дорого.

— Продолжайте, — Барский махнул рукой. — Мне интересна ваша логика.

— Да... Мы приобретаем возможность в конце сезона "слить" игрока Вам и при этом еще заработать. Нонсенс!

— Маленькая, но существенная деталь, — банкир придвинулся поближе, положив локти на стол. — Сольете Вы его только по моему требованию. Не когда он сломается, а когда я посчитаю, что надо возвращать.

— Конечно-конечно... — посетитель потер подбородок. Досадно, но старый русский лис не повелся на уловку.

— Я соглашаюсь досрочно освободить Вам форварда. Я не требую за переуступку ни цента. Я выплачиваю немаленькие отступные в случае отзыва. И, снова, я компенсирую все расходы на содержание игрока все три года.

Тон, которым были сказаны эти слова, больше подошел бы для судьи, оглашающего приговор. Любые доводы против потеряли значение. Даже то, что до конца срока контракта Таранова с "Северными волками" осталось меньше месяца, даже жесткие условия отзыва. Банкир мастерски разыграл свои карты.

— Что ж... — уже иначе, мягко, продолжил Барский. — Тогда, если Вы уполномочены подписать договор об уступке игрока, я бы перешел к реализации наших планов.

Гость засуетился. К такому повороту событий он не был готов, да и вариант договора,

хранящийся в его чемоданчике, несколько отличался от изначального.

— Вы не прихватили договор с собой? — Барский изобразил удивление. — Не беда. У меня все готово.

И тут же достал из верхнего ящика своего стола две аккуратные стопочки документов. Тупик. Осознавая это, агент расплылся в улыбке.

— Здесь все в точности, как в электронной версии, которую Вы получили от меня две недели назад, — Александр Михайлович пододвинул листки незадачливому посетителю. — Суммы, сроки и условия. Ничего не поменялось. Можете смело подписывать. И передайте мне, пожалуйста, оригинал доверенности. Предпочитаю, чтобы она хранилась у меня. Банк — это самое надежное место для бумаги любого рода! Уж я-то знаю.

Оппоненту ничего не оставалось. Предоставив доверенность, он взял со стола ручку и принялся подписывать. Такое развитие событий было в планах, и свое "добро" на подписание он уже получил. Все же Андрей Таранов по всем статьям обходил главного конкурента на освободившееся место в команде. Скорее всего, они бы забрали его и так, даже без щедрого предложения этого банкира. Но с предложением было в разы привлекательнее.

Дойдя до последней страницы первого экземпляра, агент остановился.

— Позвольте, мне кажется, Вы забыли последнюю подпись, — он указал на незаполненную графу.

— Все верно, — кивнул Барский, но документ в руки не взял. — Это окончательная подпись. После нее договор вступает в силу.

— И? Вы забыли подписать?

— Я, с вашего позволения, подпишу его завтра.

— Не уверен, что понял... — агент еще больше ослабил галстук. Взгляд опустился на бумаги. Неужели где-то был подвох?

— Сегодня или завтра в первой же половине дня мне предстоит одна важная встреча. Именно после нее я и подпишу последнюю страницу. Вам не стоит беспокоиться. Это скорее технический момент.

— Но без этого договора мы не можем подписать прямой контракт с Тарановым. Вначале договор об уступке, а потом — контракт с игроком...

— Я знаю, — Барский как ни в чем не бывало улыбался. — Подождите один день. Всего день! Вы ведь еще не успели созвониться с Андреем?

— Нет, но собирался после окончания наших переговоров.

— Значит, пока не звоните. Очень Вас прошу. Это важно.

— Один день? — собеседник натужно вздохнул.

— Да. К обеду мой водитель привезет ваш подписанный экземпляр договора прямо в отель.

Некоторое время оба выжидающе молчали. Для одного из них результат встречи был немного неожиданным. Мало того, что сделка совершалась на изначальных, не самых выгодных условиях, так еще и в подписании возникла отсрочка. Ничего страшного или опасного, но последнее заставляло волноваться.

"День. Один день!" — мысленно взвешивал все "за" и "против" агент. Его пальцы тихо барабанили по столу, но Барский заранее знал, каков будет итог.

Через минуту гость вернулся к подписанию. А еще через минуту оба экземпляра договора снова перекочевали в верхний ящик того самого стола. Банкир улыбался.

Задуманное на половину исполнилось. Осталась еще одна встреча, еще один разговор, и все закончится. Возможно, это и жестоко, но иначе он не мог. Любимая племянница слишком сильно увязла в очередном болоте. И кто, как не он, обязан ее оттуда вытянуть. Любой ценой.

Этого звонка Настя не ждала. Телефон буднично просигналил о входящем вызове, а у нее внутри все содрогнулось. Не хотела отвечать. Всем сердцем не хотела. Знала, что от разговора не уйти, но отчаянно надеялась оттянуть момент. Сколько они уже не общались? Полтора-два месяца? Бег времени в последние недели совершенно не ощущался. Оно летело, как... Иногда ей казалось, что как пуля, выпущенная из ствола снайперской винтовки. И этот звонок вряд ли мог иметь какую-либо приятную причину. Не стоило обманываться, Александр Михайлович Барский никогда не прощал предательства. А ее последняя пресс-конференция "Северных волков" была именно им.

Телефон все звонил...

Андрей сидел напротив друга в уютном маленьком баре. Под столом уже выстроилась целая шеренга из пустых пивных бутылок. Мужчины расслаблялись. В кои-то веки не нужно было думать о предстоящей игре и проклинать жесткий режим. Нынче дозволялось все.

— Ох, хорошо, — крикнул Иван, опустошив очередной бокал.

— Я тебе еще на прошлой неделе предлагал встретиться и посидеть, — хмыкнул Таранов.

— Из моего женского царства не так просто вырваться, — уставшие глаза вратаря были тому подтверждением. — После рождения третьей дочки хлопот не просто прибавилось — их стало раза в три больше! Я уже забыл, когда спал больше четырех часов подряд. И это не самое худшее.

— Младшая концерты устраивает?

— Да нет... С ней сейчас проще всего, — друг отмахнулся. — Дочь хоккеиста — сон и еда по расписанию. А вот старшие, особенно невеста твоя... У меня от бесконечных "почему" и "как" мозги плавятся. С появлением ребенка в доме у них как будто энергии прибавилось.

— Может, это временное?

— Конечно, временное, — Гагарин весело рассмеялся. — Вот замуж всех троих выдам — и сразу отпустит. Да не лыбься ты так, родит тебе Настя кого-нибудь — попомнишь мои слова.

Таранов задумался. За всё то время, сколько они с Барской спят вместе, вопрос о предохранении и беременности вставал лишь однажды. Да и то вскользь, между делом. Настя нехотя призналась, что без медицинского вмешательства это сложно, а он, убедившись, что ей точно ничто не грозит, перенес проблему в раздел "решаемых и не срочных". Расслабился и продолжил получать удовольствие, не заморачиваясь необходимостью прерываться или натягивать презерватив. Позволительное удобство — предел мечтаний любого мужчины.

Сейчас все переменялось. Впереди маячил заветный шанс на переезд в Канаду. НХЛ, новые возможности, постоянные перелеты, травмы — круговерть хоккейной жизни. В свете этого перспектива оказаться в чужой стране с беременной женщиной на руках пугала. Времени там не будет ни на себя, ни на семью. Иностранец, новичок, которому еще

доказывать и доказывать свою состоятельность, он и недели не сможет пробыть с ней.

— Что-то ты, дружище, молчишь? — Гагарин прищурил один глаз. Совсем как тренер сборной Терехов, когда застукал в его номере Барскую, — Выкладывай!

— Достало меня все, Иван. Этот сезон был самым тяжелым в карьере. Одно дело — быть хорошим хоккеистом, играть в свое удовольствие, не парясь о будущем. Другое — выкладываться на каждом матче, будто от него зависит вся последующая жизнь.

— И каким боком здесь Настя? — вратарь уже подозревал, к чему ведет друг, но хотел услышать ответ из его уст. Андрей и так слишком долго не замечал очевидного.

— Вань, я просто не выдержу еще одного такого сезона, — внимательно рассматривая дно пивного бокала, произнес тот. — Если сейчас все получится, если позовут — поеду. На три года, если не случится чего-то из ряда вон. А Настя... Черт, как же все оказалось сложно.

— Что? — друг глаз с него не спускал. Момент истины. — Все слишком далеко зашло?

— Не хочу без нее! — сказал прямо. В голосе не прозвучало и доли сомнения. — Но если она не захочет, или... Или все пойдет еще дальше...

— Куда уж дальше? — Иван от удивления чуть не подавился пивом. — Обычный сценарий: сойдетесь окончательно, женитесь, родите себе маленького Таранова. Настюхе, кстати, давно пора!

— Знаю.

Андрей обхватил голову руками, словно та стала совсем тяжелой. Гагарин попал в цель, будто не вратарь, а настоящий бомбардир. В сумасшедшей цепочке вопросов этот не был последним. Позовут ли его в НХЛ? Поедет ли Барская? Смогут ли они еще на три года оттянуть со следующим этапом, с детьми? Так хотелось закрыть на все глаза и не изводить себя лишними вопросами. Он бы и закрыл, да не мог. Видел, как она смотрела на мальчишек в хоккейном клубе, чувствовал, как сдерживалась, когда спросил о беременности. В глазах тоска, а с виду — кремень.

— Раньше, когда на нее кто-то из мужиков пялился, я готов был убить, — Андрей усмехнулся собственным воспоминаниям. — А сейчас наслаждаюсь. Они глазеют, облизываются, а я знаю — моя. И другие не нужны. Вообще.

— Расслабился, значит, — понимающе кивнул Гагарин.

— Еще как! Если бы не ее работа, еще на прошлой неделе с родителями познакомил бы.

— Ого! Тебя сестренка в оборот взяла?

— Нет. Сам хочу.

— То есть Канада все-таки на втором месте?

Андрей поморщился, даже думать об альтернативе было больно. Именно это Гагарин и предвидел. Барская — это не какая-нибудь отчаянная молодая фанатка, которой терять нечего, а за граница видится в розовых тонах. Взрослая, самостоятельная, с планами и связями, Настя не годилась на роль симпатичного балласта. Друг влип по самую макушку. От этого Ивану было радостно.

— Да, Таранов, куда мировому экономическому кризису и голодающим в Африке до твоих бед? — вздохнув, ответил он. — Ты только не злись, но, возможно, нет у тебя никакого выбора. Некоторым мечтам лучше оставаться мечтами. Уж мне, отцу троих детей, это очень хорошо известно. Поверишь или нет, но я бы не променял ни единого дня рядом с ними на какую-нибудь напряженную забугорную игру.

— Даже если бы эта игра была смыслом твоей жизни много лет?

— Таранов, вообще-то, у нормального человека смыслы жизни с возрастом меняются, — будто бы между делом возразил собеседник. Затем глянул на еще более загрустившего друга и добавил: — Ладно. Не гони лошадей. Может, все обернется лучшим образом: и Настя поедет, и там у вас сложится.

— Угу... — все так же безрадостно протянул Андрей.

— За это надо выпить! — и Иван засуетился, подзывая к себе официантку.

Настроение немного улучшилось. В последние дни все эти вопросы и дилеммы порядком портили жизнь. Мысленный диалог с самим собой ни на минуту не утихал. А ведь переход в НХЛ еще не был состоявшимся фактом. Перемениться могло все.

— Твоя ответственность, Андрюха, штука хорошая, незаменимая для капитана, — Гагарин поднял бокал. — Только не надо брать на пуп слишком много. Дай канадцам время все уладить, дождись окончания контракта.

Таранов исподлобья глянул на друга.

— Я разговаривал со своим прежним агентом...

— Погоди, — прервал удивленный Гагарин. — Это с Васькой что ли? Которого ты год назад с лестницы спустил вместе с контрактом "Северных волков"?

— Да, с тем самым, — Андрей взъерошил волосы. — Пришлось извиниться.

— Ха, еще бы! Парень пострадал ни за что, ни про что.

— Вань, я тогда слабо соображал. И хорошо, что еще никого не прибил по тихой грусти...

— М-да, — добавить что-либо друг не мог. Все равно самая большая вина за случившееся лежала именно на нем. — Ладно, опустим. Что удалось узнать от этого проныры?

— Нельзя мне дожидаться окончания контракта. Я не единственный претендент на место в команде.

— Оппа! А ну, подробнее.

— Подробностей мало, — собеседник пожал плечами. — И так не знаю, как Васька все выведал. В общем, канадцы параллельно еще какого-то парня смотрят. Молодого. Он тоже вот-вот освободится.

— Так что у вас: кто первый встал — того и тапки?

— Не совсем... — Андрей замялся. Никакой конкретной информацией он не располагал. — Канадец клянется, что очень заинтересован во мне. Каждый раз, когда разговариваем, поет дифирамбы и всячески успокаивает...

— Но ты по-прежнему без контракта, а о конкуренте монреальская крыса молчит. Блеск!

Вместо ответа Андрей опрокинул в себя остатки пива. Где-то на задворках сознания проскользнула мысль, что надо бы предупредить Настю о затянувшейся встрече с другом. Он уже потянулся за телефоном, как подали горячее. Запеченная на гриле рыба и новая порция Будвазейра отвлекли все внимание на себя.

Ожидавшая его возвращения домой женщина всерьез начала волноваться. Стопочка использованных бумажных салфеток давно перекочевала в мусорное ведро, а заплаканные глаза уже не пугали краснотой. Почти в норме. Почти готова к разговору. Почти...

Он все не приходил. И телефон молчал. Молчал, проклятый, как не молчал в обед, когда все завертелось.

Досадно.

Горько.

Больно.

Войдя в просторную приемную, женщина первым делом посмотрела на часы. Опоздала на полчаса. Плевать. То, из-за чего опоздала, наверняка стоило того. Теперь она во всеоружии. Так спокойнее. Действительно, "если в начале спектакля на стене висит ружье, то в конце, оно обязательно выстрелит". Ее ружье висит уже давно. И не была бы она Барской, если бы заранее не почувствовала опасности. Дядя что-то готовил. Его ласковый, доверительный тон мог обмануть кого угодно, но не ее. Александр Михайлович позволял себе любезность и обходительность лишь в одном случае — видя, как его конкурент признает свое поражение. Сегодня он был очень добр. Без папки с хорошим компроматом такую "доброту" вряд ли удастся осилить.

Секретарша с первого взгляда догадалась, кто перед ней. Засуетилась. Любезно поприветствовала и, уведомив сурового босса, провела в следующий кабинет. Все с улыбкой, фальшивой и насильной... Пугающей. Настя вспомнила, что тоже умела так раньше. Теперь разучилась. Счастливая. Вырывая из размышлений, тишину кабинета нарушило громкое приветствие дяди.

— Дорогая моя! Проходи. Очень рад тебя видеть.

Воображаемое дуло винтовки уперлось в висок.

— Здравствуй, дядя, — вот и все.

Исполнительная секретарша перегородила собой выход.

— Наташенька, принесите нам... — Барский повернулся к своей гостье. — Настя, ты что предпочитаешь?

Вариантов "яду" или "веревку с мылом" в меню наверняка не было. Она попросила чай.

Неспешно убирая со стола лишние документы, банкир изредка поглядывал на свою посетительницу. Волнуется, понимает — его девочка. Возможно, стоило вмешаться и раньше, но думал: само собой разрешится. Нахальный хоккеист — смесь упрямства и тестостерона. Такие меняют подружек как перчатки, не обременяя себя их чувствами и планами. Не вышло. Этот Таранов оказался стойким малым. И нынешняя Настиня сосредоточенность говорила об одном — она пришла бороться.

Все-таки нужно было раньше вмешаться, не доводить до последней черты.

— Мы давно с тобой не виделись, Настюша... — он начал первым. — Нехорошо. Могла бы и позвонить как-нибудь, в гости заехать.

— Дядя Саша, давай опустим эту вводную часть, — прервала собеседница.

Дождавшись, когда секретарша оставит чай и удалится, Барский вынул из верхнего ящика стола какие-то бумаги.

Положил перед собой. Пока рано было их предъявлять.

— Что ж, тогда о главном, — одним движением руки он полностью раздвинул жалюзи, заполняя кабинет светом.

Яркое майское солнце озарило каждый уголок строгого офиса. Дорогое кожаное кресло, массивный письменный стол, картины, шкаф и самого хозяина. "О Боже, как он постарел!" — с удивлением заметила гостья. К настороженности примешалась вина. В круговерти борьбы и ожидания расплаты она совсем забыла о его возрасте. Несгибаемый магнат, властолюбивый самодур — он тоже болел и старел. Сеточка морщинок на лице

стала заметнее, взгляд потускнел. Все такой же привычно холодный и цепкий, сейчас он не горел — еле тлел. Как так вышло? Раньше это не было заметно. Редкие встречи в офисе, ужины в ресторанах — каждый думал о своем, не замечая в блеклом свете настоящего лица, под маской бизнесмена. И лишь сейчас оно обнажилось, будто бы вместе с жалюзи отодвинулась и его собственная ширма. За деловой сосредоточенностью показался старик. Насте стало не по себе.

— Два года назад, когда тебя еле живую доставили в больницу, я думал, что хуже уже не будет. Мой самый страшный кошмар превратился в явь. — Александр Михайлович осторожно опустился в кресло. Даже сейчас воспоминания о том времени отзывались тупой болью в сердце. — Никто не мог понять, как такое произошло. Замерзнуть возле дома — непостижимо! Висевшая на волоске от смерти, ты с таким трудом выкарабкивалась. Казалось бы — счастье, повезло, спасли. Физическое состояние стабилизировалось, но ты была не ты. Оболочка, — он тяжело вздохнул, нужно было продолжать. — Я платил медсестрам, чтобы они отвлекали тебя от ненужных мыслей, нашел самого лучшего психотерапевта, чуть не придушил своими собственными руками твоего мужа...

Во взгляде Насти вспыхнуло недоумение.

— Да, — невесело хмыкнул старик. — Пока ты методично избавлялась от нанятых мною специалистов и игнорировала все медицинские рекомендации, я искал ответы. Сам, не доверяя никому.

— И как, нашел? — мысль о том, что кто-то мог докопаться до нелицеприятной правды, пугала. Одно дело Таранов. Ему она призналась лишь под страхом потерять. Но дядя... Захотелось спрятаться от стыда.

Барский внимательно следил за калейдоскопом эмоций на лице племянницы: злость, недоумение, боязнь. Все он тогда разгадал правильно. Его девочка сбежала из своей идеальной семьи, не найдя там настоящей любви и заботы. Он был таким дураком, будучи уверенным, что в браке она счастлива. Несколько лет фальши. А все почему? А потому что в глубине души его маленький стойкий оловянный солдатик был слишком робок, чтобы сдаться. Настоящие трусы не капитулируют. Они спасают свою шкуру, наплевав на косые взгляды и упреки других. И только застенчивые, чуткие, не знающие, что такое настоящая любовь и опека — тянут из последних сил свою лямку. Тянут, да не вытянут. И сейчас Настя взваливает на свои плечи очередную чужую ношу.

— Да. Свои ответы я нашел. Основная вина лежала на мне. Твоему черствому сухарю только собак дрессировать или поучать нерадивых сотрудников, — Барский горько усмехнулся. — С одной единственной девочкой я не справился. Провалил самое важное дело в своей жизни.

Настя отвернула лицо. Слышать подобные признания от дяди ей еще не приходилось, будто это противоестественно. Ее строгий наставник раскаивался за свою строгость. Почему-то отчаянно захотелось к Андрею. Прижаться к нему близко-близко и попросить, чтобы не отпускал. Никогда.

— А сейчас, моя дорогая, я вижу, как ты вновь затягиваешь себя в ловушку, — дальше откладывать было нельзя. Главное он высказал, осталось самое неприятное. — Та пресс-конференция... Она стоила тебе любимой работы. Я бы не уволил, но ты решила сама: вынесла себе приговор и понесла наказание. Проклятие! У меня руки чесались стереть твоего Таранова в порошок. Как он мог позволить?

— Он не знал, — надтреснутым голосом произнесла Настя. — Андрей не пошел бы на

такое. Я организовала все за его спиной.

— Черта с два! — Барский поджал губы, сдерживая гнев. — Он мог не знать заранее, однако очень ловко принял твою подачу. Его ответы я слышал — капитан не упустил подвернувшуюся возможность. И цена для тебя, я так понимаю, его не интересовала.

— Все не так... — она не договорила.

— Расскажи мне, как! — Барский резко встал со своего места. — А еще расскажи — зачем?

Она замерла на вдохе. Первая пуля попала точно в цель. Проницательность дяди поражала.

— И коня на скаку остановит, и в горящую избу войдет... — многозначительно изрек банкир. — Настя, только не говори, что не понимала, для чего Андрею нужен был Чемпионат мира. Ты ведь умница. Мировое первенство для такого спортсмена, как он — ступенька к НХЛ. Не к ЗАГСу или в семью, а за границу.

— Я не могла иначе, — она опустила голову на грудь.

— Ты не могла, он не мог. Девочка моя, Таранов действительно хороший хоккеист, а у таких на первом месте только дело. — Дядя обошел стол и стал прямо напротив гостя. — И ближайшие три года он будет заниматься только им. За границей.

— Если позовут.

— Позовут. Не тешь себя иллюзиями.

— Договор еще не подписан. — Настя перевела взгляд с лица старика на стол. Стопка документов привлекла к себе внимание.

— Да. Ты все правильно поняла, — похлопав ладонью по бумагам, ответил банкир.

Настал момент истины — то, ради чего она здесь. Грустные предисловия и обоснования позади, и не сбежать — уже догадалась, что произойдет в следующий момент.

— Одно твоё слово, и он останется здесь. — Вот он выстрел. Сердце дрогнуло. — Одно твоё слово. Его мечта в твоих руках. Я подпишу документы, и он уедет на три года. Отличная команда, выгодные условия, пресловутая заокеанская Лига, до которой нашей, к сожалению, еще расти и расти.

— Ты ведь не за этим меня звал, — крепко сжала в руках сумочку с папкой. — Каким будет условие?

— Я не хотел, чтобы это выглядело как шантаж. Настя, ты ведь понимаешь, он не сможет мотаться к тебе на ужины, а тебе оставить здесь все и перебраться к нему — безумие. Из известных журналисток в домохозяйки! Какая-нибудь пустышка смогла бы, но ты другой породы. — Барский перевел дыхание. Правда не давалась легко. Вроде, и готовился к этому разговору, а все равно сердце болело. — Ты знаешь, каково жить рядом со мной. Поверь — с ним будет не намного легче. А ты не так сильна, как пытаешься казаться. Воля и сила — не тождественные понятия. Родная, к окончанию его контракта тебе будет тридцать семь. Без детей, рядом с молодым, только-только освободившимся хоккеистом... Это, знаешь ли, не работой пожертвовать — расклад совсем иного уровня.

— Мы бы что-нибудь придумали...

— Как ты уже придумала с Чемпионатом мира? Или как до того, в браке? — теперь жалость была не к месту. — Если он сейчас примет приглашение, то ни о каких детях и думать не захочет. На три года, не меньше.

— Я справлюсь, — и тут же поняв, что оговорила, добавила: — Мы справимся.

— Ты — да! Угроишь нервную систему и здоровье, но справишься, — Барский

кивнул. — Только кому это будет нужно? Девочка моя, да он променяет тебя на какую-нибудь смазливую фанатку, едва на твоём прекрасном личике появится первая морщинка.

Дядя знал, куда целил. Страхи, которые она долгие месяцы постоянно гнала от себя, сейчас с новой силой отозвались в душе. Пара ли они: красивый, успешный спортсмен и она, немолодая любовница, ублажить которую не так уж просто? На сколько еще хватит его интереса, так ли сильна привязанность? Она тысячу раз задавалась этими вопросами! Самыми страшными. Рядом с Андреем все было просто и легко, но стоило расстаться хотя бы на день, и тревога возвращалась. Продвинулись ли они хоть на шаг за полгода? А смогут ли продвинуться дальше там, в Канаде, где у него будет любимое дело, а у нее — ничего.

— Настя, еще раз говорю: если ты считаешь, что у вас получится, я готов расторгнуть контракт. Место в моей команде ему всегда найдется, в канадской — решать тебе.

— Это его единственный шанс... — женщина обхватила руками голову. От напряжения адски ломило в висках. Проклятый выбор. Нежданно и жестко. Сейчас она знала лишь, что расстаться со своим капитаном пока не готова. — Я поеду с ним.

— Все-таки хочешь попробовать? — упрямая племянница не оставляла шансов. — Сунешь голову в петлю и будешь ждать, когда затянет потуже.

— Господи, ну как ты не понимаешь?.. — не удержалась. — Я действительно люблю его. Мне хорошо с ним. Впервые в жизни так хорошо!

— Подобное я предвидел, — старик пододвинул к ней стопочку листов. — Прости меня, милая, но допустить твой отъезд я не могу.

— Дядя, нет... — Настя вжалась в кресло.

— Все равно на слово ты не поверишь. Читай, — Барский указал на контракт. — Канадцы его уже подписали.

Она не хотела даже прикасаться, а лучше — не видеть и не слышать об этих бумагах. Вышколенные юристы Барского были похлеще пираний. Если контракт был делом их извращенных умов, то и надеяться найти уловку не стоило. Но если нет...

Собрав волю в кулак, Настя принялась читать. Никогда еще ей не приходилось так внимательно и дотошно вчитываться в документ. Каждое слово и запятая, каждое "в праве" и "обязуется", но лазейки не было. Договоренности, как невидимая, но прочная паутина крепко опутали свою жертву. Клубы договорились обо всем, и дядюшка не пожалел денег, чтобы иметь возможность дергать за нити.

С каждым прочитанным абзацем Насте становилось все хуже. Воздуха не хватало.

— Ты сможешь его отозвать... — отложив бумаги, горько проронила она. — Завершить заокеанскую карьеру по щелчку пальцев. Бесчестно.

— Да, после любого сезона. Клуб отпустит.

— За такие-то деньги...

— Из него выжмут все соки и прибыль, а затем вернут мне, — спрятав документ, подтвердил Барский. — А я отзову. Уж можешь мне поверить.

Последние слова прозвучали будто приговор. Сомневаться не приходилось. Хладнокровию ее драгоценного дядюшки можно было лишь позавидовать. Уж он точно во имя "так будет лучше", не дрогнув, отрезал бы себе руку или ногу. Сейчас же ради этого "так будет лучше" единственный родной человек на мелкие кусочки резал ее. Мастерски, как опытный хирург, только без анестезии.

— Настя, я хочу, чтобы ты понимала: не нужно слез и просьб. Я делаю это не ради себя. Ты — самое дорогое, что у меня есть, и позволить тебе рисковать своей жизнью я не

могу, — он попытался погладить ее по голове, но влажный, злой взгляд остановил. — Ты не веришь сейчас — боишься увидеть правду, но от нее не уйдешь. Вы слишком разные, рано или поздно его страсть к тебе угаснет. А я не смогу быть рядом, чтобы вовремя помочь...

— Помочь? Ты уже помогаешь! Закапываешь меня живьем!

— Это эмоции. Он скоро уедет, найдет себе другую, — дядя упрямо гнул свою линию. — А что будет с тобой? Там!

— Мне бы "здесь" пережить теперь...

Это был даже не выстрел — по горлу словно лезвием полоснули. Ни вдохнуть, ни выдохнуть. Ком.

Любые доводы бесполезны, а компромат как рогатка для танка. Ради нее он скупит всех. Уже скупил.

— Я никогда не строила планов на долгую совместную жизнь. Я жила! Без иллюзий, принимая каждый день за подарок, — заплакать не получалось — глаза словно пересохли, а голос охрип, как от долгого плача. — Но ты хочешь лишить меня и этих дней.

Барский отшатнулся. Эмоции, с которыми были произнесены последние слова, пугали. Совсем как два года назад, когда он умолял ее принять помощь и начать жизнь с чистого листа. Ужасное повторение. Он слишком поздно спохватился выручать свою девочку. Не доглядел!

— Надо заканчивать этот бесполезный разговор, — Александр Михайлович снова уселся в свое кресло. — Все равно ничего толкового не выходит. Я свое мнение уже высказал. Время для того, чтобы подумать и принять взвешенное решение, у тебя есть. До утра. Выбирай: его мечта или ваша совместная жизнь. Но стоит тебе нарушить условие, я отзову его мечту. Навсегда.

В квартире было тихо. Удивительно тихо для десяти часов вечера. Настя не решилась ехать домой сразу после встречи — боялась не сдержаться. Наматывала по городу круги пока вместо раздражающего душу горя ни осталось остывших углей. Ее первое пепелище. Сколько еще их будет? Сколько еще раз придется сжечь всю себя, чтобы забыть?

А может не терпеть? Сознаться Андрею во всем, и пусть выбирает. "Это его мечта, не твоя, ему и решать!" — вкрадчиво нашептывал внутренний голос, соблазняя надеждой.

Мучая себя сомнениями, она ждала. Бродила по квартире, как неприкаянная, суетилась, убирала разбросанные вещи. От Андрея не было ни записки, ни СМС, а телефон отвечал одними лишь долгими гудками — абонент не желал брать трубку. Впервые.

В полночь полились слезы.

Глава 25. Решение

Андрей не вернулся домой в час, не вернулся в два. Без причины. Его вещи, все то, что они перевезли из съемной квартиры к ней, находилось на своих местах. Даже золотая медаль. Не было лишь мужчины. Не зная, что и подумать, Настя молилась на телефон. Все надеялась на звонок, но пластмассовый идол был равнодушен к женским мольбам.

— Сговорились вы все, что ли?.. — она запустила в стену пустую картонную упаковку от бумажных салфеток. — Ну почему именно сегодня?

Уже утром дяде нужно будет дать ответ, а как его дать? Даже в глаза Андрею посмотреть нет никакой возможности, не то что поговорить. Куда его могла занести нелегкая и, главное, с кем? Неожиданные вспышки ревности сменялись липким страхом, страх — раздражением, и так по кругу. Женская фантазия рисовала картинки, одна страшней другой. Скучным остаткам здравого смысла нелегко было бороться с этой мешаниной.

В конце концов, отчаявшись, Настя набрала номер Гагарина. Новоиспеченному папаше, конечно же, было не до ночных звонков, однако и сама она дольше ждать не могла.

В этот раз повезло — Иван поднял трубку почти сразу. Под веселый смех жены Маши и звон посуды, мужчина промямлил свое "але". Судя по заплетающемуся языку, вратарь был в стельку пьян.

— Иван, прости, что беспокою ночью, но ты не знаешь, где Андрей? — четко и громко, как диктор на радио, произнесла Барская.

— Таранов? Так он уже... Ик... Дома должен быть. Ик... — с трудом выдал собеседник. — Ищи под одеялом!

Барская с тоскою глянула на кровать. Андрея на ней она точно б заметила. Тот где угодно умудрялся развалиться по-царски.

— Искала, — вздохнула Настя. — Нет его там.

— Странно, — Гагарин на секунду умолк, словно пытался понять, как это возможно. — Настасья Игоревна, такого быть не может. Ик... Потому что... Ик... Не может быть. Да он мне весь вечер голову дурил, что... Ааа... — вратарь громко зевнул в трубку, и разговор неожиданно прервался.

Настя непонимающе уставилась на экран телефона, но у него, кроме "разговор завершен", никаких пояснений не было. Пришлось набирать номер еще раз.

— Привет, Настя, — после двух гудков послышался шепот Маши. — Вырубился мой орел. Клювом о кухонный стол. Хорошо хоть мимо кружки с горячим чаем промахнулся.

— Маш, привет. Извини за звонок, но... Мой орел до сих пор не долетел.

— Они с Иваном набрались, как поросята, — хохотнула собеседница. — Если бы ни автопилот, не знаю, как бы и добрался.

— Хм... — Барская задумалась. Мысль о том, что Андрей не зажимался с какой-нибудь фанаткой, а банально напивался с другом, согрела душу. Однако отсутствие его дома по-прежнему тревожило. — Видимо, у форвардов с автопилотом хуже, чем у вратарей.

— Это, конечно, само собой, но странно... Ванька уже полчаса как дома.

— Тогда буду ждать, — Барская уткнулась лбом в стену. Сегодня ожидание давалось ей труднее, чем всегда. — Маша, в любом случае, спасибо за вести. Андрей ни о чем не предупредил.

— А у них с Иваном это всегда спонтанно. Я за несколько лет уже привыкла. Ты тоже привыкнешь.

— Вряд ли... — чуть слышно проронила Настя.

— Ладно, дорогая. У меня младшая проснулась, — детский плач был слышен даже в трубке. — Спокойной ночи и не переживай. Таранов никогда не был бродячим котом, а, значит, вернется.

— Маш, спасибо еще раз. Не буду задерживать. Пока.

Выпив вторую кружку кофе за вечер, Настя уселась в удобное кресло у окна и продолжила ждать. Усталость, физическая и эмоциональная опустошенность отодвинули на задний план самую главную проблему. Было и не больно, и не страшно. Никак. Выбор словно бы перестал существовать. Она ждала своего любимого, но по-прежнему чужого мужчину, вглядывалась в огромное звездное небо за окном и тихонечко раскачивалась из стороны в сторону, убаюкивая саму себя.

— Таранов, какой же ты все-таки... — прошептала, потирая слипающиеся глаза. — Эгоист и самовлюбленный индюк.

Андрей очень удивился бы, услышав эти слова. Как раз сегодня, после разговора с другом он отчетливо понял, что реализовывать свою мечту готов только рядом со своей женщиной. Канада без Насти казалась уже не такой привлекательной.

Он так спешил домой, поделиться этим открытием, что впопыхах назвал водителю адрес съемной квартиры. Тому было все равно, куда везти. Кто платит, тот и заказывает музыку.

У дома было темно. Отпустив авто, незадачливый клиент привычно направился в сторону подъезда. Ноги, заплетаясь, преодолевали метры, а глаза все никак не могли высмотреть нужную дверь. Пройдя с десятков метров, он понял ошибку.

— Черт!.. Хорошо хоть не Ленинград, — зло сплюнул на тротуар.

Снова вызывать такси и ждать не хотелось. Настя дома наверняка уже спала. Поспать решил и он, а в чьей квартире, стало вдруг не важно — была бы кровать.

Когда под утро в квартиру вошла женщина, он видел пятый или шестой сон. После выпитого и выговоренного спалось особенно сладко. Закрыв за собой дверь, гостя сняла обувь, положила на столик в гостиной ключи от Фиата и бесшумно направилась в спальню. О том, что хозяин дома, поняла еще у входа — по храпу. Такие громкие, рокочущие звуки мог издавать только один человек.

Первые лучи солнца пробились через прозрачную штору, наполнив комнату мягким, бархатно-туманным светом. Вошедшая осмотрелась. На полу, рядом с кроссовками, сиротливо валялись майка и джинсы, на тумбочке, придавленные тяжелыми наручными часами, примостились носки — картина "Воин пришел с войны" на современный лад. Сам воин, укрывшись до подбородка одеялом, раскинулся поперек кровати и храпел. Присев на краешек матраса, гостя печально улыбнулась. Ее отчаянный капитан даже во сне оставался собой: хмурым и важным, как перед выходом на ледовую площадку. Даже сон не смог разглядеть тонких морщинок на лбу, делавших его старше. "Он у нас почти ветеран!" — вспомнились слова Конева-младшего.

Ветеран в тридцать лет.

Лучший нападающий здесь, но так и не показавший себя там.

Отгнав опостылевшие мысли, гостья отвернула краешек одеяла и замерла. Под боком мужчины вместо любимой женщины лежала старая, еще времен молодежной сборной, клюшка. Сколько раз уже она видела ее в этой квартире! Треснутая, негодная даже в качестве раритета фанатам, клюшка была дорога ее владельцу. С нее началось его восхождение: взрослая Лига, первый чемпионский кубок, заокеанский контракт. Старье, ненужный хлам. Стоило бы выбросить, да рука не поднималась.

И вот сегодня они были рядом — человек и дело его жизни, словно две половинки одного целого.

Спортсмен, профессионал, почти всю жизнь посвятивший себя хоккею... Он ведь останется. Как пить дать — пошлет к черту ее дядюшку с его предложением и останется. А сумеет ли она расплатиться потом?..

Имеет ли вообще она право спрашивать, ставить любимого перед выбором?

Женщина до боли закусила губу. Решиться стало просто. Альтернативы исчезли, оставив на поверхности бесконечную искреннюю любовь. Никогда еще она не любила его так, как в этот момент.

— Настало время отпустить, — прошептала, нежно глядя спящего по теплему плечу. — Нам обоим будет трудно в начале, но иного выхода нет.

Мобильный телефон оказался на самом дне ее сумочки. Стараясь не разбудить мужчину, она аккуратно извлекла устройство и написала одно короткое сообщение: "Согласна". Палец даже не дрогнул, когда нажимала "отправить". На душе было горько, но спокойно. Все правильно. Так и должно было быть. Ее прекрасные полгода закончились — не катастрофа и не трагедия. Просто пришло время платить по счетам, а в оплату не было ничего, кроме своего счастья. Дорого, но цену устанавливала не она. Чужая мечта оказалась дороже своей, да и чужая ли она? Мечта любимого мужчины...

Больше никаких дел не осталось. Анастасия Игоревна Барская бесшумно разделась убрала клюшку и нырнула под одеяло. Последние мгновения она не отдаст никому. Наводящее сон расслабление волной прокатилось по телу. Хорошо. Словно почувствовав ее рядом, Андрей закинул руку на талию и ткнулся губами в белокурые волосы. Следом послышалось невнятное бормотание, и храп перешел в тихое, протяжное сопение. Как всегда... Как в радостном прошлом.

Спустя несколько минут спали уже оба.

Утро началось со звонка. Проклиная головную боль и самого себя, Таранов принял из рук Насти ненавистный телефон. На очередной фотосессии требовалось обязательное присутствие капитана. Сам капитан слабо соображал, зачем это нужно, но отказаться не мог. Проснувшись в своей холостяцкой квартире рядом с любимой женщиной, он вообще ничего не соображал. События предыдущего дня помнились обрывочно, а все мысли были лишь об одном. Впрочем, здесь его поджидал очередной прокол. Мало того, что Барская категорически отказалась целовать его, благоухающего перегаром, так еще и потребовала завтрак. И это в пустой квартире, где даже коробки из-под овсянки было не сыскать.

Начавшийся суматошно день пролетел совершенно незаметно. Настя загрузила себя делами, чтобы не осталось ни единой возможности одуматься и пойти на попятную. От Андрея до вечера не было ни единой весты. Уже в девять, когда она во второй раз ставила разогреваться ужин, послышался лязг ключей в дверном замке. Пару секунд спустя на пороге материализовался Таранов с шампанским и цветами.

— А по какому поводу праздник? — улыбнуться не получалось.

— Настя! — Андрей быстро сунул на тумбу для обуви бутылку и букет, а потом, в чем был, рванул к ней и закружил в объятиях. — В Канаду едем! Мне такой контракт предложили — сказка!

"Улыбайся же, Настя!" — пыталась заставить себя хозяйка, но губы никак не хотели слушаться. Не выходило притвориться, как ни старалась. В конечном итоге, отбросив эту затею, она накрыла его губы своими и пробралась руками под майку.

Время понеслось как сумасшедшее.

Глава 26. Последние мгновения вместе

Три недели спустя.

Маленький, шустрый Фиат бодро преодолевал колдобины и ухабы старой загородной дороги. Резво скакал по лужам, поднимая фонтаны брызг. Словно унылой осенью, а не ласковым летом, дождь шел уже вторые сутки. Барабанил прохладными каплями по стеклам и крыше, заставляя ежиться. Тучам на небе не было видно конца и края.

В машине ехали двое. Водитель — молодая белокурая женщина — изредка бросала гневные взгляды на навигатор и тихо шептала проклятия. Пассажир — рослый крепкий мужчина — смеялся, глядя на нее, и все норовил положить руку на колено. Соседка от этого злилась еще больше. Отвлекало.

— Если бы я знала, в каких дебрях находится дача Клюева, ни за что бы не согласилась на поездку, — женщина убрала за ухо выбившуюся прядь и вновь недовольно покосилась на навигатор.

— Насть, если бы не твоя проклятая работа и невероятное упрямство, мы бы преспокойно провели бы эти выходные в другом месте, — не менее сердито ответил пассажир.

— Ну, знаешь ли... Лететь через океан, чтобы за два дня пытаться хоть что-то увидеть — какое-то сомнительное удовольствие.

— Во-первых, побыть со мной, — он загнул один палец. — Во-вторых, все два дня ты любовалась бы только одной достопримечательностью — широкой кроватью в моей квартире. А в-третьих...

И Андрей в подробностях рассказал, что и как он планировал сделать на этой кровати "в-третьих". Планов было много. К окончанию рассказа Настя так завелась, что даже дышать ровно не получалось. От внимания собеседника это не укрылось. Довольный результатом, он расслабленно откинулся в кресле. Настроение, несмотря на дождь и слякоть, заметно улучшилось. Две чертовски длинные недели закончились, все организационные вопросы решились. Теперь у него на руках был трехлетний договор, обустроенная просторная квартирка в центре Монреалья и жгучее желание вернуться туда в компании с Барской.

— Ты когда летишь обратно? — как между делом поинтересовалась Настя.

— Пара недель от силы еще есть, а потом надо лететь. Подготовка к сезону, реклама. У космонавтов график подготовки и тот проще, — Андрей обернулся вполоборота. — Но вообще, я рассчитывал не на "ты обратно", а на "мы".

— Тогда у тебя есть время, чтобы убедить меня, — многозначительно проронила женщина.

— Сегодня же по приезду и начну. За две недели столько "убеждения" собралось. Боюсь, завтра ты и ходить не сможешь...

— Хм... Понятно, чем ты скучал! — слово "чем" она особо подчеркнула.

Собеседник плотоядно зыркнул на ножки в ненавистных брюках, но спорить не стал. Надо было все-таки по прилету сразу направиться в койку. Теперь вот сиди и мучайся.

Когда, наконец, машина въехала в поселок, дождь усилился еще больше. На небе словно плотину прорвало. Невинный летний дождик обещал превратиться в настоящий потоп. Дворники не справлялись расчищать лобовое стекло, а от мысли, что скоро придется

выходить на улицу, бросало в дрожь.

В конце длинной извилистой улочки показался знакомый Андрею двухэтажный деревянный домик. Навигатор радостно заверещал об окончании поездки, и Барская, ориентируясь по силуэтам заборчиков, вырулила к калитке. Подогнать Фиат под самое крыльцо не представлялось возможным. Тяжелые кованые ворота явно открывались изнутри.

Люди в машине задумались.

— Придется бежать, — невесело глядя на дождь, постановил пассажир. — Я заберу вещи из багажника, а ты прямиком туда. Вот ключ.

— Промокнем до нитки, — Настя осмотрела свою тонкую блузку и брюки. — У меня даже одежды теплой нет на смену...

— Там есть горячая вода и камин, — Андрей весело подмигнул. — Высохнем, согреемся. А одеждой я тебя обеспечу!

— Звучит обнадеживающе.

— Тогда вперед! — и он первым открыл дверь.

Босые ноги прошлепали по полу от ванной комнаты до диванчика в гостиной. Андрей подкинул в камин парочку поленьев и обернулся. Оказалось, не зря. Задом к нему, склонившись над дорожной сумкой, копошилась Настя. Его спортивная кофта, одетая ею на голое тело, задралась, выставив напоказ соблазнительные полушария. Руки так и чесались облапить эту красоту.

— Солнце, ты меня специально провоцируешь? — предательски хриплым голосом поинтересовался зритель.

— Сейчас перестану, — она выудила из недр сумки свежий комплект белья и развернулась к мужчине.

Тот сидел на корточках и не сводил глаз с ее ног. Настя хотела еще что-то сказать, но слова застряли в горле. "Вот нахальный гипнотизер!" — возмутилась она про себя.

— Положи, что взяла, на место! — приказным тоном заявил Таранов. — И иди сюда.

— Нет, — она отрицательно помахала пальчиком. — Если я к тебе сейчас подойду, то не будет ни ужина, ни тепла.

— А как же аперитив?.. — обидчиво хмыкнул Андрей. — Он, знаешь ли, повышает аппетит. А согреть тебя я смогу и без огня. Проверим?

Барская демонстративно облизнула губы, но и на метр не сдвинулась в его сторону. Сегодня и завтра никакой спешки. Телефон отключен, и никто, кроме хозяина дома, не знает, где они. Это ее дни. Пускай законы физики идут к черту, туда же, куда она уже сослала свое право на счастье. Последнее оставшееся у них на двоих время будет течь по ее правилам. Медленно и неспешно, оставляя в памяти самые яркие и радостные картинки.

Соскучившийся за две недели, Андрей с неммым укором смотрел, как объект его желаний грациозной походкой удаляется в кухню. Белье осталось на месте, а пару минут спустя из кухни послышался какой-то шум и один глухой хлопок.

— А есть ли в этом доме бокалы? — Настя с бутылкой вина в руках выглянула из-за двери.

— Вряд ли... — Андрей попытался припомнить, из чего они пили осенью на пикнике. — Нет. Бокалов не было.

Теперь вспомнил точно. Какая-то настойчивая девица просила его раздобыть их и даже вызвалась помочь в поисках. Ни у него, ни у девицы ничего не вышло. Зря она терлась о его

ширинку и строила глазки. Уже тогда он думал только о том, как затянуть в кровать странную дамочку пресс-секретаря. С тех пор прошло почти десять месяцев, а "дамочка" по-прежнему занимает большую часть его мыслей. И одного секса теперь мало.

— Иди сюда, — мужчина отложил кочергу. Пламя с тонких щепок уже перекинулось на поленья, и не нужно было постоянно за ним присматривать. — Будем пить из горлышка.

Настя с недоумением посмотрела на бутылку, а затем сделала первый глоток. Пить коллекционное вино из горлышка ей еще не приходилось. Даже вкус показался другим, более терпким. Только ли из-за бокала, или сегодня все будет ощущаться иначе? Не задумываясь, отпила еще. Терпко. Одинокая кроваво-красная капля напитка стекла по губе, и она быстро вытерла ее тыльной стороной ладони. Зацелованные губы покраснелись еще больше. Таранов это заметил. Кадык на шее мужчины дернулся, а глаза сузились в щелки.

— Даже не смотри на меня так, — Настя прошла в гостиную, но вместо того, чтобы передать вино Андрею, уселась на подоконник. Холодный дождь стучал в стекло, и лишь вино, глоток за глотком, согревало изнутри. — Я хочу тебя. Очень. Но не под одеялом, укрывшись с головой, а здесь, у огня. Хочу видеть, как тыходишь в меня. Каждое движение.

Она сделала еще глоток, не сводя взгляда от его затуманившихся глаз. Отблески огня в камине и желание плясали в них дикий первобытный танец. Вызов и скопившееся за две недели возбуждение подстегивали к действиям. Андрей готов был сорваться в любой момент и, заглушая стук дождя собственными ударами, взять ее прямо на этом подоконнике. Сдержался с трудом. Молча стянул с себя майку, швырнул ее на диван. Пусть пьет вино и смотрит. Сама придет.

— Это тяжелая артиллерия, — Настя залюбовалась.

— Ты первая начала.

— И ты решил меня искусить? Взять на живца?

— Думаешь, мне легко? — Таранов указал взглядом на собственный пах. Там, под легким спортивным трико, он давным-давно уже был в состоянии полной боевой готовности. — Шастаешь тут передо мной полуголая...

— И как ты только две недели выдержал? Или какая-нибудь симпатичная канадская девчонка помогала? — вроде бы простая шутка, а самой стало горько. Ревновать скоро тоже будет нельзя.

— Одна помогала, — собеседник хищно осклабился. — В фантазиях. Только ими и перебивался по ночам. Хочешь, расскажу?

— Расскажи...

— Тогда иди сюда и отдай вино. Горло пересохло.

Настя ни капли не поверила, но пошла. Не могла не пойти — слишком сильно тянуло прикоснуться. Мускулистый торс, освещенный лишь огнем, магнитом притягивал к себе. С майкой он все точно рассчитал.

— Попалась! — У камина было жарко. Андрей одной рукой взял у нее бутылку, а второй схватил за лодыжку. — Не пущу.

— Не умею я от тебя бегать. Совсем.

— Наконец-то осознала! — одна рука пробралась под кофту и по-хозяйски похлопала по попе. — Эх, Настя... Мне тебя там очень не хватает. Ты бы знала...

Не желая слушать, Барская зарылась пальцами в его отросшие за последние недели волосы и грубо потянула. Большой сильный лев чуть не заурчал от удовольствия, а вино тут же оказалось отставлено подальше.

— Нравится? — ноготками прошлась от затылка к вискам.

— Очень! Давай еще.

— Вначале ты! Обещал ведь рассказать о своих фантазиях. Чем ты там без меня перебивался по ночам?

Он многозначительно ухмыльнулся и сощурил глаза.

— Пожалуйста, расстегни кофту, — мог бы и сам это сделать, но не хотел подниматься с пола. Снизу открывался самый лучший вид. — Без этого рассказать не получится.

— Какой интересный рассказ мне предстоит, — собачка медленно опустила до самого низа.

Андрей чуть не зарычал, нетерпеливо распахивая кофту. Под ней было только голое тело. Белоснежная кожа, пахнувшая мылом и ею самой. Настоящая женщина, совершенная в каждой мелочи. Инстинкты во все трубы трубили "Хочу!", а маленький, идеально остриженный треугольник волос напротив его глаз сводил с ума.

— Точь-в-точь как в моих фантазиях, — прохрипел он, прикасаясь губами к чувствительной коже возле него. Настя вздрогнула. Язык прошелся выше, до самого пупка, и, выписывая невероятные фигуры, вернулся обратно. — Там в спальне у меня стоит широкая кровать. Я представлял, как укладываю тебя на нее, развожу эти чудесные ножки и долго-долго, старательно-старательно вылизываю каждый миллиметр бархатной кожи здесь... — он заставил ее расставить ноги шире и скользнул языком по уже влажному входу.

От неожиданности Настя попыталась отодвинуться, но мужчина крепко держал за бедра, продолжая свою игру. Его совершенно не волновало ее непонятно откуда взявшееся смущение. Язык не знал роздыху. Давно изучив все точки, каждый изгиб и складочку, теперь он направил все знания и опыт на то, чтобы лишить ее рассудка. Колени подгибались.

— Нет, милая, даже не думай опускаться, — Андрей на секунду отвлекся, чтобы полюбоваться результатом. — Ты ведь хотела узнать о моих фантазиях, вот и держись.

Его губы вновь жарко обхватили самое чувствительное место, и вместо ответа из горла женщины вырвался вскрик. Реальность растворилась в ощущениях. Ее капитан, ее безумно красивый и любимый мужчина... От происходящего невозможно было оторвать взгляда. С ним все было иначе. Почему-то неловко, но ярче, чем с другими. словно и не было никогда других. Только он и только так. Чувственно, с азартом, в удовольствие. Как с любимой...

Тело плавилось от ласки. А когда через минуту к языку подключились пальцы, она застонала, не сдерживаясь. Волны приближающегося оргазма с каждым мгновением становились все сильнее. Мужские плечи и шея под пальцами окаменели.

— Господи, как я тебя... — признание само сорвалось с губ. Настя готова была кричать об этом на весь мир, но, бесправная, лишь молча, одними губами, добавила: — Люблю.

Поток ветра брызгами дождя ударил в стекло. Андрей последний раз толкнулся пальцем внутрь. И ожидание разбилось вдребезги от бурного, яркого наслаждения. Как подкошенная, Настя рухнула в крепкие мужские объятия. Тело подрагивало, сердце рвалось из груди, а глаза застилала слезы.

Первое воспоминание опустилось в копилку.

До широкой двуспальной кровати на втором этаже добрались уже ночью. В комнате было прохладно, но удобный матрас и огромное одеяло оказались сильнее холода. Глаза слипались, а расслабленные после долгого, неспешного секса тела хотели лишь отдыха. Отключиться хоть ненадолго.

Дождь постепенно стал стихать. Редкие капли глухо молотили по крыше, убаюкивая, словно колыбельная: "Кап! Кап! Кап...". Так, под тихий перестук в пропитанной ароматами дерева спальне вскоре послышался мерное посапывание. Двое, тесно прижавшись друг к другу, видели сны.

Андрей проснулся среди ночи. За последние недели режим сна и бодрствования совсем сбился. Разные часовые пояса, бестолковая дрема в самолете. Вдобавок ко всему, в мысли закралась непонятная тревога, которая никак не хотела отпускать. С Настей было что-то не так. С виду прежняя Барская. Домашний, ласковый вариант, но иная. Сердце так и екало в груди от каждого ее взгляда. Разлука ли во всем виновата, или его "солнце" и вправду была не такой, как обычно?..

Он аккуратно приподнялся, опершись на локоть, посмотрел на спящую под боком женщину. Настя скрутилась калачиком, будто замерзла. Надо было бы встать, набросить на одеяло толстый плед, но боялся разбудить свое сокровище. Хрупкое, изящное, будто видение. Ничего общего с дебелыми поклонницами, что стайками вились возле команды. Настя. И за что ему только досталось такое счастье? Он, не банкир, не бизнесмен, а обычный хоккеист, и она... Неужели заслужил? Если да, то хотелось верить, что навсегда.

Иногда непонятная, ранимая и строгая, она незаметно оказалась самым дорогим для него человеком. Его собственная тигрица с душой испуганного котенка. Подумать только — Барская. Все по Шекспиру. И никуда они уже друг от друга не денутся. Прикипели оба. Пусть еще посопротивляется, но итог один — поедет с ним. А там...

Андрей осторожно притянул женщину поближе к себе и, совершенно серьезно прошептал на ухо:

— Будешь ты у меня не Барская, а Таранова. Беременная, босая и на моей канадской кухне.

Классика жанра, но от собственных слов стало легко. Воображение подсуетилось и мигом нарисовало задуманное. Все виделось четко, словно реальная жизнь. Единственно возможное развитие событий. Довольный собой, он просунул руку вниз, в развилку ног и стал ласково, но настойчиво пробираться к заветной цели. С целями и достижениями форвард был на "ты". Когда пальцы опустились на лобок, Настя проворчала сквозь сон что-то невнятное, но ноги раздвинула.

— Солнце, ты прелесть, — любовник передвинулся, устаиваясь удобней. Нестерпимо хотелось поскорее оказаться внутри, будто бы и не засыпали пару часов назад, утомившись от ласк.

Деревянная кровать предательски скрипела, когда мужчина вначале неторопливо, а затем все быстрее стал проталкиваться в тесный и уже влажный вход. От нежности щемило в груди.

— Моя... — властно прохрипел он в затылок.

Настин стон-вздых в ответ показался музыкой. Самой лучшей. И как только раньше жил без нее?..

Еще недавно Настя крепко спала. Вино, выпитое накануне, и томительный долгий секс заставили забыть. Так хорошо не было даже в начале отношений, после ее признания. Под горячим мужским боком сновидения, и те получались ярче. Не мешали ни посторонние шорохи, ни тревога. Даже когда рука Андрея бесстыдно принялась ее возбуждать, сонливость никуда не делась. Лениво приподняв колени, она уткнулась носом в подушку.

Пусть творит, что хочет, лишь бы не будил.

Таранов понял все правильно. Забросил ее ногу на свое бедро и неспешно продолжил. На боку, лицом в затылок, он плавно и настойчиво скользил внутрь. Ненадолго замирал, наслаждаясь теснотой, и еще более медленно выходил, чтобы повторить еще и еще. Единственная желанная женщина, темная ночь и размеренный, словно у давних супругов, томительно-нежный секс... Любовь. Естественная, как дыхание.

Поскрипывая, под любовниками прогибался матрас, и даже необъятное плотное одеяло не могло приглушить этот звук.

— Обещай, что приедешь ко мне, — проложив обжигающую дорожку из поцелуев по спине, Андрей на секунду вышел. — Обещай не откладывать с этим!

Влажный язык прошелся по шее, и тут же резкий выпад бедрами вперед заставил женщину ахнуть.

— Я жду! — снова вышел, выдерживая паузу для ответа.

Ответа не последовало. С шумом сквозь зубы выпуская воздух, Таранов начинал свирепеть. Неужели так трудно сказать "да"? Обычное "да"! Ни клятву или расписанный по пунктам план. Просто "Да".

Тишина.

Хотелось обхватить ладонью ее шею и немного придушить. Сколько можно бегать вокруг да около?

Настя кожей почувствовала, как за спиной назревает буря. Раскрыла было рот, чтобы хоть что-нибудь солгать, но новый выпад выбил все мысли. В этот раз Андрей не стал останавливаться. То ли почувствовал что-то, то ли озверел от молчания... Четкие, резкие шлепки, совсем не похожие на ленивое начало, становились все яростнее. Даже скрип кровати больше не был слышен. Только жесткие удары острым наслаждением отзываются во всем теле.

Вскоре и этого стало мало.

— Проклятие, — как безвольную куклу, Андрей рывком поставил ее на колени, прижал спиной к своей груди и продолжил иступленно вонзаться. Теперь еще глубже. От нежности не осталось и следа, словно выгорела от возбуждения. — Не могу без тебя. Понимаешь?

В голосе прозвенела сталь. Ни доброты, ни терпения. От такого признания Настя невольно сжалась. Совсем забыла, с кем имеет дело.

— Настя... — слова закончились.

Голос охрип до немоты. Секс, как электричество, пронизывал обоих, лишая воли. Остались только движения. Одна рука мужчины легла ей на грудь, до боли сжимая то один сосок, то другой, другая — устремилась в развилку ног. Андрей не церемонился. Сейчас ее заботливый любовник и не думал дарить удовольствие — он расчетливо и беспощадно сводил с ума.

Ни вырваться, ни обернуться. Безвольная и любимая, Настя, казалось, бесконечно долго балансировала на грани наслаждения и боли. Мужчина позади словно с цепи сорвался. Ему всего было мало. Стонал, толкался, целовал ее плечи, крепко прижимал к себе — как мог, вбивал в подкорку безоговорочное "Да". Самый важный ответ.

Мышцы сводило от напряжения. Каждая секунда ожидания и близости стоила адских усилий. Он спешил. Отчаянно хотел продолжить, но оргазм настиг, как цунами. Настя закусила губу от собственного спазма наслаждения, когда в нее излилось горячее семя. Успела. Горло перехватило от немого крика. Комната поплыла перед глазами. Не виделось,

не ощущалось больше ничего. Только маленькое распятие у изголовья кровати и бесконечная, разрывающая душу на части тоска.

Копилка воспоминаний обогатилась еще на один драгоценный миг.

Время несло неумолимо: две недели, как один день. Законы физики безжалостно нагоняли свое, приближая расставание. Оглянуться никто не успел, как пришла пора собирать чемодан. На этот раз уже не на две недели, а на другой, непоправимо долгий срок. Последний вечер закончился в суматошных сборах, посиделках с друзьями и бесконечных препирательствах.

Утром в пятницу самолет унес новоиспеченного НХЛовца в другую страну. Долгожданный рейс "прежняя жизнь" — "манящее будущее" состоялся точно по расписанию. Опасаясь расплакаться в самый неподходящий момент, Настя осталась дома. Таранов не возражал. Чувствовал во всем этом прощании что-то непонятное и угнетающее, но новая, обещанная, встреча вселяла уверенность в лучшее.

— Даже "пока" твое слышать не хочу, — уже на пороге сердито заявил он. — Даю пару недель на все про все, и встречаемся в аэропорту Пьера Трюдо.

— Береги себя, пожалуйста, — Настя всем телом прижалась к нему. От желания остановиться и сознаться во всем уже начинало трясти. — Обещай, что будешь беречь!

— Солнце, что за бред, — он неохотно высвободился из объятий. Такси уже ждало. — Ты меня будешь беречь. Вот приедешь и займешься! Поняла?

— Буду. — Во рту пересохло. — Беречь...

— Умница, — Таранов, как маленькую, поцеловал ее в лоб и скрылся за дверью.

Он спешил на свой рейс. Там, за океаном, его уже ждали. Новая, идеально сшитая форма, современная ледовая площадка, менеджеры, тренеры, хоккейная команда и игра. Та, ради которой вкалывал многие годы. Наконец-то.

Настя, не шевелясь, сидела на диване. Сколько прошло времени после того, как ушел Андрей? Час, а может, половина дня. Она потеряла счет минутам. Часы на стене о чем-то тикали, но глаза болели так сильно, что глянуть было невозможно.

К этому нельзя было подготовиться. Невозможно пропустить или отложить на потом. Он уехал. На три года... Навсегда — от нее. Желания и надежды лопнули, как мыльные пузыри. Все, к чему успела прикипеть, сейчас с пронизывающей болью, в полной тишине отрывалось от души.

Зачем делала себе больно? От привычки не жить... Почему решила за двоих? Из-за боязни быть недостойной... Барская, состоятельная наследница, светская львица, почти королева... А на душе дыра размером с человека. Не залатать.

К обеду пришло опустошение. Когда в дверь неожиданно позвонили, она даже с места подняться не смогла. Звонок прозвучал еще раз, и дверь толкнули.

Случайная догадка шаровой молнией мелькнула в сознании: "Вернулся! Не улетел!"

Сорвалась, как сумасшедшая.

На пороге действительно стоял мужчина. Хмурился, что-то причитал, тыча огромной ладонью на замок. Большой, бритый налысо щербатый хоккеист.

— Насть, что с тобой? — Борис встревожено покосился на женщину.

— Уже ни-и-чего... — тело колотило, как в лихорадке. Зуб на зуб не попадал.

— Это ты отъезду Таранова так радуешься? — Конев почесал подбородок. — Лихо!

— Что тебе? — с трудом выговорила "радушная" хозяйка.

— Да я за ключами. Хотим с Колькой шашлыки устроить на даче.

Настя взглядом указала на тумбочку у двери. Связка лежала аккуратно посередине. Давно стоило вернуть, но было не до того. Борис ловко подхватил ключи, но уходить вдруг раздумал. Что-то остановило.

— Настасья Игоревна, а что это у тебя глаза такие красные? — на манер Красной шапочки из сказки поинтересовался незваный гость.

— Борь, иди уже.

— Пойду! — отмахнулся он. — Ты только ответь мне на один вопрос: Ромео в курсе, что его кинули?

Барская ошарашено посмотрела на него. В ужасе, как умалишенная: глаза горящие, злые, а губы белые, словно мел.

— Черт! Барская, твою ж мать!

— Боря, ты ничего не понимаешь. — Соврала бы, да больше не могла. Истоцилась. Перед глазами все кружилось, а ноги подкашивались. Так, не удержавшись, и осела плавно по стеночке.

— Я лежачих и баб не бью, но из тебя, если не расскажешь, весь дух вытрясу, — он быстро разулся и, подхватив Настю под локоть, потянул в гостиную. — Рекомендую сдаться подобру-поздорову.

Настя не сопротивлялась. Горе рвалось изнутри. Вместе со словами вскоре потекли и слезы. Конев витиевато матерился, проклиная весь род Барских вместе с Тарановым, разливал коньяк по рюмкам и бранил ее. Ни шантажу, ни стремлению Андрея он не удивился. Обычная суровая реальность и хоккейные мечты. Оставалось лишь радоваться, что не его реальность и не его мечты.

Ушел гость только поздно вечером, в стельку пьяный и злой. Угрозами дядюшкой, мольбами и слезами Настя выпросила у него клятву молчать. Он дал, но как же это было непросто! Сроднился за год и с зазнайкой-капитаном, и с заносчивым пресс-секретарем. На душе было тошно.

— Вот дура баба, — все твердил он, бредя до такси. — Такая дура!

Настя кое-как убрала со стола, выбросила охапку использованных бумажных салфеток. Ноги заплетались. Столько пить в жизни еще не приходилось. Стараясь не думать об обеспеченной ей с утра головной боли, наплевав на душ, она рухнула в кровать.

Впервые за две недели одна.

— Не думать, не вспоминать! — попыталась приказать себе, но воспоминание явилось без спроса.

Поутру на луг у дома выпала роса. Прозрачные капли, как бриллианты, рассыпались по траве, и ласковое солнце сияющими бликами отражалось в каждой. Природа встречала новый день. Ни ветра, ни дождя, ни серых тучек. Слово юная красавица, нарядившаяся в новый цветастый сарафан, лето улыбалось ярким солнышком и приятно припекало игривыми лучами.

Настя сбросила туфли у крыльца и пошла босиком по траве. Подошвы щекотало от влаги и редких маленьких камешков. Прохлада поднималась по ногам, и приятный озноб волной катился до самой макушки.

— Господи, как хорошо!

Она вдохнула полной грудью чистый, пахнущий свежестью и травами воздух. Сейчас идея с выходными на даче казалась невероятно хорошей. В городе все было бы иначе. Обыденно.

Позади хлопнула дверь, и такой же босой и сонный Андрей, разминая голые плечи, вышел навстречу. Трико сползло на бедра, выставив напоказ эротичную дорожку из черных курчавых волос, что спускалась от пупка и уходила под резинку.

— С добрым утром, солнце! — шурясь от яркого света, весело крикнул он. — Выспалась?

— Твоими стараниями, — насмешливо ответила Настя.

— Я бы так всю жизнь "проспал"!

— Не сомневаюсь. Только, переживаю, такими темпами я скоро и вправду ходить не смогу.

— Тогда я буду тебя носить, — мужские руки обняли ее со спины, — и ублажать.

— Ты все о своем, — она обернулась и поцеловала любимого в колючую щеку. — Маньяк... Сексуальный.

— Вот будешь всегда рядом — не буду маньяком.

Улыбка слетела с лица женщины.

— Не все зависит от нас. Иногда обстоятельства сильнее.

— А ну, что там у тебя за сильное обстоятельство! — Таранов принялся щекотать ее до хохота. — Давно я никому морду не бил.

— Какой грозный! — Настя с трудом вырвалась из рук.

— Я голодный и сонный! — он потянулся, как грациозный хищник, и вновь загреб Барскую в охапку.

С минуту простояли, не шевелясь. Слушали биение сердец друг друга и думали каждый о своем. Вокруг не было видно ни души. Лес на опушке, голубое небо и трава.

— Андрей... — можно было не спрашивать. Самое главное всегда понятно без слов, однако, если существовал хоть какой-то шанс, хоть мизерная возможность все изменить, она корила бы себя за то, что не воспользовалась. — А если бы тебе предложили только год? Не три, а один...

— К счастью, у меня три.

— Но все-таки? — Настя отошла на шаг.

— Один — еще хуже, чем ничего. Знаешь, когда в прошлый раз пришлось отказаться от договора из-за Ивана, я не сорвался только потому, что верил: смогу пробиться еще раз, — он подхватил с земли сухую веточку и, повертев в руках, с хрустом разломил. — Рискованно было и чертовски тяжело. Сезон стоил мне сил, а тебе работы — дорого заплатили все. Ради одного года? Нет. Даже три мало.

— Если бы хватило одного года...

Поглощенный своими мыслями и планами, мужчина не услышал ни слова.

— Солнце, три года пролетят быстро, — он глянул ввысь, на безоблачное небо и, улыбнувшись, добавил: — Тебе еще понравится!

— Мне... Понравится...

Настя подняла с земли ту самую сломанную ветку.

Раньше целое — теперь отдельное. И не срастить. Никогда. Так и с ней. Обманщиков не прощают, не важно, насколько благими были цели.

Слез не было. Только роса на траве. Бескрайний океан прозрачных капель.

Под ее ногами. Под его ногами. Словно настоящее плакало о несбыточном.

Глава 27. Ожидание, расстояние и время

Засушливый зной наконец-то спал. Тучи все чаще застилали небо, пряча прохожих от палящих лучей. Конец лета, но погода уже напоминала осень. Приходя домой после долгого рабочего дня, Настя больше не включала кондиционер, а любимые шерстяные носки перебрались из вместительного комода под подушку. Ноги без них мерзли, и никакое одеяло не спасало, как ни оборачивай.

Вместе с носками вернулась из прошлого еще одна привычка — отключенный на ночь телефон. Суровая необходимость, но только нынче она никак не была связана с работой. Работа вообще утратила значение. Можно было бы уволиться и уехать куда-нибудь на море. Соблазнительная альтернатива, но Барскую она не прельщала. На море времени будет больше, а время сейчас враг. Уж лучше работа. График, дела, обязанности, необходимость выглядеть соответствующе и, хотя бы вынуждено, но улыбаться. Подобие жизни. Самое лучшее лекарство для того, кто потерял к ней страсть.

Другое не помогало. Еда потеряла вкус, а книги и кино — интерес. До боли развороченную душу ничто не могло зацепить. Опшметки. Написанные на бумаге слова, чужие чувства и желания — все проходило вскользь. Просеивалось сквозь сито собственных глухонемых ощущений. За короткое время от энергичной и радостной женщины осталась тусклая тень. С виду такая же, как после развода, но внутри — иная. Прежняя замерзла в снегах и полностью разуверилась в себе. Нынешняя — отогрелась в теплых объятиях любимого, и пусть пока не знала, как жить дальше, но помнила вкус настоящей жизни.

Если бы знать заранее, что так случится? Встретить его и заново решить: пройти мимо или кинуться в омут с головой? Ее собственный омут. Пить после сонного утреннего секса вкусный кофе, собирать по квартире разбросанные мужские вещи, подбирать галстуки к рубашкам, а по вечерам прижиматься к горячему мужскому боку и чувствовать себя самой лучшей на свете.

Если бы знать?.. Получить пульт от телевизора судьбы и, переключая каналы, выбирать то, что понравится больше. Этот выбор теперь пугал. Пугало пройти мимо, так и не изведав вкуса другой жизни. Не познакомиться с собой. Она лучшая — незнакомая раньше истина. В неполных тридцать четыре года — женщина. Без допущений и погрешностей. Желанная и дорогая. Таранов словно одним своим присутствием и принятием перекроил всю ее суть. Никаких жертв не было жалко за это.

Даже слез постепенно становилось меньше. Она все еще плакала, глядя на забытую Андреем турку или на золотую медаль. Но уже не так, как в первый день. Не так, как неделю спустя, и хотелось верить, что когда-нибудь слезы иссякнут вовсе. У нее должно было получиться.

Врезаться можно в бортик, можно в спину соперника. Неприятно, больно, но игра от этого не прекращается. А вот врезаться с разбегу в свою жизнь — будто принять участие в краш-тесте дешевого авто. Несешься в бетонную стену, и одна мысль "На хрена?".

Андрей по привычке смахнул рукавом с лица крупные капли пота. Полотенце, словно деталь амуниции, бестолково висело на шее. Голова гудела. Только что подошел к концу второй предсезонный тренировочный матч. Три периода жесткого, силового североамериканского хоккея — настоящее испытание воли и скорости. За несколько лет в

своей Лиге, он и забыл, каков на деле заокеанский стиль игры. Одной техники было мало. Спасала скорость и мощный, хорошо поставленный удар по воротам. Подзабытое на Родине прозвище Тор здесь снова приклеилось намертво.

Болельщики, тренер, менеджеры и даже другие игроки — все дружно называли его Тором. Словно и не существовало никогда Андрея Таранова, капитана "Северных волков", мечтающего об НХЛовском будущем. Был лишь Тор, его клюшка и любившаяся всем фанатам меткость. Ничего более. Как когда-то, в двадцать лет. Тогда от восторга голова шла кругом — из сотен талантливых парней заметили и выбрали именно его! Невиданная удача. Шанс. Сейчас прежний восторг почему-то не пришел. Явилась раздражение и усталость. Досада вместо предполагавшегося дежавю.

Прошли четыре недели, а он до сих пор терялся в ощущениях. Не ясно было: что правильно — что нет, где хорошо — где плохо. Жизнь несла его стремительным потоком, и лишь ожидание встречи с любимой женщиной поддерживало на плаву.

О том, что "любимая", теперь Андрей знал точно. Осознание пришло внезапно. Еще перед первым матчем с новой командой. Стоило только выйти на лед для разминки. Не жалея голосов и барабанов, зрители приветствовали игроков, взволнованно озирались по сторонам еще неопытные новички, энергично раскатывались ветераны, и лишь он один ни на кого не смотрел. Со злостью полосовал коньками лед и, как хищник на арене, дожидался окончания поединка. Привычный кураж так и не пришел.

А ночью после игры приснилась Настя. В летнем сарафане, на лугу у Колькиной дачи. Красивая и счастливая. Такой, какой и запомнил ее, несмотря на нелепое расставание и глупые споры. Во сне она о чем-то рассказывала, но он не слушал. Как дурак, стоял рядом и радовался. Всего лишь рядом, а уже было хорошо. Просыпаться не хотелось.

Без нее теперь стало пусто. И кровать слишком широкая, и ночь слишком длинная. Не обнять, не признаться, как сильно скучал, не забыться в щедрых, ленивых ласках. Реальность переменилась, и дожидаться встречи с каждым днем становилось все труднее. Днем спасали тренировки, ускоренные курсы английского и тренажерный зал. Ожидание незаметно отходило на второй план, выжидало. А ночью, когда голова опускалась на подушку — безжалостно нагоняло.

Четыре недели, в два раза дольше обещанного срока, минуло с его отъезда. Терпение подходило к концу. Проклиная разницу во времени и отключенный телефон Барской, Андрей отправил смс: "Надо поговорить. Серьезно. Включи вечером скайп". Сообщение ушло. Таранов, не дожидаясь уведомления о доставке, сунул телефон в карман и вышел из дома. В том, что Настя послушается, он не сомневался. Смутное, тревожащее сомнение было лишь в результате разговора. На душе кошки скребли, и вразумительно понять "почему", не мог.

Аккуратно ступая по мокрой плитке, Анастасия Игоревна Барская направлялась в раздевалку "Северных волков". Именно там назначил ей встречу очень занятой в последнее время Иван Гагарин. У бывшего вратаря не было ни единой свободной минутки. Новая должность помощника тренера в юношеской команде накладывала кучу обязательств, оттого Настя согласна была ехать куда угодно и когда угодно. Сама напросилась.

И вот Ледовый дворец — тренировочная база команды, бывшая работа. От воспоминаний замирало сердце, а в пакете позвякивали турка и футляр с золотой медалью. Пришло время расставлять точки и возвращать чужое.

Не дойдя с десятков метров до цели, она остановилась. Дверь в массажный кабинет оказалась приоткрыта. Оттуда доносился разговор. Два знакомых мужских голоса.

— Едрит-Мадрид, Ванька! — Борис Конев чуть не свалился с кушетки, заметив бывшего вратаря. — С какого покойника ты это снял?

Иван покрутил пальцем у виска и обернулся к большому, в рост человека, зеркалу. Строгий костюм сидел отлично. Рубашка и галстук тоже сочетались.

— Знаешь, Боря, — значительно протянул он. — У нормального мужчины кроме парадно-выходных трусов и свежих носков еще и костюм быть обязан.

— Да ладно! Знаю я вас, вратарей! На вас что ни надень, а без вратарской маски лица, как у пучеглазых филинов... Напряженные!

— Ох, Конев. Время над тобой не властно. Ни зубов, ни волос... О мозгах молчу.

— На мозги еще никто не жаловался, — Борис ехидно улыбнулся, кивнув на свои огромные кулачищи. — А вот зубы... Хороший хоккеист зубастым быть не может.

— Ага. Особенно такой мозговитый! — Гагарин весело засмеялся. За несколько лет знакомства Борис действительно ни капли не поменялся. Оболтус. Даже разозлиться на него не получалось.

— Я тебе не Таранов, чтобы и зубы на месте, и нос не ломан, — Конев соорудил глупую гримасу и снова плюхнулся на кушетку, предоставляя спину под умелые руки Карена. — Кстати, какие новости от нашего звездного кэпа?

— Цветет и пахнет, — коротко отмахнулся Иван.

— Ну... То, что он вонючка я, допустим, знал. Однако, хотелось бы подробностей.

— Да все у него нормально, — Гагарин равнодушно пожал плечами. — Квартира недалеко от арены, тренировки каждый день, кормежка из ресторана, толпы поклонниц и даже молодая училка английского. Персонально! Говорит, симпатичная.

Борька присвистнул.

— НХЛ, ни хухры-мухры!

— От как... Живет на полную катушку наш орел, — Конев поцокал языком. — Да... Ради молодой училки я бы и на китайскую грамоту согласился. Но Андрюха...

— Андрюха заслужил, — закончил Иван. — Пусть пожинает плоды.

Ответить что-либо Борис не успел. Дверь в комнату раскрылась полностью, и бледная, но удивительно спокойная Барская тихо поздоровалась с присутствующими. Коневу хватило одного взгляда, чтобы понять: она все слышала. Хотелось материться, но вместо этого он крепко сжал челюсть и отвернулся. В памяти были еще свежи события четырехнедельной давности.

— Настя... — Гагарин с подозрением глянул на дверь. — Я совсем не то имел ввиду...

— Ваня, не стоит, — она отрицательно заворочала головой, протягивая вратарю пакет. — Не важно. Прощу, возьми это.

— Что там? — Иван осторожно, словно бомбу с часовым механизмом, взял в руки поклажу.

— Это вещи Андрея, — голос звучал ровно. "Все нормально", "заслужил", "училка английского", "на полную катушку" — вихрем крутилось в голове. — Одежду и экипировку он отвез к родителям. Осталось лишь это...

— Не понял, — Иван потер ладонью лоб. — Сама бы отвезла ему.

Молчание. Холодный, спокойный взгляд.

— Настя... — Гагарин не мигая уставился на нее. Догадался.

— Я не полечу в Монреаль. Никогда.

Комната наполнилась проклятиями. Никогда не позволявший себе сквернословия при женщинах, Гагарин витиевато выругался.

— Таранов знает? — сквозь зубы процедил он, успокаиваясь.

— Сегодня вечером нам предстоит разговор. Узнает.

— Черт... Это, конечно, не мое дело, но ты совершаешь колоссальную ошибку.

— Ваня, ты правильно сказал. Это не твое дело, — она развернулась к выходу. Находиться здесь стало трудно. — Пойми, если ему там хорошо — значит там его место. Пусть будет счастлив, — потом собралась с силами и завершила заученной фразой, — а я подстраиваться под его жизнь не собираюсь.

— Значит, так? — Гагарин вспыхнул от гнева. Лицо покраснело.

— Да. Так. И давай на этом завершим.

— Тьфу... — он сразу припомнил опасения друга о том, что Барская побоится менять свою жизнь. Вспомнил и отчаянный взгляд, который видел каждый день в скайпе. То, что Андрей ее ждет, он не сомневался. Таранов влип, как не влипал никогда. И теперь такой расклад... — Дура... Безжалостная дура...

Последней фразы Настя не услышала. Сделав то, зачем пришла, она быстрым шагом направилась к парковке. Следовало бежать и как можно быстрее. Пока правда не вырвалась наружу.

Борис нагнал ее в узком коридоре у черного входа. Им пользовался только персонал и хоккеисты. Ни окон, ни фотографий на стенах, тусклый свет потолочных светильников — будто тоннель.

— Господи, как только вы, бабы, умудряетесь так бегать на каблуках, — проворчал, отдышавшись. — Насть...

Он замялся, не зная, как продолжить. Ломануться следом додумался, а как спросить, не знал.

— Боря, если ты хотел узнать, как я поживаю — то отвечу сразу: все нормально.

— Правда?

Конев наклонился, внимательно разглядывая лицо собеседницы. Не выдержав такого досмотра, Барская открыла сумочку и стала демонстративно что-то искать. Спустя минуту в ладони блеснули ключи от машины.

— У тебя руки дрожат и глаза красные, — дознавателя обмануть не удалось.

— Тебе кажется.

— Вот! — он насильно взял ее руку и протянул вперед. Ключи со звоном упали на пол. — Черт, да тебя всю трясет!

Кисть под пальцами мелко подрагивала.

— Это эмоции, — Настя резко вырвалась из захвата. Собственная слабость уже бесила. Один раз она позволила ему видеть себя слабой, другого раза быть не должно. — С этим местом у меня слишком много связано.

— Ну-ну, — Борис зло усмехнулся. — С местом...

Прерывая беседу, впереди лязгнула металлическая дверь. Солнечный свет резанул по глазам, и в коридоре появилось еще двое. Генеральный менеджер, пропустив вперед жену, удивленно воззрился на спортсмена и бывшего пресс-секретаря. Неожиданно. Не желая становиться участником беседы, он коротко кивнул обоим и постарался пройти мимо. Однако у Аллы были другие планы.

— О, как интересно, сама госпожа Барская, — Репина надменно фыркнула. — Таранова удержать не удалось, теперь вот Борисом заинтересовались? Катитесь по наклонной!

— Дальше тебя не укачусь, — Настя закатила глаза. За несколько месяцев вдали от этих двоих она полностью отвыкла от лицемерия и яда, которым были пропитаны оба.

— Стерва, — змеей прошипела оппонентка. — Андрей правильно сделал, что сбросил балласт.

— Юра! — Конев больше не мог терпеть этого препирательства. Вначале мученица-Барская, отрицающая все и вся, теперь еще эти стервятники. — Закрой пасть своей шавке или я закрою сам!

— Милый! — Алла положила руку на плечо мужа. — Он меня оскорбил.

— Я тебя сейчас в бараний рог скручу! — хищно осклабился Борис, потирая ладони.

— Конев, не надо оскорблять мою жену! — нехотя выдавил Юра. В глубине душе ему было плевать на всех присутствующих, но выслушивать потом упреки благоверной не хотелось еще больше.

— То есть ей всех можно, а мне — нельзя? — бас защитника прозвучал угрожающе.

— Алла, пойдем, — Репин потянул женщину к двери.

— Ну, уж нет! Поздно! — буркнул Борис себе под нос.

От первого же удара генеральный менеджер сложился пополам. Ни сгруппироваться, ни ответить он не успел. Конев наносил удары четко и быстро. Как на льду, когда нужно было наказать зарвавшегося соперника или "отбить" своего игрока.

Алла истошно верещала рядом, а Настя, как зачарованная смотрела на избиение и не двигалась с места. Казалось, вместе с каждым ударом выходила и ее собственная ярость. Пугающее наслаждение пьянило. Дышать и то стало легче, словно давно зажатые легкие, наконец, раскрылись. Репин просил о пощаде, жалобно скулил на холодном полу, а ей было наплевать. Даже когда Борис закончил и потянул ее за собой на улицу, не могла сделать и шага.

— Черт, хорошо-то как! Всегда мечтал это сделать, — Конев зло сплюнул на асфальт и осмотрел руки. — Мяконький он какой-то. Даже ссадины не осталось.

— Борь, у тебя проблемы могут быть... — Настя закусил губу, не находя других слов. Отчего-то больше всего ей хотелось сейчас смеяться.

— От Юры? — Конев вопросительно скривился. — У него кишка тонка. Забудь.

— И все-таки. Я могу поговорить с дядей...

— Ты с ним уже так наговорила, что дальше некуда, — собеседник отмахнулся. — С Юриком сам справлюсь. Вякнет что-нибудь — в асфальт на фиг закатаю. Вся команда поможет. Разберись лучше со своей жизнью.

Настя кивнула.

— Я серьезно, — Борис не отступал. — Решила что-то — действуй. Смотреть тошно, как вы, бабы, сопли на кулак наматываете. С ним не хочешь — так себя в могилу не закапывай. Чай не вчера улетел! Сколько ж можно?

— Боря! — не выдержав, Настя прервала его монолог. — Я прямо сегодня все решу! Обещаю.

— Честно?

— Да. Вечером с Андреем поговорю, и все.

Конев только махнул рукой, не веря уже никому. Он бы и Таранову с удовольствием

разукрасил сейчас лицо, да что толку? Ни Барская, ни сам Андрей уже ничего не изменят. Тому хорошо, а эта смирилась. Оставалось только радоваться вовремя попавшемуся под руки Репину. Хоть на ком-то удалось спустить пар.

Глава 28. Глаза в глаза

Настя целый час слонялась по квартире, не в силах подойти к компьютеру. Сегодня предстояло поставить точку в отношениях. Отпустить Андрея, возможно даже — оттолкнуть. Но как? Где взять нужные слова, чтобы безболезненно вырезать себя из жизни любимого человека? Как признаться во лжи и скрыть еще большую ложь?.. Он ведь действительно ждал. Пусть никогда не говорил, зачем, но уже одной своей одержимостью быть вместе выдавал потребность... В ней? В образе жизни, который она обеспечивала? В легкости, которой пропиталась насквозь их короткая связь? В чем-то еще... Сейчас эти вопросы потеряли значение. Кем бы она ни была, все должно будет остаться в прошлом. Без возврата. Он выбрал три года, она выбрала его. Выборы, среди которых альтернативы "Мы" не существовало.

Оставалась последнее: включить компьютер, запустить программу и проститься. Женщина последний раз глянула на себя в зеркало, будто пыталась там найти ответы. Она была все той же. Идеально уложенные волосы, легкий макияж и уверенность во взгляде — Анастасия Игоревна Барская. Лишь синева под глазами и бледные губы выдавали истинное состояние. Только в них просматривалась та самая Настя, что боялась и изо всех сил цеплялась за желание "быть вместе". Брешь в защите, непозволительная для предстоящего разговора.

Не задумываясь, она достала из сумочки красную помаду и тональный крем — хорошая упаковка скроет любое содержимое. Всего пара штрихов, и исчезнут последние видимые намеки на страх и боль. Андрей не должен увидеть Настю. Та слишком многое ему открыла и никогда не обманет. Верная и преданная... предающая. Прочь со сцены, сегодня выход Барской. Избалованной мужским вниманием светской львицы, снежной королевы, с которой он изначально и познакомился. На лицо — холод, а душу — в топку. Пусть будет счастлив, даже если не простит.

Андрей покосился на часы. Насте пора было бы появиться в скайпе. Для нее уже наступил вечер. Время легкого ужина и неспешных домашних дел. Сейчас он бы много отдал, чтобы видеть собственными глазами, как она нарезает овощи для салата, сушит после душа волосы или просто разгуливает по квартире в одной из его маек. Так было раньше.

— Ничего. Уже скоро, — сказал он самому себе, оглядывая квартиру.

В спальне на кровати валялась стопка чистой одежды и постельного белья, на столе возле компьютера — счета из гипермаркета и рекламные буклеты. В кухню и коридор вообще соваться не стоило. С идеальным порядком была беда. Сам он никак не наводился, а у Андрея катастрофически не хватало времени на подобную бабскую ерунду. "Вот появится в доме хозяйка — будет порядок!" — думал он.

Вспомнился предыдущий переезд. Тогда он со всеми своими вещами переехал из съемной квартиры в "апартаменты" Барской. Настя так забавно причитала, рассовывая все по углам. Одними только майками и носками можно было забить под завязку целый шкаф. А ведь оставалась еще амуниция и костюмы! Головы они тогда ломали дня два, но, как показала практика, организация хранения вещей была еще не самой сложной проблемой.

Засадой стал порядок. Существовать в нем было удобно, а вот наводить — адски сложно. Чтобы успокоить Настю, в ход шли самые запрещенные приемы. Ворчливый

женский ротик закрывался только одним способом — поцелуями, с продолжением и без, по многу раз на день. Она смеялась, вздыхала и даже пыталась увернуться. А потом, спустя неделю, все как-то само собой разрешилось. Может, он приучился, а может, Настя приняла его таким, какой есть, и оставила бессмысленные упреки. С ней всегда все получалось, будто знали друг друга вечность. И сейчас ее не хватало.

Когда, наконец, компьютер сообщил о входящем вызове, Таранов, не задумываясь, захлопнул ногой дверь в спальню, и резким движением руки смахнул мусор со стола. Все потом.

Настя выглядела шикарно. Точь-в-точь как в первую встречу. Что-то тягостное незаметно осело на душе.

— Привет, — сказали хором и вновь оба замолчали.

— Ты только домой пришла? — сочувственно поинтересовался Андрей.

— Недавно, — Настя вертела в руках карандаш, не зная, как начать.

— Работа, значит?

— В последнее время навалилось всего.

— Ясно, — надежда на то, что его порадуют добрыми вестями, развеялась, как дым. — Все еще работа...

— А как у тебя дела? — делая вид, что не услышала последней реплики, осведомилась Барская.

— Насть, что именно ты хочешь услышать? Количество заброшенных шайб, минут, проведенных на льду или хорошо ли я сегодня спал и с кем? — чтобы закипеть, Андрею хватило одного только "как у тебя дела". За последний месяц он раз десять отвечал ей на этот вопрос. Отвечал, а потом выслушивал очередные оправдания о работе и невозможности прилететь. И вот опять. Сколько уже можно?

Женщина на экране монитора плотно сжала губы. До боли знакомый жест.

— Проклятие... — Таранов понял, что ляпнул лишнего. — Насть, давай ты приедешь — и я тебе все расскажу. В подробностях. И покажу.

— Андрей, именно об этом я и хотела поговорить...

— Стоп! — прервал он. — Молчи. Пожалуйста. Я больше не хочу слышать никаких объяснений.

— Я не... — она опять не договорила.

— Насть, черт возьми, я уже задолбался ждать! — Андрей устало потер глаза. Все, чего так сильно опасался, наваливалось. — Четыре недели вместо обещанных двух. Мне что — лететь за тобой, чтобы привезти сюда силой? Так я могу!

— Не надо... — Настя опустила взгляд в стол перед собой. — Я не полечу ни силой, ни сама.

— А ну повтори!

— Я не прилечу. Вообще, — на последнем слове зажмурилась, как перед ударом.

Таранов резко сорвался с места. Перед камерой тенью мелькнула спина в домашней застиранной майке. Не усидел.

— Андрей?

Он не отозвался. Стоял, упершись лбом в стену, и ничего не слушал. От ярости хотелось разбить вдребезги и монитор, и камеру, и неповинный ни в чем системный блок. Предчувствовал ведь какую-то неприятность! Но так! В голове не укладывалось.

— Ты специально выжидала месяц? — не оборачиваясь, спросил собеседник. В голосе

звенел металл. — Очень умно преподнести мне такой сюрприз накануне начала сезона.

— Прости...

— Прости? Просто прости, и все?

От его рыка Насте показалось, даже сердце биться перестало. "Заслужила, терпи!" — строго одернула себя.

— Клянусь, я не хотела обманывать тебя или делать больно, — она смотрела на его спину, опущенные плечи и ненавидела себя все сильнее. Оказаться бы рядом. Обнять его и никогда не отпускать. Глаза защипало от слез. Не вовремя. Плакать пока нельзя. — Андрей, у тебя была мечта. Ты очень долго шел к ней, и сейчас, наконец-то, осуществил. А я... Я — лишь короткий эпизод твоей жизни.

— Эпизод, говоришь... — он обернулся. Глаза потухшие, пальцы сжаты в кулаки. — А я кто? Тоже эпизод? Может, я слишком много на себя беру, но не верится.

— Ты... — она замялась. Не было на свете слов, чтобы описать все, что он для нее значил. — Ты — это ты.

— Тогда приезжай и перестань нести чушь! — Андрей снова вернулся к столу, но уже не сел. Так и остался стоять, опершись руками о столешницу.

— Нет, — вдох-выдох. — Это решенный вопрос. Моя жизнь здесь. Интересная и важная работа, круг общения, мой дом...

— То есть я в этой иерархии нахожусь где-то между кухонным столом и домашними тапочками? — горько хмыкнул мужчина. — Настя, это бред!

"И ложь!" — хотела добавить она, но не могла. Андрей уже смотрел в монитор. Прямо в камеру, глаза в глаза, словно и не было между ними семи тысяч километров. Будто он рядом, горячий, любимый, родной. Как солгать? Как отмахнуться?

— Солнце, давай хотя бы попробуем, — прозвучало неожиданно, как просьба.

Такой тоски во взгляде любимого Настя никогда не видела. Раненый зверь, попавший в западню. И все по ее вине. Невыносимо.

— Попробовать... — она попыталась взять себя в руки. Агонию пора было прекращать. Пусть он лучше возненавидит ее, чем так страдает. Себя не жалко, но он... Он важнее. — Мне не семнадцать. Почти тридцать четыре, и тратить еще три года на попытку, начиная жизнь с чистого листа — не благоразумно. Пусть пробуют другие...

— Другие? Как это великодушно! — на губах мужчины заиграла хищная ухмылка. Окажись она рядом, задушил бы. — Анастасия Игоревна, какой жест! И вы готовы меня пожаловать с барского плеча любой семнадцатилетней барышне?

— Андрей, — голос чуть не сорвался на крик. — Я просто хочу, чтобы ты был счастлив.

— Тогда прекращай пудрить мне мозги и бери билет на самолет! Прощение будешь отрабатывать здесь и долго.

— Я не могу! И не хочу... — Настя, как болванчик, твердила одно и то же.

— Кого ты пытаешься обмануть?

— Я пыталась обмануть сама себя, связавшись с тобой изначально.

— И тебе было плохо? — Таранов развел руками.

— Мне было отлично! Превосходно! Но становиться твоей приставкой ради хорошего секса я не намерена! В моей жизни есть вещи и поважнее, — выпалила на одном дыхании. Горло перехватило. Ком.

— Вот значит, как...

— Да. Мне жаль, если ты видел все в ином свете.

— Ух, — Таранов нарочито медленно опустился в кресло. На лице маска спокойствия, и лишь желваки на скулах выдавали ярость. Каких демонов ему приходилось сдерживать в этот момент, Насте даже подумать было страшно. — Что ж, мне нечем крыть. Действительно, на что какой-то хоккеист годен, кроме секса? Черт! Как все просто!

— Андрей...

— Достаточно! — рыкнул он. — Я, дурак, все думал, почему ты не едешь. Выискивал причины, пытался понять... А вот оно как! Теперь многое стало на свои места.

То, как побелело лицо женщины в мониторе, он не заметил. Не заметил и маленькую, скатившуюся из глаз слезу. Он просто не мог смотреть. Не хотел. Раньше видел, а оказалось — ложь. Самообман. Слишком увлекся фантазией о счастливой совместной жизни, что не заметил главного. Ни клятв, ни обещаний, ни признаний — между ними не было никогда, даже в порыве страсти. Забылся.

— Я надеюсь, что когда-нибудь ты сможешь вспоминать меня без обиды, — Настя подняла лицо вверх, не давая скатиться остальным слезам. Вот и все. Конец.

Андрей не ответил. Послать бы ее подальше со всеми напутствиями, но язык не поворачивался. В ушах звенело набатом, а внутри дотлевали угли — все, что осталось от собственной души. Выгорела за миг.

Он сам не заметил, как выключил скайп, прихватил спортивную кофту и вышел вон. В голове не было ни единой мысли. У него вообще больше ничего не осталось. Даже надежды и ожидания. Пусто. Чужая страна, незнакомые люди, одиночество и старая, уже ненужная мечта. Образ прежнего двадцатилетнего беззаботного парня остался где-то далеко, а нынешнему хоккеисту нужна была любимая женщина. Нужна. Была.

Хотелось выпить. Сегодня выходной, завтра игра, и между ними куча свободного времени. Сейчас оно действительно было свободным, гуляй — не хочу. Наутро его хватит только тренер, но до утра еще надо дожить. Отсчитав мысленно сколько часов в распоряжении, Таранов вошел в первый попавшийся паб. Веселая музыка и звон посуды заполнили непривычный вакуум в голове. Чужое веселье.

Не прошло и пяти минут, как его опознали болельщики новой команды.

Канада — страна возможностей и большого хоккея. Страна, которой он должен отдать три года своей жизни, а, может, и больше, приняла его в свои заботливые объятия. Теперь уже окончательно.

Глава 29. Две жизни

Полгода спустя

По ледовой площадке, орудуя маленькими клюшками, носились туда-сюда мальчишки. Тренировка детского хоккейного клуба только недавно началась, а два легионера-профессионала, что вызвались сегодня поднатаскать малышей, уже мечтали о смене состава. Сменять их было некому. Напряженный график игр никак не способствовал благотворительности. Даже у бывшего вратаря "Северных волков" вырваться получалось все реже — юношеская сборная отнимала все время.

Оставшемуся в одиночестве Борису Коневу, чтобы хоть как-то справляться, каждый раз приходилось уговорами и угрозами затаскивать сюда лучшего друга Колю. Тот неизменно упирался, и только далекая от хоккейных тактик Анастасия Игоревна Барская посещала тренировки регулярно, как настоящий болельщик. Детвора и обслуживающий персонал ледового комплекса настолько привыкли к ее присутствию, что по праву считали своей. Внештатный работник клуба, которому можно пожаловаться на администрацию или попросить новую хоккейную форму — а почему нет? Барская не удивлялась.

Она сама до конца не понимала, как это вышло. Хватило одного случайного звонка Бориса в начале осени, нескольких часов свободного времени, и втянулась. Без Андрея, самостоятельно. Вначале — как обычный посетитель и друг тренера, потом — как специалист по рекламе и волонтер. Рядом с неунывающими мальчишками получалось улыбаться. Они называли ее "тетей Настей" и каждый раз с интересом ожидали появления, надеясь на новые подарки, а она спешила. Откладывала на потом все дела, сметала с прилавков спортивных магазинов все, что приглянется, и ехала.

Так все свободные субботы с легкой руки Конева превратились в детские дни. А чем дальше — тем необходимость в подобном простом и искреннем общении становилась все больше. Отдушина и единственное удовольствие в жизни — все, что осталось от головокружительного романа с капитаном "Северных волков".

Постепенно привязанность подтолкнула к новой, неожиданной для Насти мысли. Она поначалу гнала ее от себя, пыталась перебить работой и текущими делами, но не удавалось. Маленькие шустрые сорванцы одним своим присутствием будили в ней спавший до того могучий природный инстинкт. Муж и сложный, затягивающий в пучину отчаяния брак остались позади. Шанс на другие отношения она упустила. И только новое, волнующее желание возвращало жизни смысл и краски. Она хотела стать матерью.

— Борька, — Клюев только-только пробил оборону друга-защитника и закатил шайбу в ворота ребят. Пришла пора перевести дух. — Вот, хоть убей меня, не пойму: что Барская тут делает?

— Можно убить, говоришь? — Конев довольно ощерился.

— С кем я связался... — закатил глаза Колька.

— Во-первых, ты не связался. Тебя почти насильно привели, — Борис глянул на маленькую трибуну для зрителей. Настя как раз беседовала с тренером Виктором Петровичем. — А Барская... Ей для себя надо. Да и помощи от нее не меньше, чем от нас.

— Ну, допустим, любовь мелких вполне объяснима, — он насмешливо хмыкнул. — Еще

бы! Кто бы мне в свое время так на халяву форму и клюшку подарил! Однако зачем так часто сюда кататься? На личную жизнь ведь времени не останется.

— Кому что, а Ключеву личную жизнь подавай, — показывая одному из малышей, как лучше перехватывать шайбу, проворчал Борька.

— Слушай, — форвард весь присобрался. — А у нее сейчас кто-нибудь есть?

— Здравствуй, попа, Новый год! — единственное вежливое выражение, которое пришло на ум. — Казанова, ты для себя интересуешься или так, для общего развития?

— А что? — заинтересованный взгляд, обращенный на трибуну, не остался незамеченным для Бориса. — Такая женщина, и одна. Нехорошо.

— Коля, — Конев опустил ему на плечо свою тяжелую ладонь. — Мой тебе совет: закатай губу.

— А чем я хуже Таранова? В конце концов, он уже полгода как отчалил. Один, прошу заметить.

— Ах, так ты утешить решил?

Ключев хитро подмигнул и только наострил коньки к трибуне, как Борис ловко ухватил его за ворот свитера. Совсем как минуту назад пятилетнего нападающего.

— Нет, ты не отчаянный, ты умалишенный, — как паршивого щенка, он дернул лучшего друга обратно. — У вас, у форвардов, тормоза отсутствуют напрочь. Один не задумался, другой — вообще без мозгов.

— Ты чего?

— Оставь Барскую в покое, — по слогам произнес Конев. — Одного идиота с нее достаточно. Да и я больше грехов на душу брать не желаю, — он красноречиво покрутил здоровенным кулаком около носа товарища.

Настя их разговора не слышала. Увлеченная беседой с тренером, она даже звонок собственного телефона расслышала лишь со второго раза. Боясь, что это дядюшка с очередной порцией нотаций, Барская уже приготовилась отключить аппарат, как заметила незнакомый номер. Звонили с вахты. Сердобольный сторож, боясь, что трактор может присыпать снегом Фиат, рекомендовал переставить авто. Хоть кто-то сегодня был на ее стороне.

— Анастасия Игоревна, — сухонький старичок всплеснул руками, встречая ее. — Вы извините, что беспокою. Там трактор пригнали, стоянку чистить. Намело ж, как в прошлый раз — по колено! А машинка ваша аккурат возле заборчика. Не развернется трактор.

— Уважаемый... — забыв, как зовут сторожа, Настя перевела взгляд на замусоленный бейджик. — Всеволод Порфирьевич, все в порядке, сейчас уберу. Туда же, куда обычно?

— Да, к шлагбауму, слева. Там уже чистенько, никто не зацепит.

— Хорошо, спасибо, что позвонили, — приветливо улыбнулась Барская, направившись к двери.

— Ох, все бы так. Вечно просишь-просишь, а им некогда... — вздохнул старик, с тоской глядя на свою тетрадку с номерами телефонов.

— А что, есть безумцы, которым все равно? — она удивленно обернулась.

— Как же, есть... — вздох. — Одни хоккеисты эти ваши чего стоят. Им что кучка снега, что гигантский сугроб — все нипочем.

— Я с ними поговорю, — успокоила она сторожа. — Сейчас со своей машиной разберусь и им скажу. Не переживайте.

— Ой! — от неожиданности он даже растерялся. — Анастасия Игоревна... Хорошая Вы

женщина. Дай Вам Бог здоровья.

Простое пожелание заставило Настю вздрогнуть. Здоровье — то, что сейчас ценнее золота. Особенно сейчас.

— Спасибо. Дай мне Бог здоровья, — про себя повторила она, и робкая улыбка заиграла на лице.

Как назло, машина завелась не сразу. Давно следовало выкроить время и отогнать ее на станцию для диагностики. Не хватало еще остаться без средства передвижения в самый неподходящий момент. Но не успела. Ошибка, а в этот день последствий этой ошибки хотелось меньше всего. Наручные часы показывали двенадцать дня. До встречи с доктором оставалась пара часов. Волнение усиливалось.

Не успела она перепарковаться, как позвонил дядя. Ругая себя за ненужную уступчивость, Настя не стала игнорировать третий звонок за день.

— Ты еще не передумала? — сразу вместо приветствия спросил Барский.

— А почему я должна передумать? — она, не отвлекаясь от разговора, глянула на свое отражение в зеркале. Глаза блестели, на щеках красовался здоровый румянец.

— Настя, это ненормально! — голос банкира звенел от еле сдерживаемого гнева. — Подумай о последствиях! У ребенка не будет отца, а ты потеряешь лучшие годы для обустройства личной жизни.

— Что я слышу! Ты волнуешься о моей личной жизни? Ты, который ее же и разрушил!

— Давай не будем. Сейчас вопрос о твоём будущем. Детей так не делают! Где это видано, чтобы молодая, красивая женщина не смогла найти отца для своего ребенка. Тем более Барская! Да тебя же в каждой газетенке на смех поднимут.

— Так ты обо мне беспокоишься, — к собственному удивлению Настя была спокойна. В этой схватке у дяди не было ни единого шанса. — А не о том, что скажет твоя многочисленная свита?

Александр Михайлович ненадолго убрал телефон ото рта и выругался. На душе кипела ярость, а сделать что-либо он оказался бессилён.

— Я очень прошу: одумайся! — магнат тяжело вздохнул. — Вокруг тебя куча поклонников. Ты завидная партия.

— А у меня уже была партия. Самая лучшая! Мужчина, из которого получился бы прекрасный отец и хороший муж, — она закрыла глаза, гоня прочь горькие фантазии. — Представляешь, какие от Андрея внуки могли быть?

Тишина в трубке.

— А с другим мужчиной я и пробовать не хочу. Пока не хочу.

— Эх, Настя... — Барский снова сдержался. После отъезда Таранова они почти не общались. Племянница его не простила, а делать первый шаг старик не умел. Так и жили, узнавая новости друг о друге от других. — Безумие все это. Ну, родишь ты ребенка, а дальше что? Как ты ответишь ему на вопрос об отце? Скажешь "пробирка"?

— Это мои проблемы. И мне с ними справляться, — все тот же спокойный тон. — Даже если ты никогда не примешь и не полюбишь внука, мы с ним как-нибудь переживем.

— Настя...

— Давай не будем тратить время. Это решенный вопрос... Правда, знакомые слова?

— Я по-прежнему считаю, что был прав, — ответил он с бесшумным вздохом.

— А я по-прежнему люблю его, — слова дались легко. — А теперь прощай.

Впервые в жизни Настя положила трубку, не дождавшись окончания разговора с дядей. Ее зыбкому будущему еще только предстояло стать настоящим, и обсуждать его пока не хотелось ни с кем. Для другого мужчины в сердце пока не было места, а нерастраченная любовь умоляла о своем.

Женщина сидела на самом краю кровати, спиной к нему. Длинные белокурые локоны в лучах утреннего солнца сияли будто аура. Бархатная кожа так и манила прикоснуться, а до боли знакомая родинка на плече — поцеловать. Изящная шея, хрупкие плечи, узкая талия — вся она, неземная и самая желанная одновременно. Улыбалась. Он не видел, но чувствовал. Она всегда улыбалась по утрам. Потом потягивалась кошкой и шла в душ. Привычный ритуал. Но это будет потом. Сейчас она рядом. Стоит потянуться, притянуть к себе, и...

Андрей проснулся от шума. Кто-то ураганом носился по его квартире, хлопал дверями и что-то причитал. Явь — ничего общего со сном. Проклиная все на свете, Таранов прикрыл глаза руками и стал ждать. Источник шума приближался. Кто — он вспомнил, а вот зачем так громко — не понимал.

— Вика, семь утра. Какого черта? — откинув в сторону одеяло, спустил на мягкий ковер левую ногу. Ступня коснулась пустой упаковки от презервативов. Мужчина поморщился. И куда так спешил вчера? — Мы горим или нас топят? К тебе можно динамку цеплять — электричества на весь район хватит.

На пороге с кружкой кофе и в полном облачении появилась молодая женщина. Короткие каштановые волосы торчали во все стороны, а на лице красноречиво читалось "Ты — покойник!".

— Таранов! Я от тебя ухожу! — на чистом русском выпалила она. — Один раз еще можно было бы как-то простить, но два!..

— Что?.. Опять? — Андрей незадачливо почесал затылок.

— Да, опять! И, черт возьми, это неприятно! — возмущению не было предела. Ей так и хотелось выплеснуть кофе прямо в лицо обидчику. — Я же в самый ответственный момент не называю тебя именами своих бывших!

— А почему сразу смолчала? — он хорошо помнил, как в прошлый раз Вика надула губки и потребовала, чтобы "с нее слезли". В паху потом час ныло.

— Во-первых, не желала лишать себя удовольствия, а во-вторых, дорогой ученик, мне хотелось бы узнать, как сейчас ты будешь выкручиваться.

Андрей оценивающе осмотрел ее с ног до головы. Даже плотный свитер не смог скрыть притягательных изгибов. Роскошная брюнетка с телом богини и острым, как бритва, язычком. Ничего общего с женщиной из сна. Такую легко захотеть и совершенно невыносимо терпеть после. И зачем только повелся? Ясно ж было с самого начала, как именно она собирается исправлять его произношение.

— Не надо на меня так смотреть! — помахала пальчиком недавняя любовница. — Я не кубок Стэнли.

— А жаль.

— Не поняла! — Гостья округлила глаза.

— Вика, неужели ты всерьез веришь, что я стану как-то выкручиваться? — Андрей встал с кровати, размял плечи и, как ни в чем не бывало, двинулся в сторону ванной комнаты. — Будешь уходить, захлопни дверь.

— Скотина! — на все том же чистом русском донеслось вослед.

Таранов, не оборачиваясь, помахал на прощанье рукой. Очередной углубленный во всех смыслах курс английского можно было считать завершенным. Третий за полгода.

Кофе получился божественным. Совсем как дома, в медной турке. А уж как хорошо он шел после ненавистой каши! Стараясь не расплескать напиток, Андрей переместился из кухни в гостиную. До тренировки времени было еще предостаточно, и для общения с родственниками, и для чтения новостей.

Так, глотнув обжигающего густого кофе, он открыл привычную страничку с новостями. За океаном хоккейный сезон тоже был в самом разгаре. "Северные волки" в обновленном составе держались середины турнирной таблицы — хуже, чем в прошлом году, но лучше, чем в позапрошлом. На большинстве фотографий вполне заслуженно красовались Клюев и Конев. Андрей весело улыбнулся, вспоминая каково было играть под прикрытием Бориса. Да, здесь о такой помощи можно было лишь мечтать. Справлялся сам, хотя иногда привычка оглядываться назад, в поисках мощного защитника, сильно мешала игре. Борька, как хорошо натасканный борцовский пес, идеально чувствовал своего ведущего. Тафгай его нынешней команды опекал других. Все справедливо — новичок в любом возрасте новичок.

Отхлебнув еще глоток кофе, Таранов перешел к другим новостям.

Сердце громко бухнуло в груди и сжалось до боли. Настя стояла рядом с его мальчишками и что-то показывала впереди себя. Женственная узкая ладошка без колец и браслетов, сосредоточенный взгляд и алые губы. Андрей зажмурился. Полгода прошло, а не отпускало. Словно пропитался ею насквозь — не вытравить и не смириться. Дальше новости смотреть расхотелось. Прошлое накатило с такой силой, что даже кофе стал казаться обычной водой, только мутной, как первые дни после разрыва.

Тогда, уже на ближайшей тренировке, он смог выпустить часть собственной ярости. Вторая часть вышла после матча. Но яростью она уже не ощущалась. Отчаянием, болью, но не яростью. В той игре ему впервые сломали нос. Кровь тонким ручейком стекала по лицу и перчатке, а он хватал ртом воздух и думал об обидчике, больнице, досадной травме. О всякой привычной спортивной ерунде, но не о женщине, которой в его жизни больше не будет. Один раз сработало. Не думать о ней после этого стало целью, не менее важной, чем победы в матчах. Играть и не вспоминать. Стараться забыть. В этом напряженный, изматывающий сезон был на его стороне. Но не выходило.

Нет-нет, да и срывалось имя с губ, или во сне являлся знакомый образ — Настя. Шести месяцев оказалось мало. А сколько еще?

Здесь, вдалеке, одиночество переносилось иначе — более тонко. Пирушки с молодыми, горячими одноклубниками изматывали, а женщины все чаще вызывали желание напиться, словно там, в хмельном угаре станет вдруг без разницы — она это или не она. Все бестолку. Часы, дни, недели — Андрей жил, словно ждал чего-то. Смутно надеялся, но оно не происходило.

Настя старалась сдерживать волнение, но руки все равно мелко тряслись. К счастью, долго ждать не пришлось. В назначенное время доктор лично пригласил ее в кабинет.

— Анастасия Игоревна, у меня для Вас хорошие новости, — видя ее переживание, врач решил опустить ненужное вступление. — Результаты ваших анализов внушают оптимизм. Гарантий Вам, конечно же, никто не даст, но шансы на успех выше, чем мы предполагали в самом начале.

— Ох, — Барская облегченно выдохнула. — Я так боялась...

— Понимаю, — врач загадочно улыбнулся. — Человеческий организм умеет удивлять.

— Мы с мужем столько лет пытались, и потом...

— Я ознакомился с вашей историей болезни и, уж поверьте, такие случаи попадаются сплошь и рядом. Да, ваши воспаления сыграли некоторую роль, но я все же убежден: причина проблемы была не в них, — он полистал записи на столе и снова обратился к пациентке. — Сейчас, кстати, и следов от воспалений не осталось. Спаек нет, а небольшая миома, судя по ее расположению, мешать имплантации не будет.

— Так дело не в ней? — не верилось.

— Уверен — нет.

— Доктор, но я почти год жила с мужчиной, никак не защищаясь. Почему тогда...

— А вот этот вопрос правильнее было бы задать самой себе. Ответ в вашей голове, — развел руками врач. — Вы сами установили запрет. Мысленно, эмоционально заблокировали саму возможность забеременеть. Да-да! Не смотрите на меня так. Некоторые женщины годами принимают пероральные контрацептивы, а другие делают то же самое собственным страхом.

Настя задумалась. За все время связи с Тарановым она ни разу не усомнилась в своей неспособности забеременеть, а ведь "первичное бесплодие", поставленное вначале, еще не приговор. Да, ее предупреждали, что зачать сложно, но чтобы невозможно... Нет. От догадки стало не по себе. Организм защитил ее от общего ребенка с мужем. Он, в отличие от нее, сражался за свободу с самого начала. Но с Андреем... То же самое? Каждый раз, когда любимый мужчина щедро орошал ее лоно собственным семенем, что-то внутри удерживало? Мысли, страхи, барьеры?..

— Доктор Смирнова, мой прежний гинеколог, уверяла, что шансы на обычное, традиционное зачатие минимальны, — Настя сжала виски. От всех этих открытий даже голова начала болеть.

— Ох, уж эти доктора! И все они должны знать, разбираться в чужом теле и чужих мыслях, как в своих. Волшебники с государственными дипломами. Только ж какие анализы надо назначить, чтобы понять, как происходит магия? Где скрытое дно, а где прозрачная леска — почему организм пациента ни с того ни с сего начинает вести себя ненормально и отчего у всех разные истории болезни.

Он насмешливо поцокал языком и вновь вернулся к своим записям.

— В любом случае, сейчас никаких противопоказаний нет, и можно осуществлять оплодотворение, — врач поправил очки и подал ей бланк заявления-согласия. — Подпишите заранее. Завтра у Вас важный день, может оказаться не до бумажек.

— Да, конечно, — Настя, не глядя, поставила подпись и вернула бланк. Стандартная процедура, с которой ее ознакомили еще при первом обращении.

— С донором спермы вопрос решен, курс подготовки пройден, осталось несколько шагов. Отдохните сегодня хорошо, а завтра в девять жду здесь.

— Даже не верится, что все так просто, — Барская прижала холодные ладошки к горящим щекам. Волнение еще не отпустило.

— Ну... Не совсем просто. Есть куча факторов, но давайте не будем думать о плохом. Позитивный настрой и хороший сон — вот все, что Вам нужно.

— Выспаться...

— Именно, — кивнул врач, поднимаясь со своего места. — На этой ноте давайте

завершим.

Настя быстро покинула кабинет врача и направилась на стоянку. Других дел сегодня не предвиделось. Было время неспешно приготовить ужин, посмотреть какой-нибудь добрый фильм и лечь спать пораньше. Все шло своим чередом. Она приняла решение, и Вселенная, казалось, в кои-то веки согласилась сыграть на ее стороне. Осталось немного. Шанс был, вот только не давала покоя одна тягостная мысль: почему не смогла с Андреем? Ведь каждая близость была возможностью, каждый раз мог стать началом новой жизни. И для нее в том числе.

Как так?..

Глава 30. Как обмануть судьбу

По телевизору показывали хоккей. Один из матчей Национальной хоккейной лиги. Прямая трансляция, полные трибуны и одна до боли знакомая фамилия в составе заявленных игроков. Насте хватило короткого взгляда — стало не по себе. И как только умудрилась попасть на этот канал? Сто тринадцатый из почти двухсот. Фатализм. В довершении ко всему, попытка переключить закончилась провалом. Два нажатия на кнопку пульта "вперед", два нажатия "назад"... Сама, не задумываясь. Замерла.

Все верно. Не узнать Андрея было бы сложно. Не в фамилии игрока на спине, не в сосредоточенном лице за визором шлема было дело. Его она чувствовала. Мурашками по коже, ноющим нутром, искусанными губами. Оказалось, полгода ни на йоту не уменьшили эту чувствительность. Словно и не было расставания. Так, короткая разлука, которая когда-нибудь обязательно закончится. Глупая женская фантазия, щит от повседневной монотонной жизни.

На трибунах поднялся шум. Бой барабанов, крики, музыка, а он несся, словно ничего и никого вокруг не существовало. Ловко обходя защиту противника, стремительно скользил по льду. Штучный экземпляр, и как она только умудрилась полюбить такого?

Когда первый период матча закончился, Настя взяла себя в руки и выключила телевизор. Пытаться счастья, снова переключая каналы, не было смысла. Закончилось бы так же. Уж лучше попробовать заснуть.

Шерстяные носки были уже на ногах, а сама она под теплым пуховым одеялом, когда неожиданно раздался звонок. Стандартная, громкая мелодия — кто-то чужой, не из списка контактов. Барская напряглась. Десять вечера, кому она могла понадобиться в такое время?

Ошибка? В любом другом случае она была бы в этом уверена, сейчас — нет. Что-то случилось. Рука потянулась за телефоном на тумбочке, а внутри все сжалось от ожидания.

— Анастасия Игоревна, ради Бога, простите, — из динамика послышался скрипучий голос престарелого сторожа. — Время позднее, но я не знал, кому еще можно позвонить.

— Всеволод Прокопьевич... — Настя на всякий случай подошла к окну. Ее машина стояла на своем месте, и никаких тракторов в округе не наблюдалось. — Еще раз здравствуйте. Слушаю Вас.

— Порфирьевич, — невозмутимо поправил сторож. — Понимаете, тут такое дело... Мальчонка ваш нашелся.

— Кто? — сердце забилось быстрее.

— Хоккеист будущий. Он в раздевалке заперся и выходить не желает, — старик тяжело вздохнул и продолжил. — Я уже и уговаривал, и угрожал — не слушает. Говорит, что на тренировку пришел, а какая ему ночью тренировка? Глупости. Родители, поди, обыскались уже негодника.

— Подождите... — Барская задумчиво перебирала в уме мальчишек, пытаясь понять, кто способен на такую выходку. — А он имя свое называл?

— Имя? Нет, не называл. — В трубке послышались звуки шагов. Старик явно шагал куда-то. — Игоревна, Вы трубочку не кладите. Имя я сейчас узнаю.

— Конечно, — не задумываясь, ответила Настя.

С минуту из трубки доносилось лишь невнятное бурчание старика, сплошное "как" да "кто". Его собеседник предпочитал отмалчиваться. Может, уснул где-нибудь на лавке, а

может, просто не хотел общаться с докучливым охранником.

— Молчит, как партизан, — в конце концов, сторож сдался.

— А Вы скажите, что я с ним поговорить хочу.

— Попробуем! — оптимистично ответил он и, повернувшись куда-то в сторону, громко проговорил. — Малец, тебя Анастасия Игоревна по телефону спрашивает. Может, выйдешь и поговоришь?

— Я не выйду! — послышалось в напряженной тишине.

— Костя... — она узнала его сразу. Даже не по голосу — по упрямым ноткам, прозвучавшим в нем. Маленький форвард, так напоминавший Таранова. Три недели его не было видно в клубе, а тут...

— Игоревна, ничего не получается, — устало протянул Всеволод Порфирьевич. — Что ж делать? Этот не выходит, тренер трубку не берет, а я не могу всю ночь под дверью раздевалки стоять. Непорядок!

Бросив вопросительный взгляд на черный экран телевизора, Барская выдала короткий и четкий ответ:

— Я еду.

Сторож тут же рассыпался в благодарностях, но она не слушала — бросила телефон на кровать и принялась одеваться. Следовало поспешить, неизвестно, сколько времени мальчишка провел в прохладной раздевалке. Неизвестно, и что подвигло его на такую выходку. Собственные планы незаметно отошли на второй план. Хороший сон, никаких волнений или упрямый паренек, такой похожий своим характером на любимого мужчину — выбор оказался не на ее стороне.

Фиат завелся сразу. Стоило повернуть ключ в замке зажигания, как он заурчал, будто большой довольный кот. Настя на секунду прижалась лбом к кожаной оплетке руля. Вечер накануне важного события получался совсем не таким, каким она ожидала. Хоккей, мальчишка... Какой еще сюрприз может преподнести злодейка-судьба?..

Весь длинный коридор освещала только одна лампочка у входа. Охранник из экономии не стал включать основной свет. Лампочка мигала, грозясь вот-вот погаснуть, а два человека под ней растеряно собирались с мыслями.

— Всеволод Порфирьевич, вы идите к себе, — Настя поежилась, глядя в темноту. — Я поговорю с ним сама. Один на один.

— Голубушка, Вы уж поговорите, — одобрительно прокряхтел старик. — Я мешать не буду. Наговорился уже.

— Все будет хорошо.

— Да я уж надеюсь, а то ведь и родителей жалко, и я не на посту, — он с важным видом поправил на груди свой бейджик. — Ладно. Ушел.

Как только сторож скрылся за поворотом, Барская поправила на плече сумку и направилась к раздевалке. Мысль о том, чем обычно заканчивались ее походы в раздевалки хоккеистов, заставила грустно улыбнуться.

— Костя, привет, — она негромко, чтобы не спугнуть, постучала в дверь. — Это Анастасия Игоревна. Помнишь меня.

— Здравствуйте, — голос мальчика звучал тихо, настороженно.

— Кость, — Настя не представляла с чего начать. — Сейчас уже ночь. Тебя, наверное, родители и бабушка ищут.

Ни слова в ответ.

— Может, ты откроешь двери, и мы поговорим?..

— Не открою! — упрямо заявил паренек. — Я отсюда никуда не пойду.

— Дружочек, но ведь так нельзя. Тренировка еще нескоро, а раздевалка холодная.

— Не надо за меня волноваться. Я самостоятельный, — он немного подумал и добавил. — А еще у меня куртка теплая и варежки.

Насте стало не по себе. Маленький захватчик действительно был настроен серьезно. Куртка, варежки... Он готов был терпеть холод, только чтобы попасть на тренировку. О причинах такого рвения и размышлять казалось страшно.

— Костя, за тебя столько людей волнуется. Даже сторож Всеволод Порфирьевич, а ему много лет. Наверное, как и твоей бабушке.

Мальчик и на этот раз не ответил. Было слышно, как он громко хлопнул носом, и больше ни звука.

— Родители тебя тоже, наверняка, уже обыскали. Они ведь не знают, где ты. Я права? — вслушалась. — Если скажешь чей-нибудь номер телефона, я могу позвонить, успокоить. Костя?..

— Не надо ни с кем связываться! — он стоял на своем, но теперь в голосе прорезалась злость. Такая же, какая бывала, когда кто-то из старших ребят сомневался в его хоккейных навыках.

— Ох, и как мне с тобой быть? — тяжело вздохнула Настя. Простое пятиминутное дело на поверку оказалось гораздо сложнее.

Следовало что-то предпринять. Не ночевать же здесь, под дверью. С досадой глянув на часы, она вынула из сумочки мобильный телефон и набрала тренера. У того обязаны были находиться данные на каждого ученика. Требовалось как можно скорее сообщить о случившемся родственникам. Сам Костя ей теперь явно не помощник.

В трубке послышались длинные гудки, однако абонент не ответил. Настя все ждала-ждала, но тщетно. Целая минута прошла, а потом связь прервалась. Со вторым звонком случилось тоже самое. Все зря. После третьего женщина сдалась. Надежд на всегда пунктуального и внимательного Виктора Петровича не осталось. Проблема по-прежнему была на ней одной, и как ее решить, Барская не знала.

Открыть или выломать дверь — ни она, ни сторож не могли. Ждать до утра, оставив все как есть, казалось еще хуже. Оставалась полиция.

— Костя, если ты сейчас же не откроешь дверь, мне придется вызвать полицию, — Настя постаралась придать своему голосу как можно больше строгости. — Они откроют дверь, но всем нам будет плохо.

— Полицию?.. Не надо! Пожалуйста, не надо полицию... — уже совсем другим тоном проговорил мальчик. — Тетя Настя, я вас очень прошу: не надо.

— Тогда открывай дверь!

— Я не могу... — он грустно всхлипнул и отошел куда-то подальше от двери. — Совсем не могу. Мне Виктора Петровича надо дождаться. Только он поймет.

— Поймет что?

— Вам не скажу, вы как они... А он хоккеист!

Более запутанного комментария он дать не мог. Кто такие "они" Барская решила даже не пытаться узнать.

— Значит, хоккеист... — она задумчиво покрутила в руках телефон.

Из тех хоккеистов, которых она знала, не задумываясь, примчался бы только один. Другой знакомый хоккеист скорее всего будет долго грязно материться и, в конце концов, бросит трубку. Первый был в Канаде, а у второго — завтра игра. Бросив последний раз взгляд на закрытую дверь, Настя набрала Бориса.

Когда спустя двадцать минут в парадную дверь спортивного комплекса постучали, немолодой охранник Всеволод Порфирьевич вспомнил имена всех святых, которых знал. Громоздкая фигура гостя не внушала оптимизма. Еще меньше его внушал суровый, злой взгляд пришедшего.

— Боря, ну наконец-то, — Анастасия Игоревна Барская незаметной тенью выпорхнула из коридора и принялась собственноручно открывать мудреные замки. — Прости еще раз, но вызвать полицию я не решилась.

— Правильно, куда уж полиции до меня? — огромный лысый мужчина коротко кивнул сторожу и двинулся за гостьей.

Всеволод Порфирьевич с изумлением посмотрел на удаляющуюся парочку и пошел заваривать себе чай. Стараниями нахального пацаненка привычное, спокойное дежурство превратилось в не пойми, что.

— Костя! — мощный бас Конева заполнил коридор. — Прекращай спектакль и открывай дверь.

— Борис Иванович? — мальчишка явно не ожидал такого поворота.

— Нет, крестная фея! — хмыкнул хоккеист. — С розовыми крыльями и волшебной клюшкой.

— Костя, — тут уже вмешалась Настя. — Дядя Борис специально приехал, чтобы поговорить с тобой. А у него, между прочим, завтра игра и надо отоспаться. Открой, пожалуйста, дверь.

— А правда, вы не будете вызывать полицию?

Настя с Борисом переглянулись и хором ответили:

— Нет!

— И ругать меня не будете? — Костя, как настоящий переговорщик, попытался выпросить для себя необходимые условия.

— А вот этого обещать не могу, — проигнорировав умоляющий взгляд Барской, изрек хоккеист.

Когда в замке повернулся ключ, Настя не поверила удаче. Упрямый мальчишка решил-таки довериться своему кумиру. Сам кумир заразительно зевал рядом и, судя по выражению лица, никакого особого восторга не испытывал. опережая Бориса, женщина потянула дверь. Ослепительно яркий свет из раздевалки резанул по глазам.

— Вы обещали не ругаться, — пугливо повторил Костя.

— Еще че... — Борис сделал шаг в комнату и замер. Все слова застряли в горле.

На него, не мигая, смотрел щуплый паренек. Старенькая, потрепанная куртка, истоптанные ботинки и яркий вязанный шарф на тонкой шее — казалось бы, обычный пацан, каких тысячи. Шалопай, нагло считающий, что взрослые должны плясать под его дудку. Казалось бы... Глаза говорили иное. Огромные, синие, они взволнованно смотрели на вошедших из-под длинных, как у девчонки, ресниц и сверкали отчаянным огнем. Ни нахальства, ни дерзости. Страх.

— Пацан, — Борис присел на корточки. — Что случилось? Ты от родителей сбежал?

Костя мгновение подумал, а затем отрицательно замахал головой.

— Это не ответ.

— Нет... — с трудом выдавил он.

— Ты можешь мне нормально ответить, где твои родители? — собеседник начинал заводиться.

— У меня нет родителей. И бабушки... — мальчишка зажмурился, будто боялся, что глаза его предадут. — Больше нет! — не заплакал, выдержал.

— Господи, — Настя, все это время настороженно наблюдавшая за происходящим из-за спины хоккеиста, закрыла рот ладонями.

— Только не вызывайте полицию, пожалуйста. Я не хочу назад в детдом, — Костя переводил испуганный взгляд с женщины на мужчину, боясь услышать ответ. — Все равно снова сбегу.

— И что же ты здесь искал, боец? — Борис тяжело вздохнул.

Сомневаться в словах паренька не приходилось. И глаза, и одежда, и эта проклятая бессонная ночь — все говорило в его пользу. Сбежал.

— Тренер сказал, что мне надо играть. Я способный, — он добела сжал кулаки, будто готов был силой отстаивать свою позицию. — А пожить я и здесь могу. Мне много не надо.

— Здесь? Да... — Конев обвел взглядом убогую раздевалку с маленьким окошком под потолком. — Хоромы! А кушать что ты будешь, где будешь мыться?...

— Боря, не надо, — видя, как опустились плечи мальчишки, Настя не выдержала. Страх и отчаяние Кости ощущались, как свои собственные. Будто не он сейчас стоял, как на заклании, перед грозным кумиром, а она сама... Много лет назад перед дядей. До ужаса знакомое ощущение, шрам на душе, который никогда не зарубцуется. Глаза защипало.

— Настя, — Конев хотел сказать, что они бессильны в этой ситуации, но, вновь глянув на испуганного ребенка, передумал. — Ладно. Что сейчас делать будем? Ночь за окном.

— Ночь... — как в тумане подтвердила Барская.

— Вот! До утра все равно ничего не решится, а пацану оставаться здесь нельзя.

— Нельзя...

— К себе в квартиру я его забрать не могу — мал еще знакомиться с настоящим мужским бытом. Так что... — он обернулся к Насте и вопросительно приподнял брови. — Ну?

— Костя, — она стряхнула с себя оцепенение. Решение было очевидно. — Давай, ты сегодня переночуешь у меня, а завтра мы что-нибудь придумаем?

— Соглашайся, Костян! Так будет лучше, — Конев, наконец, поднялся на ноги. — Тетя Настя тебя и накормит вкусно, и спать уложит.

— Но я хочу дождаться тренера, — мальчик попятился к стене.

— М-да... — Борис потер колючий подбородок, соображая, как бы уговорить парня.

— Я привезу тебя завтра сюда, — вместо него ответила Настя.

— Обещаете?

— Обещаю, — еще не до конца понимая, на что идет, подтвердила она.

Мальчик недоверчиво взглянул на странную женщину, но больше ничего спрашивать не стал. Не посмел. Бабушка слишком хорошо его воспитала.

В этот раз Фиат снова завелся по первому же повороту ключа. Машина будто жила своей жизнью, выбирая, когда преподносит неприятности, а когда исправно работает.

Правда хозяйка об этом не задумывалась. Она вообще старалась не думать. Вращала руль, переключала передачи — ехала домой. Рядом на пассажирском сиденье дремал ребенок, чужой, одинокий и невероятно упрямый. Что его ждет? Великое хоккейное будущее или казенные стены детских домов и ПТУ, счастливое детство или беспросветное одиночество?.. Настя тихо вздыхала, изредка поглядывая на маленького пассажира. Собственные важные планы потеряли значение, а сомнения и тревоги, царившие до того в душе, сменил покой.

Маленький серебристый Фиат вез двоих к высотному, современному дому в центре города. Ни спешки, ни суеты. И никто из сидящих в автомобиле не догадывался о том, что в это же самое время на другом континенте, в далекой Канаде, машина скорой помощи везла в больницу сжимающего зубы от боли хоккеиста. Не вовремя среагировал, не сгруппировался. Слишком много мыслей в голове, непозволительно мало внимания. Результат.

Не так должен был закончиться этот день, не к тому стремились люди на разных полушариях необъятной Земли. Но что произошло — то произошло, наперекор планам и надеждам.

Зарисовка 4. На два континента

Беззвездная ночь погрузила город в серую, непроглядную тьму. Даже снег не спасал. Словно на дне океана, за окном царили холод и пугающая тишина. Редкие огни автомобилей, как лучи батискафов, изредка разрывали пелену темноты и быстро исчезали.

Женщине на широкой двуспальной кровати не спалось. Несмотря на усталость и позднее время, сон никак не желал приходить. Вместо него в голове роились мысли, и вспыхивали яркими образами картинки из прошлого и настоящего: сжимающий ее в объятиях на этой кровати любимый мужчина; его отрешенный, прощальный взгляд в экране ноутбука; десятки безликих дней и хрупкая надежда на новую жизнь. Без Него, но семьей. С ребенком. С частичкой чужого, неизвестного ей человека. Хрупкий шанс стать матерью.

Тоска запустила липкие щупальца в душу, обхватила безысходностью. Мысли впились иголками в виски, разослали по телу боль. Одна. Во всем мире одна. Никому больше не нужная, цветущая внешне и увядшая внутри. Настя провела ладонью по лицу, стирая жалость. Устала, и от нее тоже. Надо спать. Снова смежила веки. Вдох-выдох, медленно. Мысли прочь, спокойствие и сон. Не вышло. Из соседней комнаты донесся глухой стон, и ее как холодной водой окатило.

— Костя! — губы прошептали имя, и руки тут же схватили с прикроватной тумбочки халат.

Мальчик спал беспокойно. Тяжело сопел, по шею укутавшись в теплое одеяло. Волосы на лбу слиплись от пота, но не раскрывался. Одеяло — защита, под ним спокойно. Как рядом с бабушкой. Та обнимала его во сне, шептала на ухо какие-то слова, ласковые и добрые. О взрослых, которых нужно слушаться. Об учебе, которая прокормит. О собаке, которую он заведет, когда станет большим. Собаку хотелось очень, ради нее и взрослых, и учебу можно было перетерпеть. Он сильный, он со всем справится. Так все говорили.

Во сне бабушка улыбалась, и он улыбался вместе с ней. Добрая, любимая бабушка.

Снова стон, снова тело подрагивает, будто борется. С пробуждением, с явью.

Настя присела на краешек кровати, не решаясь прикоснуться к влажному лбу ребенка. Рука поднималась и плетью опускалась вдоль туловища. Барьер. Не преодолеть. Почему? Смотрела и не понимала.

Костя. В свете ночника скрюченная фигурка паренька под мягким одеялом казалась еще меньше. Сейчас, во сне, он уже не казался таким независимым и отважным, каким был в раздевалке. Не нужно было храбриться и прятать страх. Чего это стоит, Барская знала лучше всех. Слабость за маской силы. Досрочно закончившееся детство. Она плотнее запахнула халат, чувствуя, как знакомый холодок ползет по телу. До сих пор не изжитая тоска тяжелым якорем тянула на дно, в холод, темноту и одиночество. Настя тряхнула головой, пытаюсь всплыть — не вышло.

На кровати перед ней нервно дернулся и всхлипнул ребенок. Бездна обернулась лужей. Исчезла.

— Я здесь, Костя, с тобой. Все хорошо, — ладонь женщины нежно погладила его по голове.

Мальчишка резко раскрыл свои огромные синие глаза. Испуг, замешательство, узнавание, спокойствие незаметно сменялись во взгляде.

— Тетя Настя... — он стыдливо вжал голову в плечи.

— Я рядом. Все хорошо, — ласково улыбаясь, Настя прошептала те самые слова, которые так отчаянно мечтала услышать сама в далеком детстве. — Спи спокойно.

Мальчик моргнул и послушно закрыл глаза. Поверил. Еще не научился гордо забывать о своих желаниях и не растерял тепло, оставленное на сердце любящей бабушкой. Еще нет... Чистый лист.

Барская подождала немного и, убедившись, что гость уснул, бесшумно перебралась в глубокое кресло у окна. Казалось очень важным сидеть здесь, охраняя сон ребенка. Чужого, но такого же одинокого, какой была сама в его возрасте. Охранять, заботиться... Словно дать шанс самой себе пережить заново болезненную тягу по душевному теплу. Излечиться.

Начавшийся со скандала и воспоминаний день бывшего капитана "Северных волков" закончился в рентген-кабинете. Снимки, анализы, осмотр... Совсем не то, на что надеялся мужчина. Окончание матча по телевизору, парочка звонков от менеджера и помощника тренера — все это вместо... Он задумался. Вместо?.. Радостная альтернатива все никак не приходила в голову.

Андрей уже час лежал на жесткой больничной койке и бесцельно смотрел в потолок. Таблетки действовали — боль стихала. Жаль, что другую боль нельзя было упокоить этими таблетками. Накопилась, а спасительные матчи и тренировки как минимум неделю ему пока не светят. "Покой, сон и обезболивающие по мере необходимости. Легко отделались!" — слова доктора были понятны и без переводчика. Правда, доктор сильно ошибся. Отделался он не легко. Неделя безделья куда хуже физической боли. Один на один с собой или в компании высокомерной любовницы — хрен редьки не слаще.

Рядом, поправляя подушку и одеяло, суежилась молодая медсестра. Она то и дело касалась мужского плеча или руки, а он через силу сдерживался, чтобы не выставить ее вон. Не хотел никаких прикосновений. Не то и не та. Все достали. Вики, Стеллы, Оливии... Смотрят на него, как на сочный бифштекс в ресторане. Глаза голодные, и красноречивые улыбки на лицах будто приглашения к столу. Вернее — на тарелку. А он не кусок мяса. Он живой. Нормальный.

Вспомнился взгляд другой женщины, ее руки, заботливо втирающие мазь. Все было так естественно и просто. Его Настя, чертовски сложная женщина, которая вначале доверила ему самое сокровенное, а потом отвернулась в неожиданный момент.

Чувствуя, что снова начинает злиться, Андрей попытался переключить мысли на что-нибудь иное. Нельзя было думать о Барской. И фотографии эти в утренней прессе не стоило вспоминать. Прошлое. Пережил. Пусть остается там. Со своими дурацкими принципами, образом жизни и работой. Куда ему тягаться с такими противниками? Сексуальный партнер, не годный ни на что больше. Он, Таранов.

Совладать со злостью не удалось. Как и далекой ночью на даче Клюева захотелось схватить ее за шею и немного придушить. Обхватить пальцами нежную кожу, сжать. Несильно, но так чтобы стало не до глупых убеждений. Чтобы перестала, наконец, думать. А потом раздвинуть ноги и заставить довериться полностью. До самого конца. Секс? Ха! С той, с которой он до мелочей помнил первый раз, и уже тогда это было какое-то безумие. И для нее не меньшее, чем для него. Иначе не выворачивала бы потом душу наизнанку.

— Мистер Таранов, — неожиданно встряла медсестра. — Вам комфортно?

— Идите уже куда-нибудь! — рыкнул он на русском.

Она не поняла ни слова, но интонации хватило. Дверь с обратной стороны закрылась

буквально через пару секунд. Большой облегченно вздохнул и закрыл глаза, возвращаясь мыслями в прошлое. Настя. Точеная фигурка, грустный ласковый взгляд и щедрое сердце, которое, казалось, принадлежит ему, также как и его сердце ей. Неужели можно было ошибиться?

Еще один вдох.

Неделя безделья впереди грозила обернуться сущим кошмаром.

Глава 31. Решения и поступки

Борис Конев и тренер детского хоккейного клуба задумчиво смотрели вслед отъезжающему автомобилю. Барская сдержала обещание, привезя Костю к тренеру. Времени у тафгая "Северных волков" было в обрез, но после ночных событий не заехать он не мог. Оказалось, не зря. Двадцатиминутный разговор оставил целый вагон мыслей. Мальчишка пытался схватиться за свое увлечение, как тонущий за соломинку. В каждом слове и паузе читался призыв.

И вот высказался. Коротко, ясно и по существу — уж как сумел. Поразил все мишени одним ударом, и когда разговор закончился, мужчины еще долго бесцельно топтались на заснеженной стоянке. Молчали, не зная, что произнести, и напряженно думали каждый о своем. Мальчик напомнил обоим себя в далеком детстве. Некоторые вещи просто невозможно забыть, как и отвернуться. Его рассказ был настолько искренним, что Виктор Петрович всерьез стал подумывать о шефстве над детским домом.хлопотно, финансово неподъемно, но что еще оставалось?..

Борис ни о каком детском доме и не помышлял. Он видел спокойный, решительный взгляд Барской. И, зная, на что она способна, был на сто процентов уверен: кое у кого скоро появится приемный сын. Горбатого только могила исправит. Претворив в жизнь мечту одного хоккеиста, эта ненормальная уже готова спасти мечту второго. И ведь спасет! Ни перед чем не остановится, хотя в случае с Костей одна деталь не могла не радовать: этот пока ни в какую Канаду не сбежит. Мал еще, хоть и строптив.

— Эх, был бы я моложе... — тренер стянул шерстяную шапку с головы. От мыслей стало жарко. — Забрал бы этого пацана к себе.

— Сдается мне, Петрович, наш "Харламов" найдет себе семью и без тебя.

— Думаешь, Настя?..

— Уверен! — Конев глянул на часы, убедился, что до предматчевой тренировки время еще есть. — Она только с виду кремень, а так... — махнул рукой.

— Да... Было бы хорошо! Только... — тренер замялся. — Мальчишке папка нужен. У него характер о-го-го, а Игоревна наша...

Договаривать Виктор Петрович не решился. Не в его правилах было интересоваться чужой личной жизнью или болтать о ней.

— Профукала наша Игоревна хорошего папку, — вместо него сказал Борис. — Хотя иногда мне кажется, что тот папка профукал еще больше.

Тренер не спорил. Догадывался о каком "папке" идет речь, и примерно представлял, как все вышло. Проза жизни: не каждый может отказаться от блестящего предложения, как и не каждый может пожертвовать привычной жизнью для счастья другого. Выборы и мечты. С высоты прожитых лет, когда амбиции остались в прошлом, многое виделось иначе.

Адрес детдома Настя узнала в интернете, но предварительно звонить и сообщать о Косте не стала. Вначале обещанная встреча с тренером — условие вчерашнего соглашения, потом — все остальное. Что именно, она уже представляла, и, хотя вопросов все равно пока было больше, чем ответов, чувствовала, что поступает правильно. Ночь, проведенная у кровати ребенка, перечеркнула прежние планы. Маленький хоккеист незаметно постучался в сердце, и, как в случае с его взрослым сотоварищем, устоять не было не единого шанса.

Парнишка ни о чем не догадывался. Костя думал только о предстоящей встрече, а, узнав, что его скоро повезут в клуб, съел большую тарелку каши и выпил весь чай. Настя даже не успела поставить на стол сахарницу, как чашка опустела. Со времен отъезда Таранова в этой квартире никто не ел с таким аппетитом.

Весь последующий час, в дороге и во время встречи, она постоянно возвращалась мыслями к этому моменту. Пустая тарелка и счастливый взгляд мальчишки развеяли остатки сомнений.

Разговор в клубе всем дался тяжело. Не удивительно, что путь обратно Костя печально смотрел в окно и молчал. Взрослые выслушали его, только жизнь почему-то не поменялась. Они не поняли. У них свои заботы, а он... Снова в детдом. К строгим воспитателям, маленькой холодной комнате на троих и без хоккея. Плакать хотелось еще сильнее, чем ночью. А от бабушкиных слов "ты сильный, мой мальчик" становилось лишь хуже. Неужели всё?

Впереди уже маячили стены ненавистного здания, и бежать из него еще один раз было некуда.

— Костя, — заглушив двигатель, Настя, наконец, решилась заговорить. — Мы с тобой сейчас вместе пойдем к твоим воспитателям. Мне нужно с ними поговорить, а ты не уходи далеко. Так?

— Может, я сам?.. — мальчик пугливо втянул голову в плечи. — Они ругаться будут.

— Я попрошу, чтобы тебя не ругали, — она помогла застегнуть куртку и заботливо поправила на нем шарф.

— Не поможет.

— Ну, это мы еще посмотрим, — Барская хитро подмигнула ему одним глазом. — Ты только дождись меня.

Утром Андрей чувствовал себя гораздо лучше. Ушибленное плечо по-прежнему болело, мешая нормально двигаться, но голова уже не кружилась. Прогресс. Он придал надежду, и до того, как принесли завтрак, спортсмен успел убедить себя, что вернется в строй быстрее, чем обещал доктор. Рев трибун, скрежет коньков о лед, стремительно летящая шайба... Наивная иллюзия, которая рухнула при первой же попытке поднести вилку ко рту. Не сумел, даже через боль согнуть руку не удалось.

Медсестра, заметив, как побледнело лицо пациента, готова был броситься к нему на помощь, однако Таранов опередил. Здоровой левой рукой отшвырнул от себя поднос, а затем бессильно откинулся на подушку. Позор и досада. Вопреки желанию и кажущемуся улучшению, тело отказывалось подчиняться. А через час главный медик клуба и лечащий врач, изучив анализы и снимки, единодушно решили временно отстранить хоккеиста от игры.

— Неделя покоя и отдыха, потом еще неделя на реабилитацию, и Вы будете как новенький, — оптимистично изрек врач.

— Три игры... — тут же подсчитал его клубный коллега. — Сейчас у нас начало февраля. До плей-оффа пару месяцев. Если пройдем...

— Я не могу пропускать две недели, — Андрей прекрасно понимал, что означал этот расчет. Стоит выпасть из обоймы на длительный срок, как его место в тройке займет другой, а он после реабилитации надолго засядет на скамейке запасных. — Меня ждать никто не

будет — дорого каждое очко.

— Сожалею, — доктор развел руками. — Но я и так максимально сократил время реабилитации.

— Сократите еще! — напирал хоккеист. — Ничего со мной не случится. Справлюсь.

— Мистер Таранов, вы даже кушать самостоятельно не можете! — собеседник и не пытался скрыть свою осведомленность. — Первую неделю вам вообще сиделка понадобится. Так о каком в подобной ситуации "сократите еще" может идти речь?

— Идите Вы, знаете куда?.. — больной чуть не перешел на русский. Сдерживаться становилось все труднее. Отстранить его, как изнеженную барышню, на две недели — идиотизм.

— Андрей! Успокойся! — осадил медик клуба. — Твое выздоровление зависит только от тебя. Не будешь лишний раз напрягаться — выйдешь на лед скорее.

— Вряд ли... — открыл было рот лечащий врач.

— Все в его руках, — оппонент, навидавшийся за свою жизнь "чудес с выздоровлением" накануне важной игры, в своих словах не сомневался. — Будет паинькой — получит клюшку!

В горящих от гнева глазах хоккеиста мелькнуло понимание.

— Паинькой, значит, — Таранов задумчиво почесал колючий подбородок.

— Покой, сиделка, физиопроцедуры... — загибал пальцы врач.

— Плечо беречь! — дополнил его коллега. — Не сможешь подтереться левой — зови медсестру. Не донесешь ложку до рта — пусть кормит, как маленького. Полный покой!

— Черт, — Таранов закатил глаза. За прошедшую бессонную ночь он уже принял кое-какие решения, и никаких дамочек в своей квартире пока видеть не желал. — А, может, я самостоятельно?..

— Мы тебя такой симпатичной сиделкой обеспечим — не захочешь выздоравливать! — хитро подмигнул медик.

Андрей немного подумал, прикинул, что да как, а потом выдал:

— Эту проблему я решу сам! — и потянулся за телефоном.

— С этой проблемой я справлюсь! — уверенно ответила Анастасия Игоревна Барская на очередной вопрос заведующей детского дома.

Они беседовали уже час, споря и доказывая друг другу, что именно будет лучше для маленького мальчика с именем Костя. Вчерашний беглец здорово заставил всех поволноваться. Заведующая уже и не помнила, когда в ее практике был такой случай и был ли вообще. И вот сегодня он мало того, что вернулся сам, так еще и с потенциальной усыновительницей. Когда только успел?..

— Ох, — она вздохнула, уже предчувствуя по тону собеседницы, что в ближайшее время покоя ей не видать, как своих ушей. — Поймите, в вашем случае, без мужа, да еще за короткий срок ничего, кроме временной опеки оформить мы не сможем.

— Елена Николаевна, к вечеру на вашем столе будут все необходимые документы от выписки банка до характеристик с последних мест работы, — Настя мысленно прикидывала, что еще успеет сделать за день.

— Еще медицинское заключение и ответы на запросы из правоохранительных органов, — заведующая растерянно хлопала ресницами.

— Медицинское заключение вообще не проблема, а запросы... — Барская набрала

номер одного из знакомых журналистов, и через минуту разговора дала ответ: — Запросы можете не слать. Сделают за вас. И ответы тоже получите сегодня.

— Анастасия Игоревна, но... Все равно. Я не могу. Неделя — две понадобятся на все про все, как минимум.

— Много!

— Иначе не бывает. Так быстро дела не делаются.

— Считаете? — Барская устало откинулась в кресле, прикрыв глаза. Их затянувшаяся игра в "кошки-мышки" уже порядком поднадоела.

— Конечно! Это же не покупка холодильника и не поход к дантисту. Это ребенок. И непростой ребенок — сирота, большую часть своей жизни проживший с бабушкой.

— Тем более! Ему необходима забота.

— Да он даже слова "мама" не знает. Давайте не будем торопиться!

— Нет! — смутный образ собственной матери мелькнул в памяти, заставляя сердце биться быстрее. Еще один повод ускорить все. — Вечером я заберу этого ребенка из вашего заведения.

— Вам же русским языком сказано — немыслимо! Я как заведующая этим детским домом на такое не пойду.

— А для меня немыслимо, чтобы он снова убежал и один бродил по огромному заснеженному городу, — Барская резко распахнула глаза.

Немолодая грузная женщина, что сидела напротив, поежилась, встретившись с ней взглядом. Намек попал в цель. Ее упущение, даже оно на руку странной дамочке.

— Бюрократические процедуры, соблюдение которых для Вас так важно, будут пройдены, — она уже чувствовала: Елена Николаевна вот-вот сдастся и пойдет на уступки. Осталось совсем немного. Справится сама, без дяди и его безграничных связей. — Чуть быстрее, чем обычно, но без нарушений. Косте не нужны стрессы. Косте нужен дом, забота и понимание.

— Как и любому ребенку...

— Согласна. Но это не в моих силах — будем смотреть правде в глаза.

— И все же...

— Для "все же" я предложила отличную спонсорскую помощь, — и, отметая последние возражения, Настя повторно озвучила кругленькую сумму.

Заведующая брезгливо поджала губы. Большая до неприличия цифра запомнилась с первого раза. За такие деньги можно было сделать многое. Для сирот и не только...

— Дети не продаются, — словно боясь, что собеседница прочтет ее мысли, выплюнула она.

— К счастью, да. Продаются взрослые. И мы с вами это очень хорошо знаем.

Мальчик сидел на своей кровати, наблюдая, как снежинки медленно опускаются на красивую маленькую машину под окном. Не ней его привезли. Странная тетя выполнила свое обещание, а теперь попросила ждать. Зачем? Он не знал. Остальные ребята давно убежали в столовую на обед, а он все сидел на кровати, боясь пропустить встречу.

Когда отворилась дверь, и вошла Настя, Костя незаметно вздрогнул. Женщина тепло улыбнулась и присела рядышком.

— Нам надо поговорить, — прямо глядя в его глаза, спокойно произнесла она.

На другом континенте в больничной палате в это время тоже шел разговор. Телефонный.

— Братишка, я уж думала, что ты обо мне позабыл! — голос молодой женщины звучал весело и звонко. — А я и визу сделала, и чемодан для подарков большой купила, и сессию сдала досрочно, да в гости никто не зовет.

— Аленка, я влип, — мужчина скосил взгляд на свое тугозабинтованное плечо.

— Женщины, хоккей или болячки? — варианты всегда были одинаковы.

— Все вместе.

— А ты растешь! — хмыкнула собеседница и тут же, подумав, добавила. — Значит, и женщины... Заинтриговал. Ладно, с тебя билеты на самолет, с меня — уши, руки и приветы от родных.

Она долго перечисляла, чем еще планирует порадовать любимого брата, а тот, в свою очередь, впервые за полгода по-настоящему счастливо улыбался. Соскучился. Теперь и поговорить вживую, и обсудить свои сумасшедшие планы на конец весны будет с кем.

Глава 32. Чужие нечужие люди

В каждодневной суете незаметно проносились недели. Ночи становились короче, а заполненные делами дни — ярче и радостнее. Вопреки прогнозам синоптиков и капризам природы, весна пришла в срок. Словно засидевшаяся в девках строптивая красавица, дождалась первых птиц и озарила улицы ласковым солнечным светом.

Шумная детвора огласила улицу криками и скрипом старых качелей. На лавочки вернулись бдительные бабушки, а дворники сменили, наконец, громоздкие лопаты на новенькие метелки. Все возвращалось на круги своя, обещая новый виток жизни, обновление и счастье. Побороть беспричинную радость не под силу было даже докучливому дождю. Он лил днями напролет, превращая каждую ямку на дороге в серую лужу, заставлял вздрагивать прохожих и бездельничать работников автомоек. Дождь щедро поливал крыши и тротуары, однако в каждом пузырьке на водной глади, в каждой прозрачной капле золотом сверкало и отражалось весеннее солнце.

Февраль сменился мартом. На смену марту пришел апрель. Хозяюшка- весна в зеленых одеждах под трели птиц и радостный лай собак уверенно шагала по стране.

Только самолет совершил посадку, как самые нетерпеливые пассажиры, отстегнув ремни, принялись доставать свои вещи с верхних полок. Просьбы стюардесс "не спешить" потонули в общей шумихе. Длинный перелет утомил всех, хотелось поскорее выбраться на свежий воздух и размять ноги.

Красивая молодая пара, летевшая бизнес-классом, не спешила. Девушка лениво копошилась в косметичке, пытаясь отыскать губную помаду, а ее брат, не мигая, смотрел в окно и думал. Он не был на Родине долгих девять месяцев — уйма времени. Многие могло измениться или потерять значение. Со значением вообще была беда. Слишком крепко увяз в прошлом, и вскоре, возможно, предстояло выдернуть себя, как барон Мюнхгаузен, за волосы из болота. Выйти из тупика, увидеть и проститься навсегда. Иной итог бывает только в сказках, а сказки он с детства недолюбливал.

Пока в кухне, активно работая ложкой, завтракал мальчик, в спальне, спешно перебирая платья, суетилась молодая женщина. С появлением в доме ребенка время на утренние сборы сократилось даже не вдвое, а вчетверо. Будущий чемпион все делал быстро. За ним не поспевала ни она, ни воспитатели в детском саду. Ураган в облике шестилетнего мальчишки! И если бы не хоккей, неизвестно, как бы еще он расходовал всю свою энергию.

— Тетя Настя, я поел! — послышалось за дверью.

Барская, догадавшись, что время вышло, натянула на себя последнее из приглянувшихся платьев. Трикотажное, бежевое, совершенно простое, оно село идеально по фигуре, подчеркнув каждый изгиб.

— Костя, надевай кроссовки, я уже иду, — спустя минуту ответила она.

— Уже! — тут же отозвался мальчик.

— Господи, где же у него режим "медленно"? — в сердцах воскликнула Настя и, прихватив с туалетного столика сумочку, направилась в коридор.

На кухонном столе царил чистота и порядок, а Костя с серьезным видом поджидал ее у

металлической входной двери. Оказалось, мистер "будущий великий хоккеист" успел надеть не только кроссовки, но еще и куртку с шапкой.

— Ну, ты и быстрый, — она присела на корточки перед пареньком, поправила ворот куртки. В новой, идеальной по размеру модной одежде в нем сложно было узнать того худощавого, отчаянного сорванца, что сбежал из детского дома. Прошло всего два с половиной месяца, а Костя изменился.словно маленький испуганный воробышек, превратившийся в молодого орленка, он распрямил плечи, немного вытянулся и снова начал улыбаться. Последнее делало Настю самым счастливым человеком в мире.

— У меня сегодня вечером хоккей. Можно я побуду подольше? Тренер обещал со мной лично позаниматься.

— Ох уж этот Виктор Петрович! — цокнула языком женщина. — Ни себя, ни тебя не жалеет. Опять ведь будешь весь мокрый.

— Я не простыну, — мальчик сердито нахмурился. Он хорошо помнил, как в прошлом месяце после долгой тренировки подхватил простуду и неделю пролежал в кровати. — Обещаю.

— Ладно, чемпион. Спорить с тобой все равно бесполезно, — усмехнулась Барская. — Но давай договоримся. Как только оденешься — сразу выходи. Никаких разговоров или задержек. Я буду ждать тебя в теплой машине на парковке.

— И с тренером поговорить нельзя?

— Снял коньки, оделся и на выход! Исключений нет. Понял?

Тяжелый вздох был ей ответом. Но на вздохи Настя уже научилась не реагировать.

Большой двухкомнатный номер в гостинице встретил новых жильцов приятным ароматом свежести и красивым видом из огромного, во всю высоту комнаты, окна.

Мужчина и женщина осмотрелись у входа, а затем, сбросив обувь, облегченно плюхнулись на мягкий, широкий диван.

— И все-таки, братишка, ты жмот, — закрыв глаза от наслаждения, проворчала девушка.

— Мм?.. — мужчине рядом даже разговаривать было лень — вымотала долгая дорога.

— Жить в одном номере с братом... А если я захочу... — задумалась. — Нет, лучше по-другому. А если ты захочешь привести кого-нибудь?

— Если... — от мысли, кого именно он хотел бы привести в номер, на душе стало паршиво.

— Блин! — она сообразила, что ляпнула не то.

— Не забивай голову. Ааа...

Мужчина сладко зевнул, и его спутница, извернувшись, больно ткнула локтем в ребро.

— Черт, Алена! Ты что творишь?

— Таранов-младший, раскисать будешь на пенсии. У папы через неделю юбилей, а тебе еще надо кое-что успеть.

Мужчина приоткрыл один глаз и сердито глянул на сестру. Сидит, пялится на него как тетушка-сова. Глаза по пять копеек, и только что не ухает. "Наградил Бог родственничком!" — возмутился про себя.

— Алена, давай с этим делом я разберусь без твоей помощи, так?

— Ой, было бы тут дело! — сознательно занижая значение предстоящего мероприятия, фыркнула сестра. — Встретишься с этой... Как ее?

— Настя, — подсказал сквозь зубы.

— С ней! Посмотришь в глаза, поставишь точку и вперед, к новым вершинам.

— Алена, мы договорились, что ты не вмешиваешься! — голос брата звучал спокойно, но холодно. — Знаки препинания в своей жизни я расставляю сам.

— Ага! Опять на вопросительном знаке зависнешь! — она гордо выпятила подбородок, готовясь к спору. За последние пару месяцев успела убедиться: брат, как ненормальный, до сих пор не выбросил ту дамочку из своей головы. — Я, между прочим, о тебе беспокоюсь.

— Побеспокоилась бы ты лучше о себе!

— Когда ты собираешься с ней встретиться?

— На днях.

— Поспеш. У нас всего неделя.

— Алена, очень прошу, отстань! — Андрей махнул рукой и поднялся с дивана. День только начался, и нужно было многое успеть. От журналистов отбиться удалось, но вот старые друзья и важные знакомые никаких отговорок и слышать не хотели. — Я сейчас отъеду, но к обеду постараюсь вернуться.

— Ты к вечеру, главное, вернись! — спохватилась сестра. — Я не собираюсь вместо тебя перед толпой хоккеистов одна отдуваться. Мне вообще на этом "вечере встреч" делать нечего.

— Раз нечего, значит, и не пойдешь.

— Благодарю, господин, — не вставая с дивана, демонстративно поклонилась девушка.

— Баба с возу — коню легче, — проворчал Таранов, вспоминая многочисленные стычки избалованной красавицы-сестры с прямолинейными сотоварищами по команде. Алена что канадцев, что своих отшивала на "раз-два". С нее станется и Ключева с Коневым послать подальше. Уж лучше пусть отсыпается в номере.

В детский хоккейный клуб Андрей добрался только вечером. Посиделки в доме у Гагариных несколько затянулись — снять с колен заметно подросшую Варвару удалось не сразу. К удивлению родителей, девочка его не забыла и, увидев, мигом бросилась навстречу. Дарить подарки, как, впрочем, и разговаривать пришлось в ее скромной, но верной компании. Хоккеист не возражал, по давней традиции скармливал красавице часть своего обеда, шутил и изредка поглядывал на часы. Дела не ждали. Чтобы увлечь прилипчивую "невесту" в другую комнату и без слез и истерик проводить Таранова, Маше Гагариной пришлось достать спрятанные от дочек конфеты. Фокус сработал, и уже через минуту Андрей покинул гостеприимную квартиру.

До встречи в гостинице оставалась лишь пара часов, а ему нужно было отвезти Виктору Петровичу дефицитные вратарские ловушки. Тренер заказал их для детворы еще полгода назад, а привезти удалось только сейчас.

Костя только отобрал шайбу у крупного защитника и кинулся к воротам, как в коридоре хлопнула дверь. Еще несколько секунд, и у бортика появился неожиданный визитер. Остальные мальчишки не заметили его появления. Костя был первым. Стоило на долю секунды бросить взгляд в сторону, чтобы убедиться в отсутствии "хвоста", и заметил. Шайба, ворота, напряженный вратарь и даже тренер — все перестали существовать. Не до них! Впереди весело улыбался его самый любимый хоккеист. От радости юный нападающий нечаянно выпустит из рук клюшку. Она упала под ноги, и мальчишка, наехав на препятствие,

неуклюже упал на лед. Стыдно было больше, чем больно. Он прикрыл перчаткой лицо, надеясь, что кумир его не узнает, но просчитался.

— Костян, ты цел? — Таранов стремительно перемахнул через бортик и кинулся к лежащему на льду ребенку.

Растерянный парнишка не шевелился. Он молчал, даже когда Андрей споро расстегивал на нем шлем и осматривал голову.

— Больно? — спортсмен аккуратно ощупал ноги и руки. Ребенок послушно подставлял конечности. — Язык ты, что ли, прикусил?

— Никого я не кусал, — все так же лежа с закрытыми глазами, проговорил маленький форвард.

— Так, что у вас произошло? — Виктор Петрович притормозил рядом и быстро опустился возле мальчика. — Привет, Андрюха. Костя, ты живой?

Поначалу, увидев падение подопечного, тренер не придал ему значения. Мальчишки часто падали, даже этот, самый стойкий. Но когда над ним надолго завис Таранов, он испугался не на шутку.

— Эй, парень? — Виктор Петрович осторожно, боясь навредить, убрал ладошки мальчика от лица и замер.

Счастливая детская улыбка застала обоих взрослых врасплох.

— Вот, ё-моё, — хмыкнул тренер. — У меня чуть сердце не остановилось, а он, оказывается, так тебе обрадовался.

— Правда, что ли? — Андрей легонько пнул парня в плечо.

— Привет, Тор, — румянец на щеках выдал волнение. — Ты приехал поиграть с нами?

В голосе мальчишки послышалась такая искренняя просьба, что, не планировавший задерживаться, Таранов сам не заметил, как кивнул.

— Ура! — Костя резко поднялся на ноги и схватил в руки клюшку. — Здорово! Я знал, что ты к нам когда-нибудь вернешься.

Следующий час пролетел незаметно. Андрей смиренно надел на себя старые, но подходящие по размеру коньки тренера, растянутый свитер, оставленный давным-давно им же в раздевалке, и влился в игру. Все было в точности, как и год назад. Та же площадка, те же детишки, тренер, старая музыка и даже он, ничуть не изменившийся, хоть и поигравший за океаном. Не хватало одного, а точнее — одной. Пересиливая самого себя, Андрей безуспешно гнал мысли прочь. Не время. Но не получалось. Слишком много воспоминаний для одного места.

Его маленький товарищ ни от какой тоски не страдал. Завладев целиком и полностью вниманием легионера, Костя волчком крутился вокруг него, пытаясь выцарапать шайбу. Таранов периодически поддавался, но потом снова возвращал себе роль ведущего.

— А ты здорово научился играть! — остановившись на минуту для передышки, похвалил мальчика Андрей. — Родители с бабушкой, наверное, тобой гордятся.

— Тетя тоже так говорит, — он печально улыбнулся. — Они смотрят на меня с облаков и радуются.

— С об... — Таранов не договорил. Понял сразу. Родители парнишки в клуб никогда не приходили. Была только бабушка, сухенькая бодрая старушка. Теперь, видимо, ее не стало. — Сочувствую, — замялся. Что говорить взрослым, он знал, а вот ребенку... В голову ничего путного не приходило.

— Ага, — Костя не понимал, что значит это "сочувствую". Его повторяли все, словно

это "будь здоров" после чихания. — Зато теперь у меня есть тетя Настя. С ней хорошо.

— Тетя...

— Да, тетя Настя.

— Настя, ты сказал? — Андрей напрягся. Шанс на то, что это будет именно та Настя, был невелик, но... От догадки его прошиб холодный пот.

— Она забрала меня из детдома, и теперь мы живем вместе.

— А где вы живете? — с трудом ворочая языком, уточнил мужчина.

— Разве ты не знаешь? — из-за металлической лицевой решетки на него посмотрели удивленные глаза.

— Эй, нападение, чего стоим? — тренер возник, будто из воздуха. — Через десять минут окончание занятия. В темпе, в темпе!

— Ой! — Костя вспомнил, что Настя запретила задерживаться, а хотелось еще столькому научиться.

— То-то же! — щелкнул пальцами Виктор Петрович.

— Тор, а научи меня выигрывать вбрасывание, — мальчишка мигом схватил шайбу.

Андрей отдал тренеру коньки и стал собираться. Семь вечера. Отдохнуть перед встречей с товарищами уже не успевал. После перелета и изматывающей тренировки это было некстати, но он не жалел. С вылета команды из плей-офф прошла уже неделя. Ни игр, ни тренировок, а здесь отвел душу. Кому сказать — не поверил бы. Он, опытный легионер, и шумная малышня.

"Малышня" — пронеслось в сознании.

— Блин, Костя... — бросив сумку на пол, Таранов пулей вылетел в коридор. Кое-что следовало выяснить.

Из кабинета тренера до раздевалки, несмотря на усталость, добрался за считанные секунды. Обалдевшие мальчишки застыли на местах, когда он появился на пороге.

— Костя где? — осмотрев глазами помещение, спросил Андрей. — Форвард ваш.

Ребята, как маленькие непонятливые пингвинчики, дружно переглянулись, и обрушили на спортсмена свои варианты.

— Так, понял. Всем спасибо! — решив не тратить зря время, Таранов махнул на прощанье рукой и побежал к выходу. Вряд ли парень мог уйти другим путем.

Настя глянула на часы. Она ждала уже больше двадцати минут. Косте давно пора было появиться, но упрямый мальчишка был в своем репертуаре: первым приходил на лед, последним уходил. Стоило бы поговорить с тренером, хотя тот, скорее всего, примет сторону своего "самого способного подопечного". Вселенская несправедливость. На этих мужчин не было никакой управы.

В конце концов, устав ждать, Барская набросила на плечи широкий теплый шарф и вышла из авто. Следовало как можно скорее усадить Костю в теплую машину, пока он, вспотевший, не подхватил простуду.

Только Настя успела включить сигнализацию, как тяжелая дверь спортивного комплекса хлопнула, и на пороге показался Костя.

— Я не задерживался, — гремя рюкзаком, мальчишка бежал к машине.

— Удивительно! — Барская поймала сорванца в объятия. — Хорошо поиграл?

— Да! — он ужом выкрутился из ее рук. — Было клево!

— А когда у тебя было иначе? — хмыкнула Настя, распахивая пассажирскую дверь. — Поехали домой, боец, кормить буду.

— Я такой голодный, что корову бы съел! — Костя восторженно выдал подхваченную из какого-то фильма фразу.

Настя, весело смеясь, завела двигатель. Лучше было поспешить, пока ее собственная хоккейная звезда не заявил, что "падает в обморок от голода" или не пожелал "съесть слона".

Лампочка в салоне машины мягким сиянием осветила ее лицо, и мужчина на крыльце чуть не задохнулся, как от удара под дых.

— Настя... — ответ на последний вопрос явился сам. За ним лавиной обрушились усталость и глухота.

Глава 33. Отложенная встреча

Посетителей в ресторане было немного: жильцы гостиницы да с десяток постоянных клиентов. Середина рабочей недели — не время для долгих посиделок, и только шумной компании хоккеистов все было нипочем. Иван, бывший вратарь "Северных волков", порядком уставший от детворы дома и на работе, громко хохотал над анекдотами форварда Кольки. Защитник Боря с тоской попивал клюквенный морс, а опоздавший организатор встречи задумчиво грел в ладонях бокал с коньяком.

Пить или разговаривать Андрею не хотелось. Беспокойные мысли, одна безумнее другой, волчком крутились в голове и не желали укладываться в единую картину: "тетя Настя", взявшая на себя заботу о сироте, счастливый мальчишка, спешащий после занятий домой, давний разговор по скайпу. Сегодня в коллекцию сомнений, не дававших покоя много месяцев, добавились неожиданные факты. Закрывать на них глаза не получалось. Чувствовал, что упустил что-то важное. Упустил тогда, упускает и сейчас. Но что? Ответы не приходили, лишь образ снежной королевы, которая ради собственной комфортной жизни перечеркнула их отношения, все больше трещал по швам.

— Что, Таранов, коньячок в глотку не лезет? — Боря отставил от себя тарелку и пустой стакан. Теперь можно было и пообщаться.

— Ты знал, что Настя и Костя... — слово "семья" вслух произнести не смог.

В глазах Конева промелькнуло недоумение.

— Значит, ты уже в курсе... — Он неспешно вытер салфеткой губы, откинулся в кресле. — Пацан пару месяцев назад заявился в клуб и потребовал тренера. Зима, ночь, где ему этого тренера найдешь? Охранник, недолго думая, позвонил Барской.

— И она так просто приехала?..

— Ага, просто! Меня вызвала, за компанию! — Борис горько усмехнулся, вспомнив ту ночь. — Оказалось, мелкий из детдома сбежал.

— А бабушка?

— Умерла. Никто не знал. До того вечера мы вообще о Косте мало что знали.

— И Настя, несмотря на свою занятость, забрала к себе... Не раздумывая?

— Ну, про занятость я не знаю, только парень оказался важнее.

Таранов устало потер глаза. Вот оно, значит, как было. Приехала, разобралась и не смогла вернуть в детдом.

— А ты что, еще сохнешь по ней?

На этот раз в голосе товарища не было и тени сарказма. Борис исподлобья напряженно смотрел на бывшего капитана и, казалось, пытался понять.

Вместо ответа Андрей резко поставил бокал на стол, чуть не расплескав содержимое. Поднялся.

— Да... Дела! — протянул Борис, наслаждаясь эффектом от своего вопроса.

— Достало все, — Таранов запустил пальцы в волосы. Голова болела, а надежный способ излечиться был только один. — Ребята, продолжайте без меня.

Дюжие хоккеисты, точь-в-точь как малышня в раздевалке, обалдело уставились на него.

— Мужики, все потом, — отрезал он, предчувствуя вопросы. — Спешу очень.

И пока они переваривали информацию, сунул пробежавшей мимо официантке пачку денег.

— Так мы, может, тебя дождемся? — Ключев осмотрел богатый стол. — Или дела на всю ночь?

— Пока на всю, а там видно будет, — Андрей набрал в легкие воздуха. Пришла пора действовать.

Руки тряслись. Чтобы хоть как-то их занять, Настя выдавила на ладошку крем и стала старательно втирать в кожу. "Крем на руках — к мытью посуды!" — вспомнилась подтвержденная опытом, примета. Быстрый взгляд на раковину. Чисто и пусто. Только пирог в духовке, а так ни чашки, ни вилки — ужин закончился. Тогда что?

— А еще он научил меня выигрывать вбрасывание! — восторженная реплика Кости в очередной раз заставила вздрогнуть.

— Ты говорил... — ответила на автомате хозяйка и снова схватилась за крем. Если бы не позднее время, можно было включить пылесос или прогуляться по дому со шваброй. Но Косте скоро в кровать — потому крем.

— А еще я увидел у него на руке новую татуировку, — шепотом поделился секретом подопечный. — Я тоже, когда вырасту, себе такую сделаю. Ты ведь разрешишь, правда?

— Что? — рассеянно переспросила Барская. Целый час Костя без умолку рассказывал с своей встрече с кумиром, а у нее внутри все переворачивалось. Прилетел. Андрей. Рядом.

— Татуировку, как у Тора! Когда вырасту!

— Костя, давай, мы сегодня не будем это обсуждать.

— Ну почему? Она такая классная!

— Я же сказала...

— Вот здесь, — мальчишка показал на свое запястье. — Большая!

Глядя на худенькую ручку парня, Насте вспомнилась совсем другая рука. Сильная, твердая, изумительно чуткая и родная. Каждую татуировку на ней она знала наизусть. Выучила губами и глазами. В этой квартире, рядом. Вот он готовит кофе в одном полотенце на бедрах, вот, лежа на диване, переключает каналы и еще крепче прижимает ее к своему боку, вот склоняется... Чуть не взвыла.

— Эх, надеюсь, он и на следующую тренировку придет.

Это был последний выстрел. Под печальный вздох мальчишки Настя выронила тюбик с кремом. То, чего боялась и втайне от себя ждала, могло случиться в любой момент.

— Господи, сжался надо мной, пожалуйста! — чуть слышно прошептала женщина, прикрыв рот ладонью.

И судьба сжалилась. По-своему.

Звонок в дверь раздался неожиданно. Тихая трель заполнила тишину квартиры. Насте она показалась пожарной тревогой. Девять вечера. Гости не ходят так поздно, а, значит, за порогом не гость. Она не хотела гадать, кто. Слишком много совпадений для одного дня.

— Тетя Настя, я открою? — Костя сорвался со своего стула и вприпрыжку побежал в коридор.

— Стой, — спохватилась Барская. — Нельзя открывать дверь всем подряд.

— А я спрошу, кто!

— Костя, не надо... — уже понимая, что бесполезно, она все же попыталась его остановить.

— Кто пришел? — поворачивая ключ в замке, уверенно произнес мальчишка.

Сжимая в руке любимую клюшку, подарок для одного юного друга, Таранов переминался с ноги на ногу под дверью знакомой квартиры. Отсюда когда-то ушел. Один. Тогда думалось, что в счастливое будущее. Национальная хоккейная лига, выгодный контракт, ожидающая дома Настя, перспективы... Мечтатель.

Из-за двери донесся разговор. Кто? Андрей покрепче сжал клюшку, боясь услышать третий голос. Настя, Костя... Прислушался, прекрасно понимая, что за время его отсутствия в жизни женщины мог появиться не только мальчишка. Любовник, сожитель, ухажер... Другой!

— Проклятие! — пнул ботинком стену.

Ревность болезненно полоснула по нервам. Дождаться дальше стало чертовски сложно. Еще помнил, как на нее вечно пялились. Что Репин, что Карл, что добрая половина команды — слюни пускали все. И если тогда это просто раздражало, то нынче ситуация изменилась. Прошное прав не предьявляет, каким бы бурным оно ни было.

Накрутив себя до отказа, Андрей даже не заметил, как открылась дверь. Последний раз щелкнул замок, сердце пропустило удар, и игра началась. На пороге с разинутым ртом стоял Костя. Этого гостя парень явно не ожидал.

— Привет еще раз, Костян, — Андрей на всякий случай просунул носок ботинка в проем и не ошибся.

Перепуганная Настя за руку оттянула мальчишку вглубь коридора, после чего попыталась незаметно захлопнуть дверь. Не вышло.

— Здравствуй, Настя. Неужели даже непустишь? — иронично спросил Таранов, глядя на нее в упор. Взгляд прошелся по лицу, замечая следы усталости и странный блеск в глазах.

— Андрей... — она на секунду зажмурилась. Дежавю. Нервно провела ладонью по лбу. — Здравствуй.

— Впусти меня, — и сам улыбнулся от многозначительности фразы. — Нехорошо гостей на пороге держать.

— Для гостя ты пришел поздно вато.

— А если не для гостя? — улыбка на лице Таранова стала еще шире.

— Господи, Андрей!

— Просто отойди в сторону, — он помахал ладонью, указывая, куда именно отойти.

— Тебя не приглашали, пойми, — Барская не собиралась сдаваться. Слишком опасно. Ей и рассказов подопечного хватило с лихвой. Быть с ним рядом стократ хуже.

— А это мы сейчас исправим, — подмигнул Таранов. — Костя! Я подарок тебе принес. Может, пригласишь в гости старого друга?

Расчет сработал безукоризненно. Мальчишка и без подарка готов был просить впустить своего кумира, но, увидев клюшку, отбросил последние сомнения.

— Тетя Настя, ну пожалуйста! — умоляющим тоном обратился он.

— Нет, Костя. Тебе вообще пора спать!

— Но это ведь Тор!

— Вот, — мужчина в дверях пожал плечами. — Даже ребенку ясно.

— Ну, пожалуйста, — мальчик вцепился в ее похолодевшую руку. — А спать мне только через полчаса. Мы ненадолго.

— Чайку попьем, — кивнул гость. — Давай, Настя, я ведь все равно войду.

Она от отчаяния закусила губу. Двое против одной. И зачем только Андрей явился, да еще вечером? Не готова она к такой встрече. Не нужно этого. Ни ей, ни Косте. Но Таранову,

казалось, ее сомнения были безразличны. Он спокойно и уверенно толкал вперед дверь, не дожидаясь заветного приглашения.

— Только ненадолго, — признавая поражение, произнесла Барская. — У вас полчаса.

Андрей обшаривающим взглядом внимательно осмотрел квартиру. Ничего не изменилось. Добавились лишь вещи ребенка, а вот свидетельств, указывающих на наличие здесь другого мужчины, не было. Мысль, что Настя, скорее всего, не нашла ему замены, принесла облегчение. Еще бы узнать, почему, но он не спешил. Пусть госпожа "у меня своя жизнь" тешит себя иллюзией о половине часа.

— Ну что, хозяйка, — Андрей резко дернул Настю к себе и обнял за талию. — Чаем в этом доме угощают?

— Нет, — она со сдавленным стоном попыталась вырваться. Желание остаться рядом было сильным. Чтобы его преодолеть, пришлось бороться и с захватчиком, и с собой. — Ни чая, ни "к чаю" не будет. Отпусти меня.

— А пирог? — Костя сделал большие глаза. — Мы вместе делали! С яблоками.

— Ты стала печь пироги? — игриво на ухо прошептал Таранов. — Вот это да!

Настя почувствовала, как знакомая приятная дрожь пробирает ее от макушки до ног. Еще чуть-чуть, и сама того не заметит, как начнет постанывать или льнуть еще ближе. Пока этого не случилось, нужно было срочно выбираться.

— Хорошо, будет вам чай. Отпусти только.

— А волшебное слово? — коснувшись мочки губами, спросил Андрей.

— Тар-р-р-анов! — она не выдержала и что было силы пихнула его в грудь. Ладонки будто обожгло от прикосновения.

— Настя-Настя... — мужчина покачал головой, но удерживать не стал. Хватило быстрого прикосновения к запястью, чтобы почувствовать, как участился ее пульс. Нервничает. — Иди уже. Сахар в чай не забудь!

Женщина отскочила, как ошпаренная, и чуть ли не бегом бросилась в кухню.

— Занятно, — он почесал затылок. Сотни раз представлял эту встречу, однако подобных вариантов и близко не приходило в голову. И куда только делась та самоуверенная Барская, что хладнокровно отшила его прошлым летом?

— А это мне? — вырывая гостя из глубокой задумчивости, Костя потянулся за клюшкой.

— Да, держи! — только сейчас Таранов сообразил, что забыл вручить подарок. — Ею была забита моя крайняя шайба в этом сезоне.

— А я видел! — не стал лукавить парнишка. — Тетя Настя разрешает мне смотреть хоккей. Я все твои последние игры смотрел.

— А тетя Настя?

— Нет, — как взрослый махнул рукой Костя. — Она к себе в комнату уходит. Книжки, наверно, читает.

— Уходит, значит... Еще интереснее.

Отведенное для гостя время миновало быстро. Половина яблочного пирога приятно осела в желудках, а на чай никому уже и смотреть не хотелось — упились. Размышляя над тем, как бы поскорее избавиться от коварного посетителя, Настя ожесточенно терла губкой кристально чистые чашки. Скрип от трения резал слух так, что зубы сводило, только

мужчины, увлеченные беседой, на него не реагировали. Не теряя ни одной минуты, Костя без остановки забрасывал Андрея вопросами, а тот, украдкой поглядывая на суетливую хозяйку, отвечал на каждый из них.

— Ну и любопытный же ты, — чувствуя, что язык начал заплетаться, Таранов сладко зевнул. Перелет, обилие новостей и усталость брали свое. — Как только твоя приемная мать с тобой справляется!

— Я временный опекун, — собирая со стола посуду, поправила Настя. — Усыновление очень сложный процесс, а Костю нужно было как можно скорее вырвать из того места, в котором он находился.

— Но тогда, если я ничего не путаю, — собеседник задумался. — В любой момент его могут... — и, взглянув на насторожившегося мальчишку, замолчал.

— Я этого не допущу, — шикнула Барская. — Процедура усыновления идет. Медленнее чем обычно, но у нас получится.

— Надеюсь...

— А Елен Николаевна сказала, что если бы тетя Настя завела приемного папу, то она стала бы мне приемной мамой, — как ни в чем не бывало, поделился информацией младший участник беседы.

— Что, прямо так и сказала? — Андрей от смеха чуть не поперхнулся пирогом.

— Да. — Мальчишка поерзал на стуле. — Она говорила, что тетя Настя молодая и красивая, и завести папу будет нетрудно.

— Все, Костя, — Настя вспыхнула. Румянец залил щеки, и стало совсем неловко. — Идешь спать! Прямо сейчас прощайся со своим гостем и иди!

— Км... Погоди, успеет еще чемпион в кровать, — Таранов жестом приказал парню оставаться на месте. Терять такой источник информации он не хотел.

— Андрей, а не много ли ты себе позволяешь? — возмутилась хозяйка.

— Уж сколько позволяю — столько позволяю, — он развел руками. — А ты лучше скажи, как это у тебя возникли проблемы с приемным папой?

Барская сжала губы в нитку, игнорируя подначку. Лев хочет поиграть — пусть играет сам с собой.

— Костя, посмотри, пожалуйста, на часы, — холодным тоном произнесла она.

— Уф! — большие электронные часы у холодильника немилосердно намекали, что время вышло. — Уже...

— Вот-вот! Кому-то пора в кровать, — и обернувшись к Андрею, — а кому-то к себе.

— Ну, может еще хоть минуточку? — мальчишка изобразил несчастное выражение на лице. — Мы ведь завтра дома.

— Нет! — Барская была непреклонна. С мазохизмом нужно было завязывать. Стараясь не смотреть в лицо гостю, она рукой указала на дверь. — Пообщались и хватит.

— Точно. С парнем пообщались, — Таранов поднялся со своего места и сладко потянулся. — А с тобой еще и не начинали.

После этих слов Настя почувствовала, как пол уходит из-под ног, а сердце от волнения останавливается. Дождалась.

То ли по бледному лицу, то ли по остекленевшим глазам, но Андрей мгновенно понял ее состояние. Шайба, наконец, залетела в ворота.

Глава 34. Неожиданная рокировка

Веселая компания хоккеистов пробыла в ресторане недолго. Гагарин спешил к жене и дочкам, а остальным спортсменам накануне важной тренировки предстояло еще как следует выспаться. День заканчивался, и только в уютной квартирке племянницы известного банкира, казалось, все только начинается.

Хозяйка квартиры нервно теребила в руках тонкое кухонное полотенце. С каждой минутой ей все больше хотелось отстегать им докучливого гостя. За вопросы, за взгляды, за то, что когда-то появился в ее жизни. Заслужил. А уже после угрожающе брошенной им фразы неожиданно захотелось повеситься самой. Разговор один на один им не нужен. Ей никакой радости, да и ему незачем искушать судьбу.

— Костян, давай прощаться, — Андрей похлопал парня по плечу. — Увидимся еще, а сейчас дуй в кровать! Высыпайся, набирайся сил.

— А когда мы увидимся? — мальчишка от удивления раскрыл рот. Рядом с не меньшим изумлением замерла женщина.

— Утром узнаешь! А теперь баиньки.

Обрадованный обещанием, мальчишка и не думал спорить. Вместо этого он юлой сорвался с места, помахал рукой взрослым и скрылся у себя в комнате. Настя даже "хороших снов" пожелать не успела.

Когда через минуту в детской погас свет, общее напряжение в комнате подскочило до максимума. Двое взрослых стояли друг напротив друга, как бойцы перед схваткой. Таранов, сложив руки на груди, внимательно следил за сменой эмоций на лице Барской. Вот на лбу пролегла складка — злость. Плотно сжались губы — напряжение и контроль. Предательски расширились зрачки — волнение или даже возбуждение. Сплошные противоречия.

— Давай, начинай, — Андрей медленно, словно хищник, подбирающийся к добыче, обошел кухонный стол. — Какую речь ты заготовила на этот раз?

Ни намек на шутку. Весело улыбающийся, беззаботный мужчина исчез вместе с уходом подопечного. Вместо добродушного хоккеиста к Насте приближался крайне опасный тип. Стряхнув с себя оцепенение, она подготовилась дать отпор.

— А тебе нужна речь? — холодно фыркнула.

— Мне — нет, только тебе. Что-нибудь о прелестях одинокой жизни, работе и прочей ерунде. — Стол остался позади.

— Зачем повторять, если ты и так все прекрасно знаешь?

— Я ведь тогда поверил. — Расстояние между ними сокращалось. Меньше метра. Близость чувствовали оба, а ни океана, ни экрана монитора — не защититься. — Нашел кому верить! Опытная лгунья.

— Ты за этим явился? — Настя вся сжалась. — Отомстить за свое ущемленное эго? Bravo! И как только выдержал девять месяцев?

— Хреново, если честно. Так и подмывало явиться и отшлепать тебя хорошенько.

— Ну, уж за столько месяцев, небось, и там нашел кого... отшлепать.

— Хочешь, расскажу? — он навис над ней как скала. Любимый аромат чистого тела и запах яблочного пирога будили ненужные желания. — В подробностях: с кем, когда, сколько раз?

— Да пошел ты! — Настя кулачком что было силы, ударила его в грудь. В глазах

защищало, благо слезы пока удалось сдержать. — Иди отсюда! Проваливай! Вон из моей квартиры! — снова удар. Андрей не двинулся. Стоял истуканом и наблюдал.

— Не слишком ли ты бурно реагируешь? — он бережно за подбородок поднял ее лицо. Не показалось — глаза красные. — Задевает, солнце?

— Твоя жизнь меня не касается, — как заученную фразу, отстраненно произнесла Настя. — Все в прошлом.

— Конечно.

— Да! В прошлом!

— Вот я тоже так думал. Укладывал в кровать очередную любовницу, называл ее твоим именем и все надеялся, что отпустит, — скривился от собственного признания. — Но, черт, не отпустило!

— Оставь свои откровения при себе, — горький стон сорвался с женских губ. — Андрей, зачем ты явился?

— А как ты думаешь?

Она сделала шаг назад и бедрами уперлась в край кухонного ящика. Внутри тихонько звякнули столовые приборы. Бежать некуда.

— Настя... — Андрей мгновенно настиг ее. Впечатал в себя, и даже моргнуть не успела, как его губы накрыли ее губы.

— Нет! — упрямо выдохнула она, но мужчина уже ничего не слышал.

Дорвался. Со злостью и напором обрушил на нее такое откровение, что испуганная жертва и пошевелиться не смогла. Принимала все, что давал, боясь отозваться. Андрей, казалось, этого и не замечал. Вначале заставил раскрыть рот и впустить свой язык, потом упрямо положил ее дрожащие ладони на свои плечи. Почти как раньше. Та же квартира, нужная женщина, близость. С каждым прикосновением обоих все глубже затягивало в омут.

Дверь детской противно скрипнула, и босые детские ноги прошлепали по коридору. Настя испуганно оттолкнула от себя мужчину. Соскочила со столешницы, недоумевающая, когда только успела на ней оказаться.

— Милый, все хорошо? — незнакомым голосом спросила у появившегося на пороге Кости.

— Да... — мальчишка сонно потер глаза. — Зубы забыл почистить.

— Блин, чемпион! — Таранов хлопнул себя по лбу. — Ты не мог...

— Все правильно, — Настя схватила ребенка за плечо и вместе с ним направилась в ванную. — Зубы перед сном нужно чистить обязательно. Ты молодец, что вспомнил.

— Угу, молодец, — донеслось из гостиной недовольное ворчание гостя.

Чистил зубы Костя долго. Скорее всего, справился бы и быстрее, но под чутким руководством Барской дело шло медленно. Ей не нравилась то зубная паста, то щетка, то движения мальчишки казались неправильными. Боясь уснуть, не дождавшись окончания процесса, Андрей ополоснул в кухне лицо холодной водой и принялся разминать плечи.

— Не спать! Не спать! — повторял себе команду.

Пальцы мяли ноющие мышцы, а из ванной все никто не возвращался. Ожидание затягивалось. Не зная, чем себя занять, Таранов устроился на гостевом диванчике и стал внимательно осматривать комнату. Новенький телевизор на противоположной стене, детские журналы и книги в ярких обложках на журнальном столике, пара ярких курток на вешалке. Взгляд мужчины поднялся выше и неожиданно зацепился за знакомую вещь.

— А это у нас что? — лениво поднявшись, он добрел до вешалки у двери. — Ишь ты...

В руках оказался злосчастный оранжевый шарфик, из-за которого когда-то они цапались каждое утро.

— Значит, меня она выкинула, а тебя нет, — сладкий зевок превратил улыбку в букву "О". Положив шарф на место, гость вернулся на диван. Костя вряд ли продержится долго, а дальше... Специально или нет, но мальчишка оказал ему хорошую услугу: предоставил возможность осмотреться получше. Вовремя. Сомнений теперь не осталось. Одно лишь "зачем", и это он собирался узнать в самое ближайшее время.

Костя ушел в свою комнату, но Настя по-прежнему отсиживалась в ванной. Идти к Андрею было боязно. Каким упрямым он может быть, знала не понаслышке, а что ей сказать? Послать подальше к его подружкам, наброситься с кулаками за то, что изменил, или сбить спесь, открыв правду?.. Варианты — один хуже другого. Упреки или драка закончатся в постели, истина — водружением себе на голову тернового венца и опять же упреками. Замкнутый круг.

— Нет, надо это прекращать, — она решительно перекрыла кран и направилась к двери.

В комнате царил темнота и тишина, однако стоило сделать лишь один шаг, как чья-то ладонь зажала рот.

— Ну, наконец-то, — Андрей, как пушинку, подхватил ее на руки и двинулся в спальню. Уж там им точно никто не помешает.

Как только очутились на месте, он неохотно отпустил свою ношу.

— Сумасшедший, — гневно прошипела Барская, соскальзывая вниз по сильному мужскому телу. Любимый трюк Таранова. Только если раньше он был частью прелюдии, сейчас грозил превратиться в повод для настоящей драки. — Совсем спятил?

— Пока нет, но с тобой рядом это вопрос времени, — он бережно потянул ее за волосы, заставив наклонить голову назад. — Никак не могу решить, чего хочу больше: зацеловать тебя, чтобы с этой красивой головки, наконец, свалилась корона, или поставить на коленки и решить вопрос кардинальнее. Ты что предпочтешь?

— Девоч своих на коленки ставь! — огрызнулась Настя. — Я тебе не они.

— Ты — да! — придавил грудью к стене. — С тобой чертовски трудно. С тобой нужно пахать. Вкалывать и, желательнее, часто, долго и качественно.

— Подлец... — Барская попыталась вырваться, но не вышло. Андрей перехватил ее руки и зажал ладонью в замок над головой. — Не смей!

— У тебя ведь никого не было все это время? — пока свободная рука пробиралась под платье, он коленом заставил ее раздвинуть ноги. — Не поверю, чтобы ты позволила кому-нибудь так к себе прикасаться. — Палец, поглаживая бархатное бедро, оттянул в сторону резинку трусов.

— Это не твое дело! — боясь выдать себя, Настя изо всех сил сжала колени. Не стоило ему знать, насколько она готова и чего хочет.

— Почему никого не было? — гнул свою линию Таранов. — Почему одна?

— Не хотела!

— Врешь!

— Отстань!

— Говори правду! — сквозь зубы прорычал Андрей. Теннис словами его уже достал.

— Нет!

— Настя, не заставляй тебя принуждать, — он больно сдвинул ладонью ягодицу. — Говори.

— Да оставь ты меня уже в покое, — вырвалось с тихим всхлипом.

— Не могу...

— Пожалуйста. Андрей, я очень тебя прошу, — безнадежно, шепотом, — не надо.

В тусклом свете уличного фонаря на глазах ее сверкнули слезы. Это была уже совсем другая Настя. Не Барская, сотканная из железа и льда, а его! Та самая, которую не смог забыть. Сердце сжалось до боли.

— Настя, солнце, — лбом прижался к ее лбу. — Чего ты тогда испугалась? Почему не рискнула даже попробовать?

Андрей, как в кокон, взял ее лицо в ладони, не позволяя отвернуться. Если решит врать — пусть попробует сделать это, глядя ему в глаза.

— Ты уверен, что действительно хочешь это знать? — закусил губу. Соблазн признаться был велик. Выдать всю правду о дяде, о шантаже, и пусть решает сам, как жить дальше с этой правдой. Одно признание, только... От любви до ненависти — один шаг, и обратно его не пройти. — Может, оставим все как есть? Ты там, я здесь. Просто жизнь.

— И тебе хорошо от такого расклада?

Настя открыла было рот, чтобы сказать "да", но большие пальцы, лежавшие до того на ее щеках, спустились на губы. Запечатали.

— Соврешь ведь, — он покачал головой, и ладони двинулись дальше. Проложили огрубевшими подушечками дорожку по подбородку, спустились к шее, туда где четко и быстро бился пульс. — Просто жизнь, да?

Губы накрыли чувствительное место в ямочке возле горла, и горячий язык прошелся вдоль мышцы. Глухой всхлип и дрожь ответили вместо слов. Пульс стал еще чаще, а знакомый пьянящий аромат тела начисто лишил рассудка.

— Пожалуйста, не надо, — Настя даже не сопротивлялась. Так, слабая просьба, адресованная скорее к себе, чем к целующему ее мужчине.

— Я хочу тебя, всегда хотел... Быть в тебе, рядом с тобой, вместе с тобой. Солнце, неужели ты думаешь, что это просто секс? — послышался охрипший голос Андрея. Он уже распахивал ворот домашнего платья, пробираясь к ключицам.

— Я не хочу, — попыталась отстраниться.

— Чего? Меня или быть со мной... постоянно? — Таранов стянул через голову свою рубашку и швырнул на стул. — Настя, что именно ты не хочешь? От чего тебе легко отказаться? Ответь мне, солнце.

От чего?.. Она обняла себя руками, будто замерзала. Мерзла рядом с ним, но без него. "От чего?" — эхом повторил внутренний голос. Губы саднило от желания целоваться, тело ныло. Кому она врет?

Мужчина напротив выжидал. Он уже понял ответ. Знал его изначально.

— Смелее, — грустно улыбнулся, смакуя горький вкус поздней победы.

— Ты меня не простишь... — и пока он не успел спросить что-нибудь еще, сняла платье и шагнула в объятия.

Глава 35. Признания

Все изменилось в мгновение ока. Одно движение навстречу. Два вдоха в унисон. Сомнения прочь, и не ясно, что сильнее: желание или тоска, "хочу" или "не могу больше без...". Вот он. Вот она. Вот они... Тела сплелись, стоило лишь коснуться.

— Я так скучала, — беззвучно. Настя прижалась губами к мужской груди, выдохнула слова. А самой не верилось. Он. С ней. Спустия столько времени. Вопреки обстоятельствам и собственному решению.

Андрей вздрогнул. Сердце от поцелуя бухнуло в груди так, будто захотело вырваться. Разве ж прижимаются так равнодушные? Худенькие плечи опущены, ладошки ледяные, и лишь волосы шелковым каскадом струятся по груди и спине. Идеальные пряди. Руки так и тянулись растрепать их до полного беспорядка. Подхватить эту женщину на руки, толкнуть на одеяло и любить так долго, чтобы не осталось и следа от безукоризненной Барской. Но спешить нельзя.

— Дуреха ты моя, — сдерживаясь из последних сил, прошептал ей на ухо. Сжал в объятиях. Такая хрупкая, не раздавить бы от счастья.

— Поцелуй меня, пожалуйста, — еле слышно прозвучала просьба. — Только не спрашивай ни о чем. Пока. Я расскажу после... Сама.

Он не спросил. Вместо этого освободил ее от остатков белья, бережно, словно фарфоровую, уложил на кровать. Послушная. Ожидающая. Застыл рядом, любуясь. Темнота, и лишь на изгибах тусклые блики от луны. Скулы, губы, ключицы, грудь... Руки, ласкающие тело. Маленькая ладошка, скользящая по бархатной коже все ниже, от пупка к развилке ног, подготавливая. Смело, без стеснения. Андрей зачарованно следил за каждым движением и чувствовал, как желание внутри начинает пульсировать. В паху ныло немилосердно.

— Потерпи секунду. — Пряжка ремня, наконец, поддалась, и мужчина непослушными пальцами потянул вниз брюки вместе с трусами. — Я уже скоро.

Одежду в сторону. Никаких границ. "Быстрее! Все к черту!" — кровь в жилах закипала. Ладони уперлись в кровать, и матрас прогнулся. Без скрипа. Слышен был лишь шумный вдох и тихий стон от соединения.

— Вот так-то лучше. Так идеально. — Таранов прошелся колючим подбородком по нежной коже груди, задержавшись на острых вершинках. — Ох, и получишь ты у меня сейчас за все выходки.

— Действуй, форвард. — Не дожидаясь, Настя ногами обняла его бедра. Впустила в себя глубже и чуть не задохнулась от забытого чувства наполненности.

— Тшш... Спокойнее, — Андрей, стиснув зубы, остановился на секунду. Каждый мускул на теле горел от напряжения. Настоящая ломка, и только бы не сорваться.

— Нет... Не надо спокойнее, — ногти впились в кожу на спине.

— Вообще, это я себе сказал. — Он буквально ввинтился в горячую плоть и, проклиная все на свете, резко вышел. Пытка. Ощущения с каждой секундой становились острее. Хоть пистолет к виску приставляй, чтобы не спешить. — Проклятие, Настя, я из-за тебя точно когда-нибудь сердечный приступ схлопочу, — и тут же быстрый выпад, заставивший обоих ахнуть.

Чтобы не разбудить ребенка в соседней комнате, двигаться приходилось осторожно и молча. Кусая губы, заглушая стоны поцелуями и шалея от восторга. Оба без устали

балансируют на грани, толкаясь навстречу друг другу. Она до конца не верила, что сможет, он упрямо вынуждал разделить наслаждение.

На стене тихо тикали часы, но ни стрелок, ни циферблата видно не было. Безвременье. Утомленные и счастливые, любовники в обнимку лежали на кровати, слушая этот перестук и собственное дыхание. Спать хотелось невероятно. Расслабиться и до утра забыть обо всем.

— Напомни мне в следующий раз связать твои руки, — Андрей пристроил голову Насти на свое плечо и зарылся носом в макушку. — Я, между прочим, не железный. И так чуть диверсия не случилась.

— Но ведь у тебя все получилось... — она, как кошка, потерлась щекой. Тело плавилось от близости и наслаждения. Ни рук, ни ног не узнавала. Легкие, словно воздушные, они казались неродными, новыми.

— У меня как раз не могло не получиться, — он сладко зевнул. — Мне и вприглядку хватило бы, а вот тебе... — неожиданно крутанулся, подгребая ее под себя. — Или ты все-таки практиковалась с кем-то, пока меня не было?

— Мм...

— Недавно, пока стоял у тебя под дверью, понял, что я страшно ревнивый.

— Ты ревнуешь... — Настя вопросительно изогнула бровь. — Меня?

— Нет, блин, Костю! — возмутился любовник. — Еще шарфик свой и вот эту кровать! Ты даже представить себе не можешь, как я их ревную.

— Они тебе не изменяли, — послышался нервный смешок. — Ты у них самый лучший и самый...

— Какой? — выжидающе.

— Самый любимый.

— Они мне тоже... дороги, — Таранов ухмыльнулся, а у самого словно камень с души упал. Она его любит. Такая вредная и ни капли не понятная. Его женщина.

— Значит, дороги... — глухой хлопок — ладошки ударили в грудь. — Всего лишь дороги... Ну, конечно. Нагулялся в своей Канаде. Громовержец хренов.

— Тоже ревнуешь, да? — и поцелуем заставил замолчать.

Настя вначале сопротивлялась, брыкалась под ним, норовя ударить. Боролась неистово, и откуда только силы взялись после долгого раунда сумасшедшего секса? Затихла лишь через минуту. Всклипнув, обняла за плечи. Раскрыла рот, впуская язык. Капитулировала, и чуть не заплакала от нахлынувших эмоций.

— Тише, солнце, тише... — поцелуи стали мягче, успокаивали. — Тебе не нужно ревновать, я ведь тоже тебя...

— погоди, — она не дала договорить. — Дай мне вначале кое-что рассказать. Потом уж решишь, стоит ли ты продолжать свое признание.

— Опять усложняешь... — Андрей нехотя повернулся на бок, приготовился слушать. Для себя он все решил. Еще до того, как очутился в кровати, да и вообще в этом доме. Она его. Точка, никаких больше вопросительных знаков. Этот урок он выучил на "отлично". Осталось справиться с горсткой невероятно живучих тараканов в голове у любимой женщины, и жизнь, можно считать, удалась. Теперь пусть говорит.

"Самое сложное — начать, потом будет проще!" — успокаивала себя Настя, только начать по-прежнему было страшно. Условия ее сделки с дядей не изменились: Андрей

сможет продолжить игру, только если она останется здесь. В прошлый раз она приняла решение за двоих, нынче уберечь любимого от выбора не удастся. Зря он вернулся.

— Я часто вспоминаю день нашей первой встречи, — Настя закрыла глаза, отправляясь в прошлое. — Ты был такой хмурый и злой. В нелепой шапке, и при этом самый красивый мужчина из всех, кого я встречала. Бог грома и молний. Да-да! Ты был именно таким. И скажи мне тогда кто-нибудь, что мы станем близки, я бы рассмеялась.

— Это с чего бы? — Таранов по-хозяйски похлопал ее по мягкому месту. — Чем плоха моя кандидатура, мэм?

— Неисправимый ты, — перехватив его руку, продолжила: — Андрей, я до тебя и не представляла, что смогу ощутить себя нормальной, полноценной, что ли... Не знала, что можно не лгать и не скрываться. У нас все получалось... Нелегко, но естественно. Что в кровати, что так, в быту.

Мужчина под боком выжидал. Все сказанное полностью противоречило той чуши, что выслушал при расставании. Пахло грязной игрой, и Настя явно играла в нее не по своей воле.

— В какой-то момент я даже забыла о том, кто мы, — она сжала его ладонь и притянула к своей груди. К сердцу. — А потом начался Чемпионат мира, и все вернулось на круги своя.

Пауза. Последние секунды перед тем, как все раскроется.

— Говори, — поторопил Андрей.

— Что бы ты выбрал между своим счастьем и счастьем самого дорогого для себя человека?

— Настя, не говори загадками.

— Для меня это тоже было загадкой. Две взаимоисключающие возможности. — Облизала пересохшие губы и продолжила: — Я должна была выбрать: позволить твоей мечте сбыться или привязать тебя к себе, надеясь, что смогу когда-нибудь возместить упущенную возможность. НХЛ или... Или вот это.

Мужская ладонь сжалась в кулак. Тело за спиной окаменело.

— Приглашение играть... — все становилось на свои места. Ярость захлестывала с головой. — Оно как-то связано с тобой?

— Вначале тебе предложили играть, затем мне — оставить тебя и...

— Кто? — прорычал зверем. Руки и ноги обвили ее тело. Крепко. Не шелохнуться. — Какая сволочь посмела?.. — его не интересовало "зачем" и "как". Лишь имя. Цель, которую предстоит уничтожить, стереть с лица земли за то, что посчитал себя вправе вмешиваться в его жизнь. — Хотя, не надо. Я, кажется, знаю. Старый сукин сын.

Объятия стали еще крепче. Дыхание над ухом более рваным. От страха Насте захотелось свернуться калачиком, спрятав голову. Но Таранов держал. Как инквизитор, поймавший, наконец, беглянку-ведьму.

— Черт, — Андрей едва слышно выругался. — Но как ты могла пойти у него на поводу? Настя, твою ж мать... Ты за кого меня принимаешь?

— Пусти! — она, что было сил, дернулась из объятий. Слезы брызнули из глаз. — Пусти меня!

— Ага. Сейчас. Разбежался, — все тем же злым тоном выпалил Таранов, наваливаясь на нее всем телом.

— Не тро-о-о-гай меня... — губы дрожали.

— Я тебя сейчас так "оттрогаю" — как звать себя, забудешь! — а у самого перед глазами пелена. Ярость такая, что хоть головой о стену бейся. Счастье Барского, что он

сейчас далеко. Иначе не пережил бы.

— Андрей... Милый, любимый, родной мой... — прошептала Настя, захлебываясь от слез. — Я не могла иначе. Не могла. Прости меня...

— Это же идиотизм!

— Знаю, но я так тебя...

Андрей сжал зубы, чтобы не взречь. Сердце рвалось на куски. "О чем она говорит? Как вообще додумалась до такого?" — вопросы ослепительными вспышками взрывались в голове. Бешено хотелось сломать что-нибудь, разбить вдребезги, выпустить пар, но под ним, обливаясь слезами, дрожала любимая женщина. Это меняло все. Сломался сам. Прижался губами к соленым губам и, издыхая от бессилия, принялся доказывать, что она на самом деле для него значит. Нежными поцелуями, искренними словами и медленными, томительными движениями. Оголился всей душой. Как никогда и ни перед кем.

Глава 36. Время платить по счетам

Настя потянулась, сощутив глаза от яркого солнечного света. Ладони коснулись изголовья кровати, по привычке звонко хлопнули о деревянную панель. Конец сну.

— Блин... — события прошедшей ночи внезапно вспыхнули в памяти. Поворот направо, поворот налево, будто Таранов мог прятаться за шторкой. Никого. Только смятая подушка рядом и приятная, тянущая боль пониже живота. — Что я наделала?..

Нервный смешок сам сорвался с губ. Вроде, и не до смеха, но психике до важности момента не было никакого дела. Эту ночь она провела с Андреем. Все было как прежде и даже лучше. Он не забыл, не стал чужим. Он ее. Нежданное счастье, и только навязчивая тревога за предстоящий выбор любимого острыми коготками царапала душу, мешая поверить в чудо.

— Ну, все, — Андрей выключил плиту и взял первую тарелку. — Теперь можно давиться.

Мальчишка, стоявший рядом, задумчиво посмотрел на странное варево, но, рассудив, что Тор плохого не предложит, не стал отказываться от своей порции.

— Отличный завтрак. Не сомневайся! — две тарелки со стуком опустились на стол.

— Я думал, такое только в детдоме готовят... — Костя нехотя зачерпнул кашу и, вздохнув, поднес ко рту. Странная вязкая бурда с кусочками непонятно чего никак не вязалась с вкусными завтраками, что обычно готовила Настя. — А это что в ней? Изюм?

— Что? — Таранов удивленно закашлялся. — Какой изюм? Колбаса это. Просто порезанная.

— Колбаса в каше? — выпучив глаза, переспросил мальчишка.

— А что в ней, по-твоему, должно быть? — Андрей недоуменно воззрился на овсянку. — М-да... Меня мучает вопрос: чем тебя вообще здесь кормят?

Скрывавшаяся все это время в коридоре, Настя прыснула со смеху. Ее любимый мужчина мало того, что никуда не делся — он уже захватил власть в свои руки и умело вводил в квартире собственные порядки.

— Доброе утро, чемпионы, — она запахнула плотнее халатик, который под взглядом Андрея вдруг стал казаться прозрачным. — Завтракаете?

— Ага, — хором ответили оба, уминая кашу. При этом вид у младшего едока был такой, будто он пихает в себя отраву.

К чести для Таранова, тот сразу смекнул, на что можно вестись, а что игнорировать и сейчас активно работал ложкой, глядя только в свою тарелку. Настоящий капитан команды. Стараясь не мешать, Настя сочувственно погладила Костю по плечу. Удивительный мальчишка. Он не только нормально воспринял присутствие своего кумира утром в доме, но и мужественно ел приготовленную им еду.

— Вкусно, дорогой? — не удержавшись, поинтересовалась она у подопечного. Незаметный шлепок пониже спины последовал незамедлительно.

— Овсяная каша — это не вкусно, а полезно, — сухо произнес Андрей. — После нее на тренировке спать не клонит, и сил до финала доиграть хватает.

— Кое-кто на ночь глядя, похоже, ею балуется, — заранее уворачиваясь от нового шлепка, шепотом выдала Барская.

Таранов весело хмыкнул. На душе было тепло и спокойно, а подобные шутки лишь подтверждали, что его пугливая внутри и смелая снаружи женщина понемногу становится прежней. Той, по которой скучал.

Оставив мужчин доедать свой завтрак, хозяйка достала из холодильника йогурт, засыпала в заварочный чайник чай. До вчерашнего дня кофе в этом доме пить было некому: Косте нельзя, а она разлюбила. Руки на автомате повторяли ежедневные действия, а сознание буксовало, как в аффекте. Частично, раз от разу прояснялось, но в целом не поспевало за головокружительными изменениями последних суток.

— Хорошо спалось? — Таранов неслышно подошел сзади и обнял за талию.

Ложка с йогуртом коснулась губ. Розовый язычок игриво слизал белую кашу. Глаза в пол. Нет ответа. Незачем — сам все знает, а почесать за ушком лестью — пока было боязно.

— Мне на пару дней уехать придется, — подтверждая опасения, нехотя признался Андрей. — Есть вопросы, которые нужно решить. Как можно скорее.

Ложка с йогуртом дрогнула, содержимое чудом не опрокинулось на пол. Вот оно. От легкости и веселья не осталось даже следа.

— Все нормально, — Настя постаралась улыбнуться, но вышло фальшиво. — Успехов.

— Я сказал: на два дня! — зло над ухом повторил Таранов. — Завтра вечером буду.

— Андрей, не надо ни в чем...

— Конечно, — оглянувшись на малолетнего свидетеля ссоры, он подхватил Настю под локоть и потянул в ванную.

Увлеченный вылавливанием колбасы в бурой массе, Костя сразу и не заметил исчезновения взрослых. Мальчишка внимательно гонял сгустки каши по тарелке, а в это время его кумир молча заталкивал в ванную комнату его будущую приемную мать.

Только когда щелкнул замок, растерянная Барская пришла в себя.

— Что... — она запнулась, встретившись с суровым взглядом Андрея.

Тот молчал, что-то выжидая. Задумчиво рассматривал ее лицо и напряженно хмурил брови. Отыскать нужные слова оказалось чертовски сложно. Это ночью, в горизонтальном положении, говорить было просто. Там стоны в ответ еще и не на такое могли сподвигнуть. Днем ситуация изменилась — мало того, что говорить требовалось прямо, так еще и Настя вновь готова была вернуться в свою скорлупу, испугавшись первой же проблемы.

— Солнце, — он поплотнее запахнул на ней халатик, чтобы не искушал. — Я тебя сейчас очень прошу — не выдумывай никаких глупостей. Ты — лучшее, что у меня есть. Завтра вечером я буду здесь. А если получится, то, может, и раньше.

Ноль реакции. Глаза напротив напряженно смотрят сквозь него, будто он призрак. Намертво вбитая в подкорку привычка отказываться от права на счастье по-прежнему была сильнее.

— Не убедил. — Андрей с трудом сдержал за зубами поток брани, обхватил рукой ее затылок и прижался лбом ко лбу. — Я бы привязал тебя к себе и не отпускал никогда, но... Пойми, солнце мое, есть вещи, которые мужчина должен делать самостоятельно. — И лукаво усмехнулся от своих слов.

Настя напряженно зажмурилась, будто смотреть иначе пока было больно. Обняла обеими руками его за плечи.

— Не знаю, за что корю себя больше: за то, что тогда скрыла правду, или за то, что сейчас взвалила все на тебя, — от близости и страха потерять его внутри все обрывалось. — Я тогда боялась этого выбора, а сейчас еще сильнее боюсь.

— Ничего, справимся с твоими страхами. Вместе.

— Это будет нелегко, — на губах Насти появилась первая робкая улыбка. — Подумай.

— Главное, чтобы ты больше не думала. И я, кажется, знаю средство.

Она даже пикнуть не успела, как оказалась сидящей на стиральной машинке. Прохладная поверхность неприятно обожгла ягодицы, но через мгновение все неудобства и сомнения вылетели из головы.

Забываться было сладко. Под журчание воды из умывальника и рваное дыхание любимого жизнь наполнялась новыми ощущениями и радостью. С каждым поцелуем, с каждым мучительно-нежным толчком навстречу мечта все больше становилась явью.

Овсянки хватило "доиграть" до финала, а убежденный, что взрослые старательно чистят зубы, Костя предпочел не вмешиваться.

Два часа спустя.

Александр Михайлович Барский приехал на работу в прескверном настроении. Очередной крупный клиент, испугавшись незначительного скачка на валютном рынке, затребовал возврата депозитов. Очень несвоевременно. В самый разгар кредитного сезона, когда каждая копейка на счету способна в рекордные сроки обернуться рублем. Отвратительная ситуация.

Проклиная мысленно и вслух виновника своих бед, банкир вошел в приемную. К удивлению, на ресепшне никого не оказалась, а дверь в его кабинет была недозволительно широко распахнута.

— Не офис, а проходной двор какой-то, — возмутился он вслух.

Готовясь устроить хорошенькую взбучку секретарше, Барский повесил в шкаф плащ и двинулся в сторону кабинета. К злости прибавилось раздражение, а развитое шестое чувство уже подсказывало, что на сегодня неприятности не закончились.

Так оно и получилось.

Андрей, закинув ноги на подоконник, сидел в удобном кресле председателя Правления банка и выжидал. Времени было в обрез. Намеченные дела требовали его личного участия, однако эта встреча была самой важной. С будущим родственником, а для себя вопрос "родства" он решил, следовало утрясти все разногласия заранее. До официального предложения. Настя уже достаточно настрадалась из-за его слепоты и эгоизма дядюшки. Пора тому оставить их в покое и не портить жизнь.

— Главное — не прибить! — с грустью поглядывая на собственные кулаки, успокаивал он себя. Те так и чесались.

Александр Михайлович быстрым шагом вошел в помещение и, увидев гостя, застыл на месте, как вкопанный.

— А я уж заждался, — сухо вместо "здравствуйте" выпалил Таранов. — Необычайно рад видеть.

— Какого черта ты здесь делаешь? — тут же вскипел Барский. Этого человека он меньше всего хотел видеть, как в своем кабинете, так и вообще в этой стране. — И где моя секретарша?

— Полагаю, убежала за охраной, — равнодушно бросил оппонент. — Нервная она у Вас.

Банкир дернул шей, ослабляя галстук. Кошмарное утро: клиент-паникер, нервная секретарша и, до кучи, нахальный хоккеист — в пору объявлять рабочий день законченным и

возвращаться домой. Будто отзываясь на эту идею, в груди неприятно заняло сердце.

— Так чего ты от меня хочешь? — Барский стиснул зубы, чтобы не выдать боль.

— К сожалению, моим желаниям так и придется остаться желаниями, — горько усмехнулся Андрей. — Но вы сейчас кое-что усвоите. И надеюсь, навсегда.

Звонко хлопнув по кожаным подлокотникам, Таранов поднялся с места.

— Вчера мне посчастливилось узнать одну очень интересную шутку о своем нынешнем контракте. — Ладони гостя уперлись в стол. Им бы упереться в чье-нибудь лицо, тыльной стороной, но приходилось держать себя в узде. — Какая невероятная забота о хоккеистах из собственного клуба!

— Вот, значит, что, — вздохнул Барский. — На благодарного ты не очень-то похож.

— Еще бы!

— А ведь я оказал тебе... — Барский секунду помедлил, — целый комплекс услуг. НХЛ, высокий гонорар и полная свобода — мечта для такого... — зло скривился.

— Мечта. — Андрей утвердительно кивнул. — А о ее мечте поинтересоваться трудно было? Или она и права такого не имеет — мечтать?

— Настя... — о ком идет речь, уточнять не пришлось. — Это ради ее блага.

— Конечно! Так я и поверил!

— Да что ты о ней знаешь? Ты... — банкир изо всей силы грохнул кулаком по столу. Терпение лопнуло. — Ты и мизинца на ее ноге не стоишь! Выискался здесь защитник! Играл себе за океаном, так и играл бы дальше. Баб красивых, что ли, мало? Или тебе эксклюзив подавай, эстет чертов?..

В памяти мгновенно воскрес образ бывшего мужа племянницы. Он тоже все на что-то претендовал и считал себя лучшим. Супергерой уровня "пользователь". И вот, повторялось.

— Я действительно не стою и мизинца на ее ноге. — Отрицать свою вину Андрей не собирался. Слишком поздно спохватился, чтобы скакать сейчас на коне в рыцарских доспехах. — Но я точно знаю, как сделать ее счастливой. Теперь знаю. И очень не рекомендую стоять на моем пути. Вы меня поняли?

Барский впился взглядом в глаза собеседника, выискивая там ложь.

— Ишь, самомнение какое! — растягивая слова, поразился он. — Очнись, спортсмен! Ей муж нужен, надежный и заботливый. Семья нужна, дети, родные, а не приемные. Оставь Настю. Наплакалась она уже. Хватит.

— Вообще, если бы Вы со своей заботой поменьше лезли, сейчас были бы уже дедом.

— Уж не твоими ли стараниями?

— А у вас есть кандидатура получше? Она вообще для вас кто? — Андрей яростно выплюнул вопрос. — Игрушка, или презент для vip-клиента? Как легко Вы заставили ее отказаться от нормальной жизни. Наверное, даже не подумали о том, что ей больно.

— Заткнись! — У Барского от гнева начали дрожать губы.

— Не хочется слышать правду? Неприятно, да? — и еще громче: — Лезть в чужую жизнь и манипулировать людьми приятно, а правду слышать — нет!

— Пошел вон!

Андрей обреченно махнул рукой. Договориться по-хорошему не получалось. Непрошибаемое упрямство в этой семейке, видимо, было в крови. Святоша-родственничек даже не замечал, что от любимой племянницы осталась одна тень, и никакого мифического кандидата в мужа за столько времени так и не появилось.

— Собственно, а на что я надеялся? — вслух спросил он у себя и принялся рыться в

огромном рюкзаке. — Жаль, что раньше не узнал все.

Через минуту на стол перед хозяином офиса легло заверенное нотариусом заявление об уходе из клуба и копия толстого хоккейного договора. Подготовить все удалось за час, благо прежний агент Васька знал хорошего нотариуса. Осталось попросить кого-нибудь, чтобы переслали вещи, и выплатить штраф. Все заработанное за сезон — не мало, но после сегодняшней ночи цена потеряла для Андрея значение.

— Возвращаю ваши тридцать сребреников, — улыбка, появившаяся на лице молодого мужчины, напоминала волчий оскал. — Приоритеты сменились. А попробуете строить еще какие-нибудь козни — разговаривать будем по-другому. Настю я не упущу.

Александр Михайлович ошарашено переводил взгляд с бумаг на хоккеиста, с хоккеиста на бумаги. В происходящее не верилось. Даже для упрямого Таранова это было чересчур. Чистое безумие! Кто вообще в хоккейном мире смог бы отказаться от контракта в НХЛ? Так вот швырнуть на стол свое будущее и кучу денег. Кто? Барский таких не знал, и вот, ради Насти...

— Ты точно псих, — банкир опустил в гостевое кресло и принялся развязывать галстук.

— Знаю, — не поясняя больше ничего, Таранов подхватил под мышку куртку, набросил на плечо рюкзак и, не прощаясь, вышел из кабинета.

Дверь жалобно скрипнула, и владелец офиса остался один на один со своими мыслями. Его переиграли. Какой-то спортсмен, хам, пешка, возомнившая себя ферзем. Проклятый хоккеист, которого он сам, лично ввел в свой клуб и сделал капитаном. Постоянный источник головной боли. Андрей Таранов. Переиграл полностью, не поскупившись заплатить за победу. И во имя чего?

Наплевав на предстоящие дела, Барский устало потряс головой и направился к встроенному в шкаф бару.

— Достало все, — откупорил бутылку самого дорогого коньяка и из горлышка хлебнул напиток, будто воду. — Пусть теперь только попробует не сдержать своего слова, — довольно крикнул. — Но если сдержит...

Вбежавшая в кабинет секретарша, увидев загадочно улыбающегося босса, готова была хлопнуться в обморок. Ни она, ни дюжие охранники за ее спиной еще никогда не видели Александра Михайловича Барского в таком расположении духа. Боясь спугнуть удачу, они бесшумно попятились в приемную и до конца дня несли вахту у его двери, не впуская никого вовнутрь.

Глава 37. Самая важная игра

Самолет медленно снижал высоту. Полет был коротким, всего час, но Насте этот час показался вечностью. Никто не отвлекал от мыслей, а прилипший к окошку Костя, казалось, вообще забыл о ее присутствии. Все как в бреду, от суматошных сборов дома, до нынешнего ее взволнованного состояния. А стоило ли оно того?

Жизнь вокруг шла своим чередом. На табло вспыхнула рекомендация пристегнуть ремни, и молоденькие стюардессы тут же пошли по проходу, помогая пассажирам справиться с защелками и ремнями. Стандартная процедура. Убедившись, что Костя пристегнут, Настя постаралась выбросить из головы идею о своем помешательстве и сосредоточилась на текущих проблемах: багаж, дорога к дому и ужин для мальчика. Что и как будет происходить в конечной точке маршрута — лучше было не думать. Есть только здесь и сейчас, конкретные цели и объективные потребности. Еще два-три часа, и они, скорее всего, будут на месте, а там... Легкая нервная дрожь прошла по телу, и голова откинулась на спинку сиденья.

— О чем я только думала?.. — прошептала она, все еще не понимая, как согласилась на идею Андрея.

Таранов, как и обещал, вернулся вечером второго дня. С чемоданами и настолько уставший, что даже Костя не стал задавать ему никаких вопросов. Не стала мучить вопросами и Настя. Пришел — уже радость. Дальше — словно в давние времена: ужин, душ, пара слов в спальне и объятия. На ласку сил не хватило. Андрей только успел положить голову на подушку и прижать Настю к своему боку, как тут же захрапел. Возмущившись про себя такому поведению, вскоре уснула и она. Счастливая.

А утром все переменялось. Как снег на голову, перед ней вновь стал выбор, и к нему — билеты на самолет. Вот так просто. Без долгой подготовки и разъяснительной беседы. Один умоляющий взгляд, два билета и поцелуй на прощание.

Крепко держа за руку ребенка, Анастасия Игоревна Барская шагала к выходу по проходу самолета. Прилетела. Спустила почти год, не в Канаду, но решилась. Не узнавая себя в простоте, с которой далось решение, не задумываясь об условиях старой сделки, не взвешивая потери и опасности. Прилетела. К самому любимому мужчине на земле, по первой же его просьбе.

— Я точно сумасшедшая, — тихо простонала она, забирая с багажной ленты элегантный чемоданчик.

— Тетя Настя, ты что-то сказала? — Костя не отставал ни на шаг.

— Я?.. — она присела на корточки рядом с ним. — Как думаешь, мы правильно поступаем?

Вопрос не для ребенка. Мальчишка вообще вряд ли поймет, о чем она, но так хотелось хоть от кого-нибудь услышать одобрение.

— Мы правильно делаем, что летим в гости к Андрею? — повторила вопрос.

— Тетя Настя, — округлив глаза, — так ведь это же...

— Знаю-знаю! Тор! — она закончила за него фразу и крепко обняла. Главный аргумент в любой ситуации. Для паренька все было настолько ясно и просто, что даже собственные сомнения показались глупыми. — Пойдем уже, счастье мое. Будем искать машину.

— А нам далеко?

— Не знаю. Андрей говорил, что домик находится в какой-то деревне, — она осмотрелась по сторонам. Машин на стоянке было много, только как узнать ту самую, на которой их повезут дальше? — Будем надеяться, что до ночи доберемся.

Только она договорила фразу, как рядом притормозила старенькая "Волга".

— Здравствуйте, путешественники, уж не меня ли вы поджидаете? — выскочил из машины щекастый мужичок лет пятидесяти с кучей бородкой. — Настасья и Константин?

Удивленные путники дружно кивнули.

— Вот и ладненько, вот и хорошо! Владимир Ильич! — мужичок, как равному, пожал руку Косте, галантно поцеловал ладошку Барской, а потом ловко подхватил их чемодан. — Прощу на борт. За час домчу с ветерком.

— А можно без ветерка? — Настя опасливо осмотрела скромный салон авто и на всякий случай застегнула курточку Кости до самого верха.

— Так это я образно, — прокряхтел водитель, заводя машину. — Вы не беспокойтесь!

Несмотря на потрепанный внешний вид, "Волга" завелась с первой попытки, шумно, с громким хлопком. А дальше была дорога. Два часа по проселочным ухабам. Два часа зеленого леса за окном. Два часа в ожидании. Ничего общего с долгими девятью месяцами до того. Непонятно, наобум, безрассудно и волнительно.

Прикрыв поддувало старого котла, Андрей оглядел свои испачканные сажей руки. Все как в детстве. Цивилизация с газовыми котлами и кабельным телевидением старательно обходила стороной его родную деревушку. Даже близость к городу не спасала. Здесь по-прежнему отапливали дровами и углем, а центральная канализация и водопровод существовали лишь на планах проектных бюро.

Неудобство, но, к счастью, Тарановы вопросы водопровода и канализации для себя решили. "Родничок" и выгребная яма весной, летом и осенью исправно справлялись со своими задачами, делая проживание в деревенском доме максимально комфортным. Еще комфортнее ее делала баня. Деревянная, просторная, на березовых дровах, с березово-дубовыми вениками — гордость отца.

— Ох, и получит сегодня кто-то по своей аппетитной попе, — поглядывая в окошко на дымок из печной трубы, Андрей уже предвкушал скорую встречу и совместное "купание".

Просторный дом и баня были готовы к встрече гостей. Оставалось смыть грязь с себя и одеться в чистое. Стоило поспешить — "ласточка" Владимира Ильича, председателя местного колхоза, вот-вот должна была домчать Настю и Костю к дому. Маленькое приключение для ребенка и важное решение для любимой женщины. В то, что они приедут, он не сомневался. Что-то неуловимо изменилось с прошлой осени. Теперь отчаянно хотелось поменять все еще сильнее. И в этом доме, он верил, это точно удастся.

Наскоро ополоснувшись холодной водой, пять минут спустя Таранов уже стоял перед зеркалом. Почти готов. Старенькие линялые джинсы, тонкий свитер с закатанными до локтя рукавами, босиком на чистом деревянном полу — ничего общего с лихим хоккеистом, повидавшим ледовые площадки двух континентов. Ничего... Правда, еще меньше с мальчишкой, что каждое лето проводил в деревне у бабушки. Тот был юн, горяч и полон надежд. Тот мечтал стать великим хоккеистом, играть, пока хватит сил, причем играть не на Родине. Обычный наивный мальчишка. Чуть более настойчивый, чем сверстники, более талантливый, чем друзья по клубам. Добившийся всего, о чем мечтал. Всего.

За окном послышался шум мотора и голоса людей. Мгновение, и Владимир Ильич уже нес к порогу чемодан. За ним, робко оглядываясь, не выпуская из рук ладошку ребенка, шагала элегантная белокурая женщина. Не принцесса — настоящая королева, совершенно не вписывающаяся в простенький деревенский пейзаж.

Его любимая. Новая мечта.

Председатель ввалился в дом первым.

— Привет, Андрюха. Встречай дорогих гостей, — и шепотом, — баньку, смотрю истопил... Воду хоть в бак залить не забыл, или как в детстве?

— Не забыл, Ильич, ничего я не забыл, — даже не оглянувшись на вопрошающего, кинул Таранов.

Путешественники переступили порог, и ему резко стало не до старого друга семьи.

— Привет, солнце, — прижал Настю к себе, — привет, чемпион, — потрепал по голове парнишку.

— А веник замочить не забыл? — не унимался председатель. — Им ведь сухим, что розгами — ни здоровья, ни удовольствия.

— И веник замочил... — прошептал, глядя в глаза любимой. — Я вообще подготовился серьезно. — И, отвернув свободной рукой Костю к окну, принялся по-взрослому, с жаром, целовать свою женщину.

Владимир Ильич еще с минуту потоптался на месте, будто припоминая, что еще повзрослевший охламон Тарановых мог сделать не так, а затем махнул рукой и вышел во двор.

На стол Андрей накрывал сам. Еще до приезда гостей он успел приготовить рыбу и вымыть для салата овощи. Оставались мелочи, и пока Настя с мальчишкой знакомилась с домом, справился и с ними.

— Тор, а где я буду спать? — Костя, чуть не поскользнувшись на гладком деревянном полу, влетел в кухню.

— Разобьешь нос — спишь в кладовке, не разобьешь — в моей комнате. Там две батареи и очень тепло.

— В твоей? — не веря своему счастью, переспросил мальчик.

— Помни про нос!

Андрей водрузил на стол блюдо с ароматной рыбой и довольно потянулся. На сегодня почти вся работа была закончена. Предстояло лишь перемыть всех в бане и утянуть Настю в дальнюю от детской комнату. К последнему пункту фантазия тут же подрисовала множество подпунктов, и от масштабности задуманного даже усталость куда-то испарилась.

— Скорей бы, — потер руки, предвкушая.

Через пару минут к блюду с рыбой добавилась и тарелка с салатом. Следом на столе появились тарелки и вилки. Закончив с сервировкой, Таранов вышел в гостиную и командным тоном произнес:

— Анастасия Игоревна, хватит уже наряды менять, марш руки мыть! — и обернувшись, добавил: — Тебя, Костя, это тоже касается.

— А у меня нет нарядов, — рассмеялся в ответ мальчишка.

— И рук тоже?

Не тратя больше времени, он подтолкнул младшего гостя в сторону умывальника, а сам

направился на поиски Барской. Слишком уж долго ее не было видно.

Настя нашла в маленькой спальне, именно той, которую отвел для них сам Андрей. Раскрытый чемодан лежал на полу, а его прекрасная обладательница задумчиво смотрела в окно на лесной пейзаж.

— О чем задумалась? — вопреки привычке, Таранов не стал ее обнимать. Остановился рядом, не касаясь.

— О том, какой была моя жизнь всего неделю назад, — не обернулась.

— Да... — Андрей невесело усмехнулся. Подобные мысли и ему не давали покоя. Даже представлять, как все могло обернуться, не хотелось. Проститься... С ней? Безумие.

— Я почти привыкла.

— Солнце... Если бы ты только знала, как я злюсь на себя, что не разобрался во всем раньше.

— У тебя была игра.

— А у тебя?

— А у меня... — она сама сделала шаг навстречу и тесно прижалась к мужской груди. — Раньше я сказала бы, что жила бы твоим счастьем. Сейчас понимаю — нет. Я бы ждала. Год, два, три. Не задумываясь, кто рядом с тобой, изменился ли ты или забыл о нашем романе. Просто ждала бы, и все. Глупо?

— Очень, — зарылся носом в ее волосы.

— Очень... Андрей, а ведь и сейчас я поступила бы так же. По-другому — не представляю.

— К счастью для нас обоих, выбирать больше не надо.

— Ой, ли?

— Не надо! — пробежал пальцами по спине, легкими касаниями пододвигая ее еще ближе. Обнял за талию. — Даже на ужин. Будешь есть то, что я приготовил.

— А иначе?... — лукавая улыбка озарила Настино лицо.

— В бане веником отшлепаю!

— Меня... веником?

— Тебя! — хмыкнул. — А знаешь... Точно, отшлепать тебя — это то, что надо! Веником, от души, чтобы и думать о всяких глупостях забыла.

— Варвар! — Настя уткнулась носом в ворот свитера, скрывая смех. — Мой самый любимый варвар.

— Прониклась идеей, значит. Отлично, — мужские ладони опустились пониже спины и по-хозяйски облапили ягодицы. — Тогда пошли есть, а потом приступим.

— На полный желудок?

— А мы не будем спешить, — и хитро подмигнул.

Недосоленную рыбу и пересоленный салат что проголодавшиеся гости, что довольный собой хозяин уплетали за обе щеки. Никто даже слова в упрек не сказал, а после еды Настя добровольно изъявила желание помыть посуду. Отказываться от помощи Андрей не стал. Предупредив, чтобы была готова, он подхватил белье и с Костей за компанию направился в баню. Мальчишку стоило помыть первым. С долгой дороги тот притомился и уже клевал носом. Таранову это было только на руку. Его вечер еще только начинался.

В отличие от Андрея, Настя с волнением дожидалась того момента, когда они останутся один на один. Не принесло покоя и мытье посуды. Непривычная обстановка, разговор до

ужина и полное неведение о задумке Таранова мешали расслабиться. Вряд ли он приглашал кого-то из своих прежних любовниц в деревенский дом. Слишком знаковое место, тем более для мужчины. Тогда что она здесь делает? К чему это знакомство с истоками, особенно сейчас, когда впереди у Андрея еще два года игры за океаном, а у нее — тяжелый процесс усыновления. Или он не понимает, как на самом деле все сложно?

В конец извести себя догадками помешал Таранов. Не прошло и пятнадцати минут, как он, улыбающийся и бодрый, вернулся в дом. Костя, с головы до ног замотанный в большое махровое полотенце, сладко зевал рядом. Полная противоположность кумиру. Впечатлений за день для мальчишки оказалось много. Перелет, поездка на старенькой машине и баня превратили стойкого будущего чемпиона в обычного ребенка.

— Почти недвижимость, — Таранов кивком указал на паренька. — Солнце, ты ступай. А я уложу его и присоединюсь.

— Справишься?

Настя с сомнением осмотрела обоих, но Андрей на это только махнул рукой.

Внутри баня оказалась светлой и просторной. Она совсем не походила на серое, крохотное строение, которое Настино воображение нарисовало до этого. В уютном прохладном предбаннике располагалась удобная лавка и столик. На противоположной стене висело овальное и, на удивление, совсем не запотевшее зеркало. Все простенькое, скромное, но вполне подходящее для хорошего отдыха.

Загадочно глядя на свое отражение, Барская сбросила одежду и направилась в парилку. Здесь было жарко и еще более необычно.

— Так, и где же душ? — но не успела она как следует осмотреться, как за спиной послышался шум.

Таранов вошел без ничего. Голый, только татуировки на руках и взгляд как у одетого по форме жандарма. От прежнего задумчивого настроения не осталось и следа.

— И какого... ты до сих пор в трусах? — хлопнув за собой дверь, нарочито сурово произнес он.

— А как? — изумление на лице Барской было неподдельным.

— Как, как... Как мама родила!

— Но, — осмотрелась, — это не гигиенично!

— Настя, снимай трусы! — Андрей с угрожающим видом медленно двинулся на нее. — В этой бане, кроме моей семьи, отродясь почти никто не мылся, так что бельишко долой.

— Я не...

— Быстро!

— Ладно, как скажешь, — она не стала больше спорить и демонстративно, одним пальчиком, потянула белье вниз.

Эффект наступил незамедлительно. Красноречивое доказательство мужского интереса живо откликнулось на простенький стриптиз, словно и не было позади тяжелого трудового дня. Не желая искушать судьбу, Таранов еще немного понаблюдал, но, поняв, что до добра это не доведет, взял в руки ковшик. Плеснул на себя холодной водой, а затем уже наполнил тазики. Торопиться ему теперь было некуда.

Насладившись результатом, Настя больше не вмешивалась. Уселась, поджав под себя ноги, на широком полке и наблюдала преображения в бане. Стоило Андрею плеснуть

немного воды на камни, как клубы пара поднялись от печки к потолку, наполняя все вокруг ароматами березы и дуба. На маленьком двухстворчатом окне колыхнулась смешная занавеска, и волна жара, сделав круг от печки, добралась до полка. Горячая туманная сказка, а соблазнительный обнаженный мужчина был в ней главным действующим лицом.

— Ты что, в бане никогда не была? — Андрей с веником в руках зачарованно наблюдал за эмоциями на любимом лице.

— Нет. Только в сауне, но там все иначе.

— М-да...

— Ты серьезно способен представить меня в какой-нибудь бане? — она отбросила упавшие на грудь волосы и по-царски выпрямила спину. — Да еще в компании с симпатичным банщиком...

— Дразнишься? — хмыкнул Таранов. — Дразнись! — и, проверяя веник, с глухим шлепком ударил по себе.

Веник рассек горячий поток воздуха, и влажные листья коснулись мускулистого плеча. Стало еще жарче. Пот тонкой струйкой устремился по широкой груди вниз. Засмотревшись, Настя сама не заметила, как стала кусать губы. Взгляд поплыл.

— Нет, мы так ни до чего хорошего не домоемся, — Андрей понял ее состояние. — Давай меняться.

— Что ты имеешь ввиду?

— Держи, — протянул веник. — Отведи душу. Мое тело в полном твоём распоряжении.

Настя даже сообразить не успела, как ее аккуратно сняли с полка. Так же быстро на нем оказался Таранов. Развалился животом вниз на влажной поверхности, подложив руки под голову.

— Вот это наглость! — Барская не могла не восхититься. Ее не просто проигнорировали — ее нахально оставили без сладкого. Первый раз в бане и в образе кого?! Возмущение так и рвалось наружу, и только прекрасный вид на редкостный образчик мужской красоты заставил придержать слова.

— Милая, полюбуешься позже, у нас еще вся жизнь впереди. Приступай! — весело скомандовал он, отвернувшись, на всякий случай, лицо к стене.

— Жизнь, значит... — веник резко опустился на поджарые ягодицы. — Вся?!

Андрей мудро помалкивал, с удовольствием принимая хлесткие удары. Идея отвести Настю в баню, как и вообще привезти в родную деревню, казалась все более гениальной. Заметила она то или нет, но хватило всего несколько часов, как городская изнеженная дамочка показала свою истинную пылкую натуру. Тигрица вырвалась из клетки. Еще чуть-чуть, и можно будет переходить к следующему этапу. Хитро ухмыляясь собственным мыслям, Таранов лениво произнес:

— Что-то ты меня паришь... Как не любимого.

Настя, смахнув пот с лица, удивленно остановилась.

— А что, мне тебя изо всей силы лупить?

— Да! — тело на полке немного поменяло позу, но на спину не перевернулось. — Со страстью, пожалуйста.

— Бить со страстью?

— Ага!

— Таранов, ты перегрелся!

— Солнце, это баня, а ты меня не бьешь, а гладишь. Лучше вспомни какую-нибудь

женскую обиду и лупи.

— Ты уверен? — на этот раз голос прозвучал угрожающе.

Андрей на секунду обернулся проверить реакцию. Слова попали в цель. Его ненаглядная могла сколько угодно пытаться сдерживать себя, но глаза уже вспыхнули азартным блеском. Загорелись ярче огоньков на новогодней елке, а ради такого и спины было не жалко.

— Только не прибеи совсем, — бросил короткую рекомендацию и расслабился.

Барская начала не сразу. Обиды не хотели выходить из тени. Разум поначалу пытался оправдывать и поступки Андрея, и свою собственную реакцию. Он цеплялся за хорошее, радостное, но увесистый веник в руке и раскаленный обжигающий воздух сильно мешали думать.

Равнодушное прощание в Канаде и выключенный скайп вспомнились внезапно. Получив то, о чем мечтал, он слишком легко расстался с ней. Повелся на игру, не приехав, не проверив... От внезапно нахлынувших эмоций и следа от контроля не осталось. Размахнувшись из-за спины, она яростно припечатала веник к пояснице и тут же принялась отыскивать следующую обиду.

Дело пошло.

— Ох! Хорошо припекло. Даже боюсь спрашивать, о чем таком ты вспомнила.

— Правильно. Бойся, — она снова замахнулась, чувствуя, как удовольствие и освобождение растекаются приятным огнем по напряженным мышцам.

Намеки на бурную личную жизнь за океаном всплыли вторыми. Не забылось, как ни гнала от себя ревнивые мысли.

— Так сколько, говорил, любовниц у тебя было в Канаде? — Настя придирчиво осмотрела веник на предмет надежности.

— Да сколько бы ни было, разве важно? Любимая-то у меня одна.

— Не смей... — шлепки посыпались один за другим. Досталось и плечам, и ногам. Таранов весело охал, поражаясь, откуда у Насти взялось столько силы. — Не смей...

Чуть не падая от усталости, она отшвырнула от себя веник и рухнула на скамейку. Ни гигиена, ни собственная внешность больше не волновали. "Любимая у меня одна" — фраза, услышать которую и не надеялась, а он...

— Иногда, Андрей, лучше молчать.

Вымоталась. Волосы прилипли к лицу, щеки разругались, а волнуяще вздымающаяся грудь чуть не заставила Андрея забыть все свои планы. Залюбовался. Немного безумная, растрепанная, дерзкая — и это все его женщина.

— Видела б ты сейчас себя...

— Это ты во всем виноват! — заметив удивленный взгляд, Настя поспешила оправдаться.

— Да нет. Мне как раз нравится. Так нравится, что сдержаться бы! — Таранов спрыгнул с полка. — Настя...

— Не говори ни слова!

— Я люблю тебя, — Андрей рывком заставил ее подняться на ноги и обнял.

Молчание. Казалось, она даже не дышит. Ни слова, ни взгляда. Все тело в напряжении.

— Давно надо было сказать, еще тогда, но... — тяжело вздохнул. — Не умею. Думал, все и так ясно, а когда ты не приехала... Проклятие! Не хотел бы я снова пережить подобное.

Сказанное доходило до сознания медленно. Слова терялись, мысли путались. Настя

невидящим взглядом смотрела перед собой, сквозь него, и боялась поверить. Он любит? И любил тогда? Несмотря на все трудности: ее проблемы, ее страхи, ее возраст. Был рядом не из-за удобства и комфорта, а потому что любил.

— Это ничего не меняет. Осенью тебе придется вернуться, а я не смогу... — прошептала, зажмурилась, чтобы удержать слезы. Привычные опасения выстроились плотной стеной между желанной и привычной реальностью. Она попыталась спрятать лицо в ладонях, но Андрей не позволил. Удержал.

— Я никуда не поеду. Это решенный вопрос.

— Как?

— Так. Контракта больше нет. Расторг.

— Но ведь... — Настя попыталась вывернуться. Внутри все протестовало. Не верилось.

— Не получается у меня без тебя жить нормально, — провел большими пальцами по ее губам. Целовать не решился. Рано. — Пробовал. Не выходит.

— Андрей... А если и со мной не выйдет?

— У меня или у тебя не выйдет?

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю! — ладонями уперлась в мужскую грудь, толкнула.

— Ну, если у тебя не получится... — он крутанул ее вокруг оси и, спиной прижав к себе, на ухо прошептал, — разведешься. Хотя... Никуда я тебя не отпущу. Моя!

— Ты сумасшедший.

— А вот с этим тебе придется смириться, — и пока она не успела сказать еще какую-нибудь глупость, подхватил на руки и бережно уложил на полке. — Все, предлагаю перейти от теории к практике.

Роли сменились. Таранов поддал жару и взялся за веник. Медленно продвигаясь от ног к плечам, он принялся по-настоящему и основательно парить свою недоверчивую драгоценную женщину. Никто никуда не спешил. Веник ритмично поднимался и опускался на разгоряченную кожу, словно разгонял ненужные мысли и прежние страхи. Каждый взмах как вопрос, каждый удар как точка. Заботливо и настойчиво. Любя.

Из бани вернулись нескоро. А когда вернулись, оказалось, что их уже ждут. В кухне шумно хлопотала пожилая женщина, а высокий мужчина ее возраста важно расхаживал по гостиной, рассказывая Косте забавные случаи из детства его кумира. Увлеченные своими делами, Настю с Андреем все поначалу не заметили.

— Кто это? — уже догадываясь, какой будет ответ, шепотом спросила Барская.

— Твоя будущая семья, — также тихо ответил Андрей. — Старшее поколение!

— Ох... — она смущенно осмотрела свое одеяние и попыталась спрятаться за широкой спиной Таранова. — Я не готова.

— Ничего страшного, — тот, как пугливого котенка, вытянул ее обратно и поставил перед собой. — Корону оденешь позже, а сейчас просто будь собой.

— Собой? — взгляд снова опустился на тонкий шелковый халат, смешные тапочки, любезно предоставленные Андреем, и шерстяные носки.

— Шикарно выглядишь!

— Врун! — она с трудом сдержала смех.

— Есть немного, — ущипнул за бок. — Но замуж ты все равно за меня выйдешь!

— Таранов, это ты так мне предложение делаешь? — опешила.

— Я потом, в ресторане, исправлюсь, а сейчас пошли, — шлепнул по попе, — благословение принимать.

Благословение было громким и радостным. С крепкими объятиями, восторгами и причитаниями. Настя строго-настрога запретила себе удивляться, а не спускавший с нее глаз Андрей восхищенно наблюдал, как светская львица и богатая наследница Анастасия Игоревна Барская превращается в счастливую, цветущую, совсем еще молодую девушку. В любимую невестку и будущую мать его детей.

Дом справился со своей задачей, осталось справиться и ему. Оберегать и хранить это чудо, ни на миг не забывая, как сильно ему повезло в самой важной игре — в жизни.

Январь следующего года.

Фойе роддома.

Несмотря на раннее утро, посетителей под дверью родильного отделения собралось немало. Будущие бабушки, отцы, сестры и просто подруги. Словно сидя на пороховой бочке с зажженным фитилем в руках, каждый готов был взорваться в любой момент. Все ждали новостей, каждый своей, а минуты в напряженной атмосфере тянулись медленно.

Ближе всех к двери находились трое. Представители трех поколений. Совершенно не похожие друг на друга мужчины, которые даже волноваться умудрялись по-разному.

Исходя вахтеров и медсестер, по коридору раненым зверем расхаживал молодой мужчина. Двое спутников, старик и мальчик, смирившись с мельтешением перед глазами, уже и не пытались усадить его на место.

— Ты бы хоть ребенка сюда не тянул, — старший недовольно поджал губы.

— Пытался, — так же сквозь зубы ответил мужчина. — Не возьмешь его...

— И одеться мог бы прилично, — указав взглядом на носки разного цвета, снова возмутился старик. О том, как сам в спешке надел рубашку шиворот-навыворот, он предпочел не распространяться. Пиджак и пальто надежно скрывали позор, а секретарша к странному поведению начальника уже привыкла. Заметит — смолчит.

Будущий папаша посмотрел на свои ноги в не по-зимнему легких кроссовках и отмахнулся. Сегодня ему было не до ребусов с гардеробом. До общения с дядей жены, в общем-то, тоже, будь тот хоть трижды спонсором его команды.

— И этот человек будет воспитывать мою внучку! — уткнувшись в стопку документов, проворчал будущий дедушка.

Две пары глаз недобро посмотрели в его сторону.

— Знаете, Александр Михайлович, — молодой мужчина сжал губы в нитку, выровнял дыхание и только потом продолжил: — Одну после вас перевоспитал и с этой справлюсь!

— Хоккеист! — надменно.

— Капитан команды! — не менее надменно прозвучал ответ. — Вашей!

Неизвестно, во что вылился бы этот спор, не вмешайся третий, самый младший.

— А почему у вас бумажки перевернуты? — мальчишка, не отрываясь, смотрел на стопку листов в руках своего пожилого соседа. Перевернутые страницы он заметил и раньше, но вмешиваться в разговор взрослых не решался. — Вы умеете так читать? Здорово!

Искреннее удивление паренька заставило соседа покраснеть.

— Нет, ну это невозможно! — он резко захлопнул папку с документами и поднялся. — Бедная моя девочка, как она только с вами...

Договорить он не успел. В фойе вошла улыбающаяся медсестра и, осмотрев пеструю толпу ожидающих, спросила:

— К Тарановой кто?

Тотчас возле нее строем выстроились трое.

— Муж, — охрипшим голосом произнес первый.

— Отец, — старший попытался любезно улыбнуться, но напряженные мышцы лица свело словно параличом.

Младший обвел серьезным взглядом своих спутников и уверенно выдал:

— Сын.

— Поздравляю... — совсем еще молодая девица кокетливо спрятала под шапочку кучерявую прядь и, стараясь не глазеть на хоккеиста, возвестила: — Роды прошли хорошо. Таранова уже в своей палате, отдыхает. Девочку ей принесут с минуты на минуту.

Мужчины громко облегченно выдохнули, не скрывая на этот раз своих эмоций.

— К ней можно попасть? — молодой отец с надеждой посмотрел на дверь за спиной медсестры.

— Э... — та замялась. — Завтра вы сможете...

— Милочка, — вмешался новоявленный дедушка. — С главным врачом касательно этой роженицы была отдельная договоренность. И не только о VIP-палате и обслуживании.

— Но...

— Мне позвонить ему?

— Ладно, — девушка недовольно цокнула языком. Обычно главврач оставлял без внимания причуды даже очень состоятельных пациентов. С Тарановой же все было наоборот. — Если сам Николай Семенович... Но только на минуточку!

Трое, на ходу надевая одноразовые бахилы, уже готовы были ринуться к двери. Младший справился первым.

— Господа! — медсестра перегородила вход. — Только один! Никаких массовых посещений. У нас не санаторий.

Мужчины коротко переглянулись, и старик, взяв за руку мальчишку, отошел назад.

— Иди, — вздохнул он. — Я посижу с Константином. Насте передай, что ею гор... люблю.

Настя зачарованно смотрела на своего ребенка. Несмотря на пережитую боль и многие месяцы ожидания, не верилось, что это чудо часть ее. Ее дочь. Крошечная девочка с маленькими розовыми губками и голубыми глазами. Еще одно неожиданное счастье, подаренное ей любимым мужчиной.

— Привет, — ласково прошептала она малышке. Потрескавшиеся губы растянулись в улыбку, а в носу зацепило от подступивших слез.

— Привет, — словно в ответ послышался такой же шепот. Из-за двери показалась фигура мужа.

Он хотел сказать еще что-то, но маленький сверток в руках любимой едва заметно пошевелился, и слова потерялись.

— Андрей, — улыбка на лице женщины стала еще шире. — Это наша малышка. Она такая...

Мужчина на негнущихся ногах подошел к кровати, и тут, будто приветствие, раздался короткий детский всхлип. Дочка. Крошечное, сморщенное чудо. Его. Голубые глаза на миг приоткрылись, и новоявленный папаша чуть не лишился чувств. Как удар под дых. Предатель-язык, казалось, намертво прилип к небу, а сердце бухнуло о грудную клетку, останавливаясь.

— Ох... — воздух со свистом вышел из легких.

— Да, — Настя поцеловала дочку в лоб. — Никогда бы не подумала, что можно быть настолько счастливой. Спасибо тебе, любимый.

— Что? — Андрей обалдело перевел взгляд с дочери на жену. — Солнце... Я присяду. — И, как подкошенный, опустился на стул возле кровати.

Это было несравнимо ни с чем. Никакая игра, никакая победа даже рядом не стояли с ощущением бесконечной радости от вида собственного ребенка и любимой женщины. А ведь готовился, тысячу раз представлял себе это, и все не так. Сильнее, ярче, пронзительнее. До слез. Сухих, позорных мужских слез.

— Я люблю тебя, — Настя без слов понимала его чувства. Это стоило всего на свете, любых испытаний и невзгод. Ради этого она готова была заново пережить и пургу, и откровение, и разлуку. Ради голубых глаз дочери, ради безумно красивых счастливых глаз мужа, ради ожидающего встречи уже совсем нечужого мальчишки.

Племянница, мать, жена, любимая... Разные названия, и каждое как фрагмент ее новой себя. Новой Насти, настоящей и счастливой.

Только с ним. Навсегда.

Больше книг на сайте - Knigolub.net